

"Ты у меня одна (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Оксана Сергеева

Ты у меня одна

ПРОЛОГ

На звонок Шаурин ответил не сразу, а только с третьего раза. Но если бы понадобилось, Алёна и раз сто бы его набрала.

И плевать с высокой башни на его занятость!

— Да, Алёна.

Приветливое безразличие в его низком голосе ни капли не удивило, но взорвало. Хотя сегодня ее и нежный шепот взорвет, и даже молчание.

— Ты совсем охренел?! — вскричала безо всякого приветствия, совсем сейчас не до реверансов. Переживет как-нибудь Иван Царевич. — Ты что о себе возомнил!

— Подожди, — внушительно попридержал он ее пыл, и Алёна дрожаще вдохнула, набирая в легкие жаркий воздух городской улицы.

Шаурин, наверное, там опешил от ее истеричного выпада. Еще бы! Такого ни разу от нее не слышал. Дождался! Да и проораться как следует повод есть. У всех свой предел, она тоже не железная.

В трубке ясно слышались голоса и какой-то посторонний шум. Потом что-то гроыхнуло, похоже, дверь захлопнулась. Стало тихо, и Ваня, теперь уже с явным раздражением и странной готовностью выслушать ее вопли, сказал:

— Продолжай. На чем ты там остановилась.

— Меня сегодня уволили!

— Очень скорблю по этому поводу. Только какое я к этому имею отношение?

— А что - нет?! Твоему Величеству мало, чтобы я просто исчезла с поля зрения, хочешь меня совсем со свету сжить? Прямо удивительно, как это я своим недалеким умишком смогла связать наш последний разговор и увольнение! Это же только ты у нас мастер по причинно-следственным связям. Действительно, удивительно! — саркастически изливалась она, не замечая внимания прохожих.

Завизжали тормоза машины, ухо резанул яростный рев клаксона. Алёна отскочила на тротуар и замерла, не отнимая телефон от уха. Покрывшись ледяной испариной, словно на землю вернулась: плечами почувствовала палящее солнце, глазами выхватила из текущей людской толпы недоуменные взгляды.

— В гробу я тебя видела, Шаурин, и в зернах бурмицких*, — тихо сказала и выключила телефон. Хотя так недолго и самой в ящик сыграть. Совсем разум потеряла, как ослепла, выскочила в запале на проезжую часть, чуть не попав под машину.

Сунув телефон в сумку, Алёна перекинула длинный ремешок через плечо и быстро пошла домой. Куда еще? Домой. Чтобы в одиночестве наглотаться соленых слез и наораться в подушку. Почти бежала, благо босоножки на плоской подошве позволяли. В прихожей на

диване бросила сумку и ключи, поспешила в ванную, посмотрела в зеркало, неровными движениями вытерла мокрые щеки. Все молча, без всхлипов и стонов. Ринулась с спальню, чтобы скинуть с себя одежду. Разделась, сбросила все и, оставшись в одном белье, начала метаться по комнатам, словно забыла, что должна сделать. Никак не могла выбрать, что на себя надеть, будто от этого что-то теперь зависело; а взявшись за чашку с чаем, осознала, что ни пить, ни есть, не может. Носилась по квартире не в силах усмирить колотящееся сердце, трясущимися руками вытирала слезы. И силой воли соскребала со скулящего разума остатки здравого смысла.

Понятно, что без работы она не останется, у нее и опыт, и имя. Но чтобы вот так в одночасье выбить почву из-под ног...

Дверной звонок ударил в виски тупой болью. Алёна пружинисто соскочила с дивана. Она и чувствовала себя скрученной до отказа пружиной, кажется, лишь капли, чтобы сорваться, не хватало. Понеслась к двери, уже в прихожей притормозив. Да и то, потому что увидела в темной дверце гардеробного шкафа свое отражение. Себя увидела в лифчике и трусиках. А рванула так по привычке, потому что последнее время только одному человеку открывала дверь. Его могла и голой встретить. Но то было раньше. Черт подери! Вернулась в спальню, натянула шорты, нырнула в первую попавшуюся майку.

Дверь открыла с внутренним ожиданием Шаурина, а как увидела, так захотелось его за порогом оставить, а самой на все замки закрыться. Доли секунды не хватило, он, разумеется, не стал спрашивать разрешения войти, вломился, силой толкнув дверь, так что Алёнка отлетела назад.

Думала, что Иван с порога начнет орать, но нет. Он быстрой собранной походкой проследовал за ней в гостиную и застыл перед диваном, на который сама Алёна забралась с ногами. Сначала долго и пристально Шаурин изучал ее заплаканное лицо. Потом его подбородок чуть поднялся вверх, губы сильнее сжались, и на лице мелькнуло высокомерие.

— Объяснись.

— А что объяснять? Я тебе сказала: меня сегодня уволили. — Слава богу, что голос не дрожал!

— И ты решила, что я этому как-то поспособствовал?

— А что - нет? — оцепенело замерла, с трудом выдерживая его яростный взгляд.

— Страсти-то какие. Нет! — сказал, как заклеимил.

— Нет? — не веря, переспросила она. — Тогда я вообще ничего не понимаю... — запустила пальцы в светлые волосы, затем потерла горящие щеки. И тут же остановила себя, запретила делать эти бессмысленные движения.

Ваня шевельнулся, подался немного вперед, Алёна, напротив, попыталась вжаться в мягкую спинку дивана.

— И у тебя на работе не было проблем? — опасно вкрадчиво начал выяснять подробности конфликта.

— Никаких.

— Ни выговоров, ни жалоб? Ты не нарушала этический кодекс?

— Нет.

— И твое руководство, как я понимаю, совсем не волнуют возможные проблемы с трудовой инспекцией и прочими службами?

— Это у меня будут проблемы, если я завяжусь с трудовой инспекцией или подам в суд, или еще что-то предприму. Я потом не смогу никуда устроиться и вообще работать по профессии. Ты прекрасно знаешь нашу специфику. Удалят из реестра психологов и аминь.

Его напускное спокойствие сошло. Он побагровел, ринулся к стеллажу с книгами, нашел там какую-то тетрадь и карандаш.

— Пиши, — швырнул ей то, что взял с полки.

— Что? — непонимающе посмотрела на него.

— Полное название вашей конторы. Кто руководитель.

— Зачем тебе?

— Пиши!

Алёна не притронулась ни к листку, ни к карандашу.

— Пиши и не трать мое время, или я сам узнаю! — оглушил ее криком, и она, раскрыв тетрадь, тут же нацарапала все, что он просил, матерясь про себя, что рука у нее дрожит. Разумеется, это дрожание от Шаурина не укрылось. Едва поставила точку, Иван выхватил у нее листок и несколько раз пробежался глазами по строчкам. Выдохнув, достал сотовый. Набрал номер и, пока шли гудки, снова перечитал написанное. Когда ему ответили, отбросил тетрадь.

— С Олегом Николаевичем меня соедините, — уверенно сказал он. — Шаурин... Иван Денисович. Подожду.

Показалось, или у него в телефоне что-то прозвучало про «приемную губернатора»?

Шаурин не стал разговаривать при ней, вышел на лоджию и прикрыл дверь. Алёна только слышала его гулкой голос. Иногда смех. Такой выученно-мягкий заготовленный смешок.

Показалось, что разговаривал он целую вечность. Когда вернулся, был спокоен.

— Твое начальство там подохрело маленько, да, Мурка? Ничего, сейчас минут через пятнадцать-двадцать тебя пригласят обратно. Можешь даже повыделываться, пусть поуговаривают. — Остановился перед ней, поглядывая на телефон и держа его так, словно готов поднести трубку к уху. Как будто звонка ждал.

— Ты надеешься такой вопрос решить за пятнадцать минут? — удивилась она, чувствуя, как отвратительно уютно стало находиться с ним в одной комнате после того, как он привычно назвал ее Муркой.

— Я не надеюсь, я решу. Иначе ваша шарашка исчезнет с лица земли.

— Кому ты звонил? — голос ее совсем стих. — Ты же не Крапивину звонил?

— Почему не Крапивину? — усмехнулся он.

— Зачем?

— Как - зачем? Кто-то, имея проблемы, звонит знакомому гаишнику; а я, когда у меня неприятности, звоню знакомому губернатору.

— Ваня, это слишком... Я все равно теперь не смогу там работать, — выдохнула она шокировано.

— Кому слишком - тебе? Мне - нет. Или ты так и не поняла, с кем встречалась? И ты будешь там работать! Я человека побеспокоил, оторвал от дел! Потому ты будешь и дальше там работать! Можешь не переживать, для тебя теперь вообще все дороги открыты, с тебя будут пылинки сдувать и рта не посмеют против открыть.

— Да я не хочу!.. — Ее затрясло. — После всего этого маразма!

— Тогда какого черта ты меня дернула? — рявкнул.

— Я дернула? — удивленно воскликнула. — А разве я просила решать мои проблемы? — принялась защищаться, хотя прекрасно знала, что Шаурин не из тех, кого можно утопить одним веским доводом. Он и сам может долго водить по кругу, а потом все равно ловко загонит в угол.

— И правда не просила, — подумав, согласился он и улыбнулся холодно. — Что вполне объяснимо, ведь правда? Это же, как ты тогда сказала, паттерн. — Снова улыбнулся и продолжил издевательски. — Доктор, тебе ли не знать, как непросто ломать устоявшиеся схемы поведения. Тут не обойтись без квалифицированной помощи. А если клиент не настроен на глубокую личностную проработку, то это практически невозможно, да? У тебя майка шиворот-навыворот, — вдруг сказал он.

— Что?.. — принялась осматривать себя.

Твою ж мать... И правда напялила белую майку швами наружу. Пальцы дрогнули: снять бы ее да вывернуть, надеть как положено. Но не при нем же теперь раздеваться, но и уйти в другую комнату себя заставить не могла.

— Когда ты меня потеряла, ты так не убивалась, не ревела, как сейчас из-за своего увольнения, — сказал напряженно.

То, что не ревела, правда. Все эти дни не ревела, а сегодня словно прорвало. Думала, с ума сойдет.

— Ты спросил... или думаешь, что я так и не поняла, с кем встречалась. Я поняла. С первой секунды поняла. В том-то и дело, Ванечка, что встречалась я с тобой. С тобой! Не с сыном Шаурина, не со знакомым губернатора, а с тобой! И если ты этого не понял, то тогда... — Ее пылкая речь оборвалась. Алёна заикнулась и сглотнула.

— Тогда - что? Ну? Договаривай, — мягко подтолкнул он. Она молчала, только вздыхала глубоко, словно воздуха не хватало. — Самое примечательное, что вопрос: «Почему ты со мной встречалась?» для нас неактуален. Главное, как ты со мной встречалась. Хочешь я расскажу тебе - как?

ГЛАВА 1

— Небритый, лохматый... И в кого ты превратился?

— В чудовище, мама. Надо срочно найти принцессу, пусть расколдует.

Привычная ирония сына вызвала улыбку. С нескрываемой нежностью Юлия провела рукой по его темным волосам и отошла, чтобы налить кофе.

— Почему таблетки не пил? Ничего не тронуто.

Иван усмехнулся: мама удивительно владела голосом, мастерски быстро перескакивая с ласкового тона на менторский, командный. Издержки профессии, что поделать.

— А может, я хочу, чтобы ты их мне, как в детстве, в кашу подмешала.

— Ваня, это не смешно, — одернула строго. — Ты же знаешь, как я переживаю. Я из-за каждой мелочи переживаю.

— Знаю, — кивнул сын, голосом выражая понимание. — Все же хорошо. Ты лучше овсянки свари — дай покайфовать.

— Кайфуй, — положила перед сыном таблетки и поставила стакан с водой. — Кате позвони, пусть спускается кофе пить.

Таблетки Иван, конечно, проглотил. Позвонил сестре, потом несколько секунд наблюдал за матерью. Как плавно и степенно она двигалась, все делала с каким-то особым шиком. Что называется, жила со вкусом и не терпела небрежности — ни в словах, ни в действиях.

— А ты парикмахера сменила? — взял чашку с кофе и вдохнул крепкий аромат, прежде чем отпить. — Как-то не так тебя в этот раз постригли.

— Да, пришлось. Моя девочка уехала в Америку. — Юлия чуть подтянула на коленях широкие льняные брюки и уселась на высокий стул. — Нравится? — поправила пышные пряди.

— Да. Оригинально. Стильно. Ярко. Тебе идет, — одобрил новую прическу матери — градуированное каре с удлиненными передними прядями. — Пошли в ресторан.

— Приглашаешь? — хмыкнула.

— Конечно, — улыбнулся сын.

— Давай завтра, сегодня уже нет.

— Давай. А что отец сказал? Оценил? Ему понравилось?

— Ему все нравится. Ему всегда и все нравится.

— Это же классно.

— Классно. Но мне хочется слышать комплименты почаще и своего мужа, а не только от сына и посторонних мужчин.

— Мама, ты шикарна. Вот только Денису Алексеевичу не говори про посторонних мужчин, — ухмыльнулся.

— Ты же меня не выдашь?

— Я? Нет, — заверил с улыбкой и посмотрел в сторону входной зоны.

— Я все слышу! — крикнула приближающаяся сестра. — Мама я тебя сдам. Считаю - уже сдала. Это же моя святая обязанность. — Повисла на Ваньке, обхватив его сзади за плечи. — Ва-а-нечка, — протянула манерно и ласково, и принялась расцеловывать брата, пригибаясь то к одной, то к другой щеке.

— Катюша, осторожно, — укорила Юлия, — у него в руках горячий кофе, обожжетесь оба.

— Значит - надо убрать кофе, — пробормотала дочь, последний раз смачно чмокнула брата и крепко прижалась к его спине. — Мама, ну как я могу не повисеть на нем? Он же только вчера прилетел, весь такой загореленький, красивенький, еще свеженький и чистенький, никем не зацелованный и не пахнущий женскими духами. Сейчас же снова начнет шляться по бабам.

— Прямо сегодня и начну. Кофе вот только допью и сразу пойду шляться.

— Конечно. Будешь шляться по своим непорядочным шлюхам, — шутливо рыкнула сестра.

— У меня все шлюхи порядочные.

— А что шлюхи бывают порядочными? — съязвила Юлия. — Вы не могли бы обсуждать это там где-нибудь... у себя в кулуарах?

— Могли, — усмехнулся Иван.

— Ой, мама прости, — ахнула дочь, — я и забыла, что я таких гадких слов не знаю.

— В общем, — подвел Ваня итог, — ты поняла, Юлия Сергеевна, что как мать ты провалилась.

— Определенно.

— Вот такая у нас жестокая реальность, — отчеканила Катя. — Она такая жестокая, что пишется через «ы».

— Все - Ванька вернулся теперь я снова на последнем месте, — прозвучал сзади голос отца, и Катя вздрогнула, радостно засмеявшись.

Юлия улыбнулась: заметила, как Денис неслышно вошел сквозь стеклянные двери террасы, но виду не подала.

— Папенька, вот что ты такое говоришь! — с преувеличенной страстностью воскликнула Катя. — Твое место никто и никогда не займет. Ты всегда на первом. У нас с Ванечкой давно все поделено: он - маменькин сынок, а я папенькина дочка.

— Видимо, только это позволяет вам сосуществовать мирно, — хмыкнул отец.

— И это тоже, — просияла Катюша и, бросив Ваньку, тепло прижалась к груди отца. — Вот как ты мог... взял и сам снял галстук, — шутливо нахмурилась дочь, стаскивая с шеи развязанный галстук.

— Все Катечка, теряешь позиции, отец сам с себя галстук снимает. Никакого к тебе доверия, — поддел Ваня.

— Да не может такого быть! — Катя взяла свою чашку и отхлебнула, потом отошла, чтобы налить кофе для отца. Денис сел рядом с женой, вздохнул устало.

Ваня отставил свою чашку.

— Папенькина дочка, иди собирайся, а то я сейчас поеду.

— Уже пошла, — отсалютовала Катя.

— Дурки вы оба, — улыбаясь, мама покачала головой. — Одному двадцать восемь, второй — семнадцать, а ума...

— А ума у меня уже на двадцать семь, — заявила дочь.

— Вот кого ты воспитал? — шутливо упрекнул Иван отца. — Принцесса.

— Не принцесса я, королевна! — крикнула Катюша, удаляясь. — Екатерина Великая я!

— Я воспитал? Это ты ее воспитал, — усмехнулся отец. — Сам как? Живой? — спросил коротко, но посмотрел тепло и участливо.

— Нормально, горло только болит. Акклиматизация, как обычно.

— Еще бы ты таблетки вовремя пил... — снова упрекнула Юлия сына.

— Работать собираешься? — спросил Денис, принося губами к чашке.

— А чё надо? Если сильно надо, то могу собраться.

— Сильно надо, сильно.

— Эх, ну что за жизнь... — простонал сын. — Мне прям сразу захотелось снова свалить на Гоа.

— Ванечка, ку-ку, — позвала сестра, перекидывая ремешок сумочки через плечо.

Иван прокашлялся и слез с высокого стула. Друзья уже ждали его в ресторане. Не очень хотелось ехать, не то было самочувствие для компанейских посиделок, но обещал.

— Вернешься к нам сегодня? — поинтересовалась мать.

— Нет. К себе поеду. Голова трещит как после хорошей попойки.

— Позвони.

— Обязательно. Всех обнял, поцеловал.

— Твою ж мать... — пробасил кто-то возмущенно. Тут же раздался звук битого стекла, и все обернулись. — Куда ж ты... — мужчина оторопело смотрел то на испуганную официантку, то на свой светло-серый пиджак, по которому расползались красные пятна томатного сока. И как только эта девка умудрилась налететь на него! Хорошо вечер начался, ничего не скажешь.

— О, господи... — девушка, кажется, и сама была шокирована произошедшим. — Простите, я...

— Иди уже отсюда, — нетерпеливо отмахнулся от ее объяснений.

— Простите...

— Иди, — теперь и жестом отмахнулся, не только словом, желая, чтобы она поскорее скрылась с глаз.

Официантка отступила, освобождая проход в зону вдоль витражных окон, где расположились друзья. Их столик находился за невысоким деревянным ограждением, которое служило скорее элементом декора, ибо от глаз других посетителей ресторана совсем не скрывало.

— Шаур, вот стоит только тебе появиться — девки сразу с ног валятся, — сыронизировал Костя, когда Шаурин подошел ближе.

— Ничего не могу с ними поделать, — хмуро отозвался Иван, усаживаясь в удобное кресло. — Вот только я как-то привык, чтобы коктейль отдельно, Маргарита отдельно. — С видимым раздражением взял с тарелки льняную салфетку, понимая, впрочем, что она уже ничем не поможет: пиджак безвозвратно испорчен. И все равно прошелся пару раз по ткани, и бросил салфетку на стол.

— Шаур, ты чего? Надо было администратора вызвать, а то понабрали криворуких. Твоя человечность просто не имеет границ, — с едва заметным сарказмом продолжал высказываться Костя Татарин.

— Это бесчеловечность границ не имеет, а человечность — еще как. А у моей человечности, Татарин, границы есть. И вполне определенные, — сказал Иван с едва заметным нажимом. Давления было больше во взгляде, чем в словах. Татарину этого хватило, чтобы отстать. Впрочем, Шаурин не собирался повторять два раза. Шевельнул крупными плечами, снял испачканный пиджак, оставшись в белой футболке. На груди у него красовался Че Гевара.

Только теперь он прошелся взглядом по всем присутствующим. Неспешно прошелся, открыто. Словно искал что-то, но без явного интереса. Алёна даже не удивилась, что на ней он задержался чуть дольше. Естественно. Она же для него новое лицо. Как, впрочем, и он для нее. Их друг другу не представили, а сам Ваня не посчитал нужным уделить ей какое-то внимание, поинтересовавшись именем. Что Алёну, собственно говоря, ни капли не расстроило. Видимо, казус с официанткой всех немного выбил из колеи, и на какое-то время в центре внимания оказался испачканный пиджак Шаурина.

— Что будете заказывать? — немного погодя рядом не очень смело прошелестел женский голос.

Иван поднял глаза и усмехнулся:

— Ты меня преследуешь? — спросил у той самой официантки, которая несколько минут назад облила его соком. — Что за день сегодня... Страшно представить, чем он закончится.

Девушка покраснела и молча щелкнула авторучкой.

— Кофе. Надеюсь, ты меня не ошпаришь? И чизкейк. Ягодный.

— Да. Отличный выбор, я бы его очень советовала, — проговорила совершенно искренне

девушка.

— Чудесно. А кофе - со сливками, — уточнил.

После того как официантка приняла заказ и отошла, Ваня обратил свой взгляд на счастливую парочку - Игоря и Свету.

— Света, счастье есть? — спросил и чуть улыбнулся.

— Есть, — отвечая на его вопрос, Светка расплылась в радостной улыбке. Хоть убей, не могла Алёнка точно сказать, от того самого ощущения счастья ли та разулыбалась, или Ванькино внимание ей так польстило. Не то чтобы оно, внимание, должно было быть необычным, раз они дружат и общаются, но от него в ее сторону заметно повеяло теплом. Немудрено, что она так среагировала.

— Когда свадьба?

— Через месяц.

— Это мы типа помолвку празднуем?

— Типа да, — подтвердил Игорь. — А потом мальчишник и девичник.

Для Шаурина принесли кофе и десерт. На этот раз он не стал волновать краснеющую официантку своими придирками: даже не взглянул в ее сторону, а только чуть отодвинулся, позволяя поставить тарелку и чашку на стол.

— Надо вместе - и девичник, и мальчишник.

— Почему это? — переспросила Света.

— Потому что водка без девок - деньги на ветер.

— Ваня, ты сейчас наговоришь, — смеясь, упрекнула счастливая невеста.

— Так это Игорёша женится, а не мы. Нам веселье подавай, да, Макс?

— Шаур, ты, как всегда, мыслишь в совершенно правильном направлении, — довольно кивнул Журавлев. — Вот проводим тебя, Радченко, во взрослую жизнь, а потом ты нам и расскажешь, есть ли она, та самая жизнь, после свадьбы.

— И чего мы тогда сидим? — спохватился Татиринов. — Водка уже нагрелась.

— Сухое? — Иван указал на бутылку белого.

— Угу, — подтвердил Максим и наполнил его бокал.

— Тогда я, как уполномоченный представлять интересы жениха, возьму на себя смелость провозгласить тост. За счастье молодых, пусть им живется, как в раю! — зашумел Татиринов.

— Ну ты прям совсем коротко. Неужто все слова истратил? — усмехнулся Максим и посмотрел на Алёну. Та ответила ему понимающей улыбкой и отпила вино. Потом посмотрела на сестру: Вика при появлении Шаурина вся подтянулась.

— А чего Валет? Опять на велосипеде катается? — спросил новоявленный жених у Шаурина.

Ваня засмеялся:

— Не напоминай мне про эти велосипеды. Придурки, блин. А Валет... Ты же его знаешь. У него шило в одном месте. Хочет пятьсот дел за один день сделать, а в итоге никуда не успевает. — Принялся размешивать сахар в чашке. И ложечкой он водил по дну против часовой стрелки. Может, кто-то не придумал бы этому значения, но для Алёны этот факт показался примечательным. Не многих людей она могла бы вспомнить, кто размешивает сахар в чашке строго против часовой стрелки.

— А ты всегда с десерта начинаешь? — с многозначительностью в тоне полюбопытствовала Вика.

Алёнка, втайне усмехаясь, замерла взглядом на двоюродной сестре.

— Конечно, — Шаурин кивнул. — Чтобы не было повода задержаться. И кстати, чтобы молодые были счастливы, свидетели должны переспать. Кто у нас подружка невесты?

— Виктория, — с каким-то удовольствием в голосе сообщил Максим Журавлев.

— Ваня, ты какие-то глупости сейчас говоришь, — Вика готова была оскорбиться.

— Это не глупости, Вика, это народная примета. Традиция такая, если хочешь знать. А традиции надо уважать. Ты же хочешь, чтобы твоя подружка была счастлива, так сделай доброе дело.

Алёна снова сдержалась, чтобы не расплыться в улыбке. Ей ли не знать, что будь Ваня на месте Кости Татарина, сестра сама бы настояла на поддержании этой традиции. Но придется, как видно, Вике стерпеть этот удар по самолюбию и немного задвинуть свои планы. Сложноват для нее типаж. Положа руку на сердце, Алёна и сама появления Шаурина ждала с каким-то нездоровым любопытством. Жуть как интересно было посмотреть на человека, от одного имени которого Вика впадала в истерику. Наверное, это единственное, в чем с ней можно согласиться: тут есть отчего впадать.

И кстати, насмеялся ли Иван или просто иронизировал, эту ли ситуацию имел в виду или поддержал многозначительный тон Виктории, но и у Алёны сложилось впечатление, что сегодня он начал с десерта потому, что не собирался надолго задерживаться. Может быть, тот самый десерт в начале вечера наводил на такую мысль, и то, что не стал Иван пить крепкие напитки. Да и пиджак не пристроил на спинку кресла, а перекинул через колено, словно с минуты на минуту мог подхватить его и подняться с места.

Что-то сказал ей Костя, Алёна, задумавшись, не услышала. Переспросила, но Вика встряла в их разговор, не дав ему повторить вопрос:

— Костя, да ты не старайся. Я ж тебе говорила, это бесполезно. Лейба у нас непрошибаемая.

— Да ладно, — игриво сказал тот и самоуверенно ухмыльнулся он, — и не таких прошибали. Всем ледышкам тепла не хватает.

— Да не в тебе дело, Костик. В твоём обаянии никто не сомневается. Знаешь, как говорят: человека из деревни вывезти можно, а деревню из человека — никогда. Это как раз про нашу Алёнку. Не понимает она намеков, не умеет общаться и флиртовать. Найди себе кого-нибудь

поинтереснее.

— А мне кажется, все она понимает. Да и я не флирт имею в виду.

— А ты, как я посмотрю, весьма настойчив, — разозлилась Алёна и на Татарина, и на сестру. Тихо внутри вскипела. Всегда старалась не обращать внимание на подобные издевки и глупые выпады, но сейчас привычно проигнорировать не хватало терпения. На языке так и вертелось несколько смачных выражений.

— Естественно. Да и ты не отказываешь, — тем же самым раздражающе самоуверенным тоном проговорил Татарин.

Алёна сделала паузу. Дала Косте вздохнуть и выдохнуть, чтобы слова которые она произнесет, проникли в его замутненное сознание. Достал уже.

— А знаешь почему напрямую не отказываю?

— Почему?

— Потому что не вижу с твоей стороны особых притязаний. Или вот эта многочасовая сублимация неудовлетворенного сексуального влечения в низкобюджетный романтический драматизм и есть высшая степень твоей активности? — произнесла она отчетливо на одном дыхании, совсем не скрывая в голосе едкого сарказма.

Боковым зрением Алёна уловила, что Шаурин оторвался от разговора с Радченко и посмотрел на нее. Почувствовав на себе его магнетический прямой взгляд, своих глаз от лица Татарина она не оторвала. Тот застыл, как будто и не дыша, его чуть вытянутое лицо еще больше вытянулось. От удивления, что ли. Никак не мог он сообразить: окончательно ли ему отказали, или просто жестоко оскорбили.

— Низкобюджетный романтический драматизм. Это ты сейчас о сексе?

Алёна рассмеялась. Наверное, этот короткий колкий диалог и последующий смех стали проявлением ее собственной наивысшей эмоциональной активности за весь вечер. Чаще она была лишь наблюдателем.

— Можешь и так считать, — спрятала усмешку за бокалом, глотнула вина и посмотрела на Ваню. Он так и не сводил с нее своих гипнотических серо-зеленых глаз, а когда она взглянула ему в лицо, разомкнул губы, словно собираясь что-то сказать.

— А что это за история с велосипедами? — заполнила Света неловкую паузу.

— А ты ее еще не слышала? — медленно, как будто нехотя, он перевел взгляд на Павлову.

— Не-а.

Радченко хохотнул.

— Вань, расскажи.

— Это было прошлым летом в середине января, — Шаурин усмехнулся.

— В тридесятм королевстве, там где нет в помине короля... Шаур, вот точно, не было тебя с нами, и мы, как говорится, всю свою сдержанность и стать потеряли, — пошутил Максим.

— Ага, скажешь тоже! Да если бы Шаур был с нами, то мы бы не в соседний район на велосипедах кататься уехали, а точно в другую страну улетели! Или на другой континент! — расхохотался Радченко. — Пристрелите меня, но я лично не помню, как мы пришли к идее покататься на велосипедах. Вроде сидели у меня, пили. Почти спокойно.

— Вот и я понятия не имею, — усмехнулся Шаурин. — Я знаю только второй акт этой безумной пьесы. Звонят мне среди ночи из полиции эти идиоты: «Шаур, заведи нас отсюда». И все. А я лежу с температурой, мне вот как раз только этого звонка для полного счастья не хватало. А откуда забрать — непонятно. Но это ладно. Приехал я за этими придурками, не бросать же, забрал обезьян из обезьянника. Они пьяные, грязные, как бомжи. Вчетвером на двух велосипедах. Привез эти дрова к себе, куда еще. Они дальше входной двери и не прошли.

— Вань, а ты мог быть и погуманнее, хоть коврик бы нам постелил. А то жестко спать на керамограните, — заржал Татарин. — Не, ну а что... Просыпаюсь, думаю: умер. Ан-нет, знакомая до боли обстановочка.

— Ну ничего себе, — давясь смехом, сказала Света. — Как у вас бывает.

— А ты думала, что здесь все интеллигенты собрались? — засмеялся Ваня. — Забудь про это.

Уже третий звонок. Долгий, раздражающий. Алёна зло выдохнула и, протянув руку в нишу над изголовьем кровати, взяла вибрирующий телефон. Вика. Ну какого черта ей надо с утра?

— Что? — недобро спросила.

— Ты чего спишь еще? — защebetала сестра.

— В основном, — буркнула в трубку Алёна. — А что сегодня какой-то особенный день? У меня отпуск — хочу сплю, хочу крестиком вышиваю.

— Ты, как обычно, с утра злая, как собака.

— Кушай с булочкой, — последовал ответ в том же тоне.

— Я сейчас к тебе зайду, — быстро сказала Вика и оборвала связь.

— Могла бы и не заходить, я бы не расстроилась, — проворчала Алёна и вытянулась на постели. Потом нехотя сползла с кровати. Теперь все равно не поспишь.

И десяти минут не прошло, как в дверь позвонили. Мелодичная трель застала Алёну в ванной. Не вынимая изо рта зубной щетки, она впустила сестру и пошла в ванную дочистить зубы. Вика ринулась за ней: так не терпелось ей поговорить. Но дверь, издевательски громко щелкнув замком, демонстративно захлопнулась перед ее носом.

— Чего принеслась с утра пораньше? — хмуро спросила Алёна, выйдя из ванной. Терпеть не могла, когда ее тормошили с утра, нарушая привычный ритм.

— Поболтать, — довольно сказала сестра, хозяйничая на кухне и разливая по чашкам крепкий кофе.

Опять словесное недержание. Вчерашний вечер, видать, покоя сестренке никак не давал. Вернее, один из его участников.

— Яичницу будешь? — Алёнке кофе было мало. Хотелось чего-то посущественнее, чтобы окончательно проснуться.

— Нет.

— И правильно, там сплошной холестерин.

— Ну как он тебе?

— Кто?

— Как кто? Шаурин!

— Ах, Шаурин... Шаурин-Шау-у-рин... — певуче растянула Алёна и словно забыла о заданном вопросе, занявшись приготовлением завтрака.

Вика покорно ждала. Но ждала активно: болтала ногой под столом, рылась в вазочке с печеньем, поглядывала на двоюродную сестру с нескрываемым нетерпением.

— Пациент скорее жив, чем мертв, — смилостивившись, ответила наконец. — Нагло-хамоватый тип привлекательной гражданской наружности. Могу еще отметить незаурядный ум и чрезмерно раздутое эго.

— С чего это ты решила, что у него незаурядный ум?

Видимо, это единственное, что Вика поставила под сомнение в оценке Шаурина, потому и переспросила.

— Потому что это дураком прикинуться можно, а умным - нет.

— И все?

— А что еще тебя интересует?

— Ты весь вечер на него пялилась, что-то же ты еще отметила.

— Отметила, — кивнула Алёна и уселась с тарелкой за стол. — Что он кофе в чашке размешивал против часовой стрелки. Вот на этот факт тебе стоит обратить особое внимание. Это очень важно. Ты прилетела с утра, чтобы я тебе его психологический портрет составила? Ты не путай пресное с соленым. Я могу поделиться своим живым впечатлением, но ставить диагнозы никому не собираюсь. Если я буду всем своим друзьям и знакомым психологические диагнозы ставить, меня саму можно будет смело в дурдом определять.

— Да ради Бога, — протянула Вика, — давай свои впечатления. Ты должна мне хоть как-то помочь.

— Я ничего никому не должна, это во-первых, — отрезала сестра. — А во-вторых, я работаю с маленькими мальчиками, а не с большими.

— Да какая разница? Мне надо знать, как заставить его со мной переспать.

— Разница - пять долларов.

— Чего?

— Ничего, — махнула рукой, — не бери в голову, это из фильма. В вопросах: «как заставить...», «как сделать так, чтобы...» я тебе не помощник. Это все вопросы манипулятивные, лежащие вне зоны влияния самого человека. Как заставить его с тобой переспать, сама думай. Но я бы уже и не пыталась, на твоём месте.

— Почему?

— Потому что он тебя сам уложил в постель к другому.

— В каком смысле?

— В прямом. На словах. Когда вчера упомянул про то, что для счастья молодых, свидетели должны переспать. Если мужчина проявляет хоть какой-то интерес к женщине, он никогда не станет этого делать. Я говорю о нормальном, скажем так, среднестатистическом мужчине.

— Он просто пошутил.

— В каждой шутке есть доля шутки, остальное все правда. Он намеренно при всех сказал то, что сказал: Вика переспи с Костей. Какие тут могут быть еще интерпретации? Обычно в таких тесных сплоченных компаниях мужчины женщин не делают.

— Опять ты со своими заморочками. Уперлась - все одно да потому... У тебя всегда с юмором туговато было. Вот именно, что компания у них такая сплоченная, и шуточки они, бывает, похлеще отпускают.

Алёна тяжело вздохнула. Все привычные, знакомые слова.

— Хорошо. Будь по-твоему. Мне вообще по барабану ваши душевные метания.

— Ладно-ладно, давай, слушаю тебя внимательно, — отступила Виктория.

— Как ты думаешь, он искренне желал Свете и Игорю счастья, улыбался им, с таким теплом общался?

— Конечно. И дальше что?

— Вот и смотри. Он открыто проявляет свои чувства к этой паре...

— Ну не тяни! — нетерпеливо подогнала Вика.

— Если человек добрые чувства, любовь, например, проявляет открыто, искренне, то и агрессию, и злость свою, он будет демонстрировать точно так же. Есть повод задуматься. Вот это я тебе могу сказать сразу, по моим общим наблюдениям. Потому и шуточку его не надо воспринимать как шуточку. Он прямо сказал, что думает. Тебе было это неприятно. Зачем ты затираешь свои впечатления? Это первый шаг к самообману.

— Господи, сколько ненужной шелухи. Алёна, в нашем мире давно уже все просто, а ты все заморачиваешься! Нужно иметь красивую внешность и умение эффектно себя подать. Нужно завлечь, заинтересовать, и тогда мужик, которого ты хочешь, будет у твоих ног. Вот ты вроде не дурнушка, но твои «мысле-образы» любому парню мозги свернут. Кому нужны эти

сложности? Мужчины хотят легких отношений, хотят флирта, секса. Хотят развлечений. Особенно Шаурин и ему подобные. Такие упакованные.

— Ах, да. Я и забыла, что мы с тобой из разных миров. Забыла я, что ты, Викуля, общаешься с другими мужчинами. В твоём мире.

— Ну естественно с другими! — воскликнула она.

— Смею тебя разочаровать. Люди, точнее, мужчины, ведь мы о них сейчас говорим, наполнены одинаковыми эмоциями, ощущениями, чувствами. Разные они по силе проявления, конечно. Мужчина, любой, независимо от его статуса и достижений, заключает в себе устойчивые психологические черты и свойства, которые определяют его поведение в той или иной ситуации. Именно это определяет его поведение, а не толщина кошелька, как ни прискорбно для тебя это осознавать.

— А как же ситуации, в которых нужно действовать по обстоятельствам? Вынужденно?

— Даже действуя вынужденно, человек выбирает близкий его природе вариант. Выбор есть всегда. Для этого нам дали ум, интеллект.

— Если у тебя не будет приличного платья, никто не заметит твоей индивидуальности, какая бы удивительная она ни была. Всем будет глубоко похрен на твой цепкий ум. Встречают по одежке.

— Материальная сторона - это фактор, бесспорно, влияющий, но не наполнение. Человек наполнен заблуждениями, искажениями, автоматическими мыслями, стереотипами, которые формируют его тенденции и образ мышления. И что-то ты одежкой Шаурина не зацепила. Может, все же мало ему красивого платья, а? — иронично спросила Алёна, потом засмеялась: — А может, лишнее оно и вовсе? Так ты следующий раз голая приходи, сразу бросайся на него. Как пить дать не устоит.

Вика рассмеялась с каким-то тайным злорадством.

— Так и сделаю. Надену юбку покороче.

— И сразу в кровать. Он будет трахать тебя сзади, по-собачьи. Доминировать. Или нет... Он точно любитель оральных ласк, потому, детка, тебе придется постараться, чтобы удивить его.

Вика обомлела. Замолчала, удивленно уставившись на сестру.

— У тебя ПМС? Чего это ты разошлась?

Алёна и сама не заметила, как разошлась в язвительности.

— Разве? Ты спросила совета, вот я тебе и советую. Советую от души и на злободневную тему.

— Короче, он тебе не понравился.

— Кто - Ваня?

— Угу.

— Почему не понравился? — усмехнулась. — Очень даже понравился. Интересный он такой. Определенно, есть в нем обаяние, целостность какая-то, породистость. Как он может не

понравиться? До определенного момента мне все — и мужчины, и женщины, — нравятся, — засмеялась.

Вику это заявление ни больше ни меньше шокировало. Она в лице изменилась и про кофе забыла.

— Ты даже на него не смотри! У него только наручные часы стоят пятнадцать тысяч евро... а может, больше... Он не для тебя. Вон с Сашком своим встречайся.

— Почему это? — как будто удивилась Алёна и лучезарно улыбнулась, прекрасно зная, что одна только ее улыбка выведет Вику из себя. — Часы за пятнадцать тысяч евро и пиджачок от Армани делают его божеством, и как-то мешают нашему общению? Мне простой смертной и смотреть теперь нельзя в его сторону? — расхохоталась, чем еще больше разозлила Вику. — Он, может, и пиво бутылочное не пьет, и не матерится? Вика, окстись, задумайся уже над «содержанием», а не только над «формой». Чтобы привлечь внимание Шаурина тебе нужна в жизни хоть какая-нибудь трагедия.

— Типа, как у тебя? — тут же съязвила Виктория. — Чтобы отца моего в засранной подворотне какие-то уроды прирезали, а мать потом повесилась с горя?

— Типа того, — равнодушно согласилась Алёна. Уже давно ее эти слова не задевали, давно она никак не реагировала на подобные издевательства. Даже не вздрагивала внутренне. — А чего это ты так в Шаурина вцепилась? Что других мужиков нет, с кем переспать можно? Который месяц страдаешь уже.

— Как это чего? Я замуж за него хочу.

Алёнка подавилась кофе.

— Бог мой... А ты думаешь, стоит к нему в кровать попасть, так он тебя и замуж позовет? — спросила, еле прокашлявшись.

— Ой, главное отношения завязать, — скривилась Вика, отмахиваясь от сестры. — Блин, ну Светка вон Игоря как-то умудрилась подцепить? Полгода и свадьба. Вот как так?! — запальчиво воскликнула.

— Угу, удачи. Аминь.

— У Светки же ни рожи, ни кожи...

— А может, это любовь? — усмехаясь, спросила Алёна. — У Светки с Игорем?.. Встретились, понравились друг другу, закрутилось-завязалось — как у всех нормальных людей. Чувство любви друг к другу возникает в отношениях, в которых взаимовыгодно удовлетворяются истинные духовные потребности обоих партнеров. Истинные! Какие у тебя истинные духовные потребности? Может, и тебе стоит попробовать интересоваться личностью объекта обожания, а не оценивать его в евро по курсу Центробанка? А то ты точно знаешь, сколько стоят его наручные часы, на какой машине он ездит, зато не имеешь понятия, какую музыку он любит.

— Лейба, я вот понимаю, почему от тебя мужики сбегают. Тебя невозможно выдержать. Ты со своими примочками кому угодно мозги наизнанку вывернешь. Реально, у меня аж голова от тебя разболелась.

— Ага, — чему-то довольно улыбнулась Алёна. — Это притом, что ты сама прибежала, типа

посоветоваться. Странное однако дело. И с Сашком я, кстати, тоже рассталась.

— Как это? Когда? И мне ничего не сказала!

— Почему я должна тебе об этом говорить? — пожала плечами. — Психологическая поддержка мне не нужна. Как видишь, я в прекрасном настроении. И все у меня в жизни прекрасно. Я счастлива.

— А с чего ради ты его отшила? Он же хороший парень.

— Вот потому и отшила. Потому что он хороший парень. Чего ему с моими, как ты говоришь, примочками мучиться.

— Не понимаю я тебя. Вообще не понимаю.

— Да и не парься. Не забивай себе голову.

Вика и не стала ее забивать. Она вообще предпочитала держать голову свободной от мыслей.

ГЛАВА 2

— Давай, не томи уже. Ты же не просто так меня в ресторан пригласил, значит есть какой-то повод, — спросила Юлия, как только идеально вышколенная официантка отошла от их столика.

Сын привел ее в красивое место. Совершенное для праздного времяпрепровождения днем. Ресторан выглядел очень светлым и нарядным из-за обилия беленого дерева в отделке. Но здесь не чувствовалось буржуазной навязчивости, а присутствовала некая парадность. Эту парадность поддерживали люстры-абжуры из нитей-страз и яркие акценты в виде бирюзовых салфеток на столах, и такого же цвета шторы на окнах. От этого веяло чем-то легким, летним. Так и хотелось выпить ароматного вина и отведать чудный средиземноморский салат.

Иван бросил меню на край стола и сплел пальцы, свободно откинувшись на белый кожаный диван. На его губах заиграла добрая ироничная ухмылка.

— Мама, ты единственная женщина, которую я приглашаю в ресторан без повода и задней мысли.

— Меня этостораживает.

— Моя бесхитрость по отношению к тебе?

— Нет, твоя легковесность в общем.

— А не должна, — уверенно сказал он, всем своим видом излучая расслабленность и спокойствие.

— Мы можем поговорить откровенно?

— Конечно. Я ужасно соскучился по твоим откровениям, мама.

— Боже, как ты красиво говоришь. Ты всегда знаешь, что мне сказать. Как у тебя это получается, ума не приложу.

Сын улыбнулся. Улыбался он тоже красиво. Мягко, открыто. Выучено. Все его движения,

любое проявление эмоций, были отточенными. Он с особым удовольствием поддерживал деликатный светский тон матери. Уважительный, без ругательств и нервов. Им обоим нравилась эта едва уловимая манерность в общении. Юлия и сама не могла точно сказать, с каких пор Ваня стал себя вести с ней именно так. Может быть, когда окончательно повзрослел. Когда превратился из безбашенного подростка в мужчину.

Но все-таки иногда Юлия сомневалась и не могла распознать, то ли ее сын чувствовал на самом деле, что пытался донести, прикрываясь блестящей внешностью, подбирая правильные слова и выдавая по каждому поводу подобающую реакцию. Действовал ли он по своим убеждениям, или потому что ждали от него того, требовали. Ведь положение отца с детства ко многим обязывало Ивана, да и Денис затянул его в свой бизнес, как будто не оставляя выбора. Затянул, взвалив на его плечи немаленькую ответственность. Если и сидела в Ване какая-то неудовлетворенность, не хотела бы Юлия, чтобы эти внутренние противоречия когда-нибудь нашли выход. Ей ли не знать, какие могут быть последствия. Сама прекрасно представляла, что значит, когда что-то решают за тебя. И Денис это знал. Они оба знали, как это – быть окольцованными обстоятельствами. Потому и боялась она, что в этой безумной жизненной гонке, может быть, упустила что-то важное.

— Я вот о чем, — начала осторожно, и сын легким движением головы выразил к ее словам особое внимание. — Не подумай, я не собираюсь тебя поучать или придираюсь. Это ты сейчас такой покладистый и понятливый. Но я же знаю, как это все далось, и чего нам это стоило. Знаю, что у тебя внутри. В общем, я не хочу, чтобы ты потерял ориентиры.

— Почему ты вдруг засомневалась во мне? Откуда такие мысли? — слегка удивился сын, и это принесло матери какое-то облегчение. Удивление это было уместным и искренним.

— Не вдруг, Ваня, не вдруг. Это мысли не внезапные, я всегда об этом думаю.

— Ты напрасно переживаешь. У меня очень четкие ориентиры.

— Ты же знаешь, я никогда не вмешивалась и не буду. Но мне важно хотя бы знать твой настрой. Не хочу, чтобы ты плыл по жизни инертно, делая только то, что от тебя ожидают. Твои отношения с противоположным полом – вообще отдельный разговор. И это меня тоже беспокоит, что тут скрывать. Но это же естественно. Ты меня понимаешь?

— Я понимаю тебя, — вздохнул Ваня. И в этом вздохе было больше снисходительности, чем раздражения. Такой уверенной терпеливой снисходительности. — А еще я понимаю, что месяц моего отсутствия плохо на тебя повлиял. Тебе в голову лезут совершенно глупые мысли. Меня нельзя зажать в тиски, ты же знаешь. Я делаю то, к чему внутренне готов. И про мой настрой не беспокойся. Я счастливый человек. По-настоящему счастливый. За это я должен благодарить вас с отцом.

— Меня это радует, — улыбнулась. — Хочу, чтобы ты сохранил к жизни здоровое отношение.

Юлия действительно не могла терпеть долгого отсутствия сына. И скучала, и переживала, и в голову непременно всякие глупости лезли. Телефонных звонков не хватало. Обязательно надо было видеть его глаза и слышать голос. Чувствовать своего мальчика рядом, всегда иметь возможность его обнять. Но вот он сказал несколько важных слов, и на душе вмиг стало спокойно.

— Мама, мне кажется, все, что могло, уже случилось, — не спеша проговорил Ваня и на мгновение замолчал, ожидая, пока официантка расставит блюда и уйдет. — И ориентиры я свои терял, и путался, и с отцом конфликтовал. Когда дед умер. Это все отсюда. Кажется, тогда

какая-то твердь ушла из-под ног, почва. Ничего не мог с собой поделать.

— Ты не говорил. Не говорил, что все вот так... — на лице матери промелькнула растерянность. Она сразу поняла, что Ваня имел в виду ее отца, Монахова. Именно с ним он был близок больше всего. Ваньку к Сергею Владимировичу как магнитом тянуло. Это все знали, и Алексей Арсентьевич, отец Дениса, наверняка даже обижался немного, хотя виду не подавал. Но что с ребенком поделать? Дети сами выбирают себе фаворитов. Каким-то чутьем своим внутренним, интуицией.

— А вы и не спрашивали, — сказал сын твердо, но тут же поднял ладонь, словно жестом блокируя зарождавшееся в матери ненужное чувство вины. — Мама, это для всех была трагедия. Не смей думать, что я в чем-то виню тебя, нет. Просто для меня все оказалось сложнее, чем я мог представить. Нужно было переварить все в одиночестве. Пока не ушел, не смог остановиться. А надо было остановиться и подумать. Два месяца мне понадобилось.

— Да, родители воспитывают, а бабушки с дедушками просто любят. А мы с отцом всегда очень активно занимались именно воспитанием, — немного грустно сказала Юлия. — Тем более моего отца ты всегда любил больше.

— Нет, — Ваня покачал головой. — Нет. Я всегда любил обоих дедов одинаково. Просто они были совершенно разными людьми.

— Это правда. Но ты же мог поговорить. Со мной, с отцом. Поговорить, как всегда, откровенно, а не замыкаться и устраивать войну.

— Зачем? Я же сказал - переварить. Любое чувство должно во что-то трансформироваться. Только тогда можно разговаривать. Это ты привыкла сразу делиться тем, что тебя тревожит. Я не умею выдавать таких сырых эмоций. Не умел раньше и до сих пор не научился.

— И тебе понадобилось столько лет, чтобы вообще заговорить об этом.

— Что ты, все гораздо хуже, — засмеялся. — Я вообще не собирался рассуждать на эту тему, но говорю только потому, что это волнует тебя. Я из этой ситуации давно вышел, мне это все уже безразлично. И ты не копайся, не ищи в прошлом ошибок.

— Все прошлые ошибки всегда находят отклик в будущем.

— Если ты только сама очень сильно этого желаешь. Мама, я из тех, кто гвозди переваривает, а не только манную кашу. Правда для этого времени нужно больше.

— Я рада, что ты пришел к тому, к чему пришел. Мне важно знать и верить, что действуешь ты по своим собственным убеждениям, а не под давлением отца.

— Конечно по своим. Только по своим. Я давно уже избавился от детских мыслей, что должен кому-то что-то доказывать. Все, что у меня есть, принадлежит мне по праву рождения. С какой стати я должен от этого отказываться и искать в жизни другой смысл? Я нужен отцу. То, чем я занимаюсь, мне нравится. А если кто-то считает, что я этого недостоин, пусть попробует сказать мне это в лицо или встать на моем пути. Раздавлю.

Юлия внимательно взглянула на сына. Да, он никогда ничего никому не доказывал. Все и так понятно, стоило только ему в глаза посмотреть. Он и сейчас ничего не доказывал. Говорил спокойно, с каким-то тайным наслаждением, так, словно хвалил вкусно приготовленное мясо. Даже тоном не пытался убедить. Но, как ни странно, именно это и действовало сильнее всего.

Впрочем, какие могут быть сомнения, ведь Иван Шаурин не только сын своего отца, он еще и внук своего деда, Сергея Монахова.

— Ладно, раз уж разговор у нас зашел на такую тему, — сказал Ваня, — есть один момент, который я хотел бы с тобой обсудить.

— Какой?

— Я хочу продать ночной клуб.

Взгляд Юлии напрягся. Ваня замолчал, позволяя ей возразить.

— Почему? — только и спросила.

— Потому что это несерьезно. Это мелочь. Такое предприятие должно приносить высокий доход, им надо заниматься и развивать сеть, либо... А мне это неинтересно, потому не вижу для себя никакого смысла тратить силы и время, чтобы «Эгоист» просто был. Мне хватает своего канала.

Юля понимала, о чем говорит сын. Ночной клуб «Эгоист» действительно из всех предприятий их огромной корпорации — самое незначительное по доходности.

— С отцом разговаривал?

— Давно уже. Он со мной полностью согласен. Я сам все сделаю. Тебе не нужно даже заморачиваться с этой проблемой, у меня есть человек, готовый купить «Эгоист» хоть завтра.

— Хорошо, — с сомнением сказала мать, потом вздохнула решительно: — Ладно, хорошо. Так и быть. Если уж ты настроился его продать, то рано или поздно ты все равно это сделаешь. Нет смысла тянуть. Спасибо, что посоветовался со мной, а не просто поставил перед фактом.

— Тянуть смысла нет. Бизнес нужно продавать на пике его рентабельности, а не тогда, когда начинается спад. Отец в свое время правильно сделал, что избавился от мелочевки и начал активно развивать одно направление.

— Согласна. Сплавил все, что можно. А будет плохо себя вести — разорву с ним все контракты, — засмеялась Юлия, и Ваня ее поддержал.

— Да, мама, посадила ты его на крючок.

ГЛАВА 3

Дома было тихо и душновато, значит родителей нет, иначе работали бы кондиционеры. Отец не терпел духоты.

Странно, а предупреждал же Иван, что заедет. Хотел уточнить некоторые моменты перед сделкой по продаже клуба. Брокерская контора уже почти подготовила документы. Прислушался, бросил взгляд наверх. Лестничная конструкция с ограждениями из стекла и стали позволяла увидеть холл второго этажа. Не стал Иван проходить в гостиную, поднялся в комнату к сестре.

— Тишина и мертвые с косами стоят. Привет. Где народ?

— Укатали куда-то срочно. — Катя сидела за туалетным столиком и заплетала длинные, до

поясницы, волосы.

— Нормально, — разочарованно протянул Иван, оперевшись о дверной косяк. — Я же сказал, что заеду вечером. Собрался тут, понимаешь, с родителями расцеловаться.

— Тебе их на работе на хватило? Со мной, ты, братик, не желаешь расцеловаться? — душевно улыбнулась сестренка.

— Желаю, разумеется, — лениво оттолкнулся от двери и чмокнул сестру в обе щеки. — Я в головном офисе сегодня не был. Надеюсь не на Мальдивы укатили? — присел на кровать, застеленную белым стеганным покрывалом. Вдохнул. У сестры в комнате вкусно пахло. Похоже, конфетами. Оглянулся, осмотревшись - не то в поисках источника приятного аромата, не то просто от нечего делать. Все тут чистенько у Катки и красиво. Все в нежных пастельных кремовых тонах. Белая мебель, большая кровать в центре комнаты, над резным изголовьем фреска увеличенного цветка белого пиона.

— Даже если б и на Мальдивы... А что - не хочешь снова генералить? Работай давай, зря что ли у тебя два высших образования. — Скрепила волосы силиконовой резиночкой, расслабила прядки по всей длине косы, сделав ее объемной и чуть более небрежной.

— Конечно, не зря. Кого надо обсчитаю, кого надо - посажу.

— Ванечка, а ты надолго?

— Да как сказать... Думал, заеду на полчаса решить кое-какой вопрос. Но, видимо, обламываюсь. Никто меня не любит, никто меня не ждет. А что?

— А подбросишь меня в киноцентр? В «Пять звезд». Я вот сейчас только ногти накрашу и буду готова.

— Давай, наводи красоту.

— На, не скучай, — кинула ему шоколадную конфету.

Ваня поймал ее и посмотрел на золотистую обертку.

— Мне нельзя конфеты с ликером, я же за рулем, — усмехнулся и, развернув фольгу, сунул сладость в рот.

— Да-а, красота страшная сила, — со вздохом сказала сестра, встряхивая лак ядовитого голубого цвета.

— Не такая уж и страшная. При нынешнем развитии порноиндустрии все - красивые.

— Порноиндустрии, — повторив, рассмеялась Катя и аккуратно нанесла лак на мизинец.

— Конечно. Все, что надо, подправят: лишнее уберут, где мало - добавят. Медицина, косметология, фармакология. Три составляющие современной «порноиндустрии» - глобальной системы, которая эксплуатирует неуверенность людей в себе и навязывает своих идеалы, чтобы продавать ненужные товары и услуги. А корень всего - что? Корень - секс, отношения полов.

— Вот ты завернул, я аж подвисла. Что плохого в том, что человек стремится в совершенству? Даже если это совершенство тела. Совершенству, как говорится, нет предела, — бормотала

сестра, не отрываясь от своего занятия.

— Как показывает практика - есть. Предел есть, за ним начинается анорексия. Это я делаю тебе внушение. Чтобы ты не забывала про совершенство души и про то, чему тебя родители учили. А то замкнет еще что-нибудь - подашься в модели.

— Ах, внушение, — рассмеялась Катя. — А я, глупая, сижу и не понимаю, к чему ты клонишь.

— Смотри мне, а то я не папа - сразу задницу тебе надеру и все.

— Конечно. Я прям сижу и боюсь тебя, — растянулась в ироничной улыбке. — Не переживай, Ванечка, не замкнет. Я слишком высокого о себе мнения, чтобы всему свету свою голую задницу показывать. Я фотогенична только на фоне маминых фикусов, — закончила с одной рукой и подула на ногти. С осторожностью принялась за другую. — Я вчера Свету видела.

— Какую Свету?

— А у тебя так много Свет в окружении?

— Нет, — по губам пробежала ирония, — у меня в основном Иветты, Лизетты, Жанетты, Жоржетты.

Екатерина расхохоталась.

— Рыженькую я видела, невесту Игоря. В «Галактике». Она такая счастливая... носилась с подружкой по бутикам, свадебное платье выбирала. Мы немножко поговорили и разбежались. Вот женится Игорек, и кончатся ваши холостяцкие пирушки. Еще Валета подженить бы...

— А меня ты подженить не хочешь? А то мне мама тут промывала мозги по поводу моего паскудного образа жизни.

— А у мамы работа такая - регулярно всем мозги промывать. Это у нас семейное. Одна я только всем их засоряю. А тебя подженить... Не-е-ет, тебя я подженить не хочу. Ты что! Я жутко тебя ревную, — улыбнулась довольно, глядя на свои ногти. Но улыбалась она брату, он это понимал. — Не знаю даже, что это должна быть за девушка, чтобы я тебя отдала. Нет-нет, ни за что, у меня будет разрыв сердца. Не хочу, чтобы ты женился. Телки - это пожалуйста, только с проститутками не спи. Ненавижу мужиков, которые спят с проститутками. Хотя это тебе, как пить дать, девки готовы приплачивать, чтобы ты с ними спал. Да, Ванечка? — посмотрела на брата. Глаза ее серые искрились неприкрытым весельем, губы иронично улыбались.

— Господи, как хорошо, что я не нуждаюсь в сторонних финансовых влияниях, а то пошел бы по наклонной - стал бы проституткой, — Ваня рассмеялся и посмотрел на часы. Ничего не сказал, но Катя уловила его взгляд.

— Ты сильно спешишь?

— Договорились с Игорем встретиться.

— Сейчас. Две минуты. Накрашенные ногти не терпят суеты. А то придется все переделывать.

Каткин айфон взорвался энергичной музыкой.

— Да, мамулечка, — ответила сестра. — А он уже здесь, — посмотрела на брата. — Дождешься

родителей?

— Нет, потом заеду. Это не срочно.

— Не будет он ждать... А вы не беспокойтесь, меня Ванечка отвезет... Может и заберет... — снова посмотрела на брата, он кивнул, даже не уточняя, во сколько нужно будет встретить сестру. — Да, заберет. Все пока. Люблю, целую. Где у тебя телефон? Мама не смогла дозвониться.

Легко хлопнул по правому карману хлопкового темно-синего пиджака.

— В машине остался.

— Все, я одеваюсь.

— Жду внизу, — вышел из комнаты сестры.

При упоминании Светкиной подружки, на ум пришла блондинка с яркими голубыми глазами. Когда увидел ее в первый раз, решил, что она очередная пассия Татарина: так пристрастно он к ней лип. Новые женские лица в их компании уже давно оставлял без внимания, слишком часто они менялись. Сегодня одна - завтра другая. Несколько раз уже с Алёной виделись, вот так же в общем кругу друзей. Рассмотрел ее ближе. Удивила чистота и ясность взгляда. Было в ее глазах какое-то особенное понимание всего сущного, а не амебистое ощущение жизни. Но чтобы сложить образ, не хватало ее голоса - полного, во всю силу. Она мало говорила сама, в основном продолжала мысль. И всегда молчала, там где можно было промолчать.

Потому не Вика, которая, судя по всему, должна была помогать Свете с выбором свадебного платья, а Алёна сразу вспомнилась.

— Блин, Алён, у меня ноги отваливаются, — простионала Света, толкая высокие двери и переводя дух.

— Постарайся, чтобы не отвалились раньше времени. Сядем за столик - отстегнешь, — пошутила Алёна, хотя сама устала не меньше Светкиного.

Хорошо, что им не пришлось никуда ехать, а всего лишь подняться на последний этаж торговывающего центра «Галактика», где располагался ресторан с одноименным названием. Это место, мастерски исполненное в стиле интеллектуальной эклектики, балансирующей на грани китча, прекрасно подходило и для дневных встреч, и для вечернего отдыха.

Подруга пробежала глазами по залу, пытаясь отыскать жениха.

— Вон они, пойдём. Сидят добры молодцы, ждут своего счастья. Ну один точно ждет.

Алёна проследила за взглядом подруги и внутренне вздрогнула, увидев Шаурина. Знала, что он здесь и все равно вздрогнула.

— Завидую мужикам - ни хлопот, ни забот. Я с этим платьем все нервы себе вымотала, не могу подобрать. А с Игорем пошли ему костюм покупать, так он ткнул в первый попавшийся, примерил и купил. Была б его воля, он бы вообще в трусах женился, — вполголоса ворчала

Света, огибая красные кадки в цветами и поднимаясь по ступенькам.

— Светик, с внешними данными Игоря, было бы странно, если бы он долго мучился выбором костюма. Он высокий, крепкий, пропорционально сложенный. Тут дело только в личных предпочтениях.

— А я значит злобный маленький уродец, — хихикнула Света.

— Ну если б мы тебе не платье выбирали, а мужской костюм, то наверняка тоже бы за один день справились.

— Я подумаю над этой мыслью. Но позже, — шутливо пообещала Павлова.

Поздоровавшись, Света плюхнулась около Игоря и потянулась, чтобы поцеловать его в губы. Алёна села рядом с Шауриным, не смогла проигнорировать его прямой жест: увидев девушек, он тут же выдвинул из-за стола стоящий рядом стул. Не для Светы же он это сделал.

— Где платье? — Игорь с вопросом не задержался. Естественно, первым делом спросил про свадебное платье. — Опять ничего не выбрали?

— Не выбрали. Это ужасно.

— Что ужасного? Я прошелся, посмотрел — тут платьев хренова туча!

Лучше бы он попридержал подобные комментарии и не изображал из себя знатока, потому что Света тут же изменилась в лице. Усталая и раздраженная, она, как пороховая бочка, готова была взорваться от малейшей искры, а Игорь своими высказываниями умудрился разжечь целый костер.

— Так попробуй среди этой хреновой тучи найди то, которое подойдет. Которое и красивое будет, и сядет удобно по фигуре, и вообще!.. — как и следовало ожидать, Света вспылила.

— А я тебе предлагал, — не унимался Радченко, и Алёне захотелось дать ему подзатыльник, чтобы он замолк, — пошли вместе платье выбирать. Стопроцентно купим.

— Глупости не говори! Придумал тоже мне. Нельзя, чтобы ты видел платье до свадьбы. Что непонятного?

— Дебилизм какой-то, плевать я хотел на эти предрассудки. Может, ты еще предложишь нам отдельно до свадьбы пожить?

Зря, конечно, он так пошутил. Света гневно сверкнула глазами и поднялась.

— Игорь, ты что меня сегодня до белого каления решил довести? Я и так на нервах! — закинула сумочку на плечо.

— Ты куда? — тут же всполошился будущий муж, решив, что и правда, наверное, болтнул лишнего.

— Носик припудрю! Успокоюсь! — рявкнула Светка. Ее лицо покрылось неровными малиновыми пятнами. Девушка нервно поправила рыжие волосы и вышла из-за стола.

Алёна осталась сидеть на месте. Никакая сила не могла поднять ее со стула. Тело уже захватило приятное расслабленное состояние, а вот ноги противно гудели. Да и, собственно,

ничего страшного сейчас не произошло. Небольшая перепалка влюбленных, только и всего.

Игорь взъерошил каштановые волосы, в карих глазах мелькнула растерянность.

— Вот это называется предсвадебной лихорадкой, да? — Он немного потерял прежний уверенный тон. Его поведение и нескрываемое беспокойство после ухода Светы, вся маленькая ссора влюбленных говорили только о их любви, так что в искренности чувств не приходилось сомневаться.

— Угу, — кивнула Алёна, меж тем чувствуя на себе пристальный шауринский взгляд, — предсвадебной депрессией. Игорь, ну чего ты накаляешь обстановку? Прекрасно видишь, она нервничает.

— А я что виноват, что она не может выбрать платье? — попытался оправдаться.

— Конечно.

— Чего? — возмущенно протянул гласные.

— Конечно, — повторила Алёна. — А кто еще виноват? Ты же будущий муж, значит ты виноват.

— Офигеть. Хороша же у вас логика, — возмущился Радченко, а Иван, напротив, засмеялся. Шевельнувшись, он слегка задел Алёну локтем, тут же бросив короткое: «Извини».

— Какая есть, — улыбнулась сложной, непонятной улыбкой, забыв, что хотела сказать Игорю.

— Вот это точно из серии «Мама он меня сукой обозвал!».

— В смысле?

— Анекдот, — Игорь сложил локти на столе и придвинулся ближе к друзьям. — Мужчина в транспорте говорит девушке: «Вы такая красивая...». Она улыбается ему, а в голове мысли одна краше другой: «Он назвал меня красивой... значит пригласит на ужин, подарит розы... ага, розы — это шипы, а шипы колются... значит ему ничего не нужно кроме секса, поматросит и бросит». Девка бьет мужика по лицу и кричит на весь автобус: «Мама, он меня сукой обозвал!».

Алёна звонко рассмеялась и откинулась на стул.

— Смотри, — напомнил Ваня, — как залихорадит сейчас Светку, решит она, что одной ей будет спокойнее и поедет домой вещи собирать. Будешь куковать потом.

— Ее может и залихорадить, — буркнул Радченко, подумал секунду и, достав из кармана телефон, поднялся со стула. — Не скучайте, пойду бахнусь на одно колено в извинениях.

Алёна проводила Игоря задумчивым взглядом. Потом посмотрела на Шаурину, сохраняя на лице неопределенную улыбку. Привычно столкнувшись с серо-зелеными глазами, своих не отвела. Уже научилась выдерживать этот взгляд, потому что слишком часто на себе его ловила. Все дольше Ваня на ней его задерживал. И так часто, что появилось у Алёны странное смутное ощущение, будто они уже пришли к какому-то молчаливому согласию. И теперь, когда так случайно остались наедине, необходимость поговорить почувствовалась еще острее. Поговорить о чем-то своем, о личном.

Ничего особенного не читалось в его лице, в глазах. Разве что чуть-чуть насмешки. И на губах

легкая, почти незаметная ирония. Алёна чуть вздернула подбородок, поощряя Шаурина на разговор.

— Устала? — неожиданно спросил.

Одно слово и будто вторгся в личное пространство и прижал к стене.

— Да, порядком.

— А что свидетельница не помогает с платьем?

— А у нее стресс.

— По поводу? Каблук сломала?

— Что-то типа этого, — усмехнулась Алёна.

Иван замолчал, но показалось, что ему есть еще, что сказать. Мелькнувшая улыбка ясно говорила, что волнуют его не свадебные хлопоты друзей и не Викин стресс.

— Что-то еще хочешь у меня спросить?

— Хочу предложить.

— Что?

— Подружить, — просто сказал он. — Хочу тебе предложить со мной подружить, — легкость в тоне и отсутствие всякого пафоса сделали свое дело.

Алёна собиралась вздохнуть, но забыла. Захотелось расхохотаться, но не потому что услышала что-то смешное. От удивления, наверное. От какого-то теплого в душе ощущения. Так что и язвить в ответ не решилась, не смогла опозлать такую целомудренную формулировку.

Чуть наклонив голову и изучая ее лицо, Шаурин, словно приводя железный аргумент, внушительно сказал:

— Со мной тебе будет интересно.

— А ты думаешь, я умираю со скуки? — коснулась пальцами своих губ, словно смех сдерживая, но глаза ее смеялись ярче, сильнее.

— Уверен.

Она, не сдержавшись, рассмеялась. Шаурин кивнул, будто получил ожидаемую реакцию; улыбнулся, будто услышал именно то, что хотел.

— Давай телефон.

Алёна назвала свой номер. Не сразу, конечно. После паузы. Он набрал его и оставил входящий звонок.

— Запиши. Буду тебе звонить.

— Запишу, — пообещала с улыбкой, но не полезла в сумку, не бросилась сразу же вбивать его

имя в телефонную записную книжку.

Он поднял чашку с кофе и снова чему-то улыбнулся.

Потом проговорил, глядя куда-то в зал:

— Нормальная итальянская семья...

Алёна словно очнулась, вышла из приятного транса и выхватила глазами Валета и его девушку. Они направлялись к их столику. Валя шел походкой незанятого человека, вальяжно переваливаясь с ноги на ногу. Лена, его подруга, семенила рядом и что-то ему говорила. Говорила раздраженно и настойчиво, время от времени пытаясь его остановить, но Бардин шел медленно, но напористо, уверенно лавируя между столиками.

— Крейсер «Аврора», — не удержалась Алёнка от иронии. Почему-то на ум пришло это сравнение. Парочка уже приблизилась к ним, так что можно было услышать обрывок разговора молодых людей.

— Так, короче!.. — резко и запальчиво Валентин взмахнул рукой, словно отгоняя жестом назойливую муху.

— Я тебя предупреждала, — веско сказала разгневанная Лена и, развернувшись, пошла прочь из ресторана.

Валя даже не подумал останавливать Лену, изобразил на лице полное пренебрежение и упал на стул. Выходка любимой его, на первый взгляд, даже не покорила.

— А с утра был очень добрый день, друзья мои. А где наши замороженные Ромео и Джульетта?

— Сейчас подойдут, — пояснила Алёна.

С появлением Бардина напряжение между ней и Шауриным немного рассеялось. Ваня снова принял чуть отстраненный вид, внешне не проявляя к ней заинтересованности. Через минуту появились Света и Игорь. Светка сияла, как медная монетка, Игорь тоже был чрезвычайно доволен.

— Валетик, привет, а ты чего один? — защебетала Павлова. — Где Леночка?

— Мы с Леночкой сегодня расстались.

— Вы стабильно раз в месяц расстаетесь, — усмехнулся Шаурин.

— Разве это плохо? — сыронизировала Алёна. — Хоть какая-то стабильность в жизни есть у человека.

Валет хмыкнул.

— Вот никогда не смотрел на нас с Ленкой с этой стороны.

— А ты посмотри, может, новое что-то увидишь.

— Ммм, — промычал Бардин задумчиво и потер щетинистый подбородок. — Твоя правда. Кстати, Шаур, я твой «лекусик» царапнул, когда парковался. По крылу так проехался чуток. Извини, не хотел, но мне Ленка капитально мозги засрала.

— Ты охренел, что ли? — Ваня поднялся со стула.

— Да пошутил я, пошутил, — успокоил его Бардин, оставшись довольным собственной шуточкой. — Стоит твой конь в целости и сохранности, греется на солнышке. Только что травку не щиплет, потому как железный.

— Придурок, — недовольно «приласкал» друга Шаурин и вернулся на место. — Вот ненавижу я тебя. Всю свою жизнь ненавижу. Так и придушил бы кровопийцу, да рука не поднимается.

— Да куда ж ты без меня, придурка! Я ж тебя так люблю, как ни одна баба любить не будет! — певуче протянул последние слова и вскинул руку, чтобы похлопать Шаурина по щеке.

— Да пошел ты! — резво отмахнулся Шаур, не дав задеть своего лица.

Валет не расстроился, а развеселился еще больше. Схватил меню и углубился в его изучение.

ГЛАВА 4

Алёна медленно выдохнула, пытаясь с воздухом выпустить из себя напряжение. Ее чай давно остыл, Сашкин так и стоял нетронутым. Они сидели в гостиной на диване, оба уже прилично устав от нервного разговора.

— То, что мы расстаемся, я тебе сказала после того, как мы из Барселоны вернулись, — в который раз повторила Алёна.

— Я с тобой не расставался, я дал тебе время, чтобы ты подумала и успокоилась, — сказал Саша спокойно и твердо. Умел он не только словами, но и голосом выразить свой настрой. Что и сомнений не возникало в твердости его убеждений.

— Я подумала и успокоилась. Мы с тобой расстаемся. Мы больше не вместе. У нас нет отношений. Я обрываю с тобой связь, — тщательно проговаривала Алёна. — Что мне еще сказать? Как сформулировать мысль, чтобы ты признал наш разрыв?

— Смешно слышать, — сказал, но не улыбнулся, — учитывая, что час назад ты занималась со мной любовью.

— Это абсолютно ничего не меняет. Можешь считать, что это был прощальный секс.

— Ты сама понимаешь, что ты говоришь? — щека у него дрогнула, и в голосе послышалось едва заметное волнение.

— Что я говорю, я прекрасно понимаю.

— Ты перечеркиваешь два года, словно два дня. Без всяких вразумительных объяснений. Я, по твоему, должен проглотить это все всухомятку?

— Саша, — вздохнула Алёна и продолжила чуть снисходительно, — ты уже целый час выкручиваешь мне руки. Можешь и дальше продолжать. Еще час, два, три... От меня кусок не отвалится, я могу говорить с тобой столько, сколько ты пожелаешь, но толку никакого не будет. Ничего не изменится. Я все решила и все сказала, — смягчила тон, словно уговаривая его отступить.

— Алёна, ну почему? Я могу хотя бы знать, почему? Почему тебе легче раздеться... просто переспать со мной, чем сказать, что у тебя на душе? — тон его стал резким, и глаза черные

блеснули яростно. От вдруг накатившего бессилия, что ли.

— Я с тобой два года спала. С чего ради у меня должны быть с этим какие-то трудности? — удивилась.

Иногда она говорила так холодно и равнодушно, что у самого ледяные мурашки бежали по позвоночнику. Сейчас смотрел на нее, как будто на совершенно чужого человека, и в ее бледно-голубых глазах не было тех двух лет, о которых он только что напомнил.

— Я тебя много лет знаю. Из них два года мы встречались, но иногда мне кажется, что я разговариваю с незнакомым человеком, — сказал с болью, не смог скрыть.

— Не надо меня идеализировать. Людей вообще не надо идеализировать. И к тому же ты сам обманываться рад.

Он немного опешил, потом напустил на себя равнодушный вид, замер, точно остывая, и тихо проговорил:

— Какие жестокие вещи ты говоришь. И так спокойно, поразительно спокойно. Ты меня просто убиваешь.

— Сашенька, — не наигранно ласково начала она, придвинувшись к нему, убеждая, — я и ухожу, потому что становлюсь жестокой. А ты потрясающий человек. Я хочу, чтобы ты был счастлив, по-настоящему счастлив. Я тебе правда этого желаю. Так должно быть, ты этого заслуживаешь.

— Да как я буду счастлив без тебя?! — сорвался на крик. Только что не вскочил и не стал размахивать руками, но напрягся весь, сжался, словно к прыжку готовый. — Ты меня не слышишь? Я тебя не отпущу!

— Не кричи, — вымученно улыбнулась, продолжая так же мягко. Погладила его по плечу. — Как ты меня удержишь? Я уже ушла.

Действительно, как?.. Она и правда ушла. Сама ушла — ее не удержишь. Саша прекрасно понимал это, и от этого становилось еще больнее. Еще отчаяннее на душе. Бессилие ломало волю, а он к такому не привык и не знал, как вынести.

— Нам же было так хорошо вместе...

— Хорошо, да. Но «хорошо» - это мало. Одной мне тоже очень хорошо. Так бывает, Сашенька, любовь проходит.

— А у тебя она была, любовь? Что-то я не припомню. Ни разу этого не слышал. Или у тебя любовь отдельно, а секс отдельно? — в нем заговорила обида. Но сдержанно заговорила, по-мужски, без намека на истеричность в тоне.

Неожиданный звонок в дверь не дал Алёне ответить на вопрос. Да она бы и не отвечала.

С одним глубоким вздохом Александр взял себя в руки: в голосе обрел спокойствие, но не на душе.

— Ты кого-то ждешь?

— Нет, пойду посмотрю, кто это ко мне пожаловал.

Возможно, оно и лучше, что их прервали. Разговор шел по кругу — возвращались к тому, с чего начали. А пора уже поставить точку. Пусть лучше будет у него обида и злость, может быть, ненависть — так быстрее переболеет. Все лучше, чем продолжать тешить себя пустой надеждой. Важно вовремя отпустить. Сохранить в нем мужчину. Мужчину для кого-то другого, кто сможет оценить его по достоинству.

Увидев на пороге сестру, Алёна, честно говоря, ни капли не удивилась. Никто больше не мог завалить к ней среди бела дня без приглашения. Света бы обязательно позвонила. Все адекватные люди звонят перед встречей, только Вика всегда наивно полагает, что ее везде ждут.

— Привет, — добродушно поздоровалась Алёна и отступила.

— Приветик, — разулыбалась Вика и прихрамывая зашла в квартиру.

— Ты чего это? Нападение звездного десанта?

— Мозоль натерла. Да так сильно... — скривилась Вика, сбрасывая обувь, — туфли новые. Дай лейкопластырь. — Тут Вика подняла глаза и сразу наткнулась на сидящего на диване Сашку. Гостиная прекрасно просматривалась из прихожей. — О, Грохольский, привет, не ожидала тебя здесь увидеть.

— Взаимно, — небрежно бросил, поднимаясь с места.

— А вы что решили помириться? — Вика совершенно забыла про свою мозоль, с любопытством поглядывая то на сестру, то на ее бывшего. Или на уже «не бывшего»?

— Нет, — твердо вставила Алёна.

— Ой, Шурик, можно я тебя тогда по заднице хлопну? Давно мечтала, — хихикнула она, — теперь же уже можно. — Руки у нее к Сашке сами так и тянулись. Сашка профессиональный спортсмен, пловец, у него фигура что надо.

Не раз Грохольский тормозил ее поползновения. Но раньше он просто отшучивался, а сегодня не то было настроение. Окинув Вику презрительным взглядом, он хмуро проговорил:

— Тебе лейкопластырь не поможет, в твоем случае - только лоботомия.

— Ты мне сейчас грубишь?

— Что ты, я предельно вежлив. Когда я начну тебе грубить, тебе не придет в голову переспрашивать. Ты это сразу почувствуешь. Алён... — кивнул в сторону двери, потом замер, словно забыл что-то, прощупал карманы на джинсах. Прошел в спальню.

Вика с неиссякаемым интересом проследовала за ним и, прислонившись к дверному косяку, пронаблюдала, как он забрал с прикроватной тумбочки сотовый. Словно утвердившись в какой-то мысли, Савинская сверкнула хитрой улыбкой.

Выйдя на площадку, Грохольский вытянул Алёну за собой и прикрыл дверь.

— Я буду звонить иногда...

— Саша... — попыталась она остановить его.

— ...узнавать, как у тебя дела. Кто еще о тебе побеспокоится. — На это Алёна только вздохнула.
— Дурочка... — сказал он, и в грубоватом голосе прорвалась нежность.

Слабо улыбнулась и сморщила нос.

— Знаю.

Александр ушел, Алёна почувствовала большое облегчение, хотя знала, что с одного вздоха он от нее не откажется. Да, притихнет на время, а потом обязательно забьется в агонии и попытается восстановить отношения. Поэтому и держался он за эти телефонные звонки, боялся совсем потерять связь. Несмотря на то, что отношения у них не сложились, Саша для Алёны был и останется очень близким человеком. Наверное, его вообще можно считать самым близким. И правда, никто и никогда о ней так не заботился, как он, не переживал из-за каждой мелочи. Его и просить ни о чем не надо было, он сам всегда знал, что нужно сделать, чтобы ей помочь. Ну, а когда не знал, Алёна все равно не просила. И не признайся он ей в любви и не предложи замуж за него выйти, так и встречались бы. Но больше не смогла. Любила ли его? Наверное. Но по-своему, как дорогого человека. Который тем не менее не смог стать частью ее самой. Не смог привязать к себе, не сросся с ней, чтобы жизни без него не мыслила. Прекрасно без него и мыслить, и жить получалось. Появление Шаурина в ее жизни только подтвердило правоту поступка и стало еще одним веским доводом в пользу расставания. Вернее, не сам Иван, а ее к нему влечение. Потому что если женщина, встречаясь с одним мужчиной, испытывает ощутимый интерес к другому, отношения обречены. Рано или поздно все рухнет.

— Я же платье ходила выбирать, — с щенячьей радостью сообщила Вика.

— Выбрала? — без интереса спросила Алёна.

Теперь мысли занял Шаурин, и она даже не пыталась от них избавиться. О нем приятно думать. Приятно вспоминать. Перед глазами стояло его лицо: пронзительный ясный взгляд, скульптурно вылепленные скулы. Поражала Ванина способность владеть эмоциями. Не застывать каменно, не прятаться за бесстрастной маской. Владеть. Управлять.

С тайным удовольствием Алёна вспоминала их последнюю встречу. Давно не испытывала таких эмоций от простого диалога — такой заинтересованности и полного погружения. После разговора внутри осталось какое-то вязкое чувство. Непонятное. Не могла объяснить. Вроде ни о чем таком не говорили, а будто в душе у нее покопался.

В тот день они поехали на лодочную станцию. Погода стояла прекрасная. Совсем было не жарко, а в тени даже прохладно.

— Ох, ты как знал... — вздохнула Алёна, без особой радости глядя на покачивающиеся на воде лодочки.

— Что знал? — спросил Иван, заметив, что спутница замедлила шаг.

— Не поверишь, не помню, когда последний раз была в этом месте. Дальше парка уже давно не ходила. Не люблю.

— Боишься воды?

— Воды не боюсь и хорошо плаваю, но мне нужно заходить с берега. А на лодке не могу, не по

себе вот так плавать на поверхности.

— Почва нужна под ногами, да? Класс. Сейчас буду тебя пытаться. Никакой у тебя почвы, только я.

Протянул руку, и Алёна, ухватившись за его крепкую ладонь, шагнула в лодку, радуясь, что догадалась надеть сегодня джинсы. Лодка опасно качнулась, внутри у девушки что-то тоже неприятно дрогнуло. Алёна глубоко вздохнула, пытаясь поскорее обрести прежнее самообладание. Осторожно уселась на лавочку и вцепилась в нее руками.

— Слабоваты условия для пыток, — уверенно усмехнулась. — Надо что-то посерьезнее. Максимум, что мне грозит, это мокрая одежда. Все равно выплыву.

— Я не Герасим, проверять, выплывешь ты или нет, не буду. — Взглянул за весла.

— А с тобой удивительно удобно шутить, — ухмыльнулась Алёнка.

— А с тобой нет, — заявил Иван. — Ты напряжена.

— Конечно. Я должна быть напряжена, я девушка, у меня свидание, — ничуть не смущаясь, расплылась в белозубой улыбке. — Ладно. В чем подвох?

— Какой подвох?

— Дружбы нашей? — проговорила вкрадчиво. — С чего ради такое сердечное отношение?

— А что — у тебя по поводу нас есть какие-то предрассудки или комплексы? — внушительно растянул фразу.

— Конечно. Я ж нормальный человек. У меня полно всяких предрассудков и комплексов.

— Главное, чтобы ты не была вегетарианкой, иначе у нас точно ничего не получится. — Алёна засмеялась, и он кивнул. — Не люблю я их. Злые они все.

— Нет, я не вегетарианка, — успокоила его, — но я страшная ханжа. Не ношу коротких юбок и прозрачных блуз.

— Кошмар просто, — наигранно ужаснулся Шаурин. — Может быть, я как-нибудь стерплю этот удручающий факт. Возьму себя в руки и стерплю. — Он замолчал и замер на ней смеющимся взглядом.

Лодка бесшумно скользила по воде, весла мягко поскрипывали. Молчать с Шауриным было не напряженно, но разговаривать — в сто раз увлекательнее. Потому Алёна не дала возникшей паузе затянуться.

— Продолжай, я так и не услышала ответ на свой вопрос.

Ваня усмехнулся и немного снисходительно заговорил:

— Ну ты же не думаешь, что сразила меня своей неземной красотой? Или я по нескольким нашим невнятным диалогам смог сделать какой-то вывод о твоих потрясающих умственных способностях? Просто понравилась. Устраивает тебя такая формулировка?

— Вполне, — улыбнулась Алёна. — Меня очень даже устраивает такая формулировка.

— Слава Богу. А то я прям вздрогнул.

— А почему ты пригласил меня сюда? Неожиданно как-то... — чуть пожала плечами.

— Ну, если мне будет лень разговаривать, и я захочу отвлечь от себя твое внимание, то потащу тебя в какое-нибудь пафосное место. Чтобы ты смотрела по сторонам, лишь изредка перебрасываясь со мной незначительными фразами.

— М-мм, а ты не спросишь про мою мотивацию - почему я согласилась?

— Нет.

— Отчего же? А вдруг я какая-нибудь охотница за богатыми мужиками. Вдруг я просто собираюсь тебя использовать?

— Ты - меня? Использовать? — расплылся в скептической самодовольной ухмылке. — Каким образом, интересно, ты можешь меня использовать? Шубку попросишь? Ну что ж, я человек щедрый. Хотя, честно говоря, лелеял надежду избавиться от своего собственного предрассудка.

— Какого?

— Что все в этой жизни покупается.

— О, это ты точно по адресу. Мои задвиги тебе ни за какие деньги не выкупить.

— У всех свои недостатки.

— Какие у тебя?

— У меня только один. А так я просто идеальный.

— Всего один?

— Да. Невыносимый характер, сволочной. Тебе этого вполне хватит для бодрости.

Алёна рассмеялась:

— Как самокритично.

— Да что ты. Никакой самокритики, лишь точный расчет. Чтобы ты потом не вздумала мне сказать: ах, подлец, ты меня обманул! Все карты на столе - теперь твой ход. Если что, давай вплавь к берегу.

Алёна отцепила пальцы от деревянной перекладки, сложила руки на коленях и расслабленно вытянула ноги. Улыбнулась таинственной непонятной улыбкой.

— Ты нечестно играешь.

— Ты тоже.

ГЛАВА 5

На следующий день Алёна решила проведать дядю. Как-то Вика не очень понятно обмолвилась

о состоянии отца. Хотя, чему удивляться: Вику кроме ее собственных забот ничего и никогда не волновало. Бесплезно ждать от нее какого-то нового ощущения жизни, какого-то осознания. Да и попросту совестно немного стало. Отпуск почти подошел к концу, а дядю Володю только пару раз и видела. А выйдет на работу, вообще закрутится как белка в колесе. Тем более самого дядю тоже дома трудно застать. Он руководил компанией по производству торгового оборудования. Компания у него не крупная, средних, так сказать, масштабов, но доход приносила хороший и стабильный. Такой, что любимая доченька гендиректора могла, не заглядывая на банковскую карточку, ни в чем себе не отказывать.

Владимир Савинский в своих кругах был известен, позиций не сдавал и доверием большим пользовался. Ему ничего не досталось просто так. Сам начинал, с нуля, с небольшого производства. Чтобы встать на ноги и держаться на них так уверенно, как сейчас, ему пришлось много работать и, как водится, даже кое-чем пожертвовать. Не без этого. Жена лет шесть назад от него ушла. Подправила внешность и решила, что достойна большего, чем стареющий, уже не пышущий здоровьем муж. Собственно, этот факт никогда не расстроил. Савинский погрузился скорее на рефлексе, чем от души, а потом снова окунулся с головой в работу. Лада у них в семье никогда не было. Даже Вика, судя по всему, не особо горевала.

Алёна не стала звонить в домофон, воспользовалась своими ключами. Поднялась в квартиру, дядя встретил ее на пороге. Его широкое простоватое лицо сияло улыбкой, отчего морщины около рта стали еще глубже.

— Дядюшка, привет, — в привычной манере тепло поздоровалась племянница.

— Привет, Алёнушка, привет. Забыла совсем про меня.

Не любила Алёна, когда ее так называли, но дяде ни слова не говорила. Ему позволялось.

— Каюсь, грешна, каюсь. Лето, солнце, пляж...

— Конечно, дело молодое. Чайку попьем?

— Чайку обязательно. Вики нет?

— Нет, выскочила по делам.

— Ах, ну да, у нее же дел куча, — не удержавшись, съязвила.

Они прошли на кухню, Алёна привычно начала хозяйничать, поставила чайник, выставила на стол чашки, потом открыла холодильник и поджала недовольно губы.

— Вика хоть бы что-нибудь приготовила.

— Она на диете, не хочет соблазняться.

Племянница ответила на эти слова тяжелым вздохом, ибо слова тут бесполезны.

— Заварить свежий?

— Если не трудно, — улыбнулся Савинский.

Любил он, когда Алёна чай заваривала. Такая она с детства - внимательная, не равнодушная к мелочам. Всегда спросит, как дела, чай заварит, ужин разогреет. Бывало, кроме нее и не побеспокоится никто: голоден ли он, хорошо ли себя чувствует. Тем больше видеть

равнодушие собственной дочери. Никак не мог понять, что не так сделал, где ошибся. Любил же Вику всем сердцем, никогда ни в чем не отказывал, не упрекал.

Когда чай заварился, Алёна аккуратно наполнила чашки и уселась за стол.

— Дядюшка, ты бы Вику пристроил куда-нибудь. Работать начнет, глядишь, и поумнеет, — коснулась Алёна больной темы. Этот вопрос не раз уже обсуждался, но дальше разговоров дело не зашло.

— Я неоднократно ей предлагал, она не хочет.

— Не понимаю я, как можно так бесцельно жить, — осуждающе покачала головой. — Ну не для того чтобы убиваться, карабкаясь по карьерной лестнице, а чтобы просто чем-то себя занять, можно же работать! Пусть пройдет курсы флористов и цветочки в букет собирает. И для души, и хоть какое-то развитие.

— Девочка моя, ну о чем ты говоришь... — обреченно вздохнул Савинский и замолчал. Задумался крепко.

Алёна тоже вздохнула. Притаилась, попивая чай. Ей трудно было понять Вику. Сама она, после того как школу окончила, стала жить отдельно. Спасибо дяде — помог с жильем разобраться. Продав недвижимость, доставшуюся ей от родителей и купил хорошую большую квартиру. Еще студенткой, учась на третьем курсе психологического факультета, Алёна начала работать, — пусть на полставки, но зато по специальности. Теперь к двадцати пяти годам имела приличный стаж и хороший опыт. И в отличие от Вики Савинской, Алёна Лейба всегда точно знала, чего хочет. Никогда не жила просто мечтой. Все ее мечты были тесно связаны с реальностью.

Отчасти Алёна понимала, в чем ошибка Савинского. Он всегда был мягким человеком и только в работе напористым. Наверное, все свое упрямство там оставлял, домой возвращаясь, как пластилин. Жена из него всю жизнь веревки вила, а он позволял, совестью мучаясь, что из-за большой занятости не может уделять семье достаточно времени. Потому, как большинство состоятельных людей, отсутствие внимания к дочери и жене компенсировал деньгами. Только вот любовь за деньги не купишь. Алёна это прекрасно знала. И сама вот так же когда-то ошибалась. Вот так же пыталась она в детстве «купить» внимание взрослых. Только не деньгами, а поступками. Все пыталась быть хорошей девочкой, все ласкалась, старалась во всем угодить и порадовать. Только нельзя угодить человеку, который тебя ненавидит всей душой. И всей душой желает от тебя избавиться. Мешала она ей очень, «любимой» тетушке. Чего только Алёна от нее не натерпелась.

— Давай я тебе что-нибудь приготовлю, у меня есть время, — предложила от души. Несмотря ни на что, к дяде Володе испытывала огромную благодарность, помимо искренней дочерней любви, конечно. Ведь мать ее была не родной ему сестрой, а только по отцу. Мог он и не взваливать на себя такую обузу — чужого ребенка. Но Савинский сразу оформил опеку и забрал ее к себе. Года три ей было, когда родители умерли.

— Нет, я скоро уйду, посиди спокойно, хоть поговорим с тобой. Как у тебя дела?

— А как у меня могут быть дела? — по-доброму улыбнулась. — Хорошо у меня дела. Просто прекрасно. Я же в отпуске. Сплю до обеда, отдыхаю, развлекаюсь. Со Светкой по магазинам бегала, выбирали ей платье свадебное.

— Выбрали?

— Ага, выбрали. Шикарное, дорогущее. Ткань итальянская, стразы Сваровски, мама родная, за что такие деньги.

— Ну так, Светка наша за такого принца замуж собралась, платье должно быть соответствующее, — усмехнулся Владимир.

К Свете Павловой относился он с отцовской нежностью. Алёна, Вика и Света в одном классе учились, с детства дружили. Алёна со Светой — больше, но с тех пор как Света с Игорем познакомилась, Вика стала дружить с ней теснее. Кровь из носу той нужно было влиться в компанию жениха подруги. Алёна по этому поводу проявляла меньше рвения и познакомилась с друзьями Радченко около трех месяцев назад, а свободно общаться начала, только когда в отпуск пошла. С Шауриным познакомилась позже всех, потому что его последние месяцы в городе не было.

— Это точно, — протянула одобрительно Алёна. — Я потому и в свидетельницы не пошла, потому что у меня просто денег не хватит, чтобы платье по статусу купить.

— Так что ж ты не сказала.

— Шучу я.

— Нет, правда, Алёна!

— Шучу я, шучу! Ты что, ты и так меня постоянно балуешь! — воскликнула Алёна и засмеялась. — Конечно, я не куплю, да мне и не надо, такого дорогущего наряда, как у Вики, но приличное платье у меня будет. Приличное платье я себе купить в состоянии.

— У меня никого нет, кроме тебя и Вики, кого мне еще баловать, — усмехнулся Владимир. — А ты замуж не собираешься?

— Боже, спаси меня и сохрани. Аминь, — перекрестилась Алёна.

Дядя Володя мягко рассмеялся.

— Ты неисправима.

— Ни за что на свете. — Повернулась на доносящийся из прихожей стук каблуков.

— О, Алёнка, привет! Чаи гоняете? — Вика скинула босоножки у порога кухни, скривилась, разминая ступни, и двинулась к холодильнику за минералкой.

— Ладно, девочки мои, мне пора. Алёна звони чаще.

— Хорошо, — пообещала племянница и пошла вслед за дядей, чтобы проводить и захлопнуть дверь. Вика устало плюхнулась на стул и свернула крышку со стеклянной бутылки.

— О чем болтали? — спросила, когда сестра снова появилась на кухне.

— Да так, трепались о том, о сем, — Алёна сполоснула чашки. В кармане шорт зазвонил телефон.

Быстро вытерев руки о кухонное полотенце, ответила на звонок:

— Ваня, привет... Я через час буду дома... Ладно, — сказала, улыбаясь, и положила трубку.

— Кто это звонил? Какой такой Ваня? — подозрительно прищурившись, спросила Вика. Черты ее лица неприятно заострились.

— Шаурин, — невозмутимо ответила Алёна.

— В смысле?.. — опешила сестричка. — А с чего ради он тебе звонит?

— Встретиться хочет. Сказал - заедет. Наверно, пойдем куда-нибудь гулять. А что?

У Вики сначала пропал дар речи, но она быстро взяла себя в руки.

— А почему ты мне об этом не сказала?

— А с чего ради? — высокомерно спросила Алёна. Впрочем, вопрос был риторический.

— Да ты хоть понимаешь, куда ты лезешь?! — возмущенно заорала Вика. — Ты хоть имеешь представление - кто он? Из какой семьи? Кто его родители? Да у него папа бывший криминальный авторитет! И мамочка тоже та еще акула!

— Да что ты! — Алёна послала в ответ язвительную усмешку. — Ну тогда это многое объясняет, знаешь ли. Мне теперь еще больше хочется узнать о нем и его семье. Ты меня заинтриговала, — не повышая голоса, сказала она. — Никогда не общалась с живыми криминальными авторитетами. Прямо горю желанием. А если мамочка у него акула, то такая мелкая рыбешка, как я, ее явно не заинтересует. Так что можешь не волноваться и не переживать по поводу моего здоровья. Ты ведь за меня волнуешься, да, сестра?

Вика тяжело дышала, словно совершила хорошую пробежку, глаза зло сверкали. Сказать ей было нечего, поэтому она не придумала ничего лучше, как ударить сестру по лицу. Размахнувшись, она вlepила Алёнке оглушающую пощечину. Алёна сначала ошеломленно застыла, потом вскочила со стула.

— У тебя совсем крыша поехала? Психопатка чертова! — тронула горящую щеку, скользнула по разбитой губе. Отняв руку от лица, увидела на пальцах кровь. — Вот ты сука! — выругалась и пошла в ванную взглянуть на себя в зеркало.

— Тварь неблагодарная! Вырастили тебя, выкормили!.. — Вика заговорила словами матери. Точь-в-точь. Та же желчь в каждом звуке и жгучая ненависть. И ненормальное удовлетворение во взгляде при виде крови сестры.

Услышав в спину брошенные слова, Алёна развернулась. Да так круто и агрессивно надвинулась на Вику, что та вздрогнула, испугавшись, что в ответ получит по лицу.

— Ты ко всему вышеупомянутому, к тому, как меня вырастили и выкормили, ты не имеешь никакого отношения! Ясно тебе? И я умею быть очень благодарной, только к тебе это тоже ни в коей мере не относится! — взревела Алёна. Наверное, даже соседи услышали этот рев. Редко можно было увидеть ее в таком состоянии. Она и сама забыла, когда последний раз орала вот так. Но сегодня не смогла сдержаться, да и не пыталась, собственно.

Всегда старалась относиться к Вике лояльно, раз уж теплых душевных отношений у них не вышло. Видела в ней маленького обиженного ребенка, которому просто не хватило в свое время родительской заботы и любви, и в глубоком детстве даже чувствовала себя виноватой, но, к счастью быстро поняла, что мучиться из-за этого совестью, последнее дело.

В ванной Алёна открыла холодную воду и подержала под ней руки, пытаясь остудить горячие ладони. Они не дрожали, но все же давно, казалось бы, забытые детские ощущения всколыхнулись в груди. Дыхание комом в горле встало, язык словно отнялся. Чувствовала, что вот-вот не сможет вымолвить ни слова, и, как в детстве, начнет заикаться.

Выхватив из кармана телефон, она тут же набрала номер Шаурина. Он ответил сразу. Она сразу ему и заявила:

— Ваня, мы не сможем сегодня увидеться.

— Почему? — спокойно спросил он.

— У меня изменились планы.

— Так быстро?

— Так сложились обстоятельства, извини.

— Хорошо, — он положил трубку.

Алёнка сунула телефон обратно в карман и задыхалась часто-часто. Радоваться бы, что успела произнести эти фразы ровно, но плакать хотелось оттого, что все же пришлось их говорить. Хотела же с ним встретиться, очень хотела, но только не в таком состоянии и в таком виде. Только не сегодня. И так эти несколько слов еле выговорила.

Ополоснула лицо холодной водой, чуть успокоив щеку после оплеухи. Это не беда, быстро пройдет, а вот губа разбитая... Чтобы избавиться от тошнотворного железистого привкуса, прополоскала рот и еще некоторое время побыла в ванной: умывалась ледяной водой и глубоко дышала; глубоко дышала и умывалась. Когда почувствовала себя лучше, вышла и, само собой, не прощаясь, покинула квартиру. Стараясь мысленно отрешиться от всего, что произошло, медленно побрела к дому. К дяде она пришла пешком, потому что жила недалеко. По дороге заглянула в аптеку, купила заживляющую мазь.

Шла Алёнка не торопясь, ветерок приятно охлаждал плечи, лицо уже не горело, внутри как будто все успокоилось. До той поры, пока не увидела около своего дома черный Lexus. И Шаурин, мать его так, как только заметил ее, сразу вышел из машины. На нем был строгий темно-серый костюм и белоснежная рубашка. Ваня хлопнул дверцей, подцепил верхнюю пуговицу пиджака и, застегивая ее, шагнул навстречу. Настолько отточенным движением он это сделал — привычным, безусловным, как рефлекс. Почему-то именно этот жест пошатнул Алёнкино самообладание. Что-то странно дрогнуло внутри. Если бы увидела Ивана раньше, точно бы развернулась и улизнула, пока он ее не заметил. Но поздно. Не убежать же сейчас. Ускорив шаг, подошла к нему.

— Ты чего мне голову морочишь? — с ходу огорошил ее непреклонным и даже резким тоном.

Алёна и без того растерянная, растерялась еще больше. Забыла, что хотела сказать ему. Такого его не узнавала. Строгий костюм, словно задавал тон поведению, делая Шаурина жестче. Много жестче и опаснее, что ли.

— Я не морочу, — нервно пожала плечами.

Ваня окинул ее внимательным взглядом и сбавил обороты, спрашивая чуть мягче:

— Что случилось? Что с тобой?

Вот этих вопросов Алёна ужасно боялась и не хотела отвечать. Как рассказать ему о том, что произошло, и не выглядеть при этом идиоткой? Никак. Ситуация идиотская в любом случае.

— С сестрой повздорила.

— Ого... — вполголоса протянул он, — какие у вас нежные отношения.

— Угу, родственников, как Родину, не выбирают.

— Ну-ка, давай, — он вдруг открыл дверцу со стороны пассажира и подтолкнул Алёнку к машине, — поехали.

— Куда? — обернулась, пытаясь сопротивляться.

— Со мной, — надавил ей на затылок и затолкал в салон.

— Куда? — вспыхнула возмущением.

— Тихо, — захлопнул дверцу и посмотрел строго. — Сиди тихо, — приказал, словно был уверен, что пока будет обходить машину, чтобы сесть за руль, она выскочит и убежит. В общем, Алёна мечтала так и поступить, только не решилась. Осталась сидеть на месте, хоть и вдохновения от появления Шаурина совсем не испытывала. Расстроилась еще больше.

Ваня тронул машину, а потом набрал чей-то номер.

— Мама, ты дома?.. Прекрасно. Я сейчас заеду, — убрал телефон в карман пиджака и посмотрел на Алёну: — Учти, у меня семейка не совсем нормальная, но добрая.

— Мы что - к твоим родителям едем? — опешила она.

— Да.

— Ты спятил?

— Нет.

— Я не поеду к твоим родителям, — сказала жестко.

— Ты уже едешь.

— Я никуда с тобой не поеду! Останови машину!

— Не остановлю. Если хочешь, на ходу прыгай.

— Я сейчас тебе устрою скандал. Истерику. Хочешь? — пригрозила запальчиво, а он в ответ послал ей довольную улыбку.

— Хочу. Обожаю истеричек. Это мой любимый женский типаж. Вы такие интересные, у вас столько проблем.

— А ты любишь их решать и решать... — проговорила с неприкрытым сарказмом.

— Зачем же? — ухмыльнулся он. — Я люблю проблем добавлять. Так что давай - исполняй.

— Я не истеричка.

— Разумеется, — снова улыбнулся, не глядя на нее. — Ты же само совершенство. Сейчас возьмешь себя в руки и понравишься моей маме.

— Я не собираюсь нравиться твоей маме!

— Зря.

Алёна сжала кулаки и рыкнула:

— Шаурин, черт тебя подери!

Он довольно засмеялся, чуть откинув голову.

— Где моя подушка? — простонала, закрыв лицо руками.

— Зачем тебе подушка?

— Покричать и успокоиться. Я не кричу на людей, зато кричу в подушку.

— Давай сюда, — похлопал себя по плечу.

Она так и сделала. Решила не стесняться, какое уж тут стеснение. Не раздумывая, уткнулась в его рельефный бицепс и покричала. Потом спокойно откинулась на свое сиденье и безмятежно вздохнула, прикрыв глаза.

— И мне совершенно наплевать, что ты сейчас обо мне думаешь.

— Естественно, по-другому и быть не может, — ответил он с улыбкой.

Алёна по голосу слышала, что улыбался. С закрытыми глазами видела чувственный изгиб его губ. Все его эмоции были на губах. Всегда.

— Скажи мне имя-отчество твоей матери, — проворчала, не открывая глаз.

— Юлия Сергеевна.

— Юлия Сергеевна... — промурлыкала Алёна, открыла сумку и достала зеркальце. — Моя бабушка курит трубку... курит трубку бабушка моя... — глянула на себя, напевая вполголоса.

Пока доехали до семейного особняка Шауриных, Алёна успокоилась. Ну, внешне точно успокоилась. А внутри, как ни крути, испытывала некоторое волнение. И надо сказать, слова Вики про папу-авторитета и маму-акулу все-таки осели в голове. Может быть, Вика и раньше что-то подобное говорила, но Алёна все это благополучно пропускала мимо ушей, стараясь не засорять свой мозг фактами о человеке, с которым сама даже не знакома. А теперь вот задумалась. И на Ваню посмотрела другими глазами.

— Пойдем? — Ваня взял ее за руку, и Алёна, не сопротивляясь, ответно сжала его широкую ладонь.

— Пойдем, — прошептала обреченно, глядя на статное трехэтажное здание из терракотово-красного кирпича с каскадом разновеликих портиков.

Они поднялись по гранитной лестнице и вошли в дом. У входной двери Алёна задержалась – чтобы прислушаться, вдохнуть, почувствовать атмосферу. Ведь и стены говорить умеют. Ваня ее не торопил, будто давая ей возможность привыкнуть к помещению. У лестничного портала она замерла, невольно бросив взгляд наверх.

— Хочешь, я потом покажу тебе дом?

— Хочу, — медленно произнесла она и тут же посмотрела на Ваню, сбрасывая легкое оцепенение. — Хочу, — снова сжала его ладонь, как будто сообщая, что готова следовать за ним.

Они пошли через анфиладу комнат. Взгляд останавливался то на дизайнерской мебели, то на постмодернистской живописи на стенах. Палитра бежево-серых оттенков усиливалась сложными элементами декора. Все было исполнено в стиле сдержанной роскоши. Но роскоши уютной, домашней. На мягкий, обитый светлым текстилем, диван в гостиной так и хотелось присесть и уютно устроиться в уголке, а на стеклянный столик у выхода на террасу просилась чашка фруктового чая.

— Мама, — позвал Иван, когда они с Алёной оказались в кухне.

Она стояла к ним спиной и что-то делала у стола, похоже, разрезала пирог. Услышав голос сына, повернулась с приятной улыбкой, но улыбка та сползла с лица при виде Алёны, сменившись не то разочарованием, не то удивлением.

— Неожиданно... — проговорила она глубоким голосом и отложила нож.

— Мы ненадолго, только поздороваться. Мама, познакомься, это Алёна, — в глазах у Ваньки появилось уже такое ненавистное Алёнке, смешливое выражение. Кажется, только его одного эта ситуация чрезвычайно забавляла.

— Очень приятно, — справившись с собой, дежурно-вежливо ответила женщина. — Поздороваться так поздороваться. Ты сказал, что заедешь, я чай заварила. Если хотите, то кофе попьем, — посмотрела на Алёну, вынуждая взглядом ответить.

— Чай. С огромным удовольствием, — кивнула та и даже сделала попытку улыбнуться. — Ваня, покажи, пожалуйста, где я могу руки помыть? — тактично попросила.

Ваня улыбнулся. Теперь уже знал, что скрывается за ее бесстрастностью.

— Конечно. Пойдем, — услужливо, до оскомины на зубах, проговорил он и коснулся ее спины, направляя в сторону гостевой ванной на первом этаже. Алёна пошла быстро, словно не твердой мужской рукой направляемая, а гонимая каким-то другим чувством. Только когда вышли из кухни, поняла, что, забыв о приличиях, простояла как истукан и даже не поздоровалась с Ваниной матерью.

Они вернулись во входную зону, и Шаурин открыл одну из темных дверей. Мимо пробегающая Катя, увидев Алёну, удивленно приостановилась.

— Привет, Катюш, — невозмутимо поздоровалась девушка.

— Алёнка, привет, — чуть изумленно протянула Катя, и словно приходя к какому-то пониманию, ткнула пальцем сначала в Ваньку, потом в Алёну, расплылась в нагловатой глубокомысленной ухмылке, хохотнула и побежала дальше.

— А вы знакомы? — спросил Иван.

— Представь себе, — буркнула Алёна и устало посмотрела на себя в зеркало. Поправила волосы, хотя состояние волос ее меньше всего волновало. Сейчас модно носить на голове беспорядок. Так что, после небольшой потасовки с сестрой, ее беспорядок выглядел более чем стильно. Светлые хлопковые шорты и майка цвета морской волны не должны вызвать каких-то нареканий — как раз подходящий для лета наряд. И для того, чтобы заехать просто «поздороваться» тоже. Юлия Сергеевна сама в белоснежных шортах и тонкой джинсовой рубашке. Вот только Ваня своим строгим костюмом явно нарушал баланс. От этого все внутреннее противоречие.

Снова вернулась растерянность, Алёна и не пыталась ее скрыть. Та все равно прорывалась в неловких движениях. Ваня шагнул к ней, показалось, чтобы обнять.

— Не трогай меня, — вскинула руки. — Свою дозу окситоцина я уже получила.

— Дозу чего? — переспросил он и открыл воду.

— Окситоцин — нейрогормон. Гормон объятий. Так его называют. Сердце бьется, сосуды сужаются и в теле приятная истома. Окситоцин и при стрессе тоже выделяется. Так что считай — я с тобой уже на сегодня наобнималась. Ты меня прям с ног до головы облапал.

— То есть, я могу тебе просто нервы потрепать, и ты уже закайфуешь. Как здорово. — В ответ Алёна глубоко вздохнула, пытаясь сдержать накатившее раздражение. — Ладно, не нервничай, — миролюбиво сказал Шаурин и вышел.

— Ваня, — напряженно сказала мать, когда снова увидела сына, — а нельзя было сделать все как-то по-другому? Цивилизованно, что ли. Вот у девушки на лице написано, что ты ее сюда силком приволок. Нужно было предупредить, дать ей время подготовиться. Поужинали бы вместе. Или пообедали. Ты знаешь, что отца сегодня дома нет. Почему нужно было устраивать все вот так?

— Потому что в другой день, если дать ей время подготовиться, у нее обязательно будут свои заморочки. Она сделает все как надо. Будет вести чинные беседы, говорить то, что вы хотите услышать, и выглядеть так, что обязательно вам понравится. А знакомство с отцом, мама, это элемент совершенно другого шоу. Вот к этому она точно еще не готова.

— Ванечка, а ты, вероятно, хочешь, чтобы она нам не понравилась? — посмеялась Катя. — Я ее пару раз видела со Светкой. Прикольная она деваха. Такая... — задумалась, подбирая слово, — с юмором. Точно! С юмором. Тебе, наверное, с ней весело.

— Я прям тащусь.

— Я вижу.

Катя залилась смехом.

Так долго и тщательно Алёна еще никогда не мыла руки. Вернувшись на кухню, Ваню там не застала. Его мама уже расставила на большом обеденном столе чашки и разлила чай.

— Может быть, хочешь с лимоном?

— Не откажусь, — согласилась Алёна, хотя чай с лимоном не любила. Но согласилась, чтобы не

начинать разговор с отрицания.

— Катюша... — обратилась Юлия к дочери, и та без лишних слов достала из холодильника лимон и взялась за нож.

Юлия Сергеевна села за стол и взглядом пригласила Алёну. Тут сложно было разобраться, чья больше заслуга в установившемся понимании — то ли Ванина мать имела способность выражать свою волю лишь взглядом, то ли сама Алёна ее на каком-то ином уровне уже почувствовала.

— Только не надо говорить, как ты рада со мной познакомиться, и что мой сын много про меня рассказывал. Это неправда. Очевидно, что обо мне ты знаешь ровно столько, сколько я о тебе, — сказала Юлия, не дав Алёне раскрыть рот.

Девушка сначала смущенно застыла, а потом смело согласилась:

— Да, все так. Тогда можно вы сразу обдадите меня самым презрительным взглядом, а я не буду мило улыбаться и делать вид, что мне безумно хорошо и приятно в этот момент.

После этих слов во взгляде женщины появилось высокомерие, которого раньше не наблюдалось.

— Пфф, какой ужасный стереотип. Почему ты считаешь, что я обязательно должна обдать тебя презрительным взглядом? — с усмешкой покачала головой. — Если Иван считает, что сегодня ты должна быть здесь, значит, ты должна быть здесь. Я никогда не ставлю решения сына под сомнение. У нас в семье каждый сам несет ответственность за свои деяния. Так заведено. Так мои дети воспитаны. Я уж не знаю, какие у вас с Ваней отношения, но могу тебе сказать на будущее: он никогда не совершает случайных и бессмысленных поступков.

Тут Алёна улыбнулась. Улыбнулась искренне, потому что внутри стало вдруг невероятно легко.

— А мы с вашим сыном дружим. Просто дружим, — сказала она с огромным удовольствием, испытывая к Ваньке что-то сродни благодарности за такое определение их отношений. Так правильно и радостно сейчас оказалось и думать, и говорить, что не спит она с ним, не встречается, а просто дружит.

Юлия Сергеевна в ответ улыбнулась, лицо ее как-то просветлело. И что поразительно, совсем не удивилась она услышанному.

— Давай пить чай, — со вздохом, как-то ласково, сказала она и положила Алёне кусок яблочного пирога.

Алёна подвинула к себе изящную чашку и с сомнением посмотрела на свою тарелку. Это, наверное, невероятно вкусно. Хрустящее песочное тесто, яблочная начинка и сахарные белки сверху. Если бы не корица.

— Что такое? — Юлия заметила сомневающийся взгляд девушки.

— Я не очень люблю корицу, — все же взяла ложечку, чтобы попробовать пирог.

— Что значит - не очень люблю корицу? С таким выражением лица, какое сейчас у тебя, ты должна ее просто ненавидеть. Так и скажи: я терпеть не могу корицу. Отодвинь от себя тарелку и не мучайся. Не надо давиться тем, что ты терпеть не можешь, чтобы сделать мне

приятно. Ваньке поставь, он это любит. Съест за двоих.

— Да, я терпеть не могу корицу, ненавижу просто, — подтвердила Алёна и передвинула тарелку.

Ничего не скажешь, у Ваньки потрясающе красивая мама. Очень ухоженная. Хотя при ее статусе и положении по-другому просто быть не может. У Шауриной есть все возможности, чтобы выглядеть достойно. Она просто обязана выглядеть так, как сейчас выглядит. А главное, фигура у этой женщины стройная, но плотная, не иссушенная постоянными диетами. Губы у Ваньки от матери – мягкие, чувственные. Вот так же Юлия улыбалась: скрывала за улыбкой все, что можно скрыть, и говорила улыбкой то, что в словах не досказала. И глаза серо-зеленые у Ваньки тоже от нее.

— Ты почему не ешь? — спросил Ваня, усевшись наконец за стол. Он переоделся. Незаметно для себя Алёнка облегченно вздохнула, увидев его в джинсах и бледно-голубой футболке. Таким видеть его привычнее, такой он ей ближе и роднее.

— Я терпеть не могу корицу.

— Конфеты будешь?

— Конфеты буду.

— Алёнка, ты сегодня какая-то невеселая, — сказала Катя, как будто воспользовавшись моментом, пока брат отошел.

— Я сегодня жертва обстоятельств.

— Ванечки, что ли?

— Угу, Ванечки.

— Да, — со вздохом протянула Катюша, — я бы не хотела, чтобы меня к маме жениха приволокли насильно. Я бы такого не простила.

Алёна разомкнула губы, собираясь ответить, что тоже не простит, но вовремя осеклась, чтобы не расписаться в таком громком определении их с Ванькой связи. Да и Катюша смотрела на нее так хитро и умно, явно ожидая реакции.

— Я девушка мстительная, тоже что-нибудь придумаю, — осторожно подбирая слова, ответила Алёна.

— Что, например? Тоже познакомишь меня со своими родителями? — усмехнулся «виновник» сложившихся обстоятельств.

— Нет. Тебе повезло. У меня нет родителей, они давно умерли, — спокойно, даже немного равнодушно, сказала Алёна.

За столом наступила гробовая тишина. Юлия Сергеевна бросила на Ваню уничтожающий взгляд. Ваня, как и следовало ожидать, и бровью не повел.

Домой Шаурин привез Алёнку поздно. Она чувствовала себя усталой, без сил, будто из нее все соки высосали. И все равно отпустить Ваньку не хотелось.

— Хочешь кофе?

— Хочу.

— Пошли. Мне кажется пора поставить в сегодняшнем кофе-чаепитие финальную точку. У меня сегодня прям бон вояж, езжу по гостям и чай распиваю.

Хотя Ваня у нее в квартире был в первый раз, особого интереса он не проявил, не стал осматриваться, прошел за ней в ванную вымыть руки, потом на кухне послушно уселся за стол.

— Так кофе или чай? — еще раз уточнила Алёна.

— Так кофе.

— Чувствую себя зверски голодной, хочу бутерброд. Будешь со мной?

— Я не ем колбасу.

— Я тебе колбасу не предлагаю. Я ее сама не ем.

— Тогда буду с тобой. Радеешь за здоровый образ жизни и ешь только здоровую пищу?

— В своих мечтах, — завозилась у холодильника. — И кофе у меня растворимый.

— Я жутко в тебе разочарован.

Через пару минут на столе появилась тарелка, на которой лежали бутерброды с майонезом, яйцом и маринованными огурчиками.

— Осторожно, огурцы острые.

— Я люблю острое. Надо же, сколько майонеза. Не боишься за фигуру?

— Нет, лишний вес не моя фобия. Я сначала куплю юбку пошире, а может быть потом встану на беговую дорожку, — ткнула пальцем за спину. Сквозь широкий дверной проем виднелась беговая дорожка, стоящая в дальнем углу гостиной. — Буду бежать и плакать. Плакать и бежать. Ой, Шаурин, — усмехнулась она, глядя, как он с удовольствием ест бутерброды с маринованными огурцами, — кому скажу - не поверят...

— Конечно, не поверят. Можешь даже не стараться распространять обо мне всякие подозрительные слухи. Все факты, выпущенные обо мне в массы, тщательно выверены. Остальное будет несуразным противоречием. Я еще сало с чесноком люблю и водку. Но в это тоже никто не поверит.

— Ванечка, — Алёна положила ладонь на его запястье и доверительно пригнувшись, прошептала, — у меня есть сало с чесноком. Представь...

— Шутишь?

— Ни капли. Это мы с дядюшкой убиваемся, он меня им регулярно подкармливает.

— Что ж ты мне сразу не предложила?

— С ума сошел? Я трясущимися руками тебе бутеры с майонезом делала, хочешь, чтобы я

совсем упала в твоих глазах?

— После растворимого кофе и майонеза ты уже и так на самом дне – падать ниже уже просто некуда, — поддержал ее ироничный тон.

— Какое счастье! — засмеялась Алёна, облизнула палец и встала со стула.

— Только потоньше нарежь, — попросил он.

— Как бумагу?

— Как салфетку.

— Ну ты и гурман...

Книга предоставлена группой в контакте “Ольга Горováя и другие авторы журнала САМИЗДАТ”

<http://vk.com/olgagorovai>

(Ксения Авдашкина)

ГЛАВА 6

Алёна смотрела на стеклянное панно с фотопечатью в виде черно-белых городских перспектив и не могла оторвать от него глаз. Огромное, почти во всю стену, оно завораживало не то темнотой ночи, не то яркими огнями. У Шаурина в квартире вообще вся концепция интерьера построена на черно-белом контрасте с отсылками к ар-деко, — исполнена в узкой цветовой гамме, но удачно обыграна в разности фактур. Тут и серая кожа в обивке мебели, и на стенах белое многослойное текстурное покрытие с перламутром, и блеск металла в предметах декора – все играло. И пол, конечно, пол, черный, глянцевый. По всей квартире сплошное каменное полотно с серыми прожилками. Поначалу Алёна даже поймала себя на мысли, что ступать на этот пол не хочется. Кажется, холодный он, неприятный. Но нет, удивилась невольно, когда босыми ступнями почувствовала тепло.

Повернувшись к противоположной стене, ткнула пальцем в плазму:

— Ты же не смотришь телевизор.

Ванька стоял тут же в гостиной и наблюдал за девушкой, расслабленно облокотившись о радиусную барную стойку. После слов Алёны он бросил взгляд на висящий позади телевизор, словно вспоминая, зачем и правда повесил его на стене.

— Это декор, — ответил с усмешкой.

— То есть иногда ты все-таки делаешь то, что от тебя ждут?

— Иногда делаю. Ну, давай-давай, не останавливайся. У тебя же есть, что сказать.

Алёна поджала губы, храня на лице таинственное выражение.

— Ну ты же не сам проектировал дизайн? Тут явно работали профессионалы.

— Конечно, но я же высказал свои пожелания. Обсуждал детали. Это то, что я хотел получить.

— Напрашиваешься на диагноз? — уперла руки в бока.

— Напрашиваюсь, — оттолкнулся от столешницы. — Ты хотела посмотреть, как я живу. Ты у меня дома - валяй.

Алёна задумчиво оглянулась и серьезно сказала:

— Мне надо все посмотреть поближе и подумать. Чтобы насочинять тебе красиво.

— Смотри. Давай красиво.

— Я буду чай с апельсином. Если это не декор, — взглядом указала на круглую стеклянную вазу с апельсинами, стоящую на барной стойке, и жестом отправила Шаурина на кухню, не желая, чтобы он ходил за ней по пятам. И так не могла сконцентрироваться в его присутствии. И расслабиться тоже не могла.

— Не декор, — улыбнулся. — Чай с апельсином... Будет тебе с апельсином.

Ваня отошел, и Алёна вздохнула немного свободнее. Настолько, насколько это вообще было возможно, находясь в шикарных апартаментах рядом с человеком, который бесконечно ее волновал. Последние дни с ней творилось что-то невероятное. С того момента, как покричала ему в плечо, будто в голове что-то переключилось. Никак не могла избавиться от запаха его сумасшедшего парфюма и ощущения тепла, которое почувствовала, утыкаясь ему в руку. От мыслей о Ваньке не могла избавиться и внутренней к нему тяги.

Осмотревшись в гостиной, Алёна перешла в прихожую и застыла перед широкими стеклянными дверями. На них было нанесено такое же изображение городских видов, как и в гостиной. Наверное, за ними находилась спальня. Но соваться туда без хозяина совсем уж как-то невежливо.

— Итак... — довольно подтолкнул Шаурин Алёнку к разговору, когда она, обследовав его огромную квартиру, вернулась на исходную точку.

— Ты очень агрессивный, — начала она.

— Да?

— Да. Вот эти твои собаки, — обернулась и указала взглядом на две серебристые статуи оскаленных псов, охраняющих объединенную зону кухни и гостиной, — ...и другие металлические предметы... Стальной холодный блеск сразу вызывает ассоциации с оружием. Опасность. И таких деталей в твоей квартире много. Статуэтка Будды, или как его там, божок в кабинете, картина в металлической раме в прихожей. Не золото же, не тепло, не роскошь, а сталь - холод. Ты умеешь стрелять?

— Конечно, — кивнул Иван.

— Конечно, — эхом повторила Алёна. — Вот видишь. Конечно. Ты даже не задумался. Сказал «конечно», как будто уметь стрелять, это что-то само собой разумеющееся в нашей жизни. Я вот, например, даже боевого пистолета ни разу не видела.

— А разве я что-то сказал про боевой пистолет? Я, может быть, пневматику имею в виду.

— Да ладно, — хмыкнула она.

— Хорошо, ладно. Я умею стрелять из боевого оружия. Это делает меня агрессивным человеком?

— Это делает тебя способным на агрессию, — выдала с умным видом, и Шаурин улыбнулся. А Алёна, снова напустив на себя сосредоточенный вид, продолжила: — Белые стены и нет острых углов. Объединенные зоны, все так обтекаемо. Ты такой, конечно, душка, — скользя пальцами по черной каменной столешнице, прошлась вдоль барной стойки, которая огибала стену с плазмой и уходила на кухню. — Но этого не заметно, это не ощущается. Черный пол. Черный фактурный... — Перекатилась с пяток на мыски и обратно. — Снова глянец, блеск, он поглощает эту мягкость и белизну стен.

— Может быть уравнивает?

— Это тебе уравнивает, а по мне, так он все поглощает. Где спальня?

— Пошли.

В прихожей Ваня указал на те самые широкие стеклянные двери, но не тронул их, позволяя ей самой войти в комнату.

— Приват, полный приват, — промурлыкала Алёнка, раздвигая двери. — М-мм, как у тебя здесь тепло и шоколадно.

— Так спальня же. Чтобы спалось хорошо.

Алёна подавила смешок и шагнула в комнату. В спальню ее потянуло. При том, что комната была решена в темноватых тонах, совсем не чувствовалось в ней мрачности, — больше тепла и уюта. Больше спокойствия. Стены в текстильных фисташково-шоколадных обоях. На полу массивная доска с неярко выраженной текстурой.

— Это крокодил? — коснулась ладонью высокого коричневого изголовья кровати.

— Угу, — Ванька кивнул.

Алёнка рассмеялась:

— Нет, Шаурин, все-таки ты белый и пушистый. Без сомнения! — снова рассмеялась. — У тебя изголовье кровати обито крокодиловой кожей, но ты вообще не агрессивный, ты добрый и понимающий. Разодрал крокодила над кроватью и добреешь с каждым днем все больше, и больше.

— Это декор, — ухмыляясь, сказал Иван.

— Ага, декор. Да у тебя все исполнено в таком стиле, что даже если какая-нибудь девица разбросает по квартире розовые лифчики и расставит рамочки с фотографиями, здесь ничего не изменится. Эти розовые лифчики потеряются на фоне этого брутального интерьера. Такое тут явное мужское доминирование.

Снова окинула спальню беглым взглядом. Наверное, если задернуть шторы, то в комнате станет темно даже днем, очень уютно для сна.

Шаурин обнял Алёну сзади и почувствовал, как она вздрогнула. Так приятно и беззащитно

вздрыгнула в его руках, но не возмутилась, а так чуть высокомерно глянула через плечо.

— Ты ко мне пристаешь?

— А у тебя по этому поводу остались еще какие-то сомнения?

Так близко ее губы. С ума сходил от этих губ. Да и вообще от нее с ума сходил. Не помнил, когда в последний раз испытывал такое бешеное влечение к девушке. И Алёнка сегодня такая очаровательно-загадочная и, как всегда, невозмутимая. С распущенными волосами, в узких белых джинсах и просторной футболке-тельняшке, оголяющей одно плечо. Только поблескивающие светло-голубые глаза выдавали ее явную заинтересованность в происходящем. И видеть это, ощущать, было безумно приятно, невероятно просто.

Ее округлая грудь дрогнула под его ладонью, — от рваного вздоха. Не смог сдержаться и не тронуть, это выше его сил. Осознание того, что под футболкой на ней нет белья, будоражило, лишало способности трезво мыслить. Едва себя контролировал, чтобы не раздеть ее и не завалить в спальне на кровать.

— Если ты ждешь, что я покраснею и стану возмущенно ахать, то не дождешься.

— Ты посмотри, и правда не краснеешь. И чтоб ты знала: я не пристаю, я с тобой знакомлюсь. Мы же должны узнать, удобно ли нам обниматься. Мне кажется, что нам очень удобно, — говорил на ухо вполголоса, почти шептал.

Ни в каком другом месте его низковатый глубокий голос не производил бы такого ошеломляющего эффекта, как здесь, в его квартире, в полной тишине. Дрожь побежала по спине. А Ваня не отпускал и, наверно, прекрасно чувствовал реакцию ее тела.

— А, может, ты музыку включишь? — понимала, что несет чушь, тем не менее сказала, чтобы хоть как-то разбить эту ошеломляющую интимность.

— Нет, — коснулся губами шеи и замер.

Дышать ей становилось все труднее, грудь вздымалась все чаще, ноги предательски слабели.

— Познакомился? — легко спросила, когда он развернул ее к себе.

Боялась, что начнет целовать в губы, жутко боялась, ужасно. Сама не знала — отчего и почему. Может, себя боялась, своей реакции — что не сумеет себя контролировать. Или потому что безумно хотелось, чтобы наконец поцеловал.

— Да, — слегка самодовольно прозвучало.

— Понравилось?

— Очень. Божественно.

— Я или моя грудь?

— Не могу в своем воображении отделить одно от другого.

Крепко ухватив ее за талию, легко приподнял. Алёна, не задумываясь, обхватила его ногами.

— Какой чудесный рефлекс, видишь, как мы хорошо подходим друг другу. Мне даже не нужно

тебе подсказывать, ты сама все знаешь.

— Так как насчет музыки? — сцепила руки на его плечах и чуть отстранилась, чтобы не касаться его грудью, хотя хотелось наоборот – крепко прижаться всем телом.

— Нет. Не хочу, чтобы ты расслаблялась. Мне нравится твое напряжение. И ты такая нормальная ханжа... — мягко улыбнулся и переместил руки, подхватывая ее под ягодицы. — Не носишь мини-юбок и чего еще там... прозрачных блуз... но зато приходишь ко мне без лифчика под футболку и так запросто даешь себя облапать. Да, ты нормальная ханжа.

Про напряжение Ваня прав. Напряжение между ними колоссальное. Даже дышать трудно, невероятных усилий стоило вести себя непринужденно и не дергаться в его руках. Не отвечать на провокации, но и не шархаться, как невинная школьница.

— Я могу к тебе даже голая заявиться. Мы же просто дружим.

— Ты даже представить себе не можешь, как много я вкладываю в это понятие.

— Да? Что – неужели все так тривиально? Ты меня к себе привел, чтобы просто затащить в постель?

— Какая пошлость. Кошмар просто. Как ты можешь обо мне так думать? Если бы я хотел с тобой просто переспать, я бы сначала повел тебя в шикарный ресторан. Пил бы тебя, гулял, танцевал...

— Развлекал бы меня всякими разговорами...

— Зачем? Я же сказал: пил, гулял, танцевал. Для постели этого хватит.

— А ты вообще собираешься водить меня по ресторанам? По таким шикарным, чтобы я ахнула.

— Вообще, собираюсь. По таким шикарным, чтобы ты ахнула.

— И на Багамы свозишь?

— И на Багамы свожу. Куда угодно. Куда ты только пожелаешь, — улыбнулся и отпустил ее, Алёна глубоко вздохнула. Показалось, что и Ваня сделал шумный вдох.

— Пойдем. Твой чай с апельсином уже остыл.

— Это прекрасно, — еле удержалась, чтобы не рвануть на кухню быстрее него.

А затем, с показным равнодушием забираясь на высокий стул, оценила предложенный Ванькой десерт:

— Убийственно, просто убийственно. Жирные сливки, ягоды... — Вынула из чашки кусочек апельсина, чтобы чай не горчил.

— Еще скажи, что ты на диете.

— Нет. Никогда не могла сидеть на диетах. У меня нет на это выдержки. Я маленький человек со слабой волей.

— Нет, Доктор, ты очень серьезный человек. Настоящий профи. Ну как – прощупала меня? —

посмеиваясь, спросил Шаурин.

— Угу... — Зажала чайную ложечку губами.

— Понравилось?

— Очень. Божественно, — с нескрываемой иронией повторила его недавние слова. — Я только еще не спросила, чем ты занимаешься. Я, конечно, имею представление о вашем холдинге. Но вот чем конкретно ты занимаешься? — кажется теперь можно вздохнуть свободно. Сердце еще неровно постукивало, но по другую сторону барной стойки Алёна чувствовала себя защищенной.

— Хочешь узнать масштаб моей фигуры в нашей корпорации?

— Почему нет? Ты же знаешь, чем я занимаюсь.

Он поджал губы, словно раздумывая, как лучше ей ответить.

— После Дениса Алексеевича Шаурина я второй человек. Если обозначать конкретно, то я коммерческий директор, а если масштабно, то занимаюсь я всем. Есть такие люди, которые отвечают за все. Это про меня. Курирую планово-экономический отдел, контролирую оптовый и розничный каналы сбыта алкогольной продукции, а также филиальную сеть в регионах. И еще много-много всяких текущих вопросов.

— Хорошо твой отец устроился. Ты очень мощно его поддерживаешь.

Иван ответил глубоким кивком и спросил неожиданно:

— А что случилось с твоими родителями?

— Они давно погибли, мне года три было, и я довольно плохо их помню. Отца убили, а мать потом повесилась. Меня воспитывал дядя, Викин отец, — ровным тоном произнесла Алёна фразу, будто одно слово.

— Нормальные люди не говорят об этом с таким равнодушием, — вдруг заявил Иван.

— Значит, я ненормальная. И к тому же, я была очень маленькой, когда все случилось, — в тихом голосе прорвалось едва уловимое раздражение.

— Неважно, когда это случилось, это трагедия в любом случае. Мне показалось, или тогда за столом у матери ты пыталась меня этим уесть?

— Тебе показалось, — чуть резче сказала Алёна. — Просто я не могу понять, неужели трехлетний ребенок не достоин, чтобы жить ради него. Как можно бросить на произвол судьбы собственное дитя! — тон ее стал заметно высок, и Алёна выдохнула, чтобы снова обрести равновесие. — Я хочу еще чаю.

Чаю она не хотела, но очень хотела, чтобы Шаурин перестал сверлить ее взглядом, прекратил этот допрос и отвлекся на что-нибудь. Ваня поднялся, наполнил ее чашку и добавил в чай кусочек апельсина. Подал ей чай и снова уселся на место.

— Что? — спросила в ответ на его чуть насмешливый взгляд,

Серо-зеленые глаза еще раз лениво пробежались по ней. Шаурин удобно сложил локти на

столе, устроившись так, словно приготовился сказать длинную речь.

— Ты потрясающий собеседник, — начал с многозначительностью в голосе, — с тобой можно говорить, о чем угодно. Бесконечно. Ты ходячая энциклопедия. — Сделал паузу, пождав, пока Алёна отставит свою чашку и сконцентрирует на его словах все внимание. — Но ты как следователь - увязываешь факты в логику. Такая у тебя мыслительная деятельность. При этом ты способна найти консенсусные точки в любой дискуссии. А где ты сама среди всех этих умозаключений и выводов? Тебя нет. Я тебя не вижу, — развел ладонями, демонстрируя непонимание.

— Что значит - меня нет? — хмыкнула она. — Любой наш разговор - это работа моей мысли. Как меня может не быть? Любое умозаключение или суждение - это работа моего сознания.

— А вот так, — Ваня усмехнулся и сказал с нажимом: — Нет тебя. Я спросил про родителей, а ты говоришь «трехлетний ребенок». Ты не сказала «я», не сказала «да, для меня это трагедия», не рассказала, как ты пережила свое несчастье в этом возрасте. Трехлетние дети прекрасно соображают. Я помню себя в три года, помню, какие у меня были игрушки, как вели себя мои родители. Не все, конечно, но многое я помню.

— У психики человека есть такое свойство - блокировать воспоминания стрессового и травматического характера. Скажем так, у детской психики оно проявляется гораздо сильнее, — заученно парировала Алёна.

— Хорошо, согласен. Не могу здесь спорить.

— Любые воспоминания агрессивного и депрессивного характера - это трата психической энергии. Можешь считать, что таким образом я экономлю свои жизненные ресурсы. И это действительно так.

— Хорошо-о, — растянул слово, точно предупреждая, что последует железный аргумент. — Твои слова: «Даже если какая-нибудь девица раскидает розовые лифчики...» Здесь тоже агрессивность? Депрессивность? По-моему, у нас с тобой все более чем позитивно. Но ты сознательно выводешь себя из ситуации. Почему?

Алёна не задержалась с ответом, спокойно и уверенно сообщив:

— Это моя профессиональная заморочка. Я абстрагируюсь, чтобы правильно оценить ту или иную ситуацию.

— Абстрагируешься до такой степени? — как будто удивился Шаурин. — Ты встречаешься со мной. Ты находишься в моей квартире. И при этом говоришь про «какую-то девицу», а не про то, что если ты раскидаешь свое белье и расставишь свои рамочки с фотографиями, ничего не изменится. Можешь два часа рассказывать мне о том, как приготовили этот десерт, — кивнул на ее тарелку, — перечислить все ингредиенты, но я не почувствую вкуса. Вкуса я не чувствую. Понимаешь? А теперь давайте, Доктор, попробуйте привычно дезориентировать меня холодным волевым взглядом, — сложил губы в ироничную улыбку.

На этот раз Алёна не смогла сразу ответить. Шаурину тяжело противостоять, но все же она попыталась выбраться из ловушки.

— А, может быть, все дело в том, что прошло еще слишком мало времени, чтобы я расставляла в твоей квартире свои рамочки с фотографиями? — чуть наклонив голову, спросила она, глядя на него напряженным взглядом.

— Может быть, — сказал Иван, но не сходящая с лица улыбка ясно говорила, что этот довод его совсем не убедил, рассмешил еще больше. — Мне еще парочку примеров тебе подкинуть? Я с десяток уже точно насобирал... такого жесткого абстрагирования. — Не отпуская ее взгляда, отпил из своей чашки, а потом отставив ее, снисходительно заговорил: — У меня классическое юридическое образование, Доктор. Я тебе сам все, что хочешь, в логику сведу, такую причинно-следственную связь выведу, что не выберешься. Утоплю тебя в доказательной базе. Зарою в фактах. Так что не лечи мне голову.

— Мне уже пора бежать? — усмехнулась Алёна, скрывая за лучезарной улыбкой полную растерянность.

— Попробуй. Я тебе уже предлагал.

— Ага. То в воду прыгать, то из машины на ходу.

— Конечно. Кто ж свою дичь в чистом поле выпускает. И я не отпущу. — Шаурин отодвинул свою тарелку, снова сложил локти на столе и подался вперед, опираясь на столешницу. — Ты попалась.

Алёнка, подыгрывая, приняла свою роль: нахмурилась, сделал вид, что задумалась.

— Не могу понять, где я просчиталась, — растянула фразу.

— Давно уже, — медленно произнес он. — Когда назвала мне свой номер телефона. Он у меня к тому времени уже был в записной книжке. Но я спросил - и ты дала. А теперь скажи: я похож на мальчика, который дружит с девочками?

Он и раньше смотрел на нее с такой страстностью? От Ванькиного взгляда внутри все судорожно затрепетало, и тело охватило чувство непонятого восторга. Или паники... Словно перед прыжком с парашютом. Когда стоишь у самого края, у последней черты, и нужно срочно принимать решение - либо прыгать в бездну, либо отступить безвозвратно.

Алёна прикусила губу, не позволяя дурацкой глупой улыбке расплыться по лицу.

— Что ж ты меня тогда чаем поишь, а не чем-нибудь этаким? — повторила шауринскую позу: тоже сложила локти и чуть придвинулась, оказываясь с ним почти нос к носу.

— Я прям мечтаю напиться с тобой чего-нибудь этакое, — вкрадчиво заговорил Шаурин. — Но не сейчас. Потому что когда я пьян, я жутко жаден до разврата. А так... — отодвинул в сторону чашку недопитого чая и скривился, будто это было самое гадкое, что ему приходилось пить в жизни, — ...а так, я хоть как-то еще себя контролирую. — Окинул ее несдержанно жадным взглядом и провел пальцами по краю ее футболки, касаясь обнаженного загорелого плеча. — Ты чувствуешь? Ты попалась, Доктор.

Оттого как старательно Алёна сдерживалась, чтобы не расхохотаться по-идиотски, ее лицо покрылось пунцовой краской. Эта восторженно-паническая волна никак не отпускала. В груди сдавило от нехватки воздуха, ладони полыхнули жаром.

Ваня коснулся ее щеки, словно отмечая яркий румянец, и похлопал себя по плечу:

— Давай, не сдерживай себя. Ты же знаешь: главное, самовыражение. Со мной можно.

Она и в этот раз сдерживаться не стала. Притянула его за рубашку, уткнулась в грудь, но не

заверещала, а залиvisto рассмеялась.

— Я тебе отомщу. Я обязательно что-нибудь придумаю, — пообещала, поднимая глаза, глотая смешок.

— Не сомневаюсь. — Запустил пальцы в ее волосы, грубовато сжав, будто пробуя их на ощупь.

ГЛАВА 7

— ...Подожди, они еще к нам завалят, — сказала Света, подкрасила губы и взбила пышные рыжие волосы.

Красная помада еще больше подчеркивала бледность ее кожи. Светка по природе белокожая, аристократичная какая-то, — даже летом не загорала, а только румянилась слегка.

— Думаешь? — засомневалась Алёна.

— Ха! Да я просто уверена в этом. Что ты Игоря вместе с этой бандой не знаешь? Завалят еще как. Не будет у нас никакого отдельного девичника, сейчас напьются, устанут от стриптизерш и придут к нам куролесить. Тут все продумано до мелочей, просто мы еще не знаем, не зря же Ваня тогда сказал, что девичник и мальчишник надо праздновать сообща. Точно тебе говорю: испортят они нам все — не дадут спокойно напиться в одиночестве.

При упоминании имени Шаурина сердце Алёны ёкнуло. Не дрогнуло сладко, а чуть тревожно ёкнуло. Вот такую с некоторых пор он стал вызывать реакцию. Чертов Шаурин.

— Надо было не рассказывать, где мы, — Алёна посмеялась и стерла с губ остатки блеска. От природы имела губы полноватые и выразительные, потому с удовольствием обходилась без помады. В основном пользовалась гигиенической, особенно на подобных мероприятиях, где приходилось есть и пить: терпеть не могла, когда на бокалах и чашках оставался след от губной помады.

— Как тут не скажешь, если он сам все это устроил. И не просто так же настоял, чтобы праздновали именно здесь. У Игореси такой характер, его не переспоришь, бесполезно.

Девичник праздновали в ресторане «Барракуда», расположенном в яхт-клубе. Гармонично соседствующий с живописной природой, он больше напоминал частный жилой дом у воды. Друзья часто собирались здесь, потому и в этот раз решено было не экспериментировать.

— Ревнивец он у тебя, — посмеялась Алёнка. — Очень люблю таких. Это же совершенно больные люди.

— Сашка у тебя тоже был ревнивец.

— Ты правильно сказала: был. Был да весь вышел. Перевоспитался под моим чутким руководством. Меня ревновать — дело очень неблагодарное, себе дороже.

Алёна защелкнула клатч, и девушки, выйдя из дамской комнаты, вернулись в зал. Их большая компания веселилась в малом зале с выходом на ступенчатую веранду, которая вела к причалу.

Подруги не пошли танцевать, уселись за стол. Остальные же девчонки, уже изрядно подогретые алкоголем, всю зажигали на танцполе. Собственно, специально оборудованного танцпола в зале не имелось, но так как кроме их компании в помещении посторонних не было,

места для веселых танцев оказалось предостаточно.

— Слушай, — серьезно начала Алёна, — вот надо было нам забуриться в какое-нибудь тайное место и покутить как следует. А то как-то не по-человечески все. Даже стриптизеров нет. А я так мечтала полюбоваться мужским телом. Сто лет голого хомосапиенса в масле и блестках не видела. Может, мы этим мужикам, которые тут второй час латину отплясывают, приплатим, да они разденутся?

Светка округлила глаза, собираясь что-то ответить, запротестовать, наверное, но поймала смеющийся взгляд подруги и ахнула:

— Вот опять ты надо мной издеваешься! Язва, блин...

— Не издеваюсь. Шучу, Светик, просто шучу. Как я могу над любимой подругой издеваться? Ты слишком хороший человек, чтобы я над тобой издевалась. Ну, ты-то сто лет меня знаешь, а все как в первый раз.

— Да черт тебя знает!

— Люблю я иногда побудоражить общественность. Застой в мозгах — это плохо. А так, бросишь камешек и наблюдаешь за волнами. Забавно.

Света ответила злорадным смешком и взялась за телефон. Наверное, Игорю решила позвонить. Только говорила, что тот мешал ей выпить в одиночестве, а сама весь вечер висела на телефоне.

Алёна томно вздохнула, как будто от скуки. Оглянулась. В этом ресторане они с Ванькой познакомились. Вернее, первый раз увиделись. Может быть потому испытывала сейчас такое необычное для себя волнение. Да и без того это место ей очень нравилось. Оно теплое, уютное, с панорамными окнами, открывающими потрясающий вид на водохранилище и белоснежные яхты. Здесь во всем оформлении яркими акцентами прослеживалась корабельная тема. Это и пол, выстланный массивной доской, и потолок, украшенный деревянной перголой, и несущие колонны, обвитые морским канатом. И, конечно, стены. Стены с изображением старинных декоративных карт.

— Ну вот, я же говорила, — усмехаясь произнесла Света, глядя в сторону входа.

Едва она это сказала, в просторный зал не вошла, а будто влилась шумная мужская толпа, неся с собой громкий басовитый смех, шутки, вскрики, свист. Парни разбежались по залу: кто к своей второй половинке, кто в поисках развлечения на вечер; некоторые затормозили у барной стойки, другие ринулись в танцы. Атмосфера сразу уловимо изменилась: в помещении стало душно и шумно.

— Я и не знала, что у Игоря столько друзей. — Алёнка и сама, кажется, кожей вспыхнула, адреналин взбудоражил кровь.

— А что у меня столько подруг, ты знала? — посмеялась Света. — Мы всех собрали, всю молодежь. На свадьбе вот так не попляшешь. Там будем сидеть чинно и благородно. Это ж официальное мероприятие.

— Это точно.

Отец Игоря Радченко управляющий региональным отделением одного из крупнейших банков,

потому на свадьбе такого уровня точно не будет бесшабашных танцев и питья водки наперегонки. Все будут неспешно отхлебывать дорожущее шампанское, есть заморские блюда и вполуха слушать разрывающихся на сцене поп-звезд, меж тем беседуя о чем-то важном. А в конце с воодушевлением похлопают в ладоши, когда молодые разрежут огромный, килограмм на двадцать, пятиуровневый белоснежный торт, усыпанный красными розами. Алёна уже с трудом представляла, как выдержит этот душераздирающий пафос. Понятно, почему Радченко к празднованию мальчишника и девичника подошел так масштабно.

Видела же его, заметила. И все равно вздрогнула от низковатого ровного голоса.

— Ах, какой чудесный вечер, — склонился Шаурин сзади над Алёнкиным креслом и проговорил ей на ухо. — Привет. Как же я удачно решил сюда заглянуть.

— Ах, и правда, — сдержанно, немного насмешливо ответила она, обхватывая ладонью его шею. Повернувшись, будто невзначай коснулась губами шероховатой щеки. — Ты же, конечно, даже не собирался сюда вместе со всей толпой пьяных друзей жениха. И, конечно, же, — произнесла с нажимом, — ты даже предположить не мог, что я буду сегодня здесь.

— А ты ждала?

— Самую малость.

— Скучала?

— Если только чуть-чуть, — лениво чуть пожала обнаженными плечами, ловя на себе взгляды друзей, которые наблюдали эту столь теплую, чересчур интимную для просто знакомых, встречу. Светка смотрела с нескрываемым удивлением, Радченко недоуменно нахмурился.

Шаурин взял Алёну за руку и нагло вытянул из кресла. Замер с ней в проходе, а она, крепко прижатая к нему спиной, ждала поцелуя в шею, но он только согревал дыханием чувствительное место за ухом.

— Ты специально четыре дня не появлялся? Чтобы я поскучала?

— Конечно. Я и звонил тебе раз в день специально только по утрам, чтобы ты поскучала. — Теперь поцеловал ее. Легонько коснулся губами шеи. — Смотри, какая эйфория? Я же говорил: девичник надо обязательно праздновать вместе с мальчишками. Главное, чтобы и те, и другие, дошли до нужной кондиции.

Алёна усмехнулась, наблюдая, как Валет танцует вокруг Леночки ламбаду. Леночка, кажется, тоже, забыв, что они расстались, приникла к нему в страстном поцелуе.

— А ты сегодня пьян? — повернувшись, заглянула Шаурину в глаза.

— Самую малость. Ждешь разврата?

— Если только чуть-чуть.

— Тогда давайте расслабимся, Доктор Лейба, и забудем о всяких глупостях.

Он легко подтолкнул ее в сторону бара, они прошли между столиками и уселись на высокие кожаные стулья. Алёна удобно устроилась, поправила короткое платье. Бросив в зал случайный взгляд, тут же встретилась с глазами сестры. После той ссоры они не обмолвилась

друг с другом ни словом.

— Ого... — выдохнула, когда бармен выстроил перед ними ровный рядок из шести высоких узких рюмок. — Даже так?

— Никак иначе. Я ж тебе не Карлсон плюшками баловаться.

— Я что-то пропустила момент, когда ты заказал выпивку. Или тебя тут все знают, что даже рот не приходится открывать? Действуешь по проверенной схеме?

— Конечно. Зачем усложнять себе жизнь, если есть схема, которая работает безотказно?

Он отвратительно обаятельно улыбнулся. Она ответила ему тем же.

— Ты вечно вгоняешь меня в крайность. Я не пью крепких напитков. И никогда не пила текилу. Не знаю даже почему. Вот как-то не пила и все. Но я в курсе, как это делается.

— Я тебя не вгоняю в крайность, я учу тебя жить.

Едва Ваня взялся за стопку, к ним подлетел Валет и, склонившись над Ванькиным ухом, проблеял слащаво и тонко:

— Ива-а-анушка, не пей... не пей, Иванушка...

— Валя, пошел вон отсюда, — рыкнул Шаурин.

Но Валет и не подумал исчезнуть, наоборот, приобняв Ивана и Алёну за плечи, решил полюбопытствовать:

— Зайки, а я не понял, а чё это вы тут бухаете на двоих? Все танцуют, а они бухают... У вас брудершафт, что ли, намечается?

— Слава богу, уже нет, — ответил Шаур.

Алёна поманила Бардина пальцем и что-то прошептала ему, когда тот послушно пригнулся.

— Понял, — посерьезнел он и отошел.

— Что ты ему сказала?

— Правду.

— Какую?

— Не скажу.

Шаурин насыпал соль между большим и указательным пальцем, взял рюмку, и скомандовал:

— Поехали.

— Чин-чин, — слизнула соль со своей руки и с некоторой даже излишней ловкостью опрокинула рюмку с мексиканской водкой. Зажмурилась на секунду и потянулась за ломтиком лайма.

— Обойдемся. — Притянул Алёну к себе и крепко поцеловал. Поцелуй получился быстрый,

Ваня лишь ненадолго, но жестко прижался к ее мягкому рту и отпустил.

— Господи, как, оказывается, это вкусно, — вздохнув, Алёнка облизнула губы и очаровательно улыбнулась. — Я, конечно, про текилу... — Но блестящие глаза говорили, что точно она не про текилу.

— А я тебе о чем. Ты же могла сама позвонить. И как-то выразить свое желание меня увидеть. Да?

— Да, могла. Очень могла, — загадочно улыбаясь, подтвердила.

— Так почему не позвонила?

Чуть пригнувшись к Шаурину, внушительно проговорила, четко выделяя каждое слово:

— Не хотела мешать тебе охотиться.

Ваня ответил коротким смешком. Она заправила за ухо выбившийся локон и откинула волосы с плеча.

— Хочу еще. — Немедля насыпала щепотку соли на руку и, глядя на него глазами полными иронии и смеха, подняла вторую стопку:

— Поехали.

— Чин-чин.

На этот раз, выпив, Алёна потянулась не за лаймом, а крепко и напористо поцеловала Ваньку в губы. Потом, отстранившись, проговорила ему на ухо:

— Сработала твоя схема, Шаурин. Я по тебе соскучилась. Ты чувствуешь?

Не стал отвечать. Положил ладонь на ее затылок и, притянув к себе, снова поцеловал.

Это был другой поцелуй. Не просто напористое соприкосновение губ. Они целовались по-настоящему. Как изголодавшиеся друг по другу влюбленные. Пока с губ не исчез горький привкус текилы. Пока сладкий вкус поцелуя не стер с языка привкус соли. И оторвались только тогда, когда почувствовали вкус друг друга.

Алёна медленно вздохнула и, не отпуская руки, уткнулась в Ванькину щеку. Он не отпустил ее тоже, утопил пальцы в светлых волосах, мало заботясь, что испортит ей прическу.

— Публика упала? — спросил с присущей ему усмешкой.

— Почти вся, — выдохнула, почему-то чувствуя легкое головокружение.

Чрезвычайно развеселили и даже как-то раззадорили, направленные на них, многочисленные удивленные взгляды. Тут было чему удивляться. Никто не знал, что они встречаются.

Ваня придвинул Алёну ближе к себе. Вместе со стулом. Она качнулась и, коротко вздохнув, задержалась рукой о стойку, чтобы не упасть Шаурину на грудь. Их колени соприкоснулись, его ладони оказались на ее бедрах. Легли на них беззастенчиво и по-хозяйски.

Долго и спокойно Иван и Алёна смотрели друг другу в глаза. Впервые за последнее время без

легкомысленных улыбок и язвительных фразочек. Как будто установили перемирие, признав силы друг друга. Но это только на время, на пару вздохов, чтобы восстановить слегка сбившееся дыхание.

— Сдохнуть можно, какая ты ханжа... — наконец сказал Шаурин, скользнув взглядом по ее обнаженным плечам.

— Можно. Но не нужно. Если ты прямо сейчас сдохнешь, то поставишь меня в неловкое положение. Да, я помню, что-то говорила тебе про короткие юбки, но я ничего не говорила про платье. Я знала, что оно тебе понравится. Заметила, что ты равнодушен к полоске.

— Да, я про платье, — медленно проговорил он.

Разве можно на нее спокойно смотреть? Она перед ним как будто голая сидела. Обворожительная и сексуальная до зубного скрежета. Платье ее короткое в бело-синюю полоску, держалось на груди на широкой резинке, а чуть ниже талии завязывалось на поясок.

— Признавайся, какое место я заняла в рейтинге твоих мурмурочек? — спросила Алёна, и Шаурин с трудом оторвал взгляд от ее груди.

— Ты у меня одна.

— Да неужто. Ванечка, я сейчас от восторга начну заламывать руки.

— А ты выпей и все пройдет, кончатся твои восторги. Одна ты такая у меня... подружка, — произнес последнее слегка презрительно. — Я как-то с девочками не привык дружить.

— То-то ты так мало продержался.

— Сколько смог.

— Я так и знала, что ты просто хочешь со мной переспать. Ах, какая банальщина, снова банальщина, снова разочарование, подумать только... — качнула головой насмешливо. — И вся твоя дружба, Шаурин, только для этого, — ткнула его в грудь пальцем. — Ты просто хочешь со мной переспать.

— Конечно, только для этого. Я очень хочу... И я знаю, что ты знала. Ты все знаешь, — сказал он ровно, безо всякого выражения и интонирования в низком голосе. Но почему-то по ее телу поползли колкие мурашки. Хотелось встряхнуться, чтобы сбросить наваждение. — Что, — переспросил в ответ на ее молчание, — мне нужно сказать тебе это горячим шепотом на ухо?

— О, нет, не порти свой образ частым придыханием. Мне нравится твое легкое равнодушие, — сладко улыбнулась и провела пальцем по краю ворота его белой футболки. Коснулась крепкой шеи. — Только я должна тебя предупредить. Вернее, попросить.

— Внимательно, — кивнул он, одним словом выражая готовность выслушать ее заявление.

Алёна одернула руку и сосредоточилась:

— Если ты надумаешь завести себе новую мурку, скажи мне об этом прямо, и мы спокойно разойдемся. Без грязи.

— Хорошо.

— И все? «Хорошо» - и все?

— А что ты еще от меня хочешь? — спросил он чуть надменно. — Хорошо. Договорились. По этому поводу точно можешь не переживать. Если я надумаю завести себе новую мурку, мы разойдемся без грязи. Я в состоянии по жизни ясно выражаться.

Она собралась что-то сказать, но он прервал ее, немного покривившись:

— Алёна, замолкни, — убрал ее длинные светлые локоны за спину и взял свою последнюю рюмку с текилой.

— Шаурин, это контрольный в голову. Я могу не встать со стула, я и так достаточно выпила. Текила - это просто бомба.

Пока она говорила, он не спеша и сосредоточенно насыпал щепотку соли на ее обнаженное плечо.

— Не ври мне, ты трезва, как стеклышко. Так что, замолкни.

Таинственная улыбка тронула красивые четко-очерченные губы:

— Тогда можно я без соли? А то у меня язык от нее щиплет.

— Доктор, тебе можно все, — ярко выделил последнее слово. — Пей и пошли отсюда. — Слизнул соль с ее плеча и опустошил рюмку.

Алёнка тоже выпила и сунула в рот дольку лайма. Ваня повторил за ней, слез со стула и стянул ее за собой. Не спеша, но уверенно, двинулся между столиков к выходу на веранду. Кажется, он мог пойти гораздо быстрее, но сдерживался намеренно и слишком сильно стискивал ее тонкую руку, словно ждал, что Алёна будет сопротивляться. А она и не думала, сама не могла дождаться, когда они скроются от чужих глаз. Хватит уже, устроили представление.

Совсем скрыться им не удалось: веранда и причал достаточно ярко освещались уличными фонарями. Но даже если кто-то обратит на них внимание, на таком расстоянии ничего особенного не разглядит - только лишь стоящего спиной мужчину, который обнимает женщину. Может быть, они целуются.

Эти двое целовались. Сразу страстно и влажно, как-то проскочив целомудренные и мягкие поцелуи-узнавания. Они не узнавали, не привыкали, а знаяще целовались, лаская друг друга губами и языком, как это делают влюбленные во время секса. Так интимно можно целоваться только наедине в закрытой комнате. Они целовались и не могли друг друга отпустить даже на расстояние вдоха.

С трудом Алёна наконец оттолкнулась, чтобы вздохнуть, Ваня резво развернул ее к себе спиной, — похоже, у Шаурина вошло в привычку прижиматься к ней сзади и трогать за грудь.

— Прекрати, — задыхаясь, прошептала, пытаясь убрать его руки. Но убрать хотела не потому что боялась или неприятно было, наоборот, слишком приятно. Слишком хотелось, чтобы он ее трогал. — Остановись...

— С чего бы это? Следующий раз не будешь выделываться.

Это уже не мягкое, едва ощутимое касание, как тогда у него в квартире. Сейчас Ваня

действовал нагло и смело. Алёна боялась, что он просто сдерет с нее платье. Достаточно только слегка потянуть вниз, и мягкая резинка сползет с груди. Шаурин, словно мысли ее прочитав, именно это и сделал.

— Ваня!.. — зашипела возмущенно. — Ну не здесь же!

— Вот, — сказал хриловато и одобрительно. — Это самая правильная фраза, произнесенная тобой за весь вечер. Самая правильная. Надо было сразу сказать: Ваня, не здесь. Стой смирно. Тихо, — снова ухватился за ткань, — я не буду снимать с тебя платье, обещаю. Дай потрогать.

Алёна вздохнула и замерла. Как и обещал, платье Шаурин с нее не снял, но грудь немного обнажил.

ГЛАВА 8

Ну, давай же, Шаурин. Уже десять минут десятого. Неужели сегодня не позвонишь?

За последние несколько дней Алёна уже привыкла, что утро начиналось со звонка Шаурина. И сегодня ждала его с особым чувством, правда думала, что после вчерашнего, девяти часов утра Ваня ждать не станет — позвонит часов в шесть. Еще бы! Она так мило покинула его накануне вечером: ушла, как говорится, по-английски, не попрощавшись. Позвонила ему из такси, но, как ни странно, не смогла определить разозлил его ее внезапный уход, или нет. За ней он не помчался, наверное, посчитал это ниже своего достоинства. И да, это действительно было бы ниже его достоинства.

Холодный омлет стоял на столике около дивана и совсем не вызывал аппетита. Есть не хотелось, выпила полкружки чая и отправила ее к омлету остывать. Нашла канал с мультфильмами и теперь отстраненно наблюдала, как мышка Джерри на пару со слюнявым бульдогом гоняла бедного кота. Алёна даже в детстве всегда жалела Тома и ненавидела эту паршивую пакостную мышь. Вот омерзительные животные. И придумал же Бог таких тварей.

Звонок Шаурина вызвал неконтролируемую улыбку. Ответила сразу, не стала считать до пяти, как обычно.

— Ты дома? — налетел он с вопросом. Узнала этот его непреклонный и резковатый тон. От него дыхание перехватывало, но сегодня не растерялась.

— Нет, — ответила она, но сразу исправилась: — Шутка. Дома я. Конечно, дома. Где же еще мне быть в десятом часу наутро после девичника?

— Да где угодно. Если б я сейчас услышал, что ты в городском парке на чертовом колесе, не удивился. Уже ничему не удивляюсь. Жди, я сейчас заеду.

Почувствовав в его голосе взбудораженность, возбуждение какое-то, Алёнка и сама не смогла усидеть на месте — вскочила с дивана, стянула с мокрых волос полотенце, — но не выдала себя ни бурной радостью, ни трогательным волнением.

— Да? А раньше ты обходился скромнее - телефонным звонком.

— Так сейчас у нас и случай тяжелее.

— Свидание утром... — проговорила ангельским голосом, — как романтично.

— Не надейся на свидание. Я сегодня занят по самое не могу. Сейчас у меня есть немного времени, а потом даже не знаю, когда освобожусь. Я еще не завтракал, я голодный и злой. Заеду на кофе, заодно проверю, как ты жива-здорова, или тебя совсем перемкнуло.

— Заезжай, Ванечка, — ласково до тошноты сказала Алёна, — заезжай, дорогой. Я сварю для тебя кофе. Настоящий, не растворимый. Хочешь — с корицей? Ты же любишь корицу. Хочешь — с имбирем? Все будет, как ты хочешь.

— Не надо мне добавок. Я люблю все натуральное. Все, жди. Обнял, поцеловал.

Это что-то новенькое, так он с ней еще не прощался. Ну, да, знаменовал новую стадию их отношений. Молодец, все правильно. Но точно Шаурин сегодня очень злой: ни единого проблеска иронии в голосе. Ну, ничего, Ванечка, скоро подберешь, будет тебе все натуральное.

Алёна повесила трубку и застыла посреди гостиной, не зная, за что хвататься. Бывает такое, когда голова пустеет. Вот и у нее она мигом освободилась от мыслей, хотя по телефону Алёна говорила уверенно, однако, нажав «отбой», остановилась в прострации. Вот так всегда с Ванькой — голова отключается.

Чертов Шаурин. Никак не рассчитывала, что он примчится к ней прямо с утра. Хотя тоже уже ничему не удивлялась, Ванька давно ее логику сломал. Единственное, что могла сказать точно: они безумно друг друга хотят. После поцелуев на причале смотреть друг на друга спокойно не могли, сгорали от возбуждения. Вот и уехала вчера, чтобы хоть немного голову остудить. Слишком быстро их отношения развивались, так стремительно, что едва успевала реагировать. Знала, куда шли, пыталась удержать контроль, но почему-то не получалось. Ушла молча, потому что по-другому от Ваньки не вырваться. Однако остыть не очень-то удалось. Всю ночь проворочалась, почти не спала и вскочила рано. Шаурин у нее не только сильное сексуальное возбуждение вызывал, но и душевное какое-то, встряхивал он ее всю целиком. Им срочно нужно переспать. Дико и быстро потрахаться, чтобы снять это невыносимое для обоих напряжение.

Алёна закинула в ванную мокрое полотенце, заправила кровать и переоделась, не встречать же Ваньку в пижаме. Хотя тут вопрос спорный. Может быть, пижама сейчас была бы самым лучшим вариантом.

Шауринское «сейчас заеду» растянулось на полчаса. Ровно через полчаса Алёна, одетая в белую прозрачную майку и короткие зелёные шорты, открыла дверь.

— Кофе давай, сейчас будем... — сходу распорядился Ваня, но прервался на полуслове, когда разглядел, в чем его встретили, — ...отношения выяснять, — замерев взглядом на белой майке, с трудом закончил фразу. Мда, футболка-тельняшка и «морское» платье ну просто отдыхают. Те хоть не были прозрачными. Теперь он не только знал, какова ее грудь на ощупь, но и видел ее, ибо майка, ничего не скрывала.

— Доброе утро, — мягко сказала Алёна, наталкиваясь на отнюдь не мягкий взгляд серо-зеленых глаз.

Ваня хотел сказать что-то другое — точно не про доброе утро, — но не успел, его отвлек сотовый. Айфон как будто тоже вибрировал зло и недовольно. Прежде чем ответить на звонок, Шаурин порывисто снял черный пиджак и небрежно сунул его Алёне:

— На, повесь аккуратно. — Тогда только ответил на мобильный: — Да!

Жестко ответил. От такого тона можно все мысли растерять. А если хочешь о чем-то попросить, то точно не решишься. Алёна скрыла ироничную улыбку, удерживаясь от язвительного словца. Еще не время, сейчас точно не надо его злить. Шаурин, кажется, и так на взводе.

— ...Нетрудно встретить этого мужчину небесной красоты,

На нем всегда костюм отличной оттенка кофе с молоком... — замурлыкала она вполголоса старую веселую песенку «Браво», раздвинула тонированные дверцы гардеробного шкафа и, демонстративно встряхнув пиджак, повесила его на плечики. Аккуратно, как Ваня и просил.

— А меня это вообще не интересует!..

Точно. Все серьезно. Наверное, какие-то проблемы — вон как важно орет по телефону. Алёна легкой походкой удалилась на кухню, чтобы дать Шаурину спокойно прорываться на кого надо. Закончив разговор, Ваня глубоко вздохнул и по привычке глянул на наручные часы, хотя стоял посреди просторной прихожей перед громадными белыми часами Alivar на стене.

— ... конечно, Ваня... Ваня... Ваня...

Ну кто его не знает... — продолжая напевать Алёна на свой манер, разливая кофе.

Захватив чашки, она направилась в гостиную, Ваня уже сидел там, свободно расположившись на диване. Алёна аккуратно поставила чашки на журнальный столик и застыла перед Шауриным с поражающей покорностью во взгляде. Он изобразил на лице легкую скуку и слегка вздернул подбородок.

— У тебя сегодня трудный день? — ответила на его вопросительный взгляд любезным вопросом.

— Очень, — смотрел на нее выжидательно и так старательно демонстрировал скучающий вид, что она улыбнулась.

— Твой кофе, Ванечка, — сказала ну просто убийственно ласково, но взгляд ее стал слишком загадочным, чтобы его проигнорировать. И смотрела она, не отрываясь.

— Ты что-то туда подсыпала? — мельком глянул на кофе, но к чашке не потянулся.

— Нет, это просто кофе. Без добавок и примесей, как ты любишь.

Как будто вдоволь насмотревшись на нее и удовлетворившись услышанным, Шаурин хлопнул рядом с собой по дивану. Алёна послушно устроилась рядом, все так же участливо глядя ему в глаза.

— А что это ты такая добрая сегодня? — спросил с сомнением.

— Потому что утро у меня доброе.

— Неужто. А у меня оно ни хрена не доброе. Не знаешь - почему?

— Ванечка, — мягко произнесла его имя, — я же натуральная блондинка, поэтому ты должен понимать: иногда я могу жестко тупить.

— Нет, — качнул темноволосой головой, — судя по вчерашнему вечеру, ты не тупишь, ты

головой болеешь. Иначе было бы у тебя утро не доброе, а счастливое. И у меня, кстати, тоже. И ночью было бы тебе счастье. Несколько раз я бы точно тебя как следует отсчастливил.

Подцепив за майку, Ваня напористо притянул ее к себе и прижал, перехватив за талию. Алёна, не сопротивляясь, поддалась. Устроившись у него на коленях, ответно приникла и жаркодохнула в губы. Ее глаза возбужденно блеснули, тонкая ладонь мягко коснулась лица, обжигая простым прикосновением.

Ванька сегодня был чисто выбрит, щека у приятно гладкая. Хотя небритый он ей тоже безумно нравился. Он нравился ей любой – и в футболке с Че и в голубой рубашке, как сегодня. Он и без рубашки ей понравится, она в этом не сомневалась. И так вкусно от него пахло. Жестко, энергично. Резковато, но ему подходило. Если бы они хотели скрыть свои отношения, то не смогли, прокололись бы сразу: после него на ней всегда оставался этот дурманящий запах, — сама его чувствовала. Руки пахли им, одежда, если они обнимались. Она вся им пропитывалась.

И сейчас только коснулась твердой щеки, вдохнула, и голова закружилась. Ладони соскользнули к плечам, и Ваня чуть подался вперед, позволяя удобнее обнять себя за плечи. Она обхватила его, поцеловала губы, касаясь лишь только слегка, словно вспоминая вчерашнее, или проверяя свои ощущения, может быть, дразня. Да, точно дразня. Но потом ее губы приоткрылись, и Шаурин стал целовать ее настойчиво и возбуждающе.

— А это так теперь называется — «выяснить отношения»? — сказала севшим голосом, когда он задрал майку и провел ладонями по ее голой спине. — Ладно, пусть так... Я пью противозачаточные таблетки, потому мы спокойно можем выяснить наши отношения окончательно.

— Ты пошутила?

— Это похоже на шутку? — зашептала в губы. — Ванечка, я тебя так хочу, что всю ночь не спала и аппетит потеряла. И кофе я для тебя сварила – натуральный.

— Тогда какого ж ты хрена?..

— Чтобы не мешать тебе охотиться, — поцеловала его в шею, — давай, дорогой, звони... если тебе надо кому-то позвонить... говори, что задержишься. — Поерзала, теснее прижимаясь к его паху. — Куда ж ты теперь уйдешь.

— Ну ты и мурка... — хрипло пробормотал он и взял телефон.

— М-мм... — чмокнула крепко сжатые губы.

— Алён... — отвернул ее лицо, — подожди...

Пока он переговаривался, расстегнула пуговицы и проворно сняла с него рубашку, взялась за ремень на брюках. Ушли напускная сдержанность и игривое притворство, пропали улыбки и ненужные слова. Ладонями пробежалась по его груди, погладила широкие плечи и сильные руки, но не для того чтобы сделать ему приятно, а чтобы самой его почувствовать. Потом Ваня сдернул с Алёны майку, и наконец прижал ее к себе голою. Они жадно трогали друг друга, порывисто стискивали в объятиях. И эта обоюдная жадность возбуждала гораздо больше любой попытки намеренно доставить удовольствие. И без того было невыносимо приятно. До боли, до колючей дрожи и адского возбуждения.

Они только целовались, судорожно прижимаясь друг к другу, и во время коротких вздохов прихватывали губами то кожу на шее, то касались щеки. Никак не могли остановиться и прекратить эти головокружительные сладко-пьянящие поцелуи. Горячо и влажно целовались, не нуждаясь в больших ласках, и так изнывая от безумного желания слиться друг с другом. Их прелюдия началась не сейчас, и не вчера, не на причале, не за распитием текилы. Она давно началась, наверное, со дня случайного знакомства, с тех долгих многозначительных взглядов. А теперь наконец происходило то, чего они так долго хотели, изводя себя игривыми разговорами, прозрачными намеками и напускной сдержанностью. Они не сдержаны в своей страсти оба, им нужно много, горячо и прямо сейчас.

— Давай быстро в спальню.

— Можно и здесь...

— Нет уж, ты и так испортила наш первый секс. Я вчера тебя хотел - пьяную и в красивом платье.

— В этом была острая необходимость, а то я стала чувствовать себя как в дешевом водевиле. Все песни и пляски по сценарию.

Они быстро перебрались в спальню, где-то по пути, еще в гостиной, побросали вещи и в постель легли уже голые. Нетерпеливо прижались друг к другу, сплелись ногами, руками.

— Мурка ты, вот ты мурка... — прошептал в ухо, заставляя ёжиться от горячего дыхания. Стал жадно целовать шею. Алёна рвано вздыхала, постанывая от удовольствия. — Сама уже не можешь...

От нее сегодня не пахло духами, только чистым телом. И от еще чуть влажных волос - шампунем, тонко нежно, совсем не навязчиво. Никакие духи не могут возбудить сильнее, чем запах чистого женского тела. Но сильнее навряд ли возможно. От безумного желания познать ее в голове мутнело.

Чуть сильнее на нее навалился. Всем телом почувствовал ее напряжение. Зарывшись пальцами в светлые пряди, сжал руками голову, стал целовать ее мягкие губы и язык.

— Ты злился вчера? — спросила, вздыхая между поцелуями.

— Нет.

— Нет... — сил не хватало голосом выразить удивление, еле что-то соображала.

— Нет.

Он не злился. Если только немного, в первую минуту после ее звонка, а потом уже нет. Не злился, потому что давно не испытывал такого удовольствия - хотеть не просто секса, а женщину. Конкретную, определенную. До умопомрачения хотеть. Удовольствие от собственного, пока не удовлетворенного желания и предвкушения, было гораздо сильнее, чем короткое разочарование, оттого что она уехала. И сам тянул с сексом, насколько позволяло терпение, и Алёна вчера умело подыграла. Но это предел, дольше они бы не продержались. Знал, что она будет совершенно сумасшедшая в постели. Она так и вела себя — открыто, не сдержанно. Ей нравилось, и она стонала нетерпеливо, все сильнее прижималась к нему, все большее впивалась ногтями в плечи. Нравилось, как он целовал грудь, гладил ее горячими ладонями. Ей нравилось, и она стонала. Задыхаясь под тяжестью его тела и изнывая от

возбуждения.

Когда он немного приподнялся, Алёна замерла и глубоко вздохнула, уже чувствуя его и мелко подрагивая от предвкушения, а потом сладко содрогнулась: он легко и влажно в нее вошел. Медленно. В этот момент и целуя ее так же медленно, хотя у самого все мышцы судорогой, и воздуха в груди не хватало. Слушал сладостный стон и наслаждался бурной реакцией ее тела: от первых же глубоких толчков оно дохнуло жаром, стало влажным, и Алёна, прикрыв глаза и постанывая, чуть выгнулась, уронила руки на постель и отдалась вся. Тогда, вздохнув глубоко, двинулся резко, и сам застонал, чувствуя ее острое удовольствие и горячую страсть. Хотя давно уже не заботило его женское удовольствие. Слишком часто менял женщин, чтобы об этом беспокоиться. А с ней не так. Потому что ее хотел, а не просто секса. Хотел всю ее чувствовать. И чувствовал, — как все больше она напрягалась под ним, как теснее сжимала его плоть, и там в глубине у нее становилось невыносимо горячо от каждого его движения.

Она быстро кончила, изошла вся сладкой парализующей дрожью. Сильнее выгнулась и без дыхания замерла на мгновение, потом стала расслабленной, мягкой и задышала глубоко. Улыбнулась.

— Нормально мы с тобой кофе попили... — пробормотал, целуя в шею.

— Отлично попили, — вздохнула с закрытыми глазами, обнимая его спину слабыми руками.

— Я еще не напился, — приподнялся, сел на колени и, придерживая за бедра, подтянул ее плотнее к себе. Попытался отдышаться, смотрел на стройное дышащее жаром тело. Поглаживал бархатный живот и округлую грудь, чуть подрагивающую от еще скомканного дыхания.

— Иди ко мне, и я поцелую тебя нежно, — Алёна открыла глаза, и в них притаилось сонно-насмешливое выражение.

Он снова лег на нее, безбоязненно наваливаясь всей тяжестью, и она поцеловала его. Да, нежно, по-другому, расслабленно, даже как-то лениво, но с невероятной страстностью она целовала его, мягко скользя языком по губам.

Целовала его, крепче обвивая ногами спину и, почувствовав, как он содрогнулся, улыбнулась...

—

— У меня дел по горло, а я тут с тобой кувыркаюсь.

— Не ври. Если б у тебя и правда было дел по горло, ты бы со мной тут не кувыркался.

Алёнка уже помылась, натянула майку и шорты, принесла в ванную шауринские вещи, и теперь сидя на пуфике, нагло разглядывала голого Ваньку. Понятное дело, во время секса было не до смотрин. Зато сейчас, пока он стоял под душем, она вдоволь насмотрелась на его обнаженную спину и крепкие ягодички. Шаурин потрясающе красиво сложен. Она бы охарактеризовала его одним словом: здоровый. Шаурин здоровый - высокий, широкий в кости, с хорошо развитой мускулатурой. Но мышечный рельеф у него естественный, мягкий, а не такой, как у этих перекачанных красавчиков, которые из спортзалов не вылезают. И это нравилось ей больше, хотя очевидно, что дорогу в спортзал Ванька тоже знает. Алёна с удовольствием смотрела на его обнаженное тело, и даже не подумала отвести глаз, когда он повернулся к ней передом и вышел из душа, а потом, заметив ее взгляд, иронично улыбнулся,

обматывая бедра полотенцем. Она все тем же беззастенчивым взглядом скользнула по его крепкой груди, поросшей темными волосками, и вниз по животу, по дорожке таких же темных волос.

Стряхнув капли с руки, Ваня взял телефон и глянул на экран:

— Угм, Денис Алексеевич уже три раза звонил...

— Зато вот он, один из очевидных плюсов, что ты работаешь на своего отца. Тебя точно не уволят за опоздание или прогул.

— Вот вообще не факт, что не уволят, — усмехнулся в ответ и, взяв сухое полотенце и чуть нагнув голову на бок, принялся вытирать мокрые волосы. — Кофе давай. Попью я сегодня кофе или нет? Я к тебе вообще только на кофе приехал.

— Ну ты-то да-а-а, исключительно на кофе, — засмеялась, поднимаясь с пуфика. — А почему ты в эту субботу работаешь?

— Потому что это у вас, у простых смертных, два выходных в неделю, а мы, цари, без выходных работаем.

— Ах, Иван ты мой Царевич... — протянула гласные, качая головой. — А может, ваше Королевское Величество отведать чего-нибудь изволят?

— Изволят, но только твои бутерброды с майонезом я больше есть не буду.

— Обижаешь, Иван Царевич, для твоей милости сегодня яичница с колбасой... Ах, пардон, мы же колбасу не едим. Ладно, придумаю что-нибудь другое. Будет тебе яичница с помидорами и икра заморская.

Алёна ушла на кухню и, пока жарила яичницу, сама над собой усмехалась: никогда еще не готовила завтрак для мужчины с таким удовольствием. Но может быть, все потому, что сейчас уже не раннее утро. Терпеть не могла суетиться с утра — Сашка всегда уходил от нее голодный. Впрочем, он на завтраках не настаивал.

Ваня поел быстро, и правда торопился. Алёна подала ему пиджак, он накинул его на плечи и знакомым ей отточенным движением застегнул верхнюю пуговицу. Алёнку снова потрянуло. Не могла объяснить, почему некоторые его жесты так сильно ее будоражили.

— Иди ко мне, моя Мурка, я поцелую тебя нежно, — с улыбкой сказал, театрально раскинув руки, и она вальяжно, как будто нехотя, ступила в его крепкие объятия. Так они еще не целовались. Так нежно, без надрыва и дрожи. И не обнимались еще ни разу вот так — спокойно. Словно уже никуда не спешили.

— Мне не нравится, что ты зовешь меня Муркой.

— Зато мне нравится. Это же ты придумала. Не я.

— То есть, мне лучше смириться?

— Можешь не мириться, но это ничего не изменит. — Сжал ее ягодицы. — Я теперь звонить буду раз десять в день, и только попробуй не ответить — приеду, разнесу все в хлам, — невозмутимо пообещал Шаурин, и Алёнка весело рассмеялась, чуть откинув голову.

— Да? Ужас какой.

— Да.

— Это все твой дурной характер.

— Разумеется. А теперь спи, Мурка. Теперь ты точно будешь спать как убитая.

— Ночью высплюсь.

— Этой ночью? Этой ночью ты точно не выспишься. Я тебе гарантирую.

— Ты же занят сегодня, — ухмыльнулась. — Ты же прям не знаешь, когда освободишься.

— Да, я очень занят. Но если мне сильно надо, то я могу быть и не занят.

...Так и знала, что одним днем гулянки, пусть даже такой бурной, эта шайка не успокоится. Вечером решили собраться у Радченко дома и «тихо посидеть своей тесной компанией», что само по себе звучало смешно, и как только Шаурин умудрился собрать все это в одном предложении.

Алёна закинула тушь в косметичку. Нанесла на руки немного средства для укладки и взбила волосы, периодически сжимая пряди в кулаке, чтобы сформировать естественные локоны. Волосы у нее немного волнистые, но заметно это, только если не расчесывать их сразу после мытья и не сушить феном.

Перед тем как выйти из ванной, обернулась большим полотенцем, хотя на ней были бюстгальтер и трусики. Прикрыла почти голое тело не от стеснения, а в надежде, что так попытка добраться до гардероба и наконец одеться окажется успешной. Точного времени, к которому нужно приехать к Радченко, не обговаривалось, но они с Ванькой явно будут последними.

Алёна вернулась в спальню, открыла дверцу гардеробной, щелкнула выключатель и, уперев руки в бока, замерла в раздумьях.

— Ну-ка, дай я посмотрю, а то ты снова на себя какую-нибудь хрень наденешь, — Ваня отбросил планшет, с которым валялся на кровати, и, потеснив Алёну, стал бесцеремонно шарить по вешалкам с одеждой.

— Когда это я на себя хрень надевала?

— Вчера.

— Как это хрень? Тебе же понравилось это платье.

— Понравилось. Но если оно мне понравилось, это еще не значит, что платье не хрень. А так, да, мне эта хрень понравилась.

— Ваня, а ты матерись? — спросила она. Ей вдруг пришло в голову, что она ни разу не слышала, как Шаурин матерится. Ни в голос, ни шепотом, ни сквозь зубы. Никак. «Хрень», как и утреннее «ни хрена», он произносил очень мягко и урчаще. Оттого не слышалось в словах негатива. Так матерятся маленькие дети, которые не знают значения слов и, произнося их, не придают голосом нужного акцента, оттого в их устах маты звучат по-доброму.

— Нет, — сразу ответил Шаурин и почему-то не удивился ее вопросу.

— Почему? — в свою очередь, удивилась она.

— В смысле - почему?

— Все матерятся. Я вот знаю все ругательные слова и их производные, и матерюсь, когда не могу сдержать эмоций.

— А я не матерюсь, волю тренирую. Сказал: ни хрена, считай - выругался матом.

Алёна закусила губу, чтобы не расхохотаться в голос, потому что вспомнила разговор с Викой, после первой встречи с Шауриным.

— А пиво пьешь? Я вот не видела, чтобы ты пиво пил.

— Нет. И пиво я не пью. Вообще. У меня от него голова болит. Дико просто. Поэтому пиво я не пью.

Алёна развеселилась и сложила руки на груди:

— Ванечка, ну ты у меня точно Божество. И как тебя только угораздило связаться с таким несовершеннолетним человеком, как я. Я и пиво пью, и матерюсь...

— Вот сам не знаю. Нашел себе занозу. Это все та официантка виновата. Облила меня, я так и знал, что ничего хорошего после этого меня не ждет. Это чё? — вытащил из шкафа цветастый сарафан.

— О, это мой новый сарафанчик, я его пару раз всего надевала. На работу.

— Его? — изобразил на лице пренебрежение. — Ты в этом ходишь на работу? Это же цветочная поляна.

— Да. И в этом, — показала ему бледно-розовую блузку с рукавами фонариками и бантиками на кокетке.

Он, будто примеряя, приложил вешалку с блузкой к ее груди и посмотрел критически:

— Я б тебя сразу уволил. Доктор, ты ж серьезный человек. А это детский сад какой-то.

— Ты правильно говоришь. Детский сад. Я же с детками работаю, потому должна выглядеть так, чтобы деточки мне доверяли. Они же от меня разбегутся и плакать начнут, если я приду в строгом костюме и в очках. Потому я одеваюсь так, чтобы им нравилось: просто, ярко, иногда по-домашнему, иногда косички заплетаю.

— Ну если так, то ладно. Я ж не знаю вашей специфики. Принимается. Зачет тебе по рабочему гардеробу.

— Сложная у нас специфика. Очень сложная. Работаешь с детьми, а в результате все равно выходишь на родителей, — задумчиво сказала она. — Так, чего ты тут залип? Ну-ка, Твою-Мать-Величество, подвинь-ка свою королевскую задницу дай пройти, — шлепнула его по мягкому месту.

Не обращая внимание на Алёнкины протесты, Ваня замер у другой секции.

— Вот, это уже кое-что, — одобрил он и вытащил жемчужно-серую кожаную юбку-карандаш.

— В этом я тоже на работу ходила, на конференции там всякие...

— Нормально ты ходишь по конференциям... На, надевай «цветочную поляну», — вернул юбку на место и сунул ей вешалку с цветастым сарафаном.

— Нет, ну ты посмотри на себя и на меня, — приложила к себе сарафан и уставилась в зеркало. Шаурин вечером вырядился в рубашку-милитари зелено-палевого цвета с закатанными до локтей рукавами и черные брюки.

— Ну и нормально, там вон на поляне есть зеленые цветочки. В цвете сойдемся. Напяливай. Я буду крутой босс, а ты нежная мурка.

— Да уж, конечно! — воскликнула она. — Крутой босс. Ванечка, мы сегодня делаем вечер, как ты не понимаешь. Все ждут нашего появления. Ты вот когда приказы издаешь у себя на работе, печать ставишь? Ставишь. Вот сегодня у нас с тобой «печать». А то ты вчера заявление сделал, а печать не поставил. Потому мы сегодня должны быть едины духом. Увидят тебя в «милитари», а меня в «цветочной поляне» и скажут: Вот что этот красавец нашел в этой паршивой овце? А в этом... — достала бежевое платье-рубашку типа сафари, на пуговицах, — скажут: Ах, ёпрст, да они ж созданы друг для друга! — Алёнка в чувствах залилась злорадным смехом, Шаурин поддержал ее, глубокомысленно хмыкнув. — Смотри, тут и карманчики есть накладные, и погончики. А нежную мурку я тебе и так сыграю. Хотя нет, не получится. Я уже со всеми перелаялась, мне уже никто не поверит.

— Сиди уже молчи, как раньше. Пусть все и дальше гадают, что я в тебе такого нашел, чего они не заметили. Напяливай давай и поехали.

Алёнка бросила платье на кровать, расстегнула на нем крупные пуговицы.

— Короче, все плохо тут у тебя. — Ваня закрыл дверцу гардеробной.

— Нормально у меня там все.

— Хуже просто не бывает.

Вскинув глаза, Алёна увидела на лице Шаурина гадкую, но такую обаятельную ироничную улыбочку.

— Ты чувствуешь, да? Что я уже в поиске тяжелого предмета, — пригрозила.

— Ладно, нормально. Но все равно надо тебя с Катькой по магазинам отправить. Катька такая шмоточница, она тебе подскажет, куда смотреть и что покупать.

— Твоя Катька покупает такие вещи, которые я, скромный одинокий психолог, не могу себе позволить.

— Я дам тебе денег. — Заметил ее недобрый взгляд. — И только не надо сейчас по-идиотски оскорбляться. И из меня идиота не надо делать. Ты же умная, все понимаешь. Мало ли куда нам придется вместе выйти. Я вот тоже дома хожу в шортах с пальмами...

— Ладно, с этим мы потом разберемся. Пока что у тебя нет повода волноваться по поводу моего гардероба.

Ваня усмехнулся:

— Вот всем бы скромным одиноким психологам иметь такую квартиру. Сколько тут – метров восемьдесят-девятью площади?

— Квартира моя, законная, честно заработанная, можно сказать. Да, восемьдесят пять с лоджиями. Это мне от родителей досталось, а с ремонтом дядя помог. Он иногда балует меня деньгами, такое бывает. Не могу ему отказать.

— И не надо отказывать. Дают – бери, бьют – беги.

— Вот, другое дело, — застегнула на поясе коричневый кожаный ремешок. Одернула платье и посмотрела на свое отражение. — Я же говорила.

— Ага, пойдем. Разорвем на куски сознание этим отчужденцам человечества.

— И только попробуй при всех назвать меня Муркой.

— Ляпнешь что-нибудь про мою королевскую задницу – придушу.

ГЛАВА 9

— Про что работаем, Доктор? — вкрадчиво спросил Иван, и Алёна, оторвавшись от созерцания толпы веселящихся на свадьбе Радченко гостей, повернулась и дрогнула губами в мягкой улыбке.

— Веду наблюдение, — загадочно произнесла вполголоса, — пытаюсь найти любовниц и любовников.

— Получается?

— Три парочки точно нашла.

— Вот видишь, а боялась, что умрешь со скуки. Даже здесь для тебя нашлось развлечение.

— Ванечка, этот страх был продиктован одиночеством. С тобой, милый, мне нигде не скучно и совсем не страшно.

Иван, очевидно, хотел что-то сказать, но сдержался: за столик вернулся Бардин. Из-за ссоры с Валетом Леночка отказалась сидеть в их компании, что Валентина невероятно расстроило. Он, как видно, очень надеялся, что в этот вечер они все-таки смогут прийти к какому-то взаимопониманию. Особенно его нервировал тот факт, что Леночка никому не отказывала в танце. И правильно. Для личной драмы можно найти другое место, а на свадьбе друзей нужно веселиться, насколько позволяет окружение и атмосфера. А атмосфера позволяла, хоть и пафосно все было, и вычурно, — с парадной лепниной торжественного зала, кованными орнаментами, классической мебелью цвета слоновой кости и множеством зеленых растений. Не говоря уже о собравшемся блестящем обществе.

— Ну? Успешно? Простила Жулька тебя? — спросил у Валета Шаурин. С долей иронии, конечно, но не без дружеского участия. Дружеское участие выражали внимательный взгляд и снисходительная улыбка.

— Нет, — буркнул Валя.

— Нет? — переспросила Алёна. — Было же просветление. На девичнике. Ну было же, да?

— Вот именно - просветление. Что-то ее сильно заклинило. Которую неделю темнота уже. — Валет повел плечами, так словно тесно ему было в пиджаке. Точно не терпелось его сбросить.

— Сочувствую, — улынулась Лейба.

— Лучше помоги. Мне теперь нужна помощь профессиональная, квалифицированная, у меня, кажется серьезный кризис в отношениях.

— Валентин, я с клиническими больными не работаю. С патологией, это не ко мне, а об адаптации тебе уже думать поздно, — весело усмехнулась ему в лицо.

Валет, оценив шутку Алены, хохотнул и припал к бокалу с шампанским. А потом выдохнул и расслабился на стуле.

— А я так на тебя надеялся, — вложил в сказанное все сожаление, на которое был способен.

— Вот дружеский совет я тебе могу дать.

— Для дружеских советов я всегда открыт.

— Женись на своей Жульке.

— Чего? — удивленно протянул Валет, невольно глянув на счастливых молодоженов. — Ну ты загнула!

— Да-да, точно тебе говорю. У вас будет все нормально, это ваша модель, вам весело так жить, вот и поддерживайте друг друга. А то, конечно, Жулька твоя в кризисе. Который год ей голову морочишь. Вот она и думает: нужен ты ей или нет. Семейные психологи, знаешь ли, рекомендует не затягивать период ухаживаний. Оптимальный: от шести месяцев до года. А от года до трех лет в браке надо уже детей заводить. А ты все развлекаешься. Вон у Игореси со Светочкой все правильно, теперь будем детишек ждать, — Алёна поджала губы, чтобы не рассмеяться.

— Ага, скажешь тоже, — скривился Бардин. — Мы никак отношения выяснить не можем, куда нам жениться, поубиваем еще друг друга.

— Так может в этом проблема?

— В чем? — повернулся Бардин к Шаурину, словно удивившись, что тот вступил в разговор.

— Может отношения вам надо выяснять чаще и основательнее, — с нажимом на последние слова сказал Ваня.

— Да куда уж чаще.

Алёна еле сдержала смех, прикрывшись неопределенной улыбкой, Ваня же, ничем не выдавая своей иронии, продолжил издеваться над Валетом:

— Мало выясняете. Видимо, Жулька твоя не удовлетворяется.

— Ой, у Жульки у самой манера, чуть что задницей повернулась и гори все синем пламенем, — махнул рукой Валька и бросил взгляд через зал, отыскивая Леночку.

— А ты что? — с искренним интересом невозмутимо продолжил Шаур.

— А я что? Да и ну ее тогда нахрен!

— Не, Валя, так нельзя, — со знанием дела сказал Иван. — Это, знаешь ли, как в той песне: снегопад, снегопад, если женщина просит... Тут ничего не поделаешь. Женщине нельзя отказывать.

Алёна прыснула со смеха. Валет посмотрел на нее с сомнением, потом заметил расплывающуюся на лице Шаурина язвительную усмешку и возмутился:

— Да чё вы гоните!

— Мы тебе даем совет, который ты так жаждал услышать, — поучительно сказала Алёна, запивая шампанским собственный смешок.

— И правда, Валя, сейчас Ленка поймает букет и все - не отвертись. Будем еще одну свадьбу играть.

— Угу, — мрачно кивнул Валет, глядя, как гости потянулись к открытым стеклянным дверям.

Не без удовольствия Алёна пронаблюдала разговор Валета и Ивана. Безумно нравилась шауринская манера проявлять эмоции. Он не портил точеные черты лица активной мимикой — не кривлялся, не вздергивал брови, словно актер-мим. Все чувства его отражались на губах. В ироничной улыбке, дерзкой ухмылке, в их мягком поджатии, если сомневался, или в легком пренебрежительном напряжении. Тем эффектней это было и ярче. Одним только взглядом мог он выразить свое отношение с ситуации.

— Ну и чё сидим? — спросил Валет. — Пошлите, а то вон уже все будущие невесты в очередь выстроились.

— Да я как-то не особо горю желанием попасть в этот стройный рядок, — вполголоса проговорила Алёна, поднимаясь со стула.

Ресторан, в котором праздновали свадьбу Радченко, занимал отдельно стоящее здание, и был окружен живописным парком, куда, собственно, и двинулись гости. Нарядная толпа разбежалась по зеленому газону. Алёна смотрела на хохочущую Светку и раскрасневшегося от удовольствия Игоря. Они были уже немного усталые, но счастливые. По-настоящему счастливые. Света нашла ее глазами, но Алёна сразу покачала головой.

— А ты чего? — спросил Ваня, заметив ее жест.

— Нет уж, без меня, — засмеялась. — Я последняя в мире, кто желает выйти замуж, потому незачем искушать судьбу. Видишь, как тебе повезло. И я, наверное, единственная, кто не хочет тебе ярмо на шею повесить, Шаурин.

— Это существенно облегчает наши отношения.

— Несомненно, — самодовольно сказала Алёна.

— Пойдем тогда. — Он уверенно взял ее за руку и начал осторожно протискиваться сквозь толпу гостей.

Алёна сделала глубокий вдох, поняла, что Иван снова направляется к родителям. Сегодня она

познакомилась с его отцом. И хотя знакомство было коротким, а разговор приятным и необременительным, существо ее до сих пор трепетало, такое мощное Шаурин-старший произвел на нее впечатление. Она, конечно, подозревала, что он внушительная личность, но не думала, что с первой же секунды попадет во власть его пронзительного магнетического взгляда, как в капкан, и застынет оцепенело. Теперь поняла, почему Ванька сказал, что с его отцом лучше знакомиться постепенно. И вообще он ее обманул. То есть, Алёна сама обманулась, когда познакомившись с его матерью, нашла сходство во внешности и привила Ивану какую-то характерную мягкость. Сейчас же, увидев отца, могла точно сказать, что Иван — копия Дениса Алексеевича. Несмотря на то что пообщаться им удалось всего ничего, чтобы сделать такой вывод, Алёне хватило и невербалики.

— Алёна, — приветливо ахнула мама Ивана, — а я тебя там высматриваю.

— Я решила не искушать судьбу, — ответила Алёна, одаривая вежливой улыбкой обоих родителей. Юлия Сергеева смотрела на нее тепло и радостно.

— Действительно. Не стоит вмешиваться в дела небесной канцелярии, — сказал Денис Алексеевич, глядя на девушку все с тем же строгим, но снисходительным любопытством.

— Мы уже уезжаем, — коротко сказал Иван. И хоть для Алёны это стало новостью, она кивнула, подтверждая его слова. Они попрощались и отошли.

— Какая экстравагантная у него дама, — проговорил Денис, провожая взглядом удаляющуюся пару. — И нескромная.

— Нет, — улыбнулась Юлия, — она скромная, но бесстрашная.

— Это, конечно, совсем другое дело.

— Конечно.

...Алёна вышла из ванной, томно вздохнула и прошла через гостиную на кухню. Шаурин уже белел рубашкой за барной стойкой. Сцепив руки на широких плечах, она на миг жарко прижалась к его губам, но едва теплые мужские руки скользнули по ее обнаженной спине, вывернулась и уселась напротив.

Ваня оглядел ее, Алёна взяла свой бокал с шампанским и, поймав шауринский взгляд, понимающе улыбнулась.

— Мурка, ты сегодня напялила самое пошлое, самое безвкусное платье, — с наслаждением сказал Шаурин.

— Почему безвкусное? — довольно переспросила она, ничуть не обидевшись на такой сомнительный комплимент. — Кружева сейчас в тренде.

— Потому что ты и так чистый секс, тебя надо упаковывать в футляр, а не обсыпать лепестками. Мне все время казалось, что ты голая. На тебе вообще есть белье?

Она отпила и улыбнулась влажными губами.

— Сейчас уже нет. Мне никто и никогда не говорил, что я чистый секс.

Иван покачал головой, глядя на нее чуть насмешливым и одновременно потяжелевшим от

желания взглядом.

— Они все слепые.

Закатанные рукава белоснежной рубашки обнажали сильные загорелые предплечья; Алёна доверчиво положила ладони на его руки, придвинулась и, нагнетая интимность, заговорила сладко-вкрадчиво:

— Это для тебя, Ванечка. Я знала, что ты оценишь.

— Я оценил. Ты бесподобна в этом пошлом безвкусном платье. Ты в нем само совершенство. Я от тебя без ума, Мурка. От тебя и твоего платья. И от тебя без платья.

Да, он не мог не оценить это платье из плотного кружева на телесной основе, которая создавала тот самый неповторимый и непревзойденный эффект натуральности. словно под этими цветочными лепестками цвета топленого молока голое тело, так ладно они гармонировали с ее чуть загорелой кожей.

— Я же говорю, что оно для тебя — вот это платье. Это другое, я купила его за день до свадьбы, чуть не убила пока искала.

— М-мм... Мурка готовилась.

— М-мм... Мурка готовилась, — подтвердила и обольстительно улыбнулась. — У нас с тобой сейчас такая стадия - взрывоопасной страсти и всепоглощающей сексуальности, — отпустила его руки и снова приложилась в шампанскому. — Ловушка для двоих, потому что природа снабдила мужчину сильным сексуальным влечением, а женщину желанием соблазнить и быть желанной. На сексуальность ловятся даже самые умные и прозорливые мужчины.

— Это так ты меня ловила на сексуальность? — мягко рассмеялся Шаурин. — Мурка, да ты с самых первых встреч чуть мозги мне не взломала своей терминологией. Я себе психологический словарь купил, думаю, ну все, если еще раз завернет что-нибудь, труба дело, надо бросать девку.

Алёна, запрокинув голову, громко рассмеялась.

— Что правда? Ты словарь купил?

— Правда. Хорошее снотворное. В кабинете на столе.

— Шаурин, я же пойду проверю.

— Иди проверь.

Алёна грациозно соскользнула со стула и не менее грациозно пошла в его кабинет, меж тем чувствуя обнаженной спиной палящий Ванькин взгляд. Вернулась с сияющей улыбкой на лице и психологическим словарем в руках.

Положила книгу на стол, осторожно забралась на высокий стул.

— Ванечка... — как-то сладострастно произнесла она его имя и замолкла, приложив пальцы к смеющимся губам. — И у тебя там есть закладочки?

— Само собой. Я всегда страдал безумной жадной жаждой знаний. Ну и?..

Алёна проглотила смешок и начала с нарочитой серьезностью:

— Ты же у меня особенный, потому с тобой нельзя действовать линейно — ловить просто на платье. Для начала я попыталась тебя спугнуть, что не получилось, к моему огромному удовольствию, проверяла тебя на стрессоустойчивость.

— И поэтому ты приходила ко мне на чай без лифчика.

— Конечно. И кнут, и пряник. Это момент расслабления. И ослабления. Бдительности.

— Ваши выводы, Доктор.

— Мне с тобой повезло. У тебя железная психика. Ни разу не взорвался.

— Тебе повезло, да. Я не взрываюсь по мелочам и при правильной подаче могу даже глупость принять за ум.

Алёна вздохнула, положила раскрытые ладони на столешницу и придвинулась ближе.

— Ты хоть представляешь, как мне страшно с тобой вот так откровенничать? У тебя такое гибкое сознание, — прошагала пальцами по каменной поверхности барной стойки, — прямо, прямо и за угол. Я же не знаю, что ждет меня там, за углом. Не знаю, Ванечка. Может быть, такси?

— Такси я тебе завтра вызову, — улыбнулся Шаурин.

Алёна делано громко, как будто облегченно выдохнула.

— Какое счастье.

— Пей, Мурка. Когда ты уже напьешься?

— Хочешь меня пьяную и в красивом платье?

— Хочу. Я заслужил, — мягкая ирония пробежала по губам. — Весь вечер исправно веду на твои позитивные манипуляции: платье, улыбки, доверчивые разговоры, комплименты.

Алёна расхохоталась:

— Теперь я верю, что ты читал этот словарь. Мне кажется, что ты мне быстрее мозги взломаешь.

— Я могу. Если будешь плохо себя вести, я этим займусь. И знаешь, если бы ты мне не понравилась, твой сексуальный призыв так и остался бы без ответа. Неважно, какое на тебе платье. Или ты вообще без платья. Хоть ты с кнутом, хоть с пряником.

Голова закружилась. Но закружилась приятно, и в теле почувствовалось сладкое томление; Алёна сдержанно улыбнулась и вздохнула:

— Ах, Твою-Мать-Величество, какой ты у меня красивый. Меня аж подташнивает от твоей идеальности. Хорошо, что у тебя невыносимый характер.

— Ты же его как-то выносишь.

— Я ненормальная, забыл? А нормальную ты угробишь, — чуть наклонила голову, глядя на него оценивающе.

— Нет, Мурка, ты для меня само совершенство. Над тобой работать и работать.

Мурка снова рассмеялась. Она сегодня много и открыто смеялась, что не могло не радовать.

— А у тебя раньше были сложности в общении с противоположным полом? — поинтересовалась она, допивая последний глоток.

— Всегда, — кивнул Иван.

— Почему?

Он помолчал, подбирая слова.

— Люди такие предсказуемые, — сказал, скрывая что-то большее за усмешкой. — У тебя?

— Сложности?

— Угу.

— Никогда, — сразу самодовольно выдала она.

— Почему? — тоже спросил он.

— Люди такие предсказуемые, — прикрылась усмешкой и глубже вздохнула. Никогда еще не чувствовала, чтобы грудь вот так разрывало от теплого щемящего чувства. Наверное, все-таки она напилась. Это все шампанское. — И убери этот словарь подальше. Свое снотворное. Спи со мной, Шаурин.

Он чуть оттолкнулся от стола, резко выдохнув, будто терпение кончилось; Алёна сползла со стула и на мгновение замерла, точно ожидая знака какого-то, команды. В ответ Ваня крепко сжал ее запястье и потянул к себе, заставляя обойти барную стойку.

— Все, я уже пьяная и в красивом платье. Ты меня хочешь? — сказала в губы.

Ответа не ждала. Прижимаясь к Ванькиному сильному телу, все прекрасно чувствовала.

О, да, Алёна прекрасно почувствовала его сильнейшее возбуждение, когда очутилась не очень удобно зажатой между Шауриным и столешницей. Но на это плевать. Пусть неудобно или вообще невозможно, но, главное, с ним. Пусть хоть к стене ее прижмет, хоть на кровать уложит. Плевать. Реальность давно отступила, мир ушел из-под ног, они наконец оказались прижатые друг к другу, как припавшие, поцелуем, балансирующим между высшей интимностью и животной жадностью. Не проходящей, неутолимой жадностью. Без страха сделать что-то не так, но с небрежностью, продиктованной лишь страстью и безумным желанием. Они здесь, в тесном объятии, в кольцах сплетенных рук, в своем мире, в котором его сбившееся дыхание так удивительно рифмовалось с ее требовательными стонами. Здесь, в его квартире, где скромности не место, а каждый поцелуй и каждая ласка, как последние. В этой комнате, для которой лучшим и естественным украшением станет разбросанная по полу одежда, а самой красивой музыкой — сладострастные стоны. Здесь, в терпкой ночи, пахнущей шампанским и ее духами.

Какие у Алёнки дурманящие духи, сладковато-пряные и густые, но не перекрывающие ее

собственный запах. Под ними четко улавливался тонкий аромат кожи и всего ее женского существа, слегка порочного, завораживающего и непредсказуемого. И такого вмиг покладистого в его руках.

Так ладно и охотно она отдавалась его ласкам. Послушно уселась на неприветливо-прохладную столешницу, с песочным шуршанием подтянула вверх платье и шире развела бедра. Мягко, почти целомудренно приникла к его губам. Дразнясь, конечно, поначалу, но затем принимая горячий настойчивый язык. Так целовала она его губы, что голова кружилась от нехватки кислорода. У нее — от другого. От опытных Ванькиных рук. От скользящих вверх по бедрам пальцев. Жадных и ищущих. Ищущих, но знающих.

На ней и правда не было белья. Говорила же, предупреждала, и все равно скользнуть под платье, обнаружить ее там голую и влажную было ошеломительно. Кровь тупо ударила в голову, тут же растекаясь по венам горячим потоком; сердце аритмично сорвалось.

Ласково он гладил ее, накаляя ощущения в точке соприкосновения, точно зная, как именно коснуться, чтобы сорвать с приоткрытых губ долгий стон. Нежно скользил по набухшим складкам, связывая ее этим касанием, потому что шевельнуться она не смела и, замерев в чувственном напряжении, беспомощно цеплялась за рубашку на его плечах.

Хрустящая ткань в стиснутых до боли кулаках, влажное дыхание на шее, мучительные поцелуи и его рука у самого сокровенного и чувствительного. В этом есть что-то особенное для мужчины — касаться этой маленькой горячей страсти и самому закипать от ее удовольствия, чувствовать ее зависимость, слабость, честность. Алёна честно откликнулась. Честно просила, честно дрожала от удовольствия, волнуя напряженный воздух короткими скулящими стонами. Что-то есть в этом необыкновенное и безумное — держать свою женщину на грани экстаза лишь кончиками пальцев. Удерживать на раскаленной поверхности сумасшедшего блаженства, а потом позволить утонуть. Потом утопить ее в сладких освобождающих судорогах и вдохнуть вскрик, поймать дрожь.

Алёна уткнулась лбом в его плечо, так и не выпуская рубашку из рук. Надо же за что-то держаться. Кроме него — не за что. Ванечка, такой напряженный и дышащий мощным сексуальным возбуждением, — единственная опора в этом урагане чувств и страстей. Не помнила, когда точно стала называть его так ласково. Уже ласково, со смыслом. Наверное, после той поездки к нему домой. Сначала чуть издевательски копировала манерную интонацию сестры, а затем привыкла. Даже не заметила, как он стал ее Ванечкой. Оставаясь все же иногда Шауриным, иногда Иваном Царевичем. Но Ванечкой он был только ее, — на людях никогда его так не называла.

Несколько глубоких вздохов.

Нужное промедление, чтобы прийти в себя и почувствовать силу в расплавленном теле. Не разбитом, а расплавленном, растекшемся.

Необходимая передышка, пока Шаурин стаскивал с себя одежду, не отрывая от нее горящего взгляда. Алёна тоже смотрела на него. Только на него, сидя на барной стойке с задранной на талии платьем, цепляясь слабыми руками за столешницу. Сглотнуть бы, избавиться от сухости во рту.

Дрожащей рукой схватила Ванькин бокал: в нем еще оставалось немного шампанского. Ровно на глоток, чтобы протолкнуть вязкий ком, и вполне достаточно, чтобы голова вновь закружилась. Хотя, конечно, кружилась она не от алкоголя. Отставив бокал подальше,

притянула Ваньку к себе, такого потрясающего в своем горячем возбуждении. Красивого такой первобытной обнаженной красотой. Поцеловала его влажными губами, мягко и возбуждающе лаская языком, проникая в глубину рта. Целовала лениво, невозможно мучительно растягивая поцелуй, позволяя вздохнуть, но не отвлекаться. Потом соскользнула к шее, прижалась приоткрытыми губами. Жадно целовала, пробовала. Вдыхала его шальной запах. Горячими ладонями спустилась по груди к животу, вниз по дорожке волос. Тронула его тяжелую изнывающую плоть, чувствуя, как Ванька еще больше напрягся.

— Пойдем на диван, — шепнула в ухо.

Но, кажется, Шаурин не собирался двигаться с места, уже притягивая ее к себе плотнее, уже задерживая дыхание перед тем, как погрузиться в ее томное тело.

Тогда Алёна заерзала, обвила ногами его талию, и руками – плечи, прошептала:

— Ты же помнишь... если женщина просит... женщине нельзя отказывать. Только на диван, а то у тебя спальня слишком далеко.

Издав то ли вздох, то ли стон, подхватил ее. Хорошо, если женщина просит...

Там, на диване, Алёна с поражающей проворностью толкнула его на спину и забралась сверху. Шаурин совсем не был против такой инициативы.

— Давай, Мурка, сними уже с себя это платье... — выдохнул он, целуя ее припухшие губы. Но руки, задравшие подол, замерли ослабленно, переместились на ее обнаженную спину, — Алёнка прижалась к нему, мурча что-то ласковое, интимно поцеловала, разом отняв все силы. Потом лениво, как будто устало, припала к крепкой шее, чувствуя языком вкус его кожи и бешеное биение пульса. В этой части комнаты было, потому здесь все на ощупь, на слух, на запах.

Все соскальзывая по нему, Алёна гладила, пробовала, прикусывала. Наконец лизнула горячую влажную плоть, чувствуя, как его большое мощное тело тут же потеряло свою силу под ее ласками. Стало податливым и зависимым от опытных рук и мягких губ, от ее разнузданных ласк и откровенных движений. И сама невероятно возбуждалась от ощущения причастности к его наслаждению и своей над ним властью. Слушала тяжелое дыхание, чувствовала его сладкую дрожь, его вкус, его бессилие и осознавала с некоторым удивлением, что мужчину можно ласкать и для собственного удовольствия, а не ответно благодаря.

Ваня тронул ее лицо и издал приглушенный смешок, точно подтвердив свои мысли, когда пальцами прочитал на ее губах улыбку.

— Все, иди сюда, — приподнялся и резво подтянул ее к себе, развернув спиной.

Прижался губами к шее и чуть прикусил, раздевая. А платье все никак не хотело сниматься, липло к разгоряченному телу.

— У тебя какое-то неправильное шампанское, — хрипло проговорила Алёна, наконец сбросив одежду на пол.

— Почему неправильное?

— Не знаю я. Ты, наверное, что-то туда подсыпал.

— Нет, Мурка, у меня все натуральное. Ты же знаешь, я не люблю добавки.

Шаурин так крепко стиснул ее, что она охнула. И от тесных объятий, и от ощущения его обжигающих ладоней на голом теле, приносивших сумасшедшее наслаждение. Он влажно целовал ее шею, она лишь крепче прижималась к нему в болезненной тяге, измученная сексуальным возбуждением. Чем сильнее и нетерпеливее она стонала, тем более жадно целовал он ее, почти кусал. Гладил неровно вздымающуюся грудь, наслаждаясь ее женственностью, округлостью, ласкал набухшие соски. Алёна прогнулась, чуть наклонилась вперед, чтобы его твердая плоть наконец вошла в ее болезненно напряженное, доведенное до иступления тело. А потом от ощущения наполненности сладко задохнулась и на мгновение замерла. Ваня крепко сжал ее талию руками, и сам желая освобождения, желая излиться в ее упругое стройное тело. Помог ей двигаться. Сначала медленно, потом быстрее. От этих движений обоих залила жаркая и поглощающая волна удовольствия. Больше в их действиях не осталось ничего разумного. Только бешеное, ненасытное желание опустошиться. Они словно растворились друг в друге, сталкиваясь и расходясь в яростном ритме, в непостижимой сладкой муке. Тяжело дышали и двигались. Быстрее, глубже, сильнее. В бессвязном шепоте. В темноте. Двигались в яростном удовольствии, пока влажные и усталые не разбились в судорогах оргазма, сладкого и опустошающего.

ГЛАВА 10

Смятые простыни, разбросанные подушки, упавшее на пол одеяло. Тихое, беззащитное дыхание. Доверчивое сплетение тел. Нежелание шевелиться, несмотря на то что рука затекла под ее головой. Нежелание шевелиться, сохраняя бесценный миг блаженного телесного упоения. Короткий миг, пока день не закрутил в суете обыденных дел.

Они так и заснули поперек кровати. Обессиленные вышли из душа, рухнули на постель, долго целовались и заснули. Но вот на ее губах тенью промелькнула слабая улыбка, и Алёна, глубоко вздохнув, пошевелилась. Иван тут же освободил свою руку.

У Шаурина спальня и правда волшебная: спишь и проснуться не можешь. Не жарко, не душно. В меру прохладно, даже мурашки зябко бегут по позвоночнику. Хотя нет, мурашки прихватили кожу не от приятной прохлады, а от мягкого укуса за ягодицу.

Нехотя Алёна прошептала:

— Это так ты меня будишь?

— Да, так я тебя буду. Именно так и не только. По-разному.

Довольно бесцеремонно он перевернул ее на спину и, сев на колени, подтянул к себе.

— Шаурин, мне с утра даже жить не хочется, не то что сексом заниматься, — сказала она, но на Ваню эти хмурые слова не произвели впечатления.

— Можешь умирать дальше, мне твое живое участие не требуется. Просто побудь в комнате.

— Даже не в кровати?

— Можешь и не в кровати, — усмехнулся. Очень неубедительно Алёна сопротивлялась, ибо ее разомлевшее после сна тело реагировало на каждое легкое касание чутких пальцев.

— Я теперь поняла твою замуту про «подружить», — дрожаще вздохнула. — Если бы мы не

подружили, а сразу начали спать, нам бы и поговорить некогда было.

— Конечно. Я так и знал, что ты не вылезешь из моей кровати.

— Надо же, как все прозаично. — Хриплый смешок раскрасил воздух. — А я ждала завтрак в постель: чай с апельсином и ванильные булочки.

— Зря. Доктор, можно я вас просто молча трахну?

Ласковая улыбка тронула чувственные губы: видать, Шаурин тоже просыпается не в духе. Наверное, стоит задуматься, как же им умудриться утром не поубивать друг друга.

— Умеешь ты уговаривать, Твою-Мать-Величество. — Руки настойчиво притянули его на себя. — Сил нет, не могу тебе отказать. Только давай прозаично, но с чувством.

— Вот наглая ты. И с утра ей тоже праздник подавай.

— Да, я такая. Иначе ты останешься без завтрака.

...Алёна выскочила из душа первой и теперь стояла в гардеробной, выбирая, что из вещей Шаурина на себя нацепить, — не разгуливать же по квартире в вечернем платье. Разрешение что-нибудь взять не спрашивала, это было бы глупо. Наконец выбрав майку EA7 темно-красного цвета, она встряхнула ее, натянула на влажное тело и пошла на кухню.

— Не убирай, — сказала, когда Ванька собрался подобрать разбросанные ночью вещи. — Пусть валяются. Хоть какое-то поэтичное напоминание о нашей ночной страсти.

— Ради бога, пусть валяются, — равнодушно согласился он, снова бросил на пол ее платье и уселся на стул. — А ты ходи лохматая, не причесывайся. Тоже напоминание о нашей ночной страсти. Это же я тебя растрепал.

— Не переживай, я точно не понесусь приводить себя в порядок, чтобы произвести на тебя впечатление. Смотри и любуйся. Какая есть.

— А зачем ты вообще майку надела? Ходила бы голая, — оценил Ваня ее старания по подбору утреннего наряда.

— Как это зачем? Я могу глаза не накрасить, но одежду всегда выбираю с особой тщательностью.

— Я заметил. Потому и говорю: ходила бы голая. Что в майке, что без.

— В этом весь смысл. Буду целый день тебе глаза мозолить в этой майке, ты ее потом спокойно надеть не сможешь.

— Уже не могу. — Достал телефон и забегал пальцем по сенсорному экрану.

Алёна закончила готовить завтрак и разлила по чашкам кофе.

Так густо и вкусно от Ваньки пахло. Он побрился. Сразу захотелось прижаться к его гладкой теплой щеке. Она и прижалась. Чмокнула в губы, вдохнула родной, чуть резковатый аромат.

— Ты с утра злой?

— Нет, я с утра не злой. Я с утра читаю прессу. Вдруг война, а я не в курсе.

Алёну, конечно, устраивало, что Ваня не пытался поднять ей настроение, не лез с разговорами, но уже через пятнадцать минут оскорбительно-безучастный вид, с которым Шаурин попивал свой кофе, начал невозможно раздражать.

— Ты так и будешь молчать?

— Да.

— И тебя ничего не напрягает?

— Абсолютно. Если я ем, это еще не значит, что я уже проснулся и хочу поговорить.

— Я прям готова в тебе разочароваться. И у нас так каждое утро будет? — придвинулась ему заинтересованно.

— Нет, если я останусь без секса, будет намного хуже. Спасибо за вкусный завтрак, я очень люблю эту фигню, — указал глазами на оладьи. — Теперь можно я просто молча допью свой кофе?

— Нет, нельзя. Я пока тебя не достану не успокоюсь. У меня что-то голова болит, поэтому мне обязательно нужно выпить чуть-чуть твоей крови. Вдруг полегчает.

— Смотри не отравись. — Снова взялся за чашку, собираясь поднести ту к губам.

— И не мечтай. — Положила ладонь на его запястья, мягко вынуждая опустить руку.

— Не, Доктор, — насмешливо улыбнулся Ваня, — все-таки тебя надо трахать и трахать - тогда ты добрая и нежная Мурка. Вчера так сама доброта была. В любви мне ночью признавалась.

— Я?

— Да.

— Так и сказала: Ваня я тебя люблю?

— Нет, не так. Но что-то про влюбленность.

— Я пьяная была. В таком состоянии я могу даже согласиться за тебя замуж выйти. Но это не значит, что на другой день побегу в ЗАГС заявление подавать. По мере расщепления алкоголя в крови мое решение будет стремительно таять. Ты же знаешь: бабам нельзя верить, все бабы врут.

Шаурин прижал ее взглядом к стулу. Так посмотрел, что Алёна чуть не поперхнулась кофе, а если б умела краснеть, то покраснела бы.

Ваня разомкнул губы, но все медлил со словами, будто еще не решил, стоит ли продолжать.

— Да, все бабы врут, — все-таки сказал он. — Но, ты ж не «все». А, Доктор? Разве ты можешь быть, как все?

— Нарываешься? — прищурилась.

— Ну ты же так хотела поговорить. Давай уже, садани мне с утра по интеллекту.

Алёна ненадолго задумалась. Смотрела на Шаурина сосредоточенно, привычно обегая взглядом безупречные черты лица. Потом она отодвинулась, скрестила руки на груди и начала вкрадчиво, но твердо:

— Все матерятся, а я - нет. Все курят, а я - нет. Все мажоры, а я - нет. Я же один такой - Иван Царевич, Королевское Величество, особенный, в своем роде единственный. И дело далеко не в нежных попечениях твоей матери, уважаемой Юлии Сергеевны, — говоря о матери, Алёна сбавила тон, стараясь, чтобы Иван не увидел в ее словах негатива. Знала его отношение к матери. Небрежности в ее адрес он не простит. — Понимаешь же, о чем я говорю. Ты любишь подмечать в других глупость, превознося свой ум, хотя делаешь это равнодушно, без особой страсти. Есть у тебя особенное чутье. Тебя нелегко обмануть, ты очень чувствительный, легко улавливаешь колебания, тщательно сканируешь информационное поле. Хоть слова, хоть настроение. Довольно редкое явление.

Высказавшись, Алёна самодовольно поджала губы, ожидая, чем Иван ответит на ее выпад. Он в отличие от нее долго не думал, улыбнулся снисходительно:

— Ах, какое блаженство, Ах какое блаженство. Знать, что я совершенство, Знать, что я идеал. Да? Я же Доктор. Выше неба, выше солнца, вне социума. Мне что бомж, что криминальный авторитет. Ведь ты тоже ищешь чужие изъяны, чтобы лишний убедиться в собственном превосходстве. И получается же. Ты чтец, ты инженер человеческих душ.

Такого ей никто не говорил. Раздражение прорвалось в нервном смешке, но Алёна, по обыкновению, вовремя прикрыла его сверкающей улыбкой. Ванька перестал улыбаться, став каким-то неприятно серьезным. Алёна слезла со стула и захватила чашку, вознамерившись усесться с ней на диван и посмотреть телевизор.

— Что - ушла в себя вернусь не скоро? — одарил ее привычной иронией, тем самым предоставляя прекрасную возможность парировать.

— Не дождешься. Слабоват подгон. Тебе еще учиться и учиться.

— Так у меня времени полно. Целых полгода, чтобы тебя выпотрошить.

Алёна слегка нахмурилась, покривилась, словно отмахнувшись от шауринской дерзости, и пошла в гостиную. Через минуту Шаурин набрал ее номер. Она, слегка улыбнувшись, ответила.

— Мурка, я тебя хочу. Иди поцелуй меня нежно.

— Нет.

— Как это нет?

— У меня мультик.

— Какой мультик?

— Мой любимый. «Простоквашино».

— Я важнее.

Алёна отбросила телефон и поднялась с дивана. Пошла к барной стойке и, приблизившись, так

что Шаурин уже мог ее хорошо слышать, стала напевать:

— А я все чаще замечаю,

Что меня как-будто кто-то подменил.

О морях и не мечтаю -

Ванька Шаурин мне природу заменил.

Что было вчера - позабыть мне пора

С завтрашнего дня, с завтрашнего дня.

Ни соседям, ни друзьям - никому

Не узнать меня, не узнать меня... — Крепко чмокнула Ваньку в губы, затем поцеловала его нежно, как он просил, и вернулась на диван.

Досмотрев «Простоквашино», набрала шауринский номер.

— Ванечка, иди поцелуй меня нежно. И конфету захвати.

— Тебе я нужен или конфета? Хорошо подумай, — строго сказал он, и Алёна рассмеялась.

— Ванечка, я тебя обожаю. Иди поцелуй меня нежно. Можно без конфеты.

— Умница, — похвалил он, — старательная.

Книга предоставлена группой в контакте “Ольга Горováя и другие авторы журнала САМИЗДАТ”

<http://vk.com/olgagorovai>

(Ксения Авдашкина)

ГЛАВА 11

Прошедшая ночь была нервной и почти бессонной. Хотя спроси Алёну отчего не спалось, не ответила бы, не смогла, просто в голову лезли дурацкие мысли, и все не отпускала душу какая-то тревожность. Возможно потому что темнота за окном грохотала дождем, а небо то и дело вспарывали неоновые молнии, оттого и тревожность... А после напряженного рабочего дня голова и вовсе стала деревянной, хоть гвозди заколачивай. Алёна запила водой таблетку цитрамона, следом залпом, как лекарство, выпила чашку крепкого кофе и рухнула на диван в гостиной. Венским вальсом распелся сотовый. Звонила Света.

Алёна улыбнулась и устало ответила:

— Привет, Павлова.

— Радченко я! — шутливо-строго одернула Светка подругу и тут же заверещала: — Моя хорошая, я так по тебе соскучилась!

— Ну наконец-то явились, ничего себе вы поотдыхать. Пряма реальный медовый месяц у вас

получился. Целый месяц отдыхать не надоело?

— Не надоело. А ты скучала по мне, тосковала?

— Вот знаешь, дорогая, не хочу тебя расстраивать, но скучать мне было совершенно некогда.

— Именно это я хотела услышать. Значит - все хорошо у вас с Ваней?

— Да, все хорошо у нас с Ваней.

— И чья в этом заслуга? — бодро спросила Света, и Алёна выдавила из себя многозначительный смешок. — Понятно, — ухмыльнулась Павлова в трубку. — Ванька молодец. Я была в нем уверена. Точно знала, что он справится.

— С чем это он справится? — Алёна чуть возмущенно подняла голос.

— А с тем! — Светка залилась смехом. Она всегда так задорно смеялась, что невозможно было не заразиться. — Ой, ладно, буду распаковываться, мы же только прилетели, я еще на чемодане сижу. Вот выплюсь, потом позвоню, встретимся и все обсудим.

— Конечно. Обсудим все, — улыбнулась Алёна.

Действительно, скучать Алёне было совершенно некогда, так как почти все свободное время она проводила с Ваней. Он так и не начал водить ее по шикарным ресторанам, как обещал (и слава богу!), а таскал по всяким интересным забегаловкам, — лаундж-кафе и кондитерским. Они оба в подобных местах чувствовали себя легко и уютно. Впрочем, трудно придумать, где с Шауриным могло быть неловко. Сегодня, например, они собрались на фотовыставку известного японского фотографа. Это Ванькина идея, Алёна, разумеется, согласилась, но интересовала ее не сама выставка, а почему Иван выбрал именно ее. Что-то же его привлекло. Хотелось узнать: что именно.

Алёна набрала шауринский номер и поднялась с дивана. Не смогла усидеть. Еще голос родной не услышала, а уже почувствовала прилив бодрости. Или это кофе подействовал. Или все-таки Ванька.

— Да.

Значит, на работе, раз так ответил, и в кабинете не один. Иначе сказанул бы что-нибудь эдакое и Муркой назвал.

— Я дома. Жду тебя, — коротко отчиталась Лейба, разыгрывая покорность.

— Хвалю, — вкрадчиво и мягко проговорил Шаурин.

— Я молодец? — продолжила провоцировать.

— Да, — так же односложно ответил. — Умница.

Что-то зашелестело в трубке. Похоже на шуршание бумаги.

— Я заслужила подарок?

— Угу, — произнес он. — Он тебя уже ждет.

— Да? — удивилась Алёна.

— Да.

Шелест продолжался. Так и представила, как Иван листает какие-нибудь бумажки, зажав телефон между плечом и ухом.

— Ну все тогда. Я тебя жду. Обняла, поцеловала.

Про подарок она, конечно, сказала в шутку. Они всегда так говорили, забавлялись, но это не означало, что Шаурин каждый раз несся к ней с презентом, хотя подарки дарил. И все со смыслом. Последний раз принес книгу Ошо, посоветовал обязательно прочитать и добавил, что горе от ума. Книгу Алёна еще не открывала, не хватало на нее времени, и так по работе приходилось уйму литературы перелопачивать. Наверное, и этот подарочек будет тоже из разряда - «чтобы подумать». Ну что ж, придется немного подождать и усмирить свое не в меру разыгравшееся любопытство. А лучше бы знать заранее, что Ваня там приготовил: Алёна не любила сюрпризы. Но выспрашивать у Шаурина бесполезно, все равно не скажет. Остается надеяться на его благоразумие, на то, что не вздумает он как-то по-особенному поражать ее воображение.

Алёнка бросила телефон на диван и побежала в душ. Может быть, сегодня, раз Шаурин еще на работе, удастся собраться вовремя, чтобы ему не пришлось ее ждать. Ждал он всегда смиренно, очень редко высказывая свое недовольство. Насколько невыносим Иван бывал по утрам, настолько же терпеливо он мог ждать, пока она соберется к вечернему выходу. А однажды он попросил ее конспекты. Алёна нашла ему какую-то тетрадь, и он долго изучал написанное - то ли почерк, то ли содержание. Дай волю, и Шаурин бы эти лекции на графологическую экспертизу оттащил.

Иван выбрался из салона, хлопнул дверцей и остановился у машины, не спеша подниматься к Алёне: минуту назад она позвонила и предупредила, что выскочила в магазин.

К вечеру на город лег неожиданный зной. Безоблачное небо затянула какая-то мгла. Снова к дождю. Июль в этом году выдался дождливый. Плаксивый, как капризная девица. От жары ли, от усталости после тяжелого рабочего дня, но мысли текли вяло. Шаурин вздохнул и осмотрелся: двор шумел криками и визгами, разноцветная детвора рассыпалась по детской площадке.

За какую-то минуту над головой вдруг сгустился мрак, небеса потемнели, словно их занавесили серым полотнищем. Где-то вдалеке прогрехотало, и небо каплями швырнуло на землю воду. Потянуло прохладой. Воздух стал влажный и тяжелый от водной пыли. Надо бы сесть в машину, но уже заметил Алёну. Она вывернула из-за угла, с той стороны, откуда Иван и ожидал ее увидеть; шла быстро и тащила за руку мальчишку. Шаурина она не заметила, смотрела то на ребенка, что-то увлеченно ей рассказывающего, то на его мать, которая поджидала их у дома на кованно-деревянной скамье. Ничего необычного не произошло. Мальчишку, соседского пацаненка, Шаурин уже видел не раз. Да и Алёна выглядела обычно: в светлых шортах и серой футболке. Но какое-то непрошенное щемящее чувство тяжело стукнулось в груди и на момент оглушило; кровь как-то тягуче-сиропно растеклась по венам. Надо бы позвать Алёну, а не мог, как онемел. Все смотрел на нее и не мог ни заговорить, ни с места сдвинуться. Она подвела мальчика к матери, что-то вытащила из пакета и вложила ему в руку. Наверное, конфету. Чем еще можно угостить ребенка? Бросив случайный взгляд во двор, наконец заметила Шаурина и, сразу попрощавшись с соседкой, направилась к нему. Подойдя,

что-то сказала, улыbnулась, быстро поцеловала и прижалась. Он только и смог, что молча обнять ее. Обнял, как в первый раз. Или как после разлуки, словно долго-долго ее не видел. А будто и не видел до этого. Вот, кажется, по-другому она сейчас улыбается. И смотрит по-другому. И духи ее, привычные ведь, пахнут совсем не так. И голос, пробившийся в сознание... оказывается, столько в нем нюансов и оттенков...

— ...где мой подарок?

С выдохом Ваня отстранил ее и вытащил из машины объемный сверток.

— Осторожно он живой.

Алёна ахнула, тут же сунула Ваньке свою ношу и забрала подарок. Осторожно взвесила в руках, с интересом прислушалась.

— Надеюсь, он не гавкает, не мяукает, не пищит, не чирикает?

— Нет.

— Это не черепаха?

— Нет, — улыbnулся.

— Уже хорошо. А что это?

— Дома посмотришь.

— Ладно, — довольно сказала она. — Пошли скорее, пока дождь сильнее не ливанул.

Спohватившись, Иван захлопнул дверцу, поставил машину на сигнализацию, и они быстро двинулись к дому.

Забыл он про дождь, не чувствовал холодных капель. Не заметил, что двор опустел: детвора, напуганная надвигающимся ливнем, разбежалась по подъездам.

Дома Алёна расхохоталась:

— Кактус?! Ваня, ты купил мне кактус? — смеялась она, глядя на цветок и комкая в руках шуршащую упаковочную бумагу, в которую был завернут керамический горшок.

— Да. Он какой-то заморский, суперэсклюзивный. Сказали, что если за ним хорошо ухаживать, то шикарно зацветет. Там карточка приклеена с названием, посмотришь потом в Интернете, что это за зверь такой.

Алёна повертела горшок и прочитала название на наклейке. Что, собственно, никакой информации не дало. Разновидность этого кактуса была ей незнакома, так что не могла она сказать - эксклюзив это или нет. Придется поверить Шаурину на слово. Да и вообще с цветами она всю жизнь на «вы». А этот кактус и правда был какой-то не такой, — не колючий, а мохнатый.

— Спасибо, Ванечка. Обещаю: он у меня скоро весь в цветах будет, — торжественно пообещала она без лукавства и иронии. Ведь правда собиралась за ним ухаживать как следует. — Так, я сейчас пакет только разберу и оденусь. Шаур, ты со мной, — сказала она и взяла горшок с журнального столика. — На кухне будешь у меня жить. Да-да, это теперь его имя, не Германом

же мне его звать, — иронично поджала губы и, задрав нос, прошла в кухонную зону.

Иван усмехнулся и плотнее уселся в кресле. Но никак не проходило это наваждение. Не исчезло из тела то странное томительное ощущение. Что-то сладкое и будоражащее не давало усидеть на месте. Ваня поднялся и пошел вслед за Аленой. Она стояла у холодильника, раскладывала на полках продукты. Увидев Шаурина, тут же улыбнулась и указала кивком на кактус, стоящий на столе.

— В этом есть какой-то символизм?

— В чем?

— В том, что ты подарил мне кактус? Мне надо об этом задуматься?

— Нет, не задумывайся. Просто ты такой хреновый цветовод, что начинать тебе надо с кактусов, — говорил через силу, потому что говорить совсем не хотелось. Смотрел бы на нее молча. Просто смотрел — уже и так все понятно. Столько времени пытался ее понять, разобрать, как механизм да, видно, не тем пользовался инструментом.

— Ну да, — согласилась она, — у меня вообще цветов дома нет. И не было никогда. — Смахнула со стола крошки, стряхнула руки и убежала в спальню переодеваться.

Алёна пронеслась мимо, не замечая заторможенного состояния Шаурина. Он пошел следом, чувствуя себя, как в параллельной реальности. Неужели только ему сегодня так тяжело дышится?

Надев шелковый комбинезон, Алёна, ища одобрения, довольно покрутилась перед Ваней. Он всегда так красиво говорил, делал точные, емкие и очень приятные комплименты.

— Нравится?

— Космос, — коротко сказал он, и Алёна нахмурилась, заметив, что Ваня сегодня какой-то странно неразговорчивый.

А он просто не смог ничего подобрать. Потому что не видел этого наряда, без мыслей смотрел только в ее голубые глаза. Они ведь, на самом деле, сами по себе очень светлые, бледно-голубые, а яркими кажутся, потому что радужка у них темно-синяя.

Шаурин шагнул к ней, убрал волосы от лица и поцеловал. Прижал ее к себе даже излишне крепко. Крепче, чем нужно было, чтобы просто поцеловать. И это сладостное чувство еще больше разрослось. От вкуса поцелуя, от ее мягких губ стало грудь рвать и вены. Опомившись, отпустил. Алёна немного недоуменно взглянула на него.

— Вань, что-то случилось?

— Нет.

— Ты устал, может, сегодня?

— Да, устал, — согласился он, хотя дело было не в усталости. — Собирайся и пойдём. — Шаурин выдохнул, поправил светлый пиджак и вышел в прихожую.

Через минуту Алёна появилась перед ним в той же серой футболке и шортах.

— Не пойдем никуда, — распорядилась она и не дав ему возразить продолжила: — Ты уставший после работы, замученный весь. Переживу я, если не попаду на эту выставку. Следующий раз сходим. Пойду ужин готовить.

Ваня, в общем-то, не успел воспротивился такому решению. И, как видно, обсуждению оно не подлежало. Алёна весьма решительно настроилась остаться дома.

— Мясо или рыбу? — просила она и включила духовой шкаф.

— Что хочешь.

— Тогда рыба.

— Рыба — это хорошо, — задумчиво сказал Шаурин.

— Сделать поострее?

— Можно поострее. — Скинул пиджак и, бросив его на спинку, расслабленно откинулся на стуле.

Алёна возилась на кухне, что-то говорила про Свету, про то, что они с Игорем уже вернулись с отдыха.

— Игорь мне еще не звонил. Еще в себя, наверное, не пришел. Это Светка-Ха-ха уже готова трещать со всем миром.

— Как ты ее назвал? — Алёна застыла с ножом в руке.

— Света-Ха-ха.

— Почему? — рассмеялась.

— Потому что хохотушка. Смеется так залиvisto, сам ржу не могу с нее.

— Ну да, это точно. Стоит Светке засмеяться вся компания ржать начинает.

— Кофе давай.

— Блин, точно.

— Со сливками.

— Конечно, Иван мой Царевич, все для тебя. Рыба острая, а кофе со сливками.

Алёна сварила кофе, поставила чашку перед Иваном и, навалившись на него сзади, обняла его за плечи. Прижалась, крепко чмокнула в щеку.

Такая ласка и нежность с ее стороны вызвала в теле волну удовольствия. Ваня утопил пальцы в светлых локонах, притягивая Алёну к себе за затылок. Поцеловал в губы. Поцелуй затянулся, и в голове мелькнула мысль: черт с ним с этим ужином. Но Алёнка вырвалась от него со смешком. Иван покинул ее на время, чтобы повесить пиджак в шкаф (раз уж они точно никуда не идут) и помыть руки.

Такая кротость в Алёнкином поведении Шаурина начала настораживать: как правило, после

подобной приятной «оттепели» следовали жесткие «заморозки». Стоило им сблизиться, Алёна словно пугалась, и делала шаг назад. Отступала, пропадала. После страстной ночи и душевных выходных у нее обязательно появлялись срочные дела, которые не терпели отлагательства, так что даже на телефонный звонок времени не хватало; как снег на голову валились какие-то друзья, требующие внимания. Поначалу Шаурин думал, что это закон подлости такой, потом понял: подлость тут совершенно ни при чем, а вот какой-то закон явно существует.

Раздражало. Дико раздражало, но еще не так, чтобы биться головой об стену или ставить ультиматумы. И ведь не врала же в чувствах, не притворялась, но никак не мог понять, зачем пыталась выстроить стену отчуждения, отстраниться и показать свою независимость. Он же не давил на нее. Они оба друг на друга не давили, уважали свободу, предоставляя некоторое личное пространство. Им обоим это было важно и нужно.

— Тебе какой-то Гера звонил, — сообщила Алёна, когда Иван вернулся на кухню. — Или какая-то...

— Какой-то. — Шаурин взял со стола телефон и набрал номер Геры.

Тот ответил сразу:

— Да неужели... расцветали яблони и груши, — с ехидцей протянул грубый мужской голос, — Шаур Денисович, это что за бл*хомудия творится? — как всегда загнул матом. — Не могу до тебя дозвониться.

Ванька рассмеялся.

— Это все досадная случайность.

— Вот зря ты со мной так неосторожно. Знаешь же, я человек мнительный.

— Гера, когда водку пить будем? — ударил в лоб вопросом.

— Есть повод?

— А нам нужен повод? Я, как только тебя слышу, мне уже выпить хочется. С тобой ведь на трезвую голову невозможно разговаривать.

Гера хохотнул. Наверное, находился он в каком-то просторном пустом помещении, оттого голос его не очень приятно резонировал, а и без того резкий смех казался еще резче.

— Нет, ты просто испортился, совсем от меня отвык. Повадился со своими пластелиновыми друзьями по морковному соку убиваться.

— Гера, реально дел по горло.

— А у кого их не по горло? Короче. Ты завтра с утра у себя в конторе будешь?

— Должен быть.

— Я заеду.

— Давай.

— Аривидерчи.

Неожиданно Алёна вскрикнула и ругнулась. Обжегшись, она подула на запястье и скривилась от боли.

— Не суй руку под воду! — окрикнул Иван и оттащил ее от раковины. — Алёна, ну как так... — то ли возмутился, то ли отругал.

— По-русски, ёклмн... — хныкнула она. — Вот ненавижу обжигаться. Ненавижу!

Действительно ненавидела. Это к душевной боли она терпима. Так очерствела за детские годы, такой иммунитет приобрела, что нужно было очень сильно постараться, чтобы ее обидеть. Зато любая царапина могла запросто до слез довести. Вот сейчас боялась, что расплачется. Этого еще не хватало! И Ванька, как назло, засуетился, распереживался, еще больше выводя ее из равновесия. Чтобы успокоиться, Алёна запила подступившие слезы Ванькиным кофе и пошла за мазью от ожогов. Была кажется у нее такая. Надо посмотреть не вышел ли срок годности.

Срок годности, к счастью, не вышел.

— Шаурин, вот чё ты ко мне с кактусом приперся? Подари мне розы, — хныкала она, пока он обрабатывал запястье.

— Вот сейчас, конечно, самое время просить розы.

— А когда их еще просить? Подари мне, блин, розы. Нормальные, красивые, красные розы. Хочу увидеть тебя с розами.

Взгляд у Алёны стал перламутровым, — от боли и накативших слез. Довольно сильно она обожглась.

— Давай уже не сегодня. А то опять передоз окситоцина будет. — Шаурин отбросил тубик с мазью и подхватил Алёну на руки.

— Конечно, уже не сегодня. Ты куда меня?..

— Угадай.

— Ваня у меня ужин сгорит... — нерешительно напомнила, когда он усадил ее в спальне на кровать.

— Ну и хрен с ним. Сделаешь мне свои фирменные бутерброды. С майонезом. — Снял с себя футболку. — Раздевайся, Мурка. Буду тебя жалеть.

— Ты сказал, что не будешь их больше есть.

— Я пошутил. Раздевайся.

— А для того чтобы ты меня пожалел, надо раздеться? — забыв про боль и неловкость, попыталась улыбнуться, может, игриво или обворожительно, чтобы потом они просто занялись сексом, а не разыгрывали драматичную мизансцену из какой-то сопливой оперетты. Однако улыбка получилась натянутая и фальшивая.

Скинув только шорты, Алёна уже почувствовала себя голой, будто вместе с ними сняла нечто большее. Почему-то обнажаться дальше не хотелось. Поддавшись необъяснимому волнению, судорожно затрепетала.

Обычно они с Ванькой ладно сплетались в объятиях, по какому-то внутреннему зову, внутреннему знанию чувствовали, как лучше и приятнее. Но сегодня Алёна, скованная неловкостью, словно забыв, что нужно делать, небрежно уселась к нему на колени, не зная, как прикоснуться.

— Знаешь, как деток маленьких жалеют... Целуют им царапины и синяки, чтобы все быстрее зажило... — Положил ладони на ее ягодицы и придвинул к себе, так чтобы между их телами не осталось даже воздуха.

Улыбка застыла на ее лице маской. Красивой, но маской.

Вместо ответа Алёна нерешительно пожала плечами. Ей никто в детстве не целовал царапины и синяки. Она хорошо помнила себя ребенком, но не помнила, чтобы у нее когда-то были детские мысли. Не той она была девочкой, для которой счастье заключалось в лишней шоколадной конфете или новой кукле. Маленькую Алёнку никто никогда не жалел.

Ваня легонько поцеловал ее ноющее запястье, отпустил руку и убрал волосы с шеи, чтобы прижаться к ней губами. Горячие у него губы. Ласковые.

Обычно его поцелуи не оставляли равнодушной, но сегодня каждое касание отзывалось холодом в кончиках пальцев. Как вести себя в таких случаях? Что делают маленькие и большие девочки, когда их жалеют? Доверчиво прижимаются к ласкающей руке, целуют в благодарность, говорят добрые слова? Просят еще? Больше ласки, слов и объятий?

Не умела Лейба принимать такие жесты. Не знала, как их принимать.

Захотелось оттолкнуть Шаурина. Даже больше. Вдруг отчаянно захотелось, чтобы он вообще исчез из ее жизни. Чтобы не трогал, не целовал, не встряхивал.

А он целовал. Жарко, но сдержанно исследовал губами изящный изгиб шеи, медленно пробираясь руками под футболку. От этой непривычной медлительности внутри у Алёны что-то переворачивалось. Пульс забился оглушающе, по телу разлилось приятное тепло, но оно никак не доходило до рук. Никак не могло прогнать этот холод, который неотвратимо пробирался в душу, заставляя чувствовать себя как в клетке. Зажатой между собственным страхом и жадой Его.

Как выйти из той клетки, которая внутри, в груди?

Не пугали деньги и статус Шаурина, положение в обществе и известность в определенных кругах, — пугала его семья. Эта идеальная во всех отношениях семья. Когда он говорил о своей семье, о родителях, хотелось выругаться матом. Потому что ответить было нечем. Откровенность требовала откровенности, а Алёне нечего было на это сказать, нечем поделиться. Если бы Шаурин оказался невообразимой сволочью, с ним было бы легче.

— Нет уж, Царевич, не хочу я думать, что у меня эта рыба сторит к чертовой матери, я и так сегодня чуть инвалидом не стала. Подожди, схожу выключу духовку. — Попыталась скинуть его руки.

— Пойдешь, когда я разрешу, — незнакомо резко прозвучал его голос. — Сейчас не пойдешь.

От небрежного жеста, которым он удержал ее, сжав на груди футболку, у Алёны перехватило дыхание, и все же, улыбнувшись, приняв сказанное за шутку, она попыталась слезть с Ванькиных колен и освободиться от его рук.

— Что за замашки? — знакомо ухмыльнулась.

— Я не шучу.

Что-то незнакомое промелькнуло на ее лице.

Обычно Алёна умела выкрутиться из любой ситуации, но сегодня не смогла изящно сплести слова. А даже если б и смогла, никакая оригинальность не прикрыла бы неумолимо выступающую обнаженность души. Никакая лучезарная улыбка не спасла бы от нового на нее взгляда, не спрятала под собой уязвимость, прорвавшуюся из-за пустяка, мелочи. Из-за терпимой физической боли, которая сковала по рукам и ногам.

— Давай, Мурка, раздевайся. Мне так нравится, когда ты сама раздеваешься, — бархатно проговорил он.

Алёне так хотелось в ответ сказать что-нибудь ироничное, но, хоть убейте, язык как отнялся. Она не спеша стянула футболку, чуть помедлила, стараясь освободить пораненную руку, не причиняя себе неудобства. Эта излишняя осторожность придала ее движениям больше томности, эротичности. Хотя куда больше. В том, как женщина обнажается, и так есть что-то запредельно эротичное. Не когда она второпях скидывает одежду, а когда делает это для своего мужчины. Сама идет к нему в руки, сама отдается.

Бюстгальтер, яркий, кружевной, василькового цвета, тоже не задержался на стройном теле. Заведя руки за спину, Алёна расстегнула застёжку, шевельнула плечами, сбрасывая лямки. Грудь приподнялась от этих движений, дрогнула и полностью открылась взгляду, когда тонкие бретельки соскользнули, — округлая, идеальная, кажется, руки будут слишком грубы для этой красоты, ее нужно трогать только губами.

Провел кончиками пальцев по едва заметным розовым полоскам, оставленными грубым бельем. Для такой чувствительной кожи даже самая деликатная ткань будет грубой, словно мешковина. Очертил эти следы, едва касаясь, словно боялся спугнуть печаль, притаившуюся в голубых глазах. Не хотел, чтобы вспыхнувшая страсть выжгла ее дотла. Печаль ведь всегда искренна. Печаль нельзя замаскировать лживой улыбкой, она все равно будет смотреть с самого дна души. С трудом давалась эта медлительность, разум уже отказывался что-то соображать от нехватки крови, которая потоком хлынула вниз, в пах. Впереди целая ночь, можно не торопиться. Но как тут не торопиться, когда возбуждение по венам переменным током, а от ощущения ее теплой нежной кожи под ладонями сносит крышу. Грудь Алёнки неровно вздымалась; прося поцелуя, влажные губы, приоткрылись. Едва прижал ее к себе сильнее, мягкий стон шевельнул воздух. Этот тонкий звук снес хрупкий самоконтроль, сорвал с цепи тщательно сдерживаемую страсть, которая единым порывом смела все случайные чувства, выливаясь жарким влажным поцелуем и грубоватым объятием.

По телу пробежала крупная дрожь, низ живота свело от желания, она бедрами сжала Ваньку сильнее, и он среагировал, тут же отпустив ее губы, заскользил ладонями по мягким изгибам, коснулся языком бющейся жилки, поцеловал ключицу. Лизнул нежное место, где грудь только приподнималась, кожа тут тонкая и такая восприимчивая к искусным ласкам языка. Даже легкое касание губ вызывало мурашки, так что можно их почувствовать.

Комната наполнилась негой и жаром. Дыхание давно сбилось, скомкалось где-то у горла, и не было сил ждать, пока Шаурин наконец снимет с нее трусики и одарит неземным удовольствием.

Алёна привстала на коленях, он улыбнулся ее нетерпению...

ГЛАВА 12

Вопреки ожиданиям, следующее утро выдалось суетливым, но не бывает нерешаемых проблем, бывают ленивые люди. Шаурин от природы ленив не был, тем более привык считать, что у каждой ошибки есть имя, фамилия и отчество. Разобравшись с заморочками на производстве, Иван вернулся в главный офис и зашел к отцу.

— Горишь, Артём, горишь...

— Вы же знаете, Денис Алексеевич, кому-то Родина – Мать, а кому-то *б твою мать, — красочно и горделиво выразился Гергердт в ответ на слова Шаурина-старшего, точно философское изречение зачитал. Увидев Ивана, он не стер с лица нахмуренного выражения, только в черных глазах мелькнула ирония.

Ваня пересек кабинет и крепко пожал его сухую, горячую руку.

— Только тебе звонить собрался, а ты, я смотрю, уже здесь, на жизнь свою тяжкую жалуешься.

Гера свободно вздохнул, твердые губы дрогнули в подобии улыбки.

— Я смерть свою в карты проиграл, разве я могу на жизнь жаловаться?

— О чем же на этот раз глаголит твой азартный разум?

— В мэры хочу, — невозмутимо ответил Гера и откинулся на кожаном стуле, устроив правый локоть на спинке.

— Счастливого пути, — усмехнулся Иван, бросил отцу на стол документы, которые принес собой, и замер у края, сунув руки в карманы брюк.

— Так Денис Алексеевич не пускает, — с легким нажимом сказал Артём и перевел взгляд на Шаурина-старшего.

— Артём, с твоим «послужным списком» тебя даже главой сельсовета не выберут, — с легкой иронией отозвался Денис, одним брошенным взглядом прочитав верхний листок. Ваня, положив руку отцу на плечо, склонился над столом. Отобрав несколько документов и найдя интересующий, он постучал по нему пальцем, привлекая внимание. Хмыкнув, Денис набрал номер финансового директора.

— Еще как выберут, — настойчиво кивнул Гера. — Даже привирать для красоты не придется. Выдам пару фактов из своей биографии, и весь электорат умоется слезами, — наглово усмехнулся. — А дальше остается только грамотно организовать идолопоклонство. Чем я не идол?

— Ты сначала по-русски нормально научись говорить, без матов, идол, твою мать. Перед электоратом он собрался выступать, — усмехнулся Ваня, тем временем слушая, какие отец отдает распоряжения.

— Иван, знание великого русского еще не делает человека Великим.

— Угу, санитарки, которые утки выносят, тоже себя медиками называют.

— А жизнь же вообще — дерьмо. И всем нам приходится в этом дерьме копать. Кому-то больше, кому-то меньше.

— Потянуло пофилософствовать? Ты еще скажи, что проститутки становятся проститутками лишь от социальной несправедливости.

— Так возраст у меня, Шаур Денисович, такой – аккурат Христа. Самое время – или сдохнуть, или начать философствовать.

— А я смотрю, ты во всю готовишься, — сказал Иван и замер насмешливым взглядом на черной футболке друга, украшенной принтом распятия.

Гера злорадно ухмыльнулся, как оскалился:

— Не-е, Ваня, в раю скучно, а в ад я по определению фэйс-контроль не пройду. Уж лучше я на земле людишкам нервы попорчу.

Иван снова отвлекся, прислушиваясь к телефонному разговору отца, потом, когда тот положил трубку, вернулся взглядом к Гергердту.

— Есть время?

Артём хотел было ответить: смотря для чего, но в этот момент дверь отворилась, и в кабинет вошла Юлия Сергеевна. Вошла энергично, наполняя комнату не только ароматом изысканных духов, но и своим настроением.

Денис поднялся навстречу жене, Ваня уселся в отцовское кресло и с расслабленным вздохом откинулся на спинку. С некоторым умилением он наблюдал, как мать одарила отца нежным поцелуем, как тот, будто небрежно, слегка обнял ее за плечи. Но на самом деле в этом жесте не было ничего небрежного, только огромное, сдерживаемое на людях чувство. Иван теперь понимал отца больше. Да и любого другого, у кого есть любимая женщина. Та, которую до боли хотелось сжать в объятиях и не выпускать. Без которой ночи становились мучительными и бессонными.

— Ах, какие люди!.. Артём!.. — немного театрально, но по-доброму улыбаясь, воскликнула женщина, сталкиваясь с привычно колким взглядом мужчины.

Гергердт кашлянул, прочищая горло, поднялся с места и взял пиджак, который небрежно бросил на краю длинного стола.

— Юлия Сергеевна, уважаемая, чрезвычайно рад видеть, — тщательно изображая манерность, приветствовал мать друга. Та, меж тем, быстро чмокнула сына и снова остановила на Артёме пронзительный взгляд.

— А куда это ты убегаешь? Расскажи хоть, как у тебя дела?

— Боюсь я вас, Юлия Сергеевна. Начинаю рядом с вами себя человеком чувствовать. И мне даже мерещится, что у меня есть совесть, — натужно улыбнувшись, натянул пиджак.

— Все жизнь празднуешь? — вздохнула.

— Яволь, майн фюрер, никак не могу доверить это дело кому-то другому. — Одернул лацканы и поправил на запястье золотые часы. — Иван, время у меня есть, но оно стремительно уходит.

— Тогда пойдем пообедаем, поговорим заодно.

— И этот убегает! — шутливо возмутилась мать и перехватила сына за локоть. — Тоже

потерялся, про всех забыл.

— Не потерялся я. И ни про кого я не забыл.

— М-м-м... — кивнула понимающе и прямо спросила: — Как Алёна?

— Прекрасно, — ответил он, и от Юлии не укрылось, что лицо сына осветилось каким-то новым чувством, которого она раньше никогда не замечала.

— А почему вы не приходите к нам в гости? На ужин, например? Мне так хочется с ней поболтать... может быть, посоветовать что-нибудь... — Юлия смахнула с плеча сына несуществующую пылинку.

— Так вы не приглашаете. — Заметив ироничный взгляд матери, Иван ответил ей тем же.

— Так ты специального приглашения ждешь? — искренне возмутилась.

— А как же.

— Мы приглашаем, да, папа? — посмотрела на мужа.

— Конечно, приглашаем, — подтвердил Денис.

— Ну все, тогда мы придем, — улыбнулся.

Юлия качнула головой.

— Ох, и хитрец...

Иван и Гергердт покинули кабинет и прошли к лифту. Гера нажал нулевой этаж, чтобы, спустившись, выйти на подземную парковку. Посмотрел в зеркальную стену на Ивана и проговорил:

— Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты. Так ведь, мой друг?

— Угу, — неопределенно гмыкнул Иван. Сознание заволокла другая мысль, совсем не о еде. Набрал номер Алёны. Она долго не отвечала, но он не переставал звонить. Артём указал в сторону, где припарковал машину. Ваня отстал от него на шаг, слушая в трубке бесконечные гудки.

Наконец послышался запыхавшийся Алёнкин голос:

— Да, привет... только вышла из кабинета, и ты звонишь...

— На обед?

— Да какой там, вздыхать не успеваю. У меня сегодня две своих группы. И еще чужая вечером — попросили заменить. И между всем этим куча документов на обработку.

— Я заберу тебя сегодня. Ты во сколько освободишься?

Алёна шумно набрала воздух — то ли возмутиться хотела, потому что они не договаривались на сегодня о встрече, то ли подсчитывала, когда Ване лучше подъехать.

— Я детей в пять отпущу. А потом у меня бумажная волокита. Она бесконечная. Как подъедешь, позвони, я спущусь.

— Хорошо.

— У нас будет арт-терапия, я после нее буду мертвая.

— Хорошо, — улыбнулся.

Алёна рассмеялась:

— Хорошо, что я буду мертвая? Ой, Ваня, ко мне пришли, — поспешила прервать разговор. — Звони, ладно?

— Позвоню.

Иван заехал в пять вечера. Алёна только отпустила своих маленьких воспитанников; в голове еще шумели пронзительные крики и визги, и безумной рифмой крутились детские считалочки. Документы, конечно, она обработать не успела. Подумала взять их с собой, но решила не испытывать себя на прочность, все равно сил на разумные мысли не осталось.

— Шишки-шишки, я на передышке, — протараторила, открывая дверцу машины. Подобрал подол длинной юбки, нырнула в салон и упала на сиденье. Протяжно выдохнула.

— Чего? — переспросил Ваня и потянулся к ней, чтобы поцеловать.

— Не обращай внимание, это у меня гон, — отмахнулась и чмокнула его в губы.

— У тебя краска на лице, — Ваня стер с ее скулы пятнышко желтой краски.

— Краска, — фыркнула Алёнка и оттянула вырез футболки, — кажется, у меня даже песок в лифчике. Мы и краской рисовали, и песком... Ну в общем, я мертвая, я тебя предупреждала. И ужасно голодная, потому что без обеда.

— Страсти-то какие, — с усмешкой качнул головой и завел машину. — Поехали поужинаем где-нибудь и домой. Спать. Ты ляжешь спать, а мне поработать надо немного. А то папа лишит меня в этом месяце премии и мне не хватит денег тебе на платье. Не хочу в выходные в офисе торчать, а работы валом.

— О, нет, пожалуйста, давай дома поужинаем. — Вскинула руками пышные рюши светлой юбки. — Я точно не готова для выхода. Знаю, что тебе всегда по душе мои безвкусные наряды, но зато я сама не всегда готова показываться в них на людях.

— Мурка, не переживай, мы будем ужинать в таком месте, что даже если ты там будешь сидеть голая, все будут думать, что так и надо.

— Спасибо, успокоил, — хмыкнула она и привстала, чтобы посмотреть на себя в зеркало заднего вида. А то выскочила из кабинета, даже на себя не взглянув. — Ладно, поехали. Я так люблю есть в каких-нибудь забегаловках. — Стерла с щеки еще одно крошечное пятнышко желтой краски.

— Это будет нормальная забегаловка для таких творческих людей, среди которых ты будешь выглядеть Белоснежкой.

— Алёна! — позвал Ваня, когда она очередной раз проплыла мимо. Услышав его, Алёна шагнула на порог рабочего кабинета и коснувшись рукой дверного косяка, вытянулась в струнку, как балерина у станка. На ней были белые трусики и шауринская майка цвета хаки, которая натянулась на груди, бесстыдно обрисовывая ее женственную округлость.

Ее протяжный томный вздох был Шаурину ответом.

— Про что работаем, Доктор? — Ваня бросил на стол авторучку и с улыбкой откинулся в кресле. Закинул руки за голову.

— Все плохо, — проворчала она.

— Что плохо?

— Все ужасно.

Ваня чуть вздернул подбородок. Алёна окинула его нарочито внимательным взглядом.

— С нашего первого секса прошло чуть больше месяца, а ты уже плохо на меня реагируешь. Надо что-то делать. Срочно надо что-то делать, — проговорила нахмурено, безуспешно пытаясь сдержать улыбку. — Я пять раз туда-сюда прошла, и только потом ты меня окликнул.

Иван рассмеялся:

— Нормально я на тебя среагировал. С третьего раза, а потом засекал, с какой частотой ты мимо кабинета шныряешь.

— Да-а? — удивленно протянула она. — И с какой? — призывно и мягко улыбнулась.

— Пятнадцать секунд.

— Семнадцать, — довольно поправила она.

— Нормально с третьего?

— Нормально. Отлично просто. С первого-второго — это патология.

Ваня похлопал себя по колену.

— Иди ко мне, моя Мурка.

— Мр-р-р-р, — промурчала она и с кошачьей грацией двинулась через кабинет.

Подойдя, поцеловала Ваню крепко раз-другой и, зарывшись пальцами в темные жесткие волосы, прижала его голову к груди. Чуть устало навалилась на широкие Ванькины плечи.

— Алёна, иди ложись.

— Чего ты меня отсылаешь?

— Я не отсылаю, а беспокоюсь. Сама же говорила, что мертвая, вот я и хочу, чтобы ты легла отдыхать.

— Нет уж, притащил меня сегодня к себе, значит терпи. Поваляюсь тут на диванчике, нервы тебе потреплю.

Диван в кабинете оказался не очень дружелюбным, потому Алёна принесла себе подушку и плед. Даже нашла в шкафу какую-то книжку. Что-то философско-непонятное. Как раз для того, чтобы отключиться и заснуть.

— Мурка, не морочь себе голову, это декор.

Алёна улыбнулась и встала с дивана. Вернула книгу в шкаф.

— Я так и поняла. А ты читал эту муть?

— Нет, конечно. Говорю же - декор, — не поднимая головы от бумаг, сказал Иван.

Снова усевшись на диван, Алёна подобрала под себя ноги и завернулась в плед.

— А разговаривать можно или ты в доску занят?

Взгляд Ванькин, застывший на мониторе ноутбука, остался таким же сосредоточенным, но губы дрогнули в улыбке.

— Можешь даже анекдоты рассказывать, я хоть поржу.

— А Гера - это твой друг? — спросила осторожно.

— Несмешной анекдот.

— Ваня, — с нажимом сказала Алёна, со ждущим выражением в глазах.

— Почему он тебя заинтересовал?

— Твой Гера меня абсолютно не интересует, меня интересуешь только ты. Просто я про него раньше никогда не слышала. Дружба, она разная бывает. Вот и спрашиваю. С Игорёшей вы одноклассники. Это одно. А Гера?

Ваня замолчал, остановился на ее лице задумчивым взглядом.

— Мы с ним, как в мультике про Маугли, одной крови.

— Кто из вас мудрый Каа, а кто дикий Маугли?

— Угадай с одного раза.

Алёна улыбнулась:

— Ты мудрый Каа. Планируешь четко, анализируешь гибко.

Показалось, что Ваня хотел что-то сказать, но укротил это желание. Телефонная трель рассекла тишину. Шаурин взял трубку облегченно, словно очень ждал этого звонка.

— Нашел? Давай. На почту мне пришли, — сказал кому-то строго и снова уставился в монитор.

— Блин, Ваня, мне нельзя говорить таких вещей, особенно про мультики! Ты же знаешь, я впечатлительная. Сразу в голову что попало лезет.

— Например?

— Например, твой Маугли: «Сам я не убиваю, мал еще, но я загоняю коз для тех, кому они нужны».

— Не заморачивайся, Мурка. Кстати, родители нас на ужин пригласили. — Тут он посмотрел на нее.

— Когда? — спросила, тревожась любопытством.

— Не знаю еще, скажут, потом договоримся.

— Ладно, — ответила со вздохом.

Отказ Ваня не примет, знала это прекрасно, потому даже не пыталась протестовать. Слава Богу, что в этот раз у нее хотя бы есть время свыкнуться с мыслью и подготовиться ко встрече.

— Мурка, а Мурка?

— Чего? — сонно спросила она, совсем пригревшись на диване.

— У тебя, наверное, снова конференция какая-нибудь намечается?

— А ты откуда знаешь?

Ваня усмехнулся и потер подбородок.

— Да я прям чувствую уже. У тебя эти «конференции» с определенной цикличностью.

— Работа у меня такая. — Словно устав сидеть прямо, Алёна съехала на бок и улеглась на диван, свернувшись калачиком.

— Ну, конечно, — четко проговорил Иван. — Ты же у нас *perpetuum mobile* - «вечный двигатель». Куда тебя на этот раз занесет, хотелось бы знать?

— Вообще, я еще не решила, полечу я туда или нет. — Голос ее стал глух и невнятен. — В Питер, на международную конференцию «Нейронаука в психологии, образовании, медицине». Не знаю я, это на два дня.

— Только имей в виду, желательно, чтобы ты мне не из питерской гостиницы позвонила, а пораньше. А то получишь «два» по поведению.

— А, кстати, ты меня обманул. — Приподнялась, чтобы видеть Ванькино лицо.

— Когда это? — весело спросил он, шелестя бумагами.

— Ты ни фига не похож на свою мать, ты - вылитый отец.

Вместо ответа Ваня улыбнулся так, как еще никогда в жизни ей не улыбался - с хищным самодовольством.

— Вот, я же говорила, — сказала Алёна, глядя на эту незнакомую улыбку. — Я, конечно, очень мало общалась с ним. Но ты же знаешь, я чокнутая — мне хватило. Так и хотелось перед Денисом Алексеевичем реверанс сделать. Как леди.

— Мурка, где ты и где леди, — посмеялся, — леди, они скромные, они по квартире полуголые не рассекают.

— Ой, Твою-Мать-Величество, и как ты меня терпишь?

— Обыкновенно.

— Вот не зря у тебя крокодил в спальне. Знаешь, как крокодил охотится? Он никогда не нападает первым, делает вид, что ему лениво и ждет, пока жертва сама к нему подойдет. И если жертва приблизилась, ей ни за что не спастись.

— Ты, по-моему, Animal Planet пересмотрела.

Через час Шаурин закончил с документами и погасил настольную лампу. Посидел с минуту, чтобы глаза привыкли к темноте. Алёна так и заснула здесь на диване. Он взял ее на руки, чтобы отнести в спальню. Вместе с пледом, стараясь не тревожить.

— Ванечка, я сплю... — пробормотала она.

— Спи, Мурка, спи.

— Ванечка, ты меня любишь? — вдруг едва слышно прошептала, и Шаурин, уже собираясь встать с дивана, замер.

Безвольно-разомлевшую ото сна, он прижал ее к себе сильнее и коснулся губами горячего виска.

— Конечно, люблю.

— Я тебя тоже.

Теперь не хотел подниматься. Даже шевелиться не хотел, несмотря на то что навалившаяся усталость скатилась с него, словно ее смыли водой.

ГЛАВА 13

— Весь хрусталь сосчитала? — Ваня сделал последний глоток остывшего кофе и поставил чашку на стол.

— Царевич, хочешь, чтобы я тебе настроение с утра задала? — непринужденно улыбнулась Алёна и отвела взгляд от витрины со сверкающей посудой.

Почему-то Ивана резануло ее обращение. Должен был привыкнуть, не в первый раз она его так называла, но сегодня виделось что-то в этом неестественное и неправильное.

— Ну да, — кивнул. — А то молчишь, мне аж не по себе.

— У меня сегодня для лихости сил маловато.

Ваня посмотрел на нее оценивающе, словно решал, верить ее словам или нет.

— Что делать будем? — спросил уже совсем по-другому.

Вот этой многозначительности в тоне она ожидала и боялась. Сегодня как никогда радовалась,

что Шаурин с утра, по обыкновению, не очень разговорчив и не донимает ее вопросами. Зато, кажется, за каждым движением следит, так что под его взглядом деревенеет. Цепенела, как загнанный в ловушку зверек. С каким-то животным страхом ждала, что он вернется к их последнему разговору. Если это можно назвать разговором. Он мог. Шаурин с любого вопроса мог выйти на интересующую его тему.

Легонько пожала плечами (но как же тяжело далось это движение, словно на плечах лежала каменная глыба):

— На работу поедем. Попробуем поработать. А, нет... сначала ты отвезешь меня домой, я переоденусь.

И как назло для утренней беседы было полно времени. Уже допили кофе, а спешить все некуда. То ли подскочили рано, то ли собрались быстро — все не так сегодня.

— Хорошо, — спокойно согласился он. — Во сколько освободишься?

— Не знаю, — сказала чистую правду. — Вчера все бросила, сегодня головы не подниму. И, кстати, на выходных я тоже занята буду.

— Я и не сомневался.

— У нас семинар в понедельник. Мне надо доклад подготовить, все свои наработки в кучу собрать.

— Само собой.

— Ваня, — с нажимом сказала Алёна, передергиваясь от его ироничного тона (возможно, потому что ирония та была не доброй), — я всю неделю у тебя протусила. Мне теперь за два дня надо сделать то, на что у меня обычно уходит дней шесть. В лучшем случае. Это тебе не курсовик с интернета скачать. Центр комплексной социально-психологической помощи, в котором я работаю, курирует психологическую службу. Я не только практик, но и методист. Мне перед специалистами выступать. И перед опытными, и перед молодыми, которых самих еще учить, чтобы они из детей психов не сделали.

— А у тебя хватает опыта курировать молодых специалистов?

— Хватает. Я с третьего курса работаю. У нас главное засветиться вовремя, а потом из струи не выпадать — развиваться и развиваться. Если будешь тихо отсиживаться в сторонке, профессионалом не станешь.

— Логично. Ну и пиши свой доклад. Я тебе чем помешаю?

— О, ты-то, да! — рассмеялась. — Ты, конечно, мне не мешаешь! Какой у меня с тобой может быть доклад?

— Нормальный. Можешь на мне какую-нибудь новую методику опробовать.

— Ваня, я даже спорить об этом не хочу, — твердо заявила она.

— И я не хочу, — не менее твердо ответил он. — Мы и не спорим. В нашем случае, вечер будет однозначно мудренее утра. Или ты хочешь поругаться? — спросил так, что и ответа не требовалось.

— Ваня, ты вообще меня слышал?

— Я много всякого разного от тебя слышал. Что конкретно ты имеешь в виду?

Алёна замолчала. Ваня поднялся с места, тихо встал у нее за спиной, аккуратно положил ей руки на плечи. Чуть сжал их.

— Расслабься.

Как бесило ее напряжение, точно вчерашнее признание из нее насильно вытащили, под пытками. Будто он заставил ее произнести эти три слова. Едва держался, чтобы не рывкнуть, что никто не тянул за язык, сама вчера начала, сама завела разговор. Конечно, теперь же не скажешь, что алкоголь разум помутил. Прекрасно знала, что говорила.

Не собирался он давить на нее, напоминая о вчерашнем. Не хотел слышать в ответ какую-нибудь очередную ересь или глупый смешок. Пусть лучше молчит.

Алёна попыталась глубоко вздохнуть, но какой-то камень внутри мешал расслабиться и впустить в себя воздух. Может быть, страх? Говорят, что страх живет в солнечном сплетении, там зарождается.

Так легко было сказать о любви вчера ночью. Так естественно и приятно. Но так трудно стало наутро и страшно. Как страшно любить такого, как Шаурин. С ним хорошо плавать на поверхности, — дружить, заниматься сексом, отдыхать и проводить время, — но нырять на глубину, — любить такого, как Шаурин, страшно.

Не собиралась она влюбляться, когда начала с ним встречаться. Не думала, что все пойдет так далеко, и невесть откуда возьмется между ними эта близость. Что возникнет острая потребность друг в друге. Нужда. Уже не только в физическом контакте, но и в словах. Не предполагала Алёна, что за такое короткое время все пойдет так непозволительно далеко, туда, где близость рождает не только наслаждение, но и тревожность, опасность. Страх. Боль.

Ваня обнял ее, обхватил руками всю и прижался щекой к щеке.

— У тебя сердце так бьется... Стучит как бешеное.

— Волнуюсь. Ты меня волнуешь, — слабо улыбнулась.

— Это же хорошо...

— Ты спрашиваешь?

— Я спрашиваю.

— Тогда хорошо... наверное.

— Как оптимистично и жизнеутверждающе, — слегка съязвил он.

— Я вообще оптимистка, ты заметил?

— Нет, ты пессимистка, каких свет не видывал.

— Нет.

— Да.

Ее напряжение и страх выводили его из равновесия. Ничего подобного раньше не замечал, а сейчас кожей чувствовал. Руками, губами. В груди что-то неприятно осело. На уровне интуиции возникло тонкое ощущение, что обманули его, что та картинка, которую рисовали, — фальшивая. Что все не так уж и хорошо, как кажется. Во всем чувствовалось острое противоречие. В ее поведении, в этих быстрых переходах от веселости к меланхолии, от разговорчивости к молчаливости, от уверенности в себе до застенчивой скрытности. Во всем неровность. С легкостью Алёна относилась ко всему сложному и трагическому, но со страхом незащищенного ребенка вздыхала, произнося всего три слова. И то без конкретики. Не сказала же «люблю», всего лишь — «я тебя тоже».

Всего лишь несколько слов понадобилось, чтобы их отношения изменились. Как прежде уже не будет. Как прежде не удастся прикрыть чувства легковесной иронией.

— Скажи, что ты мне не врешь, — неожиданно потребовал он и сильнее сжал ее.

От удивления Алёна даже отклонилась, чтобы взглянуть ему в глаза.

— Я не вру.

— Это хорошо. Не люблю, когда врут. Не терплю лицемерия.

Алёна четко ощущала, что Шаурин отслеживает каждую ее эмоцию, всякое едва уловимое движение. Казалось, оттого как она себя поведет, зависит что-то важное.

Вчерашние свои слова повторить не могла, зато могла ответно коснуться его рук, стиснув крепкие предплечья,

— Не вру я. — Прижалась губами к теплой щеке.

— Ты дома?

— Ага, дома, — проворчала Алёна, зажимая сотовый между плечом и ухом. — Только я же сказала: к тебе не поеду. Ты ко мне можешь приехать. М-м-м... — улыбнулась, — ненадолго. А я к тебе не поеду, — бубнила, вытаскивая из шкафа книги и складывая их на руку стопкой.

— Как это ты не поедешь? — как ни в чем не бывало спросил Шаурин. Будто и не спорили они утром.

— Вот так это. Ваня, ну пожалуйста, у меня уйма работы, — запричитала Лейба, усаживаясь за письменный стол и перехватывая телефон рукой.

— Да я тебе клянусь! — жарко воскликнул он. — Я твой долбанный доклад вместе с тобой учить буду. Поехали.

Алёна расхохоталась.

— Нет!

— Точно - нет?

— Да!

— Хорошо, — ровным тоном произнес он и положил трубку.

Некоторое время Алёна настороженно смотрела на дисплей, не веря, что Шаурин отступил. Не может такого быть.

— Ага, «хорошо», — проворчала и захлопнула крышку ноутбука. — Знаем мы твое «хорошо»... Проходили уже. Я не я буду, если ты уже не у подъезда. — Вскочила с кресла и пошла в спальню за объемной сумкой, в которую потом сложила книги, ноутбук, тетрадь с записями и авторучки.

Натягивая джинсы и футболку, все поглядывала на телефон, а когда тот снова зазвонил, улыбнулась, но тут же разочарованно выдохнула: не этого звонка ждала.

Прежде чем ответить, помедлила.

— Привет, Саш, — поздоровалась сдержанно, но приветливо.

— Привет, милая.

— Вот только давай обойдемся без этого, — оборвала его.

— Раньше ты никогда не возмущалась.

— То было раньше.

— Ладно, не кипятись. Я звоню просто узнать, как у тебя дела.

— Хорошо у меня дела, прекрасно просто, — быстро сказала Алёна, чувствуя раздражение. — Вот два дня буду загорать среди конспектов. Семинар у нас в понедельник, готовлюсь.

— Это понятно. Работа и еще раз работа. А в свободное время чем занимаешься?

— Чем занимаюсь?.. — задумчиво повторила и поняла, что ответить-то ей нечего, потому как все свободное время она проводила с Шауриным. Не обсуждать же его с Сашкой.

— Алёна? — позвал Саша, не дождавшись ответа.

— Саш, мне некогда, — холодно сказала она. — Все в порядке у меня, не беспокойся. — Отмахнувшись от него незначительными фразами, поспешила закончить беседу.

Непродолжительное общение с Грохольским оставило в душе неприятный осадок, настолько сейчас этот разговор показался неуместным и ненужным, а сам Сашка - далеким и чужим.

Алёна запихнула в сумку кое-что из одежды и замерла, сжав пальцами бегунок молнии.

Осознание того, как много места в ее жизни занял Шаурин, ошеломило, — как будто кто-то рядом ударил в литавры, — везде он был: в мыслях, в чувствах, в каждой прожитой минуте, в каждой секунде. И когда думала о нем, преследовали звуки его голоса. Да что там говорить, утро с него начиналось (с его звонка), и им же день заканчивался.

И когда только успела влюбиться в Ваньку до беспамятства?

Полюбила его без памяти. Так что жизни своей до него уже не помнила. Забыла, что такое - без него. Как это - без него.

Привыкла отвечать жизни ударом на удар, но вот любовью на любовь - нет. Не могла. Не научили ее падать в чьи-то уверенные руки. Вот и пыталась отвоевать потерянную свободу, оставить за собой хоть кусочек неприкосновенной территории. Но Шаурин не позволял, отнимал у нее такое привычное и приятное ощущение одиночества. И эти два дня отнял. Позвонил и разом заполнил собой все. Не сказал, что приедет, положил трубку, но Алёна не сомневалась: через несколько минут раздастся дверной звонок, а еще через мгновение Иван войдет в квартиру. Войдет так же, как вошел в ее жизнь, - хозяином. Он ничего не обещал, но Алёна точно знала: Шаурин приедет.

Словно по волшебству, в унисон визгу молнии прозвучал звонок в дверь. Поднявшиеся было сомнения смыло волной предвкушения.

— Ну ты прям задержался. Я даже собраться успела, — с улыбкой сказала Алёна, открывая дверь.

Ваня хмыкнул довольно и тоже улыбнулся.

— И чё выделывалась, непонятно... — проговорил, растягивая слова. В серо-зеленых глазах его блеснуло что-то загадочное. — Все равно же собралась и поехала.

Взгляд, от обаяния которого не хватало сил освободиться, стал невозможно обволакивающим, пригвоздив ее к месту.

— Я - девушка. Я не могу не повыделываться.

— А, ну да. Тоже правильно, — слегка кивнул он, глядя на нее заинтересованно и не двигаясь с места.

Тревожно и сладко ёкнуло сердце. Алёна вдруг поняла, что не может оторвать взгляд от его спокойного лица. В воздухе разлилось что-то тягуче-сладкое. Ноги словно попали в трясину.

Алёна, привстав на носочки, потянулась к Шаурину, и он, уловив это движение, тут же подхватил ее и крепко прижал к себе.

— Мурка, что это с тобой?

— Соскучилась, — сладко улыбнулась она, скрывая непонятно откуда взявшееся смущение.

— Да что ты... — как будто удивился Ваня. — Откомандироваться, что ли, мне куда-нибудь на недельку-другую, чтобы ты совсем с ума сошла от тоски? Представляю, какая была бы встреча...

— Не-е, — покривилась она, качая головой. — Может, ты у меня останешься, а я к тебе не поеду?

— И не мечтай.

— Я так и знала, но попробовать должна была. Ладно. Поехали.

...Алёна поставила сумку в кресло, но, так и не выпустив кожаных ручек, замерла, задумавшись, стоит ли вытаскивать сейчас книги. Были у нее определенные сомнения, что сможет она этим вечером поработать. Заниматься в квартире Шаурина чем-то кроме самого Шаурина – мысль весьма утопичная. Особенно, когда в окно спальни вальяжно сочится ночь, а прикроватный светильник обдает комнату невнятным интимным светом.

— Шаурин, я тебе клянусь, если я что-то не успею, не смогу, не подготовлюсь... — оборачиваясь, заявила она, когда почувствовала Ваньку у себя за спиной, — я тебе вынесу весь мозг! Ты в любом случае будешь во всем виноват!

— То есть сейчас у нас разминка, а потом ты начнешь действовать? — усмехнулся он и шагнул ближе. — Я в нетерпении. Жду и млею. Мурка, не переживай. Два дня будем есть, пить, учить твой доклад и заниматься сексом.

Алёна узнавала его жадный и нетерпеливый взгляд, но уперла руки в бока, силой воли сохраняя видимость сопротивления.

— И как же ты надеешься все это совместить?

— Прекрасно. Ты же знаешь, для лучшей результативности время от времени надо обязательно менять вид деятельности. Так что будем чередовать.

— Я выживу после этого?

— Должна. — Двинулся вперед, отесняя ее к кровати. — У тебя стрессоустойчивая психика и познавательный склад ума. — Не прикасаясь к ней руками, легко поцеловал упрямо сжатые губы. — Раздевайся, начнем обсуждать актуальность проблемы твоего научного сообщения. Рассмотрим ее со всех ракурсов.

Когда поцеловал Алёну второй раз, она уже стала мягкая и податливая, как горячий воск...

На следующий день Алёна долго слонялась из угла в угол и никак не могла найти себе место для работы. Использовать шауринский кабинет она наотрез отказалась, отшутившись, что там, как в гримерке большого артиста, нет места двум гениальностям.

Все-таки привычная атмосфера много значит: у нее дома комната для работы маленькая, и кажется, что разум ограничен стенами, потому мысль работает четко и продуктивно. А у Шаурина все комнаты огромные, никак не сосредоточиться.

В конце концов решено было разместиться на кухне за барной стойкой, спиной к черным глянцевым шкафам. Обычно на этом месте сидел Ваня, но сегодня Лейба поняла, что если хотя бы иллюзорно не ограничит вокруг себя пространство, не прикроет тыл, то так и будет метаться из комнаты в комнату, тратя впустую драгоценное время. Спасибо Шаурину: не лез, не подтрунивал, так что Алёна смогла с головой погрузиться в работу и оторвалась только когда почувствовала себя зверски голодной.

— Ничего себе, как все серьезно. Прямо запаковалась вся. — Ваня оттянул и без того широкую горловину тоненькой кофты и подцепил пальцем узкую бретельку белой майки.

— Конечно, — улыбнулась Алёна и повела плечом, оголив его еще больше, — не могу же я думать о важных вопросах полуголая.

— Это да, я вот тоже в свой кабинет в шортах с пальмами не захожу, чувствую себя неуверенно.

Алёна поперхнулась чаем.

— Прекрати уже издеваться.

— И в мыслях не было. Скажи-ка мне, а почему ты пошла в психологию?

Шаурин смотрел на нее внимательно, наверное, настроился на интересную историю, но Алёна пожала плечами и скупой ответила:

— У меня был выбор – стоматологом стать или психологом. Вот сдуру и решила, что у психолога работа почище. Ошиблась.

Перевела взгляд на свою тарелку и подумала: кусок шоколадного торта после такого плотного обеда будет явно лишним.

— Да, твой ответ в красках объясняет, почему ты пошла в психологию, — не забыл уязвить.

— С цифрами у меня всегда было туго, — спокойно встретила его насмешку, — я полнейший гуманитарий. Потому пошла туда, где нужно читать и писать. И еще много разговаривать.

Не соврала, но и всей правды не сказала. Все детство ее мучили кошмары. Снилось мать, висящая в петле, и в каждом новом сне эта картина обростала все новыми ужасающими деталями. Со временем кошмары перестали преследовать, Алёна больше не просыпалась по ночам в холодном поту, но страх, что она, как и ее мать, склонна к суициду, крепко засела в голове. Вот и думала по детской наивности, что, став психологом, сможет сама себе помочь. Но, слава богу, к моменту поступления в университет все эти бредовые мысли исчезли. Иначе не доучилась бы.

Кажется, Ваню удовлетворил ее ответ, и он оставил эту тему.

— Алёна, а ты владеешь методами телесно-ориентированной психотерапии?

— Нет. Этой практикой я не владею, — задумчиво произнесла она и тут же вскинула глаза. — Выброси нахрен свой словарь!

— Ни за что. Как же я теперь без путеводителя? — засмеялся Шаурин и, намотав на палец локон чуть взъерошенных светлых волос, притянул ее к себе. — Плохо, что не владеешь. Надо срочно отправить тебя на курсы. А вдруг у меня стресс или депрессия? А тут такой чудесный метод.

Алёна, нависнув над столом, придвинулась к Ивану и тихо проговорила почти касаясь его губ:

— Прекрати чушь пороть. Если тебя привлекло понятие «телесно-ориентированный», то это не то, что ты подумал.

— Почему это чушь? Вдруг мне помощь понадобится? Кто меня из стресса будет выводить? Вот ты чуть не продинамила меня на выходных. Представь, какой бы я в понедельник был нервный. И как грустно сложился бы день у моих подчиненных.

— Неужели ты склонен поступать так непрофессионально – срывать гнев на ни в чем не повинных трудягах? — спросила, лукаво улыбаясь.

— Я склонен ко всему, что свойственно обычному человеку.

— Не переживай. — Провела кончиком пальца по его подбородку. — Если что, зашарашим тебе символдраму. Это как раз для твоего продвинутого мозга. Сразу выйдешь из стресса как миленький. При такой паталогической страсти к моим прикосновениям телесно-ориентированная терапия тебе противопоказана.

— А я выживу после этого? — усмехнулся.

— Должен.

Алёна вдруг напряженно выпрямила спину и пристально взглянула на Шаурина.

— Ваня, это все шутка.

— Что именно?

— Наши разговоры. Мы можем пошутить с тобой, даже порассуждать можем, что-то обсудить... Хотя выражаюсь я, как ты говоришь, без словарика не разберешься, но это просто привычка, образ мышления, профустановка, понимаешь? — забеспокоилась она. — Я поэтому в компаниях, когда что-то обсуждают, стараюсь молчать. Понятийная база у меня другая, не вижу смысла что-то кому-то доказывать. Профнаблюдение, консультации — это табу в повседневной жизни. Если что-то и говорю, это мое лично мнение, грань я не перехожу. — Обежала взглядом его лицо - твердый подбородок, высокие скулы, пронзительные серо-зеленые глаза, — ища то самое понимание.

— Понимаю, — успокоил ее и продолжил иронизировать, — а жаль. Думал взять тебя с собой на пару встреч, чтобы ты мне помогла обработать нескольких «клиентов».

— Легко, — Алёна расслабилась и сверкнула белозубой улыбкой. — Чтобы обработать твоих «клиентов» не обязательно быть хорошим психологом, достаточно быть просто женщиной. Ты только скажи, чего ты от них добиваешься - чтобы они тебя любили, ненавидели или боялись?

— Все вместе.

— Трудно, но выполнимо, — кивнула со знанием дела. — Любовь и ненависть зарождаются в одном и том же участке головного мозга, а страх вот здесь. — Провела пальцем по горлу. — Думаю, со страхом ты сам справишься, а с остальным я помогу.

— А с тобой весело, Доктор, — улыбнулся Иван.

— А ты до сих пор в этом сомневался? — рассмеялась, чуть запрокинув голову. — Слушай, а сколько человек у вас на предприятии работает?

— С чего это ты вдруг задалась таким вопросом? Хочешь знать число потенциальных жертв?

— Стремлюсь постигнуть тайны твоего сознания, — призналась честно. — Хочу знать, что для тебя эти люди?

— Люди для меня - это ресурс.

— Емко, — оценила она его ответ и замолчала, не зная, чем заполнить возникшую паузу. Тут же исчезла из их разговора приятная легкость.

— Ты спросила довольно абстрактно. Я тебе и ответил в общем, исходя из моей жизненной реальности.

Казалось, та самая реальность ударила ее по щеке. Не больно, но отрезвляюще, заставив судорожно вздохнуть.

— Все так сложно... — прошептала Алёна.

— У кого сложно? У нас сложно?

Алёна смогла только кивнуть, Иван улыбнулся и покачал головой.

— Ты еще не знаешь, что значит - когда сложно. У нас с тобой все просто.

— Мы такие разные. Совершенно разные.

— Упаси боже нам с тобой быть одинаковыми. Ты и представить себе не можешь, что я за человек.

— И что ты за человек, Иван Шаурин?

— Ну вот мы наконец подошли к тому вопросу, который тебя так сильно интересует и который ты все никак не решаешься задать. — Показалось, в его тоне прозвучало что-то издевательское. — Бывших криминальных авторитетов не бывает. Ты либо авторитет, либо... мертвый авторитет. Мой отец, слава богу, жив-здоров и прекрасно себя чувствует. А я, в свою очередь, прилагаю все усилия, чтобы его ничего не волновало. Меня растили с полным осознанием, что в моих руках есть все рычаги управления, для того чтобы решить судьбу любого конкретного человека. Потому я могу себе позволить не заботиться о том, что обо мне думают другие. Главное, что о них думаю я.

— Ты серьезно? — выдохнула она, обескураженная не столько словами, сколько холодно-отстраненным видом, с которым Шаурин говорил. Если бы на его лице отразился хоть какой-то всплеск эмоций, она приняла бы все сказанное за браваду, но равнодушный тон вызывал в теле ледяную дрожь и не оставлял сомнений.

— Вполне. Лучше тебе узнать все от меня и проникнуться этой информацией сейчас. Чтобы потом реальность моих действий не была шокирующе болезненной.

— Ага, ты как раз вовремя с этой информацией... — неловко пошутила и, набравшись смелости, продолжила: — Но ведь мало дать в руки все средства, надо еще научить ими пользоваться.

— Безусловно. — На его губах мелькнула ледяная улыбка. — Видишь грань между «я хочу» и «а надо ли» - ты сила. Не видишь - и ты ничтожество, у которого есть все. Отнять все у такого ничтожества, которое и так находится в ловушке собственных пороков, — легче легкого. Стоит только создать некоторые проблемы. Так что, Мурка, если тебе понадобится стереть кого-нибудь с лица земли, обращайся. Я с удовольствием помогу, — закончил он со смешком, но юмором там и не пахло.

Алёна не сразу нашлась с ответом, не решила еще, как относиться к услышанному. Понимала, конечно, что встречается не с рядовым менеджером, но все же нужно время, чтобы переварить такое заявление.

Хорошо ли, плохо ли, но звонок в дверь прервал их разговор. Шаурин не удивился, словно кого-

то ждал.

— Пойду открою. Это Валет, наверное, нарисовался. Обещал заскочить сегодня.

Алёна так задумалась, что вздрогнула. Тут же улыбнулась и кивнула, скрывая смущение за чашкой чая. Думала, что ее уже ничем нельзя смутить. Тоже ошиблась. Сделав глоток, она отставила чашку.

Через некоторое время появились Ваня и Валет. Шаурин расслабленно и мягко шагал, а Бардин вихрем пронесся по гостиной, пересек кухонную зону, остановился у стола, отбил чечетку и замер, раскинув руки.

— Привет!

— Ну, привет, — Алёна окинула его ироничным взглядом.

Валет, судя по виду и ословелым глазам, был после хорошей попойки: небритый, помятый, с ясно написанным на лице хмельным настроением и зажатой в правой руке бутылкой черного рома. Одним «привет» он не обошелся и, как только Алёна слезла со стула, чтобы уйти в другую комнату, стиснул ее в крепких объятиях.

— Валет, я тоже счастлива тебя видеть, — пропыхла она, освобождаясь от его рук. — Что празднуешь?

— Я не праздную, я скуку прогоняю, — Бардин отпустил Алёнку и по-хозяйски полез в шкаф.

— Отлично, будь другом, сделай так, чтобы до конца вечера Шаурин обо мне не вспоминал.

— Гарантирую, — пообещал Валя и звякнул бокалами.

Чмокнув Ваньку в губы, Лейба забрала со стола ноутбук и ушла в спальню.

Хорошо все-таки, что Валет нагрянул к ним с дружеским визитом. Есть шанс, что до вечера она закончит работу.

Однако Алёне не сразу удалось сконцентрироваться на своих записях. В ушах все еще звенели слова Шаурина. И чем больше она думала над ними, тем больший ее охватывал знакомый панический восторг. Только на сей раз паники в этом будоражащем дух и кровь коктейле было куда больше. Немалые пришлось приложить усилия, чтобы отстраниться и пустить мысли в нужное русло.

Она подумает об этом позже. Обязательно подумает, а сейчас нужно написать этот чертов доклад.

Вышла Алёна из комнаты, когда за окном потемнело, и одной в шауринской спальне стало неуютно.

— Крошка, а давай станцуем, — Валет соскочил со стула. От выпитого рома он совсем развеселился, и теперь его неумная энергия искала выход.

— Нет, Валетик, это не ко мне.

— Ну, давай, а? Мы тут с Ленкой начали ходить на парные танцы. Типа гармонию ищем всеми способами.

— А я смотрю, ты прям на пути к просветлению, — обсмеял его Шаурин и щелкнул по полупустому стакану с ромом.

— Мы не пьем, мы лечимся.

— Вот с Ленкой своей и ищи утерянную гармонию. — Алёна скинула с плеча нахальную руку Валета и уселась рядом с Ванькой.

— Ладно, тогда поговорим с тобой за жизнь. Такое чувство, что я тебя сто лет знаю, так потрепаться охота.

— Не переживай, это скоро пройдет. Ты такой не первый.

Потрепаться за жизнь им не удалось. После телефонного звонка Леночки Ванька выпроводил Бардина домой. Когда дверь за ним захлопнулась, в квартире снова стало тихо.

Алёна налила себе кофе и выплеснула в него остатки рома. Успела сделать ароматный глоток, но на кухню вернулся Шаурин и нагло забрал у нее чашку. Покоряясь давлению его сильных рук, которые крепко подхватили ее за талию, Алёна уселась на стол.

— Ну и потанцевала бы с Валькой. А то не дала ему хвастануть полученными навыками.

— И ты даже не ревновал бы? — Мягким движением перекинула волосы на одно плечо и чуть отстранилась, опираясь ладонями о столешницу.

— Нет.

— Нет? — переспросила с притворным удивлением.

— Можешь хоть танцевать, хоть по ресторанам шариться с моими друзьями... если вдруг мне некогда будет.

— Надо же... в виду нашего последнего разговора, мне прям удивительно, откуда такое благодушие.

— Отнюдь. Просто среди моих друзей нет ни одного самоубийцы, чтобы иметь на тебя какие-то виды. А так, да, я ревную тебя даже к этой майке, потому что под ней — все мое.

Ванины руки настойчиво задрали на ней одежду, тепло прошлись по обнаженной спине. Губы влажно прижались к шее. Он не так крепко притиснул ее к себе, но почему-то не могла вздохнуть.

ГЛАВА 14

— Не многовато ли? — спросил Иван, наблюдая, как Алёна нетерпеливо размешивает в кофе третью ложку сахара.

— Что-то не сладко мне сегодня, — вздохнула и сама удивилась двусмысленности своей фразы.

Сколько уже пережила этих семинаров и конференций, но все равно в понедельник проснулась с ощущением сухости во рту и легким волнением. Как в студенческие годы перед экзаменом.

Торопливо поднеся чашку к губам, Алёна расплескала кофе, посадив небольшое пятно на голубую блузку.

— Бл... — прошептала и уставилась себе на грудь.

Раздраженно выдохнув, поднялась из-за стола и направилась в спальню. Потом бездумно перебирала вешалки с одеждой и никак не могла решить, что надеть.

Ваня, видимо, забеспокоившись, почему она так долго возится, пришел за ней. Подпер плечом дверной косяк гардеробной, прошелся взглядом по стройной фигуре. Алёна, быстро глянув на Шаурина, снова недовольно выдохнула и наконец остановила свой выбор на бирюзовой блузке из легкого крепа. Едва ее плечи обнажились, Шаурин обхватил их сзади, и Алёна замерла, позволив поцеловать себя в шею и даже потрогать за грудь, — от этого Ванька не мог удержаться. Тут вопить и спорить бесполезно.

— Ваня... — попросила она и повела плечом, выражая желание освободиться от тесных объятий. Не хватало еще из-за этих тисканий на семинар опоздать.

Шаурин жаркодохнул ей в ухо. Специально это сделал, зная прекрасно, какую вызовет реакцию. Алёна зажмурилась, переживая волну колких мурашек. Очень чувствительно у нее ухо. И шея чуть ниже, и щека.

— Ты главное перед выступлением еще раз текст посмотри, а то мы столько раз отвлекались, что, не дай бог, проскользнет между строк «Ваня, еще... Ваня, пожалуйста... Ваня, если ты сейчас кончишь, я тебя убью».

— Шаурин! — рыкнула Алёна и стиснула зубы, покрываясь румянцем злости.

— Мурка, — нежно сказал Иван, — я просто хочу, чтобы ты немного расслабилась. И успокоилась. А то ты сначала кофе облилась, потом где-нибудь на лестнице каблук сломаешь.

Алёна закрыла глаза и сосчитала до десяти, а когда распахнула их, сказала почти спокойно.

— Ваня, я не хочу расслабляться. Я хочу напрячься и настроиться.

Иван медленно разжал руки.

— Не даешь подурковать, — вздохнув, застегнул черный пиджак. — У меня на работе тоже куча заморочек, сейчас приеду начну со всех кожу сдирать и рассылать «письма счастья». Ладно, Мурка, настраивайся. Пойду кофе допью.

Сегодня они не завтракали, а только пили кофе, который Алёна сварила уже будучи у себя дома. Ваня завез ее сменить одежду, не являясь же на семинар со своим многострадальным докладом в футболке и джинсах.

Алёна оделась, влезла в шпильки, последний раз взглянула на себя в зеркало и вышла из спальни. Нашла Шаурина в гостиной. Он стоял у окна и задумчиво смотрел куда-то вниз.

Вдруг эти слова «я тебя тоже» повернулись неожиданной стороной, как будто материализовались. Стиснули горло невыразимой нежностью, затруднили дыхание. В легкой блузке с короткими рукавами стало жарко. Алёна смотрела в Ванькину широкую спину и не могла произнести его имя, хотя нужно было окликнуть и сообщить, что готова ехать. Возникло непреодолимое желание обнять его сзади, упереться лбом между лопаток и постоять вот так хоть минуту. Даже качнулась вперед, чтобы сделать это, но Иван обернулся, и она осталась стоять на выходе в прихожую.

— Готова?

В ответ она лишь кивнула и шагнула к двери.

— Ну, давай уже, поцелуй меня нежно, — попросила за створками лифта.

— Нет.

Шаурин смотрел на нее прямо, тем гипнотизирующим взглядом, от которого становилось не по себе.

— Да ладно тебе, — улыбнулась и шагнула к нему, почти прижавшись к груди.

— Нет, настраивайся. Тебе нельзя целоваться.

— Не будем? — вкрадчиво спросила.

— Не будем. — В глазах мелькнул смех, губы сжались, сдерживая улыбку.

Подул ветер, принося с собой прохладу и запах травянистой горечи стриженного газона. Алёна прижала к себе папку с документами и, поправив на плече ремешок сумки, поежилась. Когда нашла глазами Шаурина, непроизвольно улыбнулась и ускорила шаг. Он стоял около своего автомобиля и разговаривал по телефону. Алёна подошла ближе, Ваня, заметив ее, открыл дверцу, но она не торопилась забираться в салон.

— Ну, привет, — с усмешкой поздоровался он и окинул ее взглядом. Необычно видеть Алёну такой строгой: на высоких шпильках, в темно-серой классической юбке и аккуратной блузке с бантом.

— Привет. — Улыбнулась милой выверенной улыбкой.

— Круто. Я балдею. Доктор, можно я тебя в этой юбочке?.. — пригнулся к ее уху.

— Шаурин, — шепнула, — а мы можем по-человечески потрахаться. Что тебе вечно то в юбке, то в платье?..

— Тебе жалко, что ли?

— Нет, не жалко. — грациозно опустилась на сиденье и втянула ноги в салон.

— Ну и все тогда. — Хлопнул дверцей, но усевшись за руль, не поспешил завести машину. — Ты им всем зачитала, как надо?

— Да.

— Они поняли, что ты серьезный человек?

— Конечно, — рассмеялась.

— Сильно устала?

— Не устала. Собственно, такие посиделки я люблю. Свое отчитал, а дальше сиди, слушай, записывай. Потом кое-что обсудили в своей группе, но это не мозговышебательно.

— Алёна... — начал Ваня с той особой интонацией, которая всегда настораживала.

— Ой, — она чуть скривилась, — насколько поначалу меня напрягало, как ты называешь меня «Муркой», настолько же меня сейчас настораживает, когда ты зовешь меня по имени. Потому что за этим обязательно последует что-то серьезное. Либо внушение, либо выговор, либо ты пристанешь с разговором по душам.

— Да? Я даже сам не заметил.

— Зато я заметила. Что на этот раз?

— Алёна, — еще раз начал он и улыбнулся, — я тебя предупреждал, что родители пригласили нас на ужин.

— Вот только не говори, что этот ужин состоится сегодня.

— Именно. Прямо сейчас и поедем. — Подождал протестов, но Алёна демонстративно громко вздохнула и уставилась перед собой, куда-то сквозь лобовое стекло. — Мне кажется, время удобное. Ты не сильно устала, прекрасно выглядишь и как раз в образе.

— Ах ты ж, Твою-Мать-Величество... — протянула она и посмотрела на Шаурина.

— Нет, если ты против, то не поедем. — Он не потянулся, чтобы повернуть ключ в замке зажигания, будто и правда ждал ее решения. — Хочешь, поедем ко мне, хочешь — к тебе, хочешь — поужинаем в ресторане.

— Шаурин, что за дешевые штучки! — чуть пренебрежительно опустила уголки губ. — Голову на отсечение даю, ты уже обо всем договорился и сказал, что мы приедем. Это паттерн, шаблон твоего поведения, так что не надо сейчас говорить, что у меня есть выбор.

— Выбор есть всегда. Я жду. Мы можем не ехать.

— И тогда тебе придется объяснять, почему я отказалась, — сказала мягко, но внушительно.

— Почему мне придется объяснять? Это ты позвонишь Юлии Сергеевне, поблаговаришь за приглашение и скажешь, почему сегодня не в состоянии отужинать с моей семьей.

— Ага, — согласилась со снисходительным пониманием, — а все сказанное — заведомо ложь. Ведь у меня сегодня вечером нет каких-то неотложных дел, я не сильно устала, прекрасно выгляжу и нахожусь в нормальном уравновешенном состоянии, чтобы вести человеческий диалог с твоими родителями. Так ведь, Ванечка?

Ванька на секунду прикрыл глаза, соглашаясь со всем сказанным. Улыбнулся.

Алёна вздохнула, скрывая раздражение.

— Чё сидим, кого ждем? Поехали. — Открыла сумку.

— Умница, моя девочка.

— Только помедленней, мне надо припудрить носик.

— Могу подождать, пока ты припудришь носик. И еще... Наверное, надо что-то тебе сказать, как-то настроить, но я не знаю - что.

— Не парься, Царевич, я уже поняла, что семейка у тебя ненормальная, но добрая. Особенно папа. Да?

— Точно так.

— Или меня еще какой-нибудь сюрприз ждет? — оторвала взгляд от зеркальца в пудренице и посмотрела на Ваню.

— Нет.

Автомобиль уверенно тронулся с места, Алёна некоторое время смотрела на дорогу из-под полуопущенных ресниц, потом словно собралась, скинув расслабленность, уселась плотнее и заговорила звонко и чуть напряженно:

— А неужели нельзя было сделать все по-другому, сказать, например: Мурка, моя любимая, нас на ужин пригласили, ты согласна или нет? А потом только договариваться с родителями.

— Потому что, Мурка-моя-любимая, по-другому - это не про тебя. Тебя не переговоришь, у тебя на все сто отговорок. Тебя надо просто брать... Брать и все, — не глядя на Алёну, усмехнулся.

— Ты уважаешь только силу, потому что сама такая же.

— Ванечка, я уже начинаю тебя бояться. Это же просто ужин. А тут такая схема. Что будет если ты задумаешь какой-то более серьезный шаг в отношении меня?

— Схема будет намного сложнее и, наверное, она будет состоять из нескольких уровней. И ты прекрасно знаешь, что это не просто ужин. Не на пятнадцать минут забежать и сказать: привет, как дела. Но ты, я смотрю, не сильно возмущена.

— Я не возмущаюсь, пока решение лежит, в принципе, в зоне моего влияния. Но запомни: такие ловушки могу строить только я.

— Запомнил, — улыбнулся он.

Алёна прикусила губу и задумалась. Смотрела на Ванькин чеканный профиль, пыталась проникнуться его спокойствием. Снова нахлынуло легкое волнение.

— А что будет, если мы когда-нибудь по-настоящему схлестнемся в разности взглядов?

— Не знаю, — невозмутимо ответил Шаурин. — Если схлестнемся, то придется тебе искать точки соприкосновения.

— Мне придется? — изумилась Алёна его ответу.

— Тебе. Мы же определились, что мастер по поиску консенсусных точек у нас ты.

— С тобой легче согласиться, чем в чем-то переубедить.

— Соглашайся. Если не можешь доказать мою неправоту. Найди мне железные аргументы, и я признаю, что не прав.

Уже что-то. Не кричит, что всегда прав, - и то ладно.

— Да, Вань, будь ты хоть чуть-чуть послабее, я б тебя уже давно скрутила. Но ты поаккуратнее, а то если я начну тупить, хлопот не оберешься. И да, ты прав абсолютно, я уважаю сильных людей. Они способны на многое. Но для меня сила в другом. Не в том, вернее, не только в том, чтобы суметь стереть кого-то с лица земли, а в силе душевной, в способности самопожертвования, преодоления, переосмысления. То, что ты сказал мне вчера, очень важно. Я много думала над твоими словами. Вот это мне очень важно – то, что ты видишь грань между примитивным «хочу» и реальным «нужно». Ты у власти — на высоте. А на высоте нужно уметь держать баланс. Иначе рухнешь в пропасть. А все остальное... — замолчала, подбирая слова. Не стала напоминать про отца-авторитета и людей, как ресурс, Ваня и сам поймет, что она имела в виду. — ...остальное лежит вне зоны моего влияния.

Не стоило, возможно, говорить о важных вещах вот так – на ходу. Но, впрочем, какая разница где и как говорить, главное, что каждый из них отдавал отчет в своих словах. Другого такого случая может не представиться.

Зря Алёна думала, что второй раз дом Шауриных не произведет такого грандиозного впечатления. Наоборот, после Ванькиных откровений в глаза бросились детали, которые тогда не заметила, тоньше почувствовалась атмосфера, кажется, яснее ощутился запах денег и огромной власти. Если в свой первый приход удалось успокоить себя тем, что плевать, какое мнение о ней составит мать Ивана, то сегодня было уже далеко не плевать. Волновало не только мнение Шауриных-старших, но даже то, что после этого вечера будет думать о ней младшая Ванькина сестра.

Рука в руке они с Ваней прошли через анфиладу комнат в гостиную. Денис Алексеевич сидел, удобно расположившись на диване; Юлия Сергеевна – аккуратно примостившись на краю. Ее мелодичная речь оборвалась — увидев сына с девушкой, она в улыбке расцвела и порывисто поднялась. Денис Алексеевич не двинулся с места, только лицо его смягчилось, потеряв сосредоточенность. Серо-льדיстые глаза заискрились мягким смехом.

— Ах, мои дорогие, как хорошо, что вы пришли, — тепло приветствовала Шаурина, умудрившись прижать к себе сразу обоих. — Устали? Голодные? — спросила весело.

— Да, — ответили оба, не сговариваясь. Потому что ответить по-другому было невозможно.

— Вот и отлично, — женщина сложила ладони в мягком хлопке, — значит будем есть и отдыхать. Посидите пока, у меня еще дела есть на кухне. Ваня, я тебя позову, — коснулась его плеча.

— Конечно, — согласился он, будто знал, зачем именно может понадобиться. Хотя, наверное, знал.

Втайне пожалев, что Юлия Сергеевна покинула их, Алёна присела на диван. Закинула ногу на ногу, крепче поджала бедро. Иван стянул пиджак и устроился между ней и отцом, что не могло не порадовать, ибо соседствовать с Денисом Алексеевичем – очень волнительно, даже немного страшновато. Есть опасность снова впасть в немой ступор от одного его взгляда.

Завязался непринужденный разговор, потекли вопросы-ответы. Все малозначимое – о том, о сем.

Может быть кофе? Нет, скоро сядем ужинать. Как добрались? Почти без пробок.

Потом отец спросил кое-что о работе. Ванька коротко, но обстоятельно отчитался – что, кого,

когда и как. Удивительно даже. Нужно поистине иметь талант так четко планировать свое время, чтобы столько всего успевать. Так, кажется, легко ему это давалось.

— Да, сейчас выйду, — сказал кому-то Ваня в телефон и поднялся. — Артёма встречу, — объяснил отцу и вышел.

Какого Артёма? Вроде сказал, что никого постороннего на ужине не будет. Неважно, в сущности. Хоть полк солдат. Алёну интересовали только члены семьи Шаурина.

Все же волнение немного улеглось, напряжение отпустило нервы. Алёна прошла взглядом по светлой гостиной.

Каминный портал в стене напротив, плазма, стеллажи, на полках которых небрежные стопки книг соседствовали с разномастными фоторамками и статуэтками. И в этой неаккуратности, в этом маленьком беспорядке виделось столько семейного уюта и тепла, что возникло невольное желание подойти и порыться именно среди этих неаккуратно сложенных книг с потертыми обложками, а не тех, выстроенных в ровные горделивые рядки в чопорных дорогих обложках; захотелось взглянуть ближе на лица, изображенные на фотографиях.

Краем глаза уловив какое-то движение справа, Алёна повернулась и оцепенело замерла, увидев крысу. Крысу! Самую настоящую. Живую.

Денис, заметив выражение безграничного ужаса на лице девушки, проследил за ее взглядом.

— Димон, ты откуда тут взялся? — хмыкнул он и поднялся с места.

Зря он это сказал. Мерзкое животное, среагировав на голос, тут же засемило ножками по гостиной напрямик в их сторону. Алёна с визгом вскочила на диван и, вцепившись в плечи Шаурина, спряталась за его спиной. Проклятая крыса остановилась перед ними, дернула мордочкой, повела носом, принюхиваясь.

— Уберите от меня эту гадость! — запричитала она. — Пожалуйста...

— Тихо, детка, тихо, — успокаивающе проговорил он и сжал тонкокостное запястье девушки. — Эта крыса домашняя, она ничего плохого тебе не сделает.

— Да пусть она хоть трижды золотая! Боже, она сейчас на меня прыгнет... — Колени предательски ослабли, и Алёна еще крепче обхватила широкие плечи мужчины.

Разумеется, на ее безумный визг с кухни прибежала Юлия Сергеевна, тут же в сопровождении высокого темноволосого мужчины в гостиной появился Иван. На момент все удивленно опешили от увиденной картины. Только Денис Алексеевич, как всегда, был олицетворением самого спокойствия.

— Ну вот, а ты переживал. По-моему, они уже подружились, — нашелся первым незнакомец. Наверное, тот самый Артём.

Его грубый голос вывел всех из мимолетного ступора. Ваня бросился к Алёне. Она, отцепившись от Шаурина-старшего, теперь повисла на Ваньке. Его отец подхватил крысу и унес из комнаты.

— Юлия Сергеевна, уважаемая, это вам, — любезно произнес Артём.

Все еще находясь в небольшой растерянности, женщина выдохнула и с улыбкой посмотрела на него.

— Что это? Торт? Ну тогда пойдём на кухню, — приняла из его рук коробку.

Алёна разжала руки, которые как будто одеревенели, нетвердыми движениями поправила юбку. Теперь, когда ужас прошел, затопили другие чувства – стыд и отчаяние. Спасибо, хоть Юлия Сергеевна не стала заострять внимание на произошедшем. Но это пока... И один Бог знает, что думает о ней Ванькин отец. Ясно, что ничего хорошего.

— Ну ты понял, да? У меня сегодня уже передоз окситоцина, так что «в юбочке» тебе точно не светит. Специально мне такой сюрприз устроил, позабавиться хотел?

— Ты о чем? Я знать не знал, что ты боишься крыс.

Ванька смеялся, Алёнке же было совсем не до смеха.

— И мышей тоже! — сквозь зубы сказала она. — Мог бы про этого Димона хоть словом обмолвиться, тогда бы я предупредила о своей фобии!

— Да его неделю назад Гера Катьке притащил, я и думать забыл про эту крысу!

— Придурок твой Гера! — прошипела Алёнка. — Нашел, чем Катьку порадовать! Позорище-то какое... Я хоть не материлась?

— При мне - нет.

— Господи, — простонала она в отчаянии, — ну почему я не могу встретиться с твоей семьей нормально? Почему всегда все так по-идиотски! Ваня... — чуть не плача уткнулась в его грудь и вцепилась в рубашку. — Отвези меня домой, — вдруг вскинула блестящие глаза. — Отвези! И я больше никогда в жизни не переступлю порог этого дома! Не хочешь, значит я сама. Все, я пошла.

Уверенно оторвавшись от Ваньки, Алёна снова поправила юбку. Но он жестко стиснул ее плечи.

— Никуда ты не пойдешь. Прекрати. И если это тебя хоть немного успокоит, то моя мама тоже боится мышей. И эту крысу терпеть не может. Так что не переживай, в ее глазах ты точно найдешь понимание. А еще она сказала, что когда Димон сдохнет, она устроит грандиозный праздник. Ты, по-видимому, будешь на нем главная гостья.

Алёна нехотя засмеялась.

— Ну, это ты уже привираешь, — сказала спокойнее, хотя до внутреннего спокойствия было еще далеко.

— Я тебя уверяю, в этой ситуации напрягаешься только ты. Оно того не стоит. Пойдем, — Иван легонько подтолкнул Алёну в спину.

Она только качнулась вперед, но с места не сдвинулась. Ноги словно приросли к полу. Всякое в жизни случалось, но в такую дебильную ситуацию Лейба не попадала никогда. И надо же именно сегодня!.. Теперь не знала, как Шауриным в глаза смотреть. Забиться бы в какой-нибудь дальний уголок, чтобы все забыли о ее существовании...

— Пойдем. — Ваня сильнее толкнул ее в спину. — А то я тебя силком потащу. Вот это точно представление будет, все повеселятся.

Алёна тихо, но глубоко вздохнула и освободилась от его настойчивой руки.

— Не толкайся, я большая девочка. Димон ваш точно не выпрыгнет из-за угла?

— Точно.

— Не скажу, что я тебе поверила, ну да ладно, пойдем. Только будь со мной рядом, чтобы в следующий раз я к тебе на шею запрыгивала, а не к твоему отцу. На твоей мне привычнее, — выдавила из себя смешок, а потом сложила губы в очаровательную улыбку, чтобы создать иллюзию уверенности.

Ваня тем не менее поддерживал ее за локоть, пока они пересекали пространство, соединяющее гостиную и кухню, словно боялся, что Алёна не сдержится и со страху рванет к выходу.

— Сынок, помоги мне, — попросила Юлия Сергеевна и указала на верхнюю полку открытого шкафа.

К Алёнкиной досаде, Ваня тут же поспешил на помощь матери. Без его поддержки девушка вновь почувствовала себя неуверенно. Но тут на место его руки легла крепкая ладонь Дениса Алексеевича — он подтолкнул Алёну за узкий стол, за которым уже расположился Артём. Она села на высокий стул, спокойно и ловко, будто и не ощущала полнейшей своей беспомощности. Мягко сложила руки, хотя хотелось изо всех сил вцепиться в темную барную стойку.

— Водку будешь? — неожиданно спросил Денис Алексеевич.

Алёна, поперхнувшись заготовленными извинениями, сначала кивнула, потом, спохватившись, яростно замотала головой.

— Значит, будешь.

Артём придвинул к ней красивую рюмку на высокой ножке и наполнил ее водкой.

Алёна заправила локон за ухо, откинула волосы с плеча, взяла рюмку и выдохнула:

— Никогда не пила водку с криминальными авторитетами.

Ванькин друг, услышав ее слова, не успев хлебнуть водки, замер.

— Ну, тогда за знакомство, что ли, — посмеялся Денис.

— Боже... — обреченно прошептала Алёна и, прикрыв глаза ладонью, уперла локоть в стол. — Денис А...

— Алексеевич, — подсказал Артём.

В его голосе явно прозвучала издевка, но Алёна, не обращая на это внимание, четко проговорила:

— Денис Алексеевич, вы простите меня, так все неловко вышло.

— Бывает, — вздохнул он и усмехнулся. — Ты пей, детка, пей. А то точно с перепугу мне во всех смертных грехах признаешься.

Послушавшись, Алёна с одного глотка опустошила рюмку. Крепкая жидкость обожгла горло и желудок, но острый маринованный огурчик сбил ее противный привкус.

А ведь точно сказал: глядя в его пронзительные серые глаза врать невозможно. Шаурину-старшему можно не только в своих грехах признаться, но и на всякий случай чужие себе приписать.

— Полегчало? — участливо спросил Денис.

— Нет, — мотнула головой и посмотрела на Ваню, ища поддержки. Так хотелось, чтобы он вытащил ее из этого капкана. Было бы намного спокойнее стоять рядом с ним и раскладывать закуски по тарелкам, нежели, сгорая от стыда, сидеть в компании его отца и друга.

— Тогда знакомимся дальше, — проговорил Артём, разливая водку. — Можешь звать меня Герой.

Алёна закашлялась.

Гера. Тот, который с Ванькой «одной крови».

Гера! Который притащил эту долбанную крысу!

Успокоив кашель второй рюмкой водки, Алёна прямо и решительно посмотрела мужчине в лицо. До этого момента она поглядывала на него мимолетно, в волнении метаясь взглядом от Вани к его отцу.

Что общего может быть у Шаурина с этим зловредным элементом?

У Вани взгляд распахнутый, чистый, наполненный зрелой мудростью. А этот смотрит все как-то нахмурено, исподлобья, словно притаившийся зверь. Глаза у него черные... и пустые. Губы заклеимены презрительной ухмылкой. И пяти минут общения достаточно, чтобы уяснить раз и навсегда, что с ним лучше не связываться.

Ваня прекрасно владеет собой, четко контролирует эмоции и предпочитает выказывать равнодушие, а не свое истинное отношение. У Геры же в каждом движении отчетливое пренебрежение, и в едва уловимых безотчетных жестах явная демонстрация превосходства. Любому человеку свойственны такие бессознательные жесты, Алёна сама часто ловила себя на том, что волосы трогает или лица касается, испытывая, например, сильнейшее волнение. Потому сейчас сидела, сложив ногу на ногу и обхватив колено сцепленными пальцами, чтобы не делать ничего неловкого и бессмысленного.

Интересно, он слышал, что она назвала его придурком?

Похоже, что да. Судя по его небрежному отношению.

— Ах, вот кто устроитель сегодняшнего веселья... — усмехнулась она. — Это же твой подарочек.

— Что ребенок попросил, то я и подогнал. Зато вон как шикарно все вышло. Видишь, водочку употребляем, от стресса тебя лечим, а то сидели бы про оперу-балет-кино-домино

разговаривали. Тебе оно надо? — криво ухмыльнулся он.

Что тут скажешь...

Уж точно не думала она, что пока Ваня будет перебирать тарелки, ей выпадет счастье пить водку. Скорее, должно быть как раз наоборот. Совсем не так Алёна представляла себе вечер в окружении семейства Шауриных и не могла поверить, что все это происходит с ней, а не с кем-то другим.

Тут Денис Алексеевич бросил на Артема жесткий давящий взгляд, и тот мигом собрался, сбросив развязность. Напрягся, будто ощутил на себе не взгляд, а давление прессы.

Ага, вот оно...

Алёна повернулась к Ванькиному отцу, осторожно тронула кончиками пальцем его крепкое запястье и чуть улыбнулась.

Мужчина посмотрел на нее прямо и пристально.

— Спасибо вам, Денис Алексеевич. За понимание. Может быть, для ровного счета?.. Бог любит троицу, — сказала, как будто непринужденно, хотя каждое слово давалось с той же легкостью, с какой можно шагать по минному полю.

— Вот. Вижу в твоих словах рационализм.

И он улыбнулся. Этот крупный серьезный мужчина улыбнулся с нескрываемым теплом и одобрением. Что-то лопнуло внутри и медленно потекло по напряженным венам, возвращая способность дышать свободно. Алёна посмотрела на Ваню, подождала, пока он взглянет на нее и шевельнула рукой. Он сразу подошел к ней. Встав за спиной, коснулся плеча и чуть пригнулся.

— Можно мне воды? — тихо попросила она. — Просто воды, без газа.

— А, может, лучше морс? Клюквенный.

— Да, — согласилась, и Ваня принес ей стакан морса.

Алёна тепло сжала его ладонь, задерживая около себя. Подняла лицо, и Ваня коснулся губами ее шелковистой щеки. Потом положил руки на плечи, и она чуть отклонилась, уютно оперевшись на его грудь. Поймав на себе внимательный прищуренный взгляд Артёма, ухмыльнулась и подняла рюмку:

— Ну, тогда за знакомство, что ли. Гера.

Подумалось, что не так уж плохо пить водку с Денисом Алексеевичем, вместо того чтобы протирать тарелки с Юлией Сергеевной.

Артём смотрел на улыбающуюся блондинку, отчасти понимая, почему Ванька залип на ней как привороженный. Не отнять, что смазливая. И смотрела на него глазами влюбленной кошки, оторваться не могла. Сколько таких прошло через постель Шаура. Но только ни одна из них не смогла бы так невозмутимо, без глупого жеманства и хихиканья хлестать водку с Денисом. Хотя, понятное дело, волновалась девка. Зрачки были расширены и говорила иногда невпопад.

Ненадолго установившуюся тишину нарушил громкий топоток. На кухню влетела Катюха,

взорвав воздух звонким смехом и быстрой речью.

— Здорово! — хлопнула Геру по плечу. — Привет! — довольно посмотрела на Алёну.

— Катя, где ты ходишь! — возмутилась мать.

— Дел куча, пока всех «твитнешь», с ума сойти можно, — хихикнула Катя и вытащила из ящика снежно-белую скатерть. — Ща все будет, мам, не переживай. Ты что правда так крыс боишься? — напрямик спросила Алёну.

— Я вообще всех животных побаиваюсь. Ничего не могу с этим поделать.

— Ну ты же психолог! Должна уметь собой владеть.

— Катя, покажи мне хоть одного стоматолога, который сам себе вырвал зуб.

— А-а-а, — многозначительно протянула Катя. — Тогда ладно.

— Психолог - это хорошо, — с едва заметной иронией сказал Денис Алексеевич. — У нас в семье как раз не хватает психолога. Одни экономисты и юристы - поговорить не с кем.

Юлия, услышав слова мужа, засмеялась.

Алёна расплылась в улыбке.

— Это да. Поговорить я люблю. Поговорим.

ГЛАВА 15

Алёна влезла в футболку и джинсы, стянула волосы в хвост и вышла из спальни.

На кухне ее ждал Ваня. И кофе.

— Мурка, ну не сексом же единым жив человек. У тебя в холодильнике одна трава. Траву курить надо, а не есть. Уже обед, а я еще не завтракал. — Шаурин стоял перед открытым холодильником, задумчиво изучая его скудное содержимое.

Биойогурт, пара яблок, овощи и салат. Негусто.

— Ванечка, так ты выпускай меня хоть изредка из спальных хоромин, будет у тебя и обед, и завтрак. А так...

— А так придется ехать к маме, там точно накормят.

— Поехали, — согласилась Алёна, торопливо отхлебывая кофе. — У меня как раз кое-что есть для твоих родителей. Так сказать, мое алаверды.

— Не стоило...

— Стоило, — уверенно отмахнулась она от его вялого протеста. — Если уж ржать надо мной, то по делу. И для тебя я припасла подарок.

— Я заинтригован.

Они быстро допили кофе, хотя спешить было некуда. Вернулись в спальню. Ванька присел на

кровать. Алёнка нырнула в гардеробную и через минуту появилась с пакетом в руках. Из него она выудила небольшую коробочку. Ваня взял ее осторожно, не спеша срывать цветастую обертку. Алёна еще ни разу ничего ему не дарила. Не мог представить, что бы это могло быть. С трудом верилось, что какая-то безделушка или галстук. Не в ее стиле такая банальность.

— Давай уже, — подогнала Лейба, сгорая от нетерпения посмотреть на его реакцию. — Я старалась.

— Вот именно это меня и настораживает, — ухмыльнулся Ваня, распаковал подарок... и взорвался от хохота, вытащив черную футболку. Так рассмешила его, до коликов, разумеется, не сама футболка, а изображенный на ней принт.

— Я знала, что ты оценишь, — самодовольно сказала Алёна, расплываясь в улыбке.

— Лейба, ты неподражаема. Я хочу надеть ее сейчас. И так прийти к родителям, — выдохнул Шаурин, когда взял себя в руки.

— Давай отутюжу и напялишь. — Забрала у Ваньки футболку и, приложив к его груди, разглядила ладонями строгую белую надпись «I killed Kennedy». — Твой Че Гевара отдыхает.

До того как Алёна успела отступить, Ваня обхватил ее руками. Она податливо навалилась на него и на мгновение крепко прижалась к губам.

— Ванечка, можно тебя попросить? — Взгляд голубых глаз стал вдруг странно напряженным.

— Попросить можно.

— Только не смейся.

— Ладно, — пообещал он, не будучи столь уверенным, что сумеет сдержаться. Хороший получил заряд позитива.

— Я хочу... Хочу, чтобы ты показал мне ваши детские игрушки.

Он заметно удивился, но кивнул согласно.

— Хорошо. А зачем?

— Потом скажу. Ну, вот такая я любопытная! — Соскочила с его колен. — Поехали, чего время попусту тратить.

Всю неделю Алёну не отпускала эта мысль. Навязчиво она всплывала то в книге между строк, то в пенке утреннего кофе, то закрадывалась в туманную полудрему.

Юлия Сергеевна обмолвилась, что сохранила не только некоторые из игрушек, но и рисунки, аппликации, поздравительные открытки. Для кого-то это мусор, не стоящий внимания, но не для Алёны. Это целый клад. Таинство. С такой любовью мама Ивана говорила. С завораживающей теплотой, что Алёна, казалось, сама ею затлепа, теплотой. Потому, когда Ванька сказал, что в субботу нужно обязательно заехать к родителям, обрадовалась. Все равно сама бы напросилась. Если не в этот раз, так в следующий.

Захотелось коснуться всего этого, увидеть собственными глазами. Потрогать руками счастливое детство.

...Алёна осмотрелась. Здесь, в комнате Ивана в родительском доме, ей бывать еще не приходилось. Помещение будто выдержано в единстве с общим стилем дома. На светлых стенах живописные постмодернистские полотна. Пол и мебель из темного дерева. Низкая кровать на подиуме. Но все-таки заметно: присуща ему какая-то индивидуальность. С ходу не смогла бы назвать, что именно определяло эту особенность. И все же, если бы ей показали несколько комнат и предложили угадать, какая из них Ванькина, она бы, не раздумывая, выбрала эту.

— Пойдем. — Ваня звякнул ключами.

— Кстати, Димон сегодня, надеюсь, не на прогулке?

— Нет, я его предупредил, чтобы не высовывался, он сказал: хорошо, без проблем, посижу у Катьки в комнате.

— Ваня, я серьезно!

— И я серьезно.

Они спустились со второго этажа на цокольный. С первого раза открыть дверь заветной комнаты не получилось – не тот оказался ключ. Ванька рылся в связке, а Алёна засомневалась, стоило ли вообще все это затевать. Неудобно как-то... Она уже хотела остановить его, сказать, что передумала, но тут Ваня нажал на ручку, легко толкнул дверь и вошел в кладовку. Оставалось только шагнуть за ним следом.

В кладовке пахло пылью. Узкое окно под потолком скудно освещало комнату, потому пришлось включить свет.

Алёна чихнула.

— Будь здорова. Ну, Мурка, любишь ты озадачивать. — Шаурин почесал затылок и лениво огляделся. На полках алюминиевых стеллажей куча всяких коробок. И на полу тоже. Как среди всего этого барахла отыскать нужную?

Переступив порог комнаты, Алёна отбросила сомнения и неуверенность, вновь оживившись интересом. Пока Ваня раздумывал, то ли начать по одной стаскивать с полок коробки, то ли позвонить матери и спросить, в каком углу кладовки искать сохраненные раритеты, Алёна пробежалась по стеллажам нетерпеливым взглядом.

— Вань, ну вон же! — Чуть не подпрыгнула на месте.

— Где?

— Вон! — ткнула пальцем на верхнюю полку. — Написано: «игр.» Наверное, игрушки.

— И все-то она заметит, ты посмотри на нее... — певуче проговорил Шаурин и не спеша потянулся к белому пластиковому контейнеру. Осторожно снял его с полки и поставил на пол. Под крышкой оказалось именно то, что они искали – мягкие игрушки, машинки, детали от конструкторов, железная дорожка и много всякой всячины.

— Валяй, Мурка, вот мои сокровища. Изучай.

Алёна уселась на пол у коробки и решительно запустила руки в ее нутро. Чему-то улыбаясь,

она аккуратно, словно боясь повредить, перебирала игрушки.

— Ах, вот этот знаменитый медведь! — С самого дна она вытащила некогда белого, но сейчас посеревшего от времени и пыли, мишку, пушистого и мягкого. — Которого ты кормил пюрешками...

— Мясной тушенкой, — хмыкнул Ванька, присаживаясь рядом на корточки. — Главный герой моего раннего детства.

— Блин, так здорово, — чему-то восхитилась Алёна и благоговейно прижала игрушку к груди.
— Какой он классный!

Столько радости увидел Шаурин в ее глазах, что опешил невольно. А повод-то всего ничего — какой-то пыльный потрепанный мишка. Но такой счастливой она была — дыхание в груди замирало. Забыла будто, что не одна. Смотрела на этого медведя, скользя пальцами сквозь искусственную шерсть, и тихо улыбалась. Как будто это не у Ваньки, а у нее связаны с этой игрушкой самые приятные воспоминания. Улыбка та нежная, легкая чуть тронула красивые губы. Притаилась на них, готовая вот-вот исчезнуть. Вспорхнуть словно бабочка с цветка, испуганная легким дуновением ветра.

Так отличалась эта несмелая улыбка от той уверенной лучезарной, какую он привык видеть на ее лице. И так непохожа была его дерзкая и негибкая Алёна на эту маленькую и ранимую девочку, которая сейчас немного ссутулившись сидела на полу около огромной коробки детских игрушек и, не в силах поверить своему счастью, тихонько улыбалась, держа как будто самый дорогой в жизни и желанный подарок.

А Ванька боялся спугнуть эту улыбку-бабочку. Ни движением лишним, ни словом, ни даже вздохом не смея нарушать тишину. Казалось, вот-вот и растает она на розовых губах, и глаза станут, как обычно, холоднее...

Так хотелось удержать Алёну в этом состоянии — вцепиться в плечи, в руки, не дать исчезнуть этой томительной нежности. Но не смел шевелиться.

Напряженно вздохнув, Алёна посмотрела на медведя грустным прощальным взглядом, как на старого доброго друга, и встряхнула его, собираясь вернуть на место.

— Забирай его себе, — тут же вырвалось. — Если хочешь.

— Хочу. Очень хочу. А можно? — Глаза влажно блеснули, и, не дожидаясь ответа, она полезла к Шаурину обниматься.

Он прижал ее к груди так сильно, как только смог. С необъяснимым облегчением коснулся губами виска, вдыхая привычный и родной аромат ее волос, обжигаясь теплом, струящимся по ее рукам. Почему-то очень боялся, что Алёна сейчас заплачет.

— Ну какая же ты у меня дурочка, — разорвал шепотом эту мучительную неловкость.

У нее могло быть все и даже больше — что только пожелает, — а она вцепилась в этого старого потрепанного мишку и счастлива до умопомрачения.

Поцеловал ее в губы, в эту трепетную беззащитную улыбку. Целовал и не мог остановиться, запоминая таинственный очерк. Запечатлевая в себе.

Дыхания не хватало, но сил отбиться, чтобы сделать вдох, не находилось. Алёнка начала смеяться и тогда только оторвалась от Шаурина, утыкаясь в его шершавую щеку, глубоко втягивая с воздухом запах его кожи.

— Другим шубки-бриллианты подавай, а ты отхватила мишку и довольна, — хрипло, оттого грубовато проговорил Ваня.

— Ваня, — шепнула Алёна, — шубки-бриллианты - это хорошо. Но без этого я не умру. Не в этом же счастье.

— А в чем? Если ты сейчас хоть заикнешься о саморазвитии, самореализации и прочей своей лабуде, я тебя придушу, — шутливо пригрозил он, но глаза его правда опасно блеснули.

— Ну, пару месяцев назад я бы тебе именно так и ответила. А сейчас нет.

— Почему?

Алёна села прямо. Подобрала медведя, который, выскользнув из рук, полузабытый валялся на полу.

— Потому что я тебя тоже.

В кладовку заглянула Катя.

— А что вы здесь делаете?

— Агитплакаты рисуем против гонки вооружений, — показалось, недовольно ответил Ванька, стереб с лица наметившуюся теплую улыбку.

— Смешно. Но зачет сегодня у Алёнки, сам понимаешь, — довольно хмыкнула сестра. На ее белой футболке алела надпись «Плохого человека Катей не назовут». — И у родителей здоровский теперь прикид. Папе самая классная досталась: «Сделанный в СССР», а мамуля у нас и правда «superwoman», — Катя залилась звонким смехом.

— Я надеялась, что тебе понравится. И не только тебе.

Алёна поднялась с колен и быстро отряхнула джинсы.

— Угу, — кивнула Катюша и приобняла девушку брата, по-дружески свободно закинув руку ей на плечо, — а ты молодец. Я тебя недооценивала. И ничего даже, что блондинка. Ага.

— Ой, «зеленка» ты еще Катька, — рассмеялась Алёна и вздохнула с тайной грустью. Не хотелось отсюда уходить. Никакое шикарное место не сможет дать ей того, что она нашла здесь, в пыльной комнате среди кучи коробок всякого хлама. — Пойдем, секреты у нас тут были. — Вытянула Катю в коридор.

Ванька вернул коробку на место и закрыл кладовку. Втроем они поднялись по лестнице. На ступеньках первого этажа Катя притормозила.

— И давайте там заканчивайте секретничать, скоро обедать. Меня, вообще-то, мама послала за вами. А то будете потом, как отщепенцы, сами себе разогревать.

— Сейчас спустимся.

Пока поднимались в комнату, не обмолвились друг с другом ни словом. Алёна устроила медведя в кресле. Сама присела на кровать. Сначала на краешек, потом, осмелев, залезла на нее с ногами и уселась по-турецки.

— Не наигралась ты в детстве — то мультики смотришь, то медведя у меня отжала.

Шаурин вышел из ванной, но не спешил спускаться к обеду. Прилег на кровать, оперся на локоть, свободной рукой сжал Алёнкино колено.

— Не понимаешь ты меня иногда, да?

— Иногда? — мягко усмехнулся он. — Да я тебя вообще не понимаю.

— Как это?

— Вот так это. На свое понимание я уже не рассчитываю. Рассчитываю на другое.

— У меня было не такое детство, как у тебя. Так что на твое полное понимание я тоже не рассчитываю.

— А какое у тебя было детство?

Комнату затопила звенящая тишина. В такой — хрипнешь от молчания, а не от крика.

— Как в колонии строгого режима, — натянуто улыбнулась Алёна. — Шуметь нельзя, громко смеяться нельзя, плакать тоже нельзя. Любая активность пресекалась строгим: «Успокойся!». Меня все время пытались «успокоить», будто я какая-то нервнобольная. Тетушка своего-то второго ребенка не хотела, а тут ей такой подарочек достался в виде меня — подкидыш без роду без племени. Понятное дело... — пожала плечами.

— Кому понятное? Ребенок же не виноват. Или лучше, чтобы тебя в детдом отдали?

— Лучше бы отдали.

Снова удивило полное равнодушие, прозвучавшее в ее словах.

— Кому лучше?

— Лучше! — повторила убежденно. — Там все дети на равных условиях. Там ты точно знаешь, кто ты. Тебя не попрекают куском хлеба. Знаешь, как это противно? — Не сумела сдержаться от презрительной гримасы.

— А дядя?

— А дядя у нас человек такой — он любит где-то глубоко внутри и считает, что этого достаточно. Сейчас, — подчеркнула она, — действительно мне этого достаточно. Не бойся, Царевич, я не собираюсь плакаться тебе о своем несчастном детстве, — тут же улыбнулась беззаботной улыбкой, словно отрекаясь от своих слов и отмахиваясь от Ванькиного участия. — Тебе оно не надо. Мне тоже. Да и не сможешь ты понять, что значит жить с ощущением, что ты никому в жизни не нужен. Не вижу никакого смысла говорить об этом. Все давно перегорело. Чувства, они, знаешь, притупляются под влиянием длительно действующих раздражителей. Поверь, моим чувствам было отчего притупиться. У меня не то что притупилось, все давно отмерло. Когда после окончания школы я стала жить отдельно, меня как будто на волю выпустили — закончился мой строгач.

- На волю выпустили, а смеяться, плакать и говорить открыто так и не научили.
- Зато видишь, как тебе со мной весело. Может, ты всю жизнь искал такую, как я.
- Никого я не искал. Брал, что под руку попадалось. Я не в том ритме живу, чтобы что-то искать.
- Ах, ты! — как будто возмущенно ахнула Алёна.

— А ты так удачно мне попалась. Не в тот вечер так в другой, но все равно попалась бы. Ты хочешь детей?

Обычно Ваня плавно подводил к интересующей его теме, а тут спросил в лоб, сразу выбив из колеи.

— А почему ты спрашиваешь?

— Ну, вообще, логично, что я задаю тебе какие-то вопросы, чем-то интересуюсь, — чуть нажал Шаурин.

— Я же сама еще не наигралась, куда мне детей...

Вот она - та самая лучезарная улыбка. Но сегодня уже не прикрывающая наготу души.

Попытка Алёны привычным способом уйти от ответа не вызвала у Ивана раздражения. Под давлением его взгляда Алёна неохотно заговорила:

— Если я скажу, что хочу, — совру. Не хочу — тоже совру.

— Это вопрос времени?

— Это вопрос... бесконечного времени. Не могу представить, что кто-то назовет меня мамой. Это за пределами моей реальности.

— Ты же работаешь с детьми. Ты знаешь о детях все.

— Лучше бы я не знала о детях все, — мрачно возразила Лейба. — Я работаю с детьми, да. Работают. Я должна пронаблюдать ребенка, выявить отклонение, написать заключение и рекомендации: пройти с ним адаптационные мероприятия либо направить на психотерапевтическое и медикаментозное лечение. Мне не нужно любить моего подопечного, чтобы поставить ему диагноз. Понимаешь? Я столько всего видела, ребенок для меня не утиски-пеленки-распашонки. Я никогда не произносила слово «мама» и не знаю, что такое «мама». Может и произносила, но не помню. Для меня «мать» - это женщина, висящая в петле. Я видела, как она повесилась. Вот это я помню.

Поздно жалеть и раздумывать, правильно ли она сделала, что сказала все это Ване. Он смотрел на нее потяжелевшим взглядом, но Алёна, наверное, к счастью, не могла различить, какие именно чувства плескались в его серо-зеленых глазах. Не хотела увидеть в них жалость. Жалеют убогих, ущербных. Она себя таковой не считала.

Шаурину было, что ответить, но он молчал, ибо его слова станут солью на открытую рану. Не верил, что она все пережила, как пыталась его убедить. Об этом говорили ее глаза. Полные боли и безысходности. И этому дядюшке, который якобы ее любит, — не верил. Как можно любить где-то глубоко внутри? Он не понимал. Это не любовь. Его отец тоже достаточно

замкнутый человек и далеко не всеми переживаниями делится. Но в его любви к жене и детям не приходится сомневаться. И да, Алёна права, Ваня не знает, не понимает, что значит быть ненужным, нелюбимым.

Какая-то необъяснимая злость захлестнула его, и Шаурин поднялся с кровати, будто его подкинули. Злость на всю ее уродливую семейку и обида за маленькую девочку. Взрослую Алёну он не жалел, не мог. Может, потому что она сама себя не желала, не жаловалась. Он такой ее полюбил.

— Ваня, а ты детей хочешь? — вдруг спросила Алёна, нарушая тягостную тишину.

— Конечно. И не одного.

Он ответил спокойно. Но лучше бы она не спрашивала.

Раньше молчала, ничего толком не рассказывала о себе, боясь, что Ваня ее не поймет, а теперь — что поймет. Страшно представить, что будет, когда он наконец осознает насколько они разные. Насколько они на самом деле не подходят друг другу для жизни. Сейчас Шаурин еще тешит себя иллюзиями что-то изменить. Чувствовала: какие-то вещи его раздражают, но он спускает все на тормозах. И лишь потому что пребывает в уверенности — когда-нибудь это прекратится... или, что он сможет это прекратить.

Но Алёна не изменится никогда. Такие, как она, не меняются. Вышла уже она из того пластичного возраста, когда человеку можно что-то привить, вживить. Слишком толста стала ее кожа для подобных инъекций.

Кажется, всю свою жизнь до Шаурина она шла босиком. Научилась по камням и стеклам ступать без боли. Научилась ничего не чувствовать. И вот появились у нее красивые модные туфли. Вроде бы, по размеру. И любимые. И нужны. А все равно — ноги в них до крови сбиваются.

— Мне не нравится это... что ты сейчас такая. Еще недавно светилась от счастья, а сейчас как в воду опущенная. Что делать?

Он остановился перед ней в напряжении, как будто правда готовился к каким-то решительным действиям.

Алёна горько усмехнулась и спустила ноги на пол, подвинувшись к краю кровати. Движения ее были тяжелыми, словно доставляли боль или значительное неудобство.

В желудке стало беспокойно. На сердце тоже. Так всегда — когда она пыталась примерить на себя новую жизнь (заодно вспоминая свое исковерканное детство), — будто оказывалась меж бетонных плит, которые сжимались, грозя ее раздавить, расплющить.

Ваня присел на корточки и сжал ее тонкие запястья. Чуть вздернул подбородок, без слов повторяя вопрос.

— Я не знаю, Ваня. Я не знаю!.. — повторила с заметным отчаянием.

За плечами все еще порхали уродливые воспоминания далекого прошлого, а перед ней ее любимый Ваня, смотрящий прямо в глаза тем непереносимым гипнотическим взглядом. И взгляд этот, казалось, доставал до самого дна души. Куда сама Алёна старалась не заглядывать.

Не знала она, как избавиться от этого тошнотворного ощущения, будто из нее выдавливают внутренности. Не знала, а так хотела! До боли. До слез хотела.

— У меня два лекарства: водка и секс. Я заметил, что и то, и другое очень поднимают тебе настроение.

— Ваня, — Алёна толкнула его в плечо, сквозь слезы рассмеялась и шмыгнула носом. — Ты со своими шуточками...

— Да я вообще не шучу. Очередность сама выбирай.

Шаурин потянул ее на себя, и Алёна безвольно соскользнула ему в руки. У нее имелся свой вариант избавиться от мучительных чувств — уйти из этого дома и побыть в одиночестве. Но из Ванькиных рук она сейчас не выберется. Не хватит сил. Он сжал ее так сильно, что дрожащие плечи перестали дрожать. И в глазах перестало жечь от слез. Они высохли, так и не пролившись.

— Я выбираю водку, — с трудом выдохнула.

ГЛАВА 16

А в понедельник Ваня уехал в командировку. На целую неделю. С ума сойти.

После веселых выходных в окружении его семьи первые дни недели показались необычно спокойными. Смертельно спокойными. Алёна занялась «подвисшими» делами — у каждого найдется кучка таких, отложенных в долгий ящик, дел. Куда-то съездить. Что-то купить. С кем-то встретиться.

Давно у нее не было столь продолжительных передышек от Шаурина. Отвыкла. Разучилась без него мыслить. Когда только начали встречаться, каждый жил своей жизнью — виделись по выходным. Бывало, и на неделе договаривались. Потом незаметно все изменилось. Стали проводить вместе больше свободного времени, а те дни, когда не удавалось, превращались в выходные друг от друга.

Раньше пыталась отвоевать у Шаурина свое одиночество, а в эту неделю не знала, куда деться и чем себя занять, чтобы время летело быстрее.

Уже в среду завывала от тоски. Такого чувства никогда раньше не испытывала. Это что-то незнакомое и тревожное, сотканное из нежности, отголосков слов, всех оттенков Ванькиной улыбки и изматывающей жажды. Жажды нового тепла и счастья.

Телефонные звонки и скайп не спасали. Еще больше душу выматывали. Шаурин не мастер долгой и умильной болтовни по телефону. Не дождешься от него пламенных и впечатлительных речей. Наверное, это профессиональная привычка — говорить конкретно и по делу. Звонил он в основном по вечерам, спрашивал: как прошел день, что ела-пила, во сколько вернулась с работы. В общем, проводил допрос с пристрастием. Говорил, что скучал. От этого внутри становилось тепло. И тоскливо.

Сегодня звонок застал Алёну в постели. Но она не спала. Полусидя устроившись на подушках и зажав под мышкой медведя, читала книгу Ошо. Раз уж выдалась такая возможность решила прочитать ее. Что-то же Шаурин хотел ей сказать, когда вручил это высокодуховное произведение.

— Я, кстати, твою книженцию тут изучаю, — разумеется, сообщила Ване.

— И как успехи? Ты уже пришла к какому-то новому осознанию?

— О, да-а-а, — засмеялась Алёна.

— Давай, говори, что ты там себе выделила.

— Ничего особенного.

— Зачитывай. Что-то же ты отметила.

— Ой, Шаурин! Какой ты иногда нудный! — воскликнула она. В трубке послышался смех. — Сейчас... — Полистала книгу, нашла заложенный между страниц фантик от конфеты. — Слушай. Делайте то, что идёт от вашего чувства, что течёт из вашего сердца, никогда не насилуйте сердце. Никогда не следуйте разуму, ум — это побочный продукт жизни в обществе, к вам настоящему он не относится. Следуйте себе настоящему, изберите в руководители себя настоящего... Вот. Там еще дальше есть, но с этим я бы поспорила. Ты сам вообще зачем ее читал?

— Я ж тебе говорил: страдал жаждой знаний. То философом хотел стать, то физиком-ядерщиком, — снова услышал Алёнкин залиvistый смех. — И что же говорит тебе твое чувство?

Алёна примолкла и торжественно прокашлялась.

— Что я очень соскучилась по тебе. Я уже злюсь, а скоро буду плакать. Ты, наверное, специально за тридцать земель умотал, да, Царевич?

— Не грусти, вот вернусь и будет тебе счастье.

— Не вези ты мне золотой и серебряной парчи, ни чёрных соболей сибирских, ни ожерелья бурмицкого, я согласна на цветочек аленький. Приезжай быстрее.

Конечно, не стоило ждать, что Ваня примчится к ней прямо из аэропорта. Нет сомнений, первым делом ему нужно встретиться с отцом, обсудить рабочие вопросы, отчитаться в конце концов о результатах поездки. Главное, чтобы Ваня не свалился на ее голову сюрпризом. Не хотела его встречать в шортах и майке.

К счастью, Шаурин предупредил, что приедет вечером. Правда не сказал - во сколько. Ну да ладно. Знала уже, что вечер у него обычно начинается после восемнадцати часов.

К этому времени Алёна еще не успела надеть платье, — бегала по квартире в белом махровом халате, — но зато была накращена и с тщательно уложенными волосами. А платье натянуть и в туфли влезть - пара минут.

Почему-то из рук все валялось. Она волновалась, словно это первое в ее жизни свидание.

От дверного звонка вздрогнула. Легко ринулась в прихожую, распахнула дверь и застыла в немом восторге.

— Ваня... — выдохнула его имя.

Он улыбнулся. Ничего не ответив, протиснулся мимо нее в квартиру. В руках Шаурин держал огромный букет красных роз.

Алёна отступила, захлопнула дверь, но так и не могла решить, что сделать первым: кинуться к Ваньке с поцелуями или взять цветы.

— Розы. Нормальные, красные. Ты хотела.

Его голос, низкий и ровный, оживил ее. Сердце обдало теплотой. Алёна рассмеялась. Охнув, взяла тяжелый букет.

— Какие красивые. — Сразу уткнулась носом в тугие алые бутоны.

Пьянящий аромат окутал с ног до головы. Колени предательски ослабли. Но цветы в этом не виноваты. Виноват Шаурин. Алёна двинулась к нему, чтобы поцеловать, но цветы в руках оказался препятствием. Немного злясь на свою нерасторопность, она положила их на диванчик и, пристав на носочки, ухватилась за широкие Ванькины плечи. Он крепко сжал ее в объятиях и распрямил спину, приподнимая над полом.

— Ванечка мой приехал, — довольно прошептала Алёна, прижимаясь к его небритой щеке.

Ваня почему-то молчал. Ей, впрочем, тоже не пришло в голову забрасывать его какими-то вопросами. Поцеловались коротко, но крепко. Важнее было подышать друг другом.

Тесное объятие чуть ослабло, Алёна тут же высвободилась.

— Сейчас поставлю цветы в воду, оденусь и пойдем.

Он бы сам отнес букет туда, куда она пожелает. Тяжелый ведь. Но то ли Шаурин, замороженный ее блестящими счастливыми глазами, так медленно соображал, то ли Алёна так резво двигалась, и слова не успел сказать, как она подхватила розы и ускользнула на кухню.

Там до нее дошло, что для такого роскошного букета в ее квартире не найдется подходящей вазы. Что делать? Можно разделить цветы на несколько частей. Алёна достала из шкафа вазу, поставила ее на стол. Краем глаза заметила Шаурину и заволновалась.

Он стянул пиджак, бросил его на стул и подошел совсем близко. Ее движения, до этого скорые и легкие, стали неуверенными и бесплотными. Пальцы бессмысленно замерли на алых лепестках. Она резко вздохнула, когда Ваня, обнимая ее сзади, проник руками под халат. Под ним она голая.

— И ты даже не спросишь, как у меня дела?

— Потом спрошу. Позже я все обязательно спрошу.

Шаурин сидел на кровати и смирно ждал, пока его драгоценная соберется. После такой бурной встречи ей пришлось поправлять макияж и прическу.

— А мы к тебе потом поедим?

— Да.

— Тогда мне кое-что нужно взять с собой, — отметила она и ухмыльнулась, — все, кончилась моя спокойная жизнь, снова начинается мотание туда-сюда.

— Так ты бы уже собралась да переехала ко мне насовсем, чтобы не мотаться туда-сюда. И нет - я не шучу, — ответил на ее безмолвный взгляд Иван и поднялся.

— Мне кажется, что сейчас не самое удобное время, чтобы обсуждать такие вопросы, — проронила Алёна, начиная нервничать.

— Если тебе неудобно говорить в халате, можешь пойти надеть платье. Я подожду.

— Надену платье.

Про платье Шаурин, конечно, сказал с иронией. Но Алёна быстро согласилась, надеясь воспользоваться этой паузой, чтобы подумать, как облечь свой ответ в правильные слова. Хотя с Шауриным этот номер не пройдет, он умеет отделять зерна от плевел.

Вернувшись в спальню, подошла к Ване и повернулась спиной, чтобы он помог застегнуть молнию.

— Я думаю, нам нужно пока оставить все как есть. — В ее голосе не было привычной убежденности.

— Не слышу. — Он бережно убрал светлые локоны на одно плечо, подтянул бегунок молнии вверх.

— Что? — Развернулась к нему лицом, поправила волосы. Подтянулась вся, словно старалась нагнать недостающие сантиметры роста, чтобы противостоять в полную силу.

— Твоих железных доводов в пользу того, чтобы оставить все как есть. — Смотрел на нее сверху вниз, подавляя волю.

— Я не готова. Слишком все быстро.

— Хорошо, — бросил он спокойно, взял оставленный на кровати пиджак и натянул его на плечи. Темно-синяя ткань ладно облепила его литую мускулистую фигуру. — Что определяет степень твоей готовности? Ты в чем-то не уверена? Во мне? Не доверяешь? Или мы недостаточно близки? Что должно произойти, чтобы ты решила, что готова?

— У-у, Шаурин, как с тобой трудно разговаривать, — выдохнула как одно слово.

— Конечно. Я же, когда задаю вопросы, хочу получить конкретные ответы. Пудрить мозги ты можешь кому-нибудь другому - не мне...

— Ваня, подожди! — пылко остановила, не дожидаясь, пока он разойдется в претензиях. — Послушай, может быть, тебе и легко дается такое решение, но мне - нет. Ты знаешь, я много лет живу одна. Для меня все не просто так. Мне очень сложно вот так в один момент перевернуть свою жизнь, — говоря это, мучилась сомнениями: а не перевернуть ли свою жизнь...

Вместе с тем прекрасно осознавала, что сомнение это возникло под влиянием момента: они с Ваней соскучились друг по другу, изголодались и естественно готовы на безрассудные поступки. А не хотелось, чтобы сделав что-то, поддавшись мимолетному душевному порыву,

позже оба об этом пожалели. Это может очень дорого им обойтись. И потом... Сегодня Ваня предложил жить вместе, через месяц скажет, что хочет ребенка. Что ей тогда делать?

— Я знаю. Тебе придется жить со мной, жить моей жизнью. Так должно быть. Поэтому, если ты заметила, я разговариваю с тобой, спрашиваю. Жду твоего решения.

Алёна кивнула.

— Я прекрасно осознаю, как все изменится. Поэтому, если ты заметил, я не бросаюсь категоричным «нет», а говорю, что сейчас я к таким изменениям не готова. Мне нужно время.

— Хорошо, давай подождем, пока ты разберешься со своими заморочками. — Ваня нетерпеливо сунул правую руку в карман пиджака, нащупывая ключи от машины.

— То, что для меня - проблема, для тебя - заморочка?

— Алёна, — вздохнул он, и взгляд его смягчился, став снисходительным, — если у меня все счета заморозят — это будет проблема. Линия производства на заводе встанет... партию паленого алкоголя якобы нашей марки где-нибудь снимут - вот это проблема! Это мне придется решать на всех уровнях, дергать за все ниточки, чтобы как можно быстрее сдвинуть дело с мертвой точки. А в твоем случае у меня два четких решения: позволить тебе еще позаморачиваться или собственноручно упаковать твои вещи в чемодан. В этот раз я даю тебе время. Для принятия этой данности в том числе. Чтобы потом, если вдруг ты попытаешься пронять меня на мелочах и не получишь ожидаемой реакции, не обвиняла в равнодушии. Но если мне надоест ждать, я сгребу тебя, с вещами или без, и перевезу к себе. И никаких проблем.

Алёна стояла обескураженно. Так можно чувствовать себя, находясь у высотного здания, уверенно, пока глаза в небо не поднимаешь. А как поднимешь - голова кружится, кажется, рухнет на тебя эта громадина и раздавит.

— И ты думаешь, вот так я соглашусь?

— согласишься. Поскандалишь, повыступаешь, но согласишься.

Сладость от их встречи затуманилась этим неожиданным разговором. И все-таки радостное состояние не покинуло Алёну. Стало невероятно важным узнать, что чувствует Шаурин. Только сейчас до нее дошло, что он, требуя откровенности, сам далеко не всегда показывал, что ощущал на самом деле.

Сейчас он смотрел на нее прямо, поджав губы в подобие улыбки, словно ждал вопросов, на которые у него есть точные ответы.

— Ты злишься? Скажи честно. — Руки так и тянулись к волосам, и она жестко сцепила пальцы, скрывая обличающую суетливость.

Шаурин глубоко вздохнул, расправил плечи, стал еще шире и на какую-то секунду будто отпустил себя с выдохом — глаза его сверкнули. Потом он отвел взгляд, остановив его на чем-то за Алёнкиным плечом, а когда вернулся к ее лицу, то губы его затвердели, а глаза подернулись микронной пленкой равнодушия. По ним уже невозможно было что-то определить.

— Злюсь.

— Сильно?

— Очень.

— Почему не кричишь? Тоже скрываешь свои чувства.

— Потому что я еще недостаточно зол. И потому что излишняя эмоциональность – это женская привилегия. Чувства тоже должны быть – уместны.

После его слов подумалось, что Ваня сказал ей абсолютную правду. Хлесткую, но правду. Для птицы такого высокого полета ее проблемы не могут быть проблемами, для него это действительно просто заморочки.

— Зачем ты со мной возишься?

По-другому это не назвать. Возился он с ней: потакал ее желаниям, не обращал внимания на капризы, показывал свои детские игрушки, отпаивал водкой... Если вспомнить все то, что он говорил, и сопоставить с масштабом его личности... это не очень с ним вязалось.

Интересно, сколько еще заблуждений относительно себя разрушит в ней Иван Шаурин?

Он не отвечал так долго, что Алёна, раздумывая о своем, забыла, о чем спрашивала. Уже подумала: надо бы пойти надеть туфли.

Ваня остановил ее ответом:

— Потому что я люблю тебя. И хочу, чтобы ты была счастлива. Хочу избавить тебя от ощущения, что ты никому в жизни не нужна. Мне нужна.

Он шагнул к ней, но обнял не сразу, а лишь коснулся ладонью ее мягкой щеки.

Спроси она безразлично, как раньше, уверенно улыбающимися губами, не стал бы отвечать. Но она спросила не так. И была сейчас другая. Пронзительно настоящая. Трогательно неуверенная. Затянутая в изящное яркое платье-футляр брусничного цвета, но душой расстегнутая на пару пуговиц. Этого хватало, чтобы различать ее боль и слезы. Ее счастье.

Оторопелость прошла, Алёна чуть склонила голову и потерлась о Ванькину теплую ладонь. Рука его скользнула к шее. Он притянул Алёну к себе. Обнял ее по-женски хрупкие плечи. Прижался губами к яростно пульсирующей жилке, вдыхая сладко-пьянящий аромат нежной кожи.

— Красивое платье. В таком только в ресторан.

— Так мы туда и собирались. Разве нет?

— Нет. Я просто сказал, что мы куда-нибудь ходим.

— Да? А я почему-то собралась в ресторан.

— Ну, пойдем, раз собралась.

В ресторан ехали весело. Не потому что смеялись или дурачились. Но что-то будоражащее цепко схватило душу. Что-то горячее, одно на двоих, буквально выдавливало стекла из машины.

— Я хочу шампанского. Давай сегодня напьемся шампанского.

Кстати, Иван не сказал, в какой ресторан они едут. Хотя, неважно.

— Давай. — Шаурин улыбнулся.

Только он умел так улыбаться — говорить улыбкой то, что недосказал словами, и скрывать за ней то, что нужно было скрыть.

— А как ты будешь пить, если ты за рулем?

— Я вызову водителя.

Алёна кивнула. Впрочем, она и не сомневалась, что у Вани найдется вариант. Он никогда не садился за руль выпивший. При ней такого точно не было.

— О чем думаешь? — спросил он и скользнул по ней внимательным взглядом.

— Да так... ничего такого... — загадочно улыбнулась и слегка пожала плечами.

Ни о чем таком Алёна действительно не думала. Все просто у нее в мыслях.

О чем можно думать, глядя на Шаурина? Только о сексе.

Только о том, как они съедят чего-нибудь вкусного, напьются ароматного шампанского, потом поедут к Ваньке домой. Побросают вещи, где-нибудь в полутемной прихожей, ввалятся в шоколадную спальню, упадут на огромную кровать, обитую крокодиловой кожей, и страстно займутся любовью. Это будет долго и изматывающе.

— Говори, — снова посмотрел на нее.

— Шаурин, я с тобой разучилась думать о чем-то высоком. Поверь, сейчас во мне говорят самые низменные, самые примитивные инстинкты.

— Слава богу. Значит, ты на пути к просветлению.

Алёна смеясь запрокинула голову. Просветление. Это точно.

Ванька привез ее в дорогой респектабельный ресторан с европейским меню и открытой кухней. Они уселись в удобном месте, в самой глубине зала, где столики были разделены перегородками. Этакая иллюзия уединения. Но приятная.

В этом ресторане она ни разу не была, потому не могла сразу определиться с выбором. Основные блюда здесь готовили на гриле, что очень порадовало. На гриле вкусно все — и мясо, и рыба, и овощи. Углубившись в изучение меню, она не сразу обратила внимание на мелькнувшую впереди фигуру. Подумала, что это официант забелел рубашкой. А когда услышала знакомый зычный голос, подняла глаза.

Гера, черт его подери.

Ослепительно белая рубашка трещала по швам на рельефном торсе. Во всей его фигуре был какой-то тайный вызов.

Ваня не удивился его появлению — значит знал. Алёна тоже не особо расстроилась. Гера вряд

ли сегодня сможет испортить ей настроение.

— Иван, — Артём крепко пожал шауринскую ладонь. — Очаровательной даме мое почтение.

«Очаровательная дама» прыснула со смеха. Гера, отвечающий комплименты, — это нонсенс. Очень сомнительно, что так он пытался сделать приятное ей, скорее, Ивану.

— Как говорится, не читайте перед завтраком советских газет... читайте меню. А еда здесь хреновая. — Гергердт захлопнул папку и улыбнулся.

— Да, — посмеялся Ванька, — самая хреновая, какая только может быть. Предлагаешь переместиться в другое место?

— Перелететь. На Майорку.

Иван призадумался. Алёна чуть не поперхнулась шампанским. Так все просто у них. Собрались и полетели.

— Думаю, — ответил Шаурин на взгляд Геры.

— А что тут думать? Бери своих травоядных и на дней семь-десять на моря-океаны.

— Я только вернулся. Эту неделю уже точно не смогу освободить. На следующей можно попробовать с делами раскидаться.

— Ты уж попробуй. Не будем нарушать наших традиций, а то я всерьез начну ждать апокалипсис. Нет, мы, конечно, все когда-нибудь подождем, но хотелось бы не сейчас.

— Завтра позвоню Вальке и Татарину. Игорь точно не поедет. Только сегодня с ним разговаривал — у него дел невпроворот.

— Отлично.

...Алёна резко открыла глаза, наконец выныривая из кошмара, как из грязной склизкой воды. Несколько коротких частых вздохов окончательно вернули к реальности, но она не подскочила на кровати, даже не пошевелилась — лежала словно придавленная. Тело будто налилось свинцом — ни рукой, ни ногой не двинуть.

Губы пересохли, горло драло от не сорвавшегося крика. Господи! Не помнила, когда в последний раз испытывала такой ужас. Кошмары ей давно не снились. Да и сны в последнее время не снились. Во всяком случае, она их не помнила.

А сегодня приснилась мать. Наверное, это была мать. Во сне она предстала перед ней висящей в петле старухой. Безвольное недвижимое тело мерно покачивалось. Только голова была живая. Она хохотала. Затихала. Безобразно улыбалась впалыми губами, потом снова хохотала, открывая беззубый рот... На Алёне было коротенькое платьё. Детское. Маленькое. Оно больно сдавливало грудь, не позволяя дышать и шевелиться, словно не платьё это вовсе, а железный каркас. Алёна пробовала втянуть в себя хоть чуть-чуть воздуха. Не выходило. На шею будто петлю накинута, которая с каждой секундой стягивалась все сильнее. Хотелось кричать от страха. От леденящего ужаса и отвращения. Вернее, она пыталась орать во всю глотку, но ничего не получалось. Так и проснулась с приоткрытым ртом.

Сначала нахлынуло облегчение. Слава богу, это всего лишь сон! Потом ее зазнобило. Тело

покрылось липким потом. Стало холодно. Ванькины крепкие объятия не помогли согреться.

Сколько же она проспала? Наверное, не долго. Проснулась в таком же положении, в котором и заснула — прижимаясь спиной к Ваниной груди. Он обнимал ее за плечи. Правая ладонь лежала у нее на горле. Но задыхалась она, конечно, не потому что Шаурин пытался придушить ее во сне — рука его была расслаблена.

Укрыться бы, тепло закутаться в одеяло. Но оно лежало скомкано под их телами. Не хотелось Ваньку тревожить, да и откуда силы двигаться.

Теперь боялась закрыть глаза. Лежала, уставившись вперед, в темноту. Комната начала приобретать четкие очертания. Заснуть после такого нереально, а до рассвета неизвестно сколько времени. Портьеры на окнах не пропускали свет.

Немного погодя, когда тело ожило, ощущение свинца в конечностях ушло, Алёна осторожно выбралась из шауринских рук и села на кровати. В ногах валялось платье. Она схватила его и вышла из спальни. Натянула в прихожей и, стараясь подавить дрожь в теле, пошла на кухню. Включила свет над барной стойкой. Стало легче, свет развеял жуткие образы, до конца вернув ощущение реальности. Алёна подошла к окну. Город еще находился в плену темноты, но уже далеко на горизонте белела предрассветная полоса. Руки у нее дрожали, да и внутри все потряхивало. Никак не покидало чувство омерзения. Кажется, в носу стоял запах затхлости, старья, плесени.

Алёна включила чайник. Схватила кухонное полотенце, прижала его к лицу. Сдавленно прооравшись, рывком отбросила его от себя как какую-то заразу. Включила воду, умыла лицо. Потом руки до локтей. Хотя от души хотелось целиком помыться. Но этого она точно не сделает, не шуметь же водой среди ночи.

Чайник уютно зашумел и отключился. Алёна залила кипятком несколько ложек растворимого кофе и уселась за стол.

И с чего бы ей приснился этот мрак? Наверное, потому что поговорила с Ванькой о матери, о детстве. Взбудоражила воспоминания. Не сойти ей с этого места, если она еще раз откроет рот по этому поводу. Лежало все на душе мертвым грузом и пусть дальше лежит.

Сто лет не пила успокоительного. Последний раз, когда диплом в университете защищала. А сейчас чувствовала острую необходимость выпить чего-нибудь убойного, чтобы забыть этот кошмар и свои ощущения. Но сомнительно, чтобы у Шаурина в доме нашлось такого рода лекарство. Шаурину не нужны транквилизаторы, он сам как транквилизатор — кого хочешь успокоит.

Открыла ящик, нетвердыми руками порылась в таблетках. Конечно же ничего похожего на успокоительное средство в нем не нашлось. Взяла таблетку аспирина. Голова тоже болела. Хоть от чего-то нужно выпить таблетку. Так пусть будет — от головы.

Алёна долго мешала ложечкой горький кофе. А когда он немного остыл, выпила полкружки залпом. Показалось, на душе сразу стало немного спокойнее. Теперь бы как-нибудь расслабиться. Помедитировать, что ли. Раньше она частенько занималась такой практикой. Нереально, наверное, сейчас вытеснить все мысли из головы, но надо вытеснить, вытолкнуть. Выдавить их из себя.

Глубоко вздохнув, Лейба сложила руки на столе, выпрямила спину, расслабила ладони. Не самая удобная поза, но и не для «лотоса» время.

Шаурин зашел на кухню и остолбенел. Сам факт того, что он проснулся и не нашел Алёну в кровати, привел его в замешательство. А уж когда увидел ее на кухне и вовсе не знал, что думать. Она сидела за столом, опустив голову на сложенные руки. На ней было платье. Расстегнутая молния обнажала спину.

Это так ее напугала мысль о совместном проживании, что она вскочила среди ночи, чтобы уехать домой? Иначе с чего бы ей снова наряжаться в платье? Раньше майки хватало. Собралась, но не ушла. Что-то ее остановило. Но и в постель не вернулась. Если бы вернулась, он бы не узнал о ее сомнениях. А так - переваривай теперь.

Алёна медленно выплыла состояния полудремы, сразу почувствовав, что не одна. Подняв голову, наткнулась на Ванькин взгляд. Смотрел он так, что желать ему доброго утра не пришлось в голову. Впрочем, у самой этого доброго утра тоже не случилось.

Оно и понятно, что Ваня с утра «читает прессу»: после сна еще некоторое время приходит в себя, строит планы на день, сам себе создает настроение. Но не спускать же на нее всех собак только потому что проснулись они в разное время, и Шаурин остался без утреннего секса.

— Как это понимать?

Вот они и собаки.

— Что именно? — Алёна вздохнула и потерла лицо. Кожу неприятно стянуло после воды.

— Тебя на кухне.

— Мне не спалось, я рано встала. Пришла выпить кофе.

— Рано? — Ваня взял со стола кружку. Она шкрябнула по столешнице, а заодно и по натянутым Алёнкиным нервам. Он перевернул ее, но на стол не пролилось ни капли, потому что за столько времени остатки кофе присохли ко дну. — Ты полночи тут присидела.

— Мне не спалось, — упрямо повторила Алёна.

— А что случилось? — спросил Ваня, но в голосе его было не беспокойство, а едкий сарказм.

Разумеется, на такой выпад отвечать не хотелось. И вряд ли Ване требовался конкретный ответ.

Ну что ж, не привыкать ей обороняться. Так что Шаурин может усердствовать сколько угодно. Не раз он, конечно, пробивал ее на эмоции, заставлял в слабый момент, но сегодня явно не тот случай. И если Ванечке требуется сбросить на нее порцию злости, что ж, пожалуйста. Как бы сам потом не пожалел.

— Поможешь? — Алёна соскользнула со стула и повернулась спиной, чтобы Ваня застегнул ей молнию на платье. — Вань, ты еще не проснулся? Почитай прессу. А я тебе завтрак приготовлю. Что ты хочешь на завтрак? — спросила отвратительно вежливо.

После вчерашнего разговора у Шаурина явно остался осадок. Не мог не остаться. Естественно, он был уязвлен. Ваня не привык, чтобы ему отказывали. Он и от нее, очевидно, не ждал отказа. Иначе с чего бы это ему накидываться на нее с самого утра. Разлука обостряет чувства. Но не только щемящую тоску, нежность и сексуальное желание. Обиды тоже. Равновесие в такой момент тонкое, как лист бумаги, — одно неосторожное движение и все в клочья. Очень легко

поругаться в такой момент. Недосказанность обязательно выплывет.

Алёна отошла от Вани и налила себе воды.

— Посмотри на меня! — потребовал он.

Она повернулась к нему лицом со стаканом в руке. Оперлась о столешницу, сделала глоток и улыбнулась:

— Яичница. Раз ты оставляешь выбор за мной.

Его чуть не перекосило этих безразлично сказанных слов. Разрываясь от злости, он уселся на стул и стал наблюдать за ее неспешными ровными движениями.

— А может тебе блинчиков пожарить?

— Я прям мечтал, чтобы ты мне с утра в вечернем платье блинчики жарила.

— Ах, да, точно, — посмотрела на себя и ухмыльнулась. Потом, словно спохватившись, задвигалась быстрее. — Так. Кофе. Или чай? Лучше кофе, да? Я там у тебя кексы нарыла. Сейчас наемся кексов, а потом снова буду на беговой дорожке убиваться, — с поразительной беззаботностью говорила она.

Через пару минут перед Шауриным появилась тарелка с яичницей, и чашка кофе со сливками.

— Я люблю глазунью, чтобы желтки оставались сырыми. И кофе - черный.

Он даже не взялся за вилку, просто посмотрел в тарелку.

Алёна спокойно выбросила яичницу в мусорное ведро, выплеснула кофе в раковину. Достала чистую тарелку и яйца из холодильника. Налила черный кофе, без сахара.

Через пару минут Шаурин получил новую порцию.

— Подгорела.

Лейба снова с совершенно непроницаемым видом отправила вторую глазунью туда же, куда и первую. Опять достала из холодильника яйца.

— Ну? — чуть позже, мягко улыбаясь, спросила она, ставя перед ним тарелку. — Теперь какие претензии? Все красиво, вкусно. Белки белые, желтки желтые. Учти, я тебе спокойно все яйца из холодильника пережарю и не дрогну, и наварю десять литров кофе. Могу полдня у плиты стоять.

Убил бы ее за эту улыбку.

— Тебя переклинило с утра? И когда только успело... — Еле сдерживался, чтобы не взорваться.

Терпеть не могла этот его самодовольный тон и язвительную ухмылочку.

— Предупреждаю, если ты хочешь довести меня до истерики, у тебя не выйдет. Хотя можешь попытаться. У меня против твоей мозговой атаки есть железное средство. Техника тебе недоступная. Могу поделиться секретом. Я себе представляю, что ты мой пациент. И если ты дальше будешь стараться, то я в своих представлениях дойду до диагноза.

— Мда, — Ваня взял вилку. — Точно. Бабы дуры не потому что бабы.

— Ты мне еще кол осиновый в грудь забей.

— Пей кофе! А то если я начну истерику, тебе никакая техника не поможет!

На столе завибрировал айфон. Шаурин ответил.

— А что уже кто-то умер? Значит, пусть ждут! — рявкнул он. — Я скоро буду.

Странное дело, когда Ванька на нее поднял голос, Алёна не вздрогнула, а вот когда наорал на кого-то по телефону, у Лейбы по спине поползли колкие мурашки. Она уставилась в свою чашку, боясь поднять на Ваньку глаза.

— Мы еще не поговорили с тобой о поездке на Майорку... — начал Шаурин, собираясь сказать, что когда вернется с работы, то они обсудят этот вопрос.

— А что меня тоже пригласили? — перебила его Алёна. Глаз она так и не подняла, но всем нутром почувствовала, как Шаурин взорвался. Ее обдало его яростью, как порывом ледяного ветра. Хотя она совсем не старалась его разозлить, просто выпалила, не сдержавшись. — Ты на работу сейчас поедешь? Я тогда пойду в порядок себя приведу. — Соскочила со стула. Сердце стучало, как после хорошей пробежки.

— Давай, — бросил ей в спину. — А то сейчас ты точно не в порядке.

И ведь даже не подумала остаться и подождать его дома! Даже не спросила, во сколько он вернется.

Убил бы ее за эту улыбку.

ГЛАВА 17

— Ты как будто не на отдых приехала, а на каторгу, — проговорил Ваня, лежа на кровати и глядя, как неохотно Алёна раскладывает вещи на полках в шкафу.

— Нет, я просто бутерброды ела неправильные. Надо было колбасой на язык. Следующий раз буду есть правильные, — устало улыбнулась она. — Но я это... уже на пути к просветлению, — посмотрела на него, притаив в глазах что-то загадочное.

Ванька засмеялся, перевернулся на живот и лег лицом к морю. Он уже искупался в бассейне, высох и теперь валялся поверх покрывала в одних купальных шортах. А Алёна все возилась с вещами.

Поплескаться в бассейне еще успеется. Сначала она тщательно обследовала комнату, в которой они остановились: заглянула в каждый уголок, прошлась босыми ногами по полу и ковру, потрогала текстиль на окнах и кровати. Окна здесь огромные, даже в ванной комнате панорамные во всю стену, открывающие потрясающий вид на океан. Но пока не получалось наслаждаться солнцем, морем и красотами Майорки. Прошедшая неделя прошла в таком напряжении, что и сейчас оно не отпустило.

— Ты из-за этой дуры, что ли, переживаешь?

На этот раз рассмеялась Алёна, понимая, что это Шаурин еще сдержался в выражениях. Когда в последний раз с ним ругались, он Вику назвал по-другому, очень ёмко и красочно обозначив

к ней свое отношение.

— Нет. Ванечка, не бери в голову. Правда. Вы с Герой так быстро эту поездку сообразили, я еще не привыкла к мысли, что можно отдыхать и ни о чем не думать.

После последней перепалки еле с Ванькой разобрались. Сложно шли к согласию, трудно разговаривали. И только установилось между ними взаимопонимание, как Вика разом выбила у Алёны почву из-под ног, радостно сообщив по телефону, что летит с ними на Майорку, а главное, Шаурин сам ее пригласил. Алёна аж сотовый из рук выронила, так трянуло от слов сестры. Так оглушила эта новость. С какого перепугу Ваня бы Вику приглашал!

Еле удержалась тогда, чтобы не позвонить Ваньке и не начать выяснять отношения. Сама себе удивлялась, как, но сдержалась. Собрала всю волю и самообладание в кулак. Ваня и так уехал на работу на взводе. Если еще по телефону ему нервы мотать, что они ни за что в своих проблемах не разберутся. Решила подождать до вчера. А вечером выяснили, что Вику позвал Татарин, а Шаурин тут совершенно ни при чем. Он и знать не знал, что Савинская в числе приглашенных.

Как после этого спокойно реагировать на Вику, если по ее милости они с Ванькой снова чуть в пух и прах не разругались?

Кроме того, ревновала Алёна его к сестре. Но не потому что Ваньке не доверяла, а потому что прекрасно помнила Викины по нему охи и ахи.

Вика не влюблена в Шаурина, а им озабочена. А таких озабоченных лучше держать подальше.

— Я в душ схожу.

Медленно снимая с себя одежду, Алёна испытывала трепет и небольшой дискомфорт, несмотря на то что в огромные окна, кроме беспокойно кричащих чаек, никто не мог ее увидеть.

И все равно странно это и немного непривычно — стоять под душем, лежать в ванне или просто чистить зубы глядя при этом на бескрайний синий океан. К этому надо привыкнуть. Хотя от красоты дух захватывало.

Чтобы подольше сохранить ощущение прохлады в теле, Алёна ополоснулась почти холодной водой. Завернулась в большое полотенце и, мелко перебирая ногами, ринулась в спальню. Бросилась на кровать, залезла на Ваньку и, прижавшись к его теплому разморенному телу, крепко поцеловала.

Он довольно и сдавленно рассмеялся. Смех его застрял где-то на уровне горла, потому что Алёна захватив в плен губы, не позволила ему прорваться.

— Если честно, мне даже не хочется выходить из комнаты. Тут так хорошо и прохладно. Давай просто поваляемся в кровати. Ну хоть часок, — попросила, приподнимаясь.

— Легко. Хоть два часика. Жара спадет, потом пойдем гулять. Я тебе покажу разные красивые места. Домой вернемся ночью.

— О, так я согласна, — Алёна просветлела лицом.

— А ты думала, раз мы все вместе приехали, так и должны ходить друг за другом, как приклеенные? Нет, конечно. Мы будем сами развлекаться, а они себя пусть сами развлекают.

Такое отношение Шаурина к отдыху очень порадовало. Хватит с нее того, что придется провести эту неделю с Викой под одной крышей. Пусть дом у Геры и огромный, затеряться тут все равно не удастся. А в своей комнате вечно сидеть не будешь.

— Так все, — поерзала на Ваньке, — я чувствую, что отпуск у меня начался.

— Чувствуешь, да?

— Да.

— Точно?

— Точнее не бывает.

Выползли они из комнаты только к вечеру. Но никуда не пошли, потому что у Ваньки поднялась температура. Поужинали дома в окружении всей честной компании. За столом смеялись до коликов в животе. По-другому в обществе Валета быть не могло. Они с Леночкой находились в особенно приподнятом настроении — так и светились от счастья. И это здорово. Когда люди счастливы — это здорово.

А вот Алёна тревожилась из-за Ванькиного состояния. Сначала не показывала этого, а потом, когда он ушел в комнату, устав от громких разговоров и музыки, взволновалась всерьез.

— Мурка, я понимаю, что ты переживаешь, но, давай, ты будешь переживать тихо. У меня и так голова раскалывается, не носись туда-сюда, — проворчал Иван, когда она в очередной раз поинтересовалась его состоянием.

Ночник слабо освещал комнату. Алена никак не могла понять: румянец на Ванькиных щеках это новая порция загара или все-таки результат слегка повышенной температуры тела.

— Ваня, что делать? — Села рядом и сложила руки на коленях.

Шаурин лежал на кровати, прикрыв глаза тыльной стороной руки. После Алёнкиного вопроса, он убрал ладонь от лица и посмотрел на девушку.

— Ничего не надо делать. Я все уже сделал. Таблетку выпил, жду прихода, — как обычно, не без иронии успокоил.

— Вчера больной, сегодня больной... Не надоело?

Ванька улыбнулся.

— Машенька, дай Медведю поболеть. У него акклиматизация.

Алёна выскочила из комнаты и через несколько минут вернулась с графином апельсинового сока.

— Лекарство должно быть вкусным. Пей.

— Что это?

— Сок. Апельсиновый.

— И все? И ты даже водки туда не налила?

— Никакой тебе водки. Знаешь, у меня, когда температура поднимается, и я начинаю заболеть, я сразу литр апельсинового сока выпиваю и мне становится лучше. Пей давай.

— И ты от меня отстанешь?

— Считаю - уже отстала. — Налила сок и вручила ему стакан.

— Алён, иди отдохни, не сиди со мной. Я нормально себя чувствую. Посплю часок, а потом мы с тобой придумаем, чем заняться.

— Ладно, — согласилась она и вышла из комнаты, подумав, что неплохо было бы чего-нибудь перекусить.

Внизу было пусто и тихо. Алёна вздохнула спокойно и побрела по первому этажу мимо белоснежных диванов к кухонной зоне, которую от гостиной ограждала квадратная барная стойка, отделанная натуральным камнем.

Дом, конечно, оформлен шикарно, в классическом средиземноморском стиле. Белые цвета, зелень, натуральные материалы в отделке. Панорамные окна и полное застекление некоторых участков. Много света, легкость, прозрачность. Сантехника, керамика и кухонное оборудование от эксклюзивных марок.

Алёна замерла у холодильника, раздумывая, чего бы ей съесть. Так ничего и не выбрав, она захлопнула дверцу и, повернувшись, вздрогнула от неожиданности. У нее за спиной стоял Гергердт.

— Гера! — воскликнула она. — Твою мать... напугал!

— Не бойся, Алёна, я человечинной не питаюсь. — Он улыбнулся. И в его улыбке промелькнула едва заметная легкость, допускающая шутливость в разговоре.

Алёна поддержала его тон.

— Вот и хорошо, а то зубы об меня сломал бы. — Взгляд ее упал на большое блюдо с фруктами.

— Даже не сомневаюсь.

— Я думала ты тоже развлекаться ушел.

Алёна поставила блюдо на стойку и уселась в удобный полукруглый стул. К ее удивлению, Артём сел напротив. В руке у него был высокий бокал с какой-то мутноватой жидкостью. Конечно, что-то спиртное. Точно не минералка и не сок.

— А я и так развлекаюсь, мне далеко ходить не надо. — Он отставил бокал в сторону. — Дай нож.

— Что?

— Нож. Подай.

Гера улыбнулся так, как улыбались бы змеи, если бы умели улыбаться. Наверное, он знал, что в его присутствии Алёне неловко.

А Алёне было более чем неловко. Рядом с ним она чувствовала себя голой. Не потому что Гера похотливо на нее смотрел или раздевал взглядом. Нет, ничего подобного не происходило. Он смотрел только в глаза, не шарил взглядом по телу, не блуждал по лицу. Только в глаза.

Она подала нож, и Артём принялся за арбуз. Крошил сочную мякоть на мелкие кусочки и ел с ножа, не пачкая рук.

Алёна щипала крупный зеленый виноград и думала. А потом решила спросить:

— А как вы с Ваней познакомились?

— Обыкновенно.

— Очень красочно и содержательно. Спасибо за ответ.

— Ты просто не с того места начала. Лучше спроси, как я познакомился с его отцом.

— Как? — затаив дыхание спросила Алёна.

— А я у него бумажник спиз... спёр в магазине по малолетке. Жрать-то хотелось. Как-то надо было выживать.

— Господи... — проронила она, меж тем оценив старания Геры выразиться вежливо. Ну надо же, даже от мата удержался.

— Ага. С тех пор Денис Алексеевич бдительно следит, чтобы я остался вором и не стал убийцей. А я вот еле держусь, — грубовато засмеялся он каким-то невеселым смехом. — Хороший человек наш Денис Алексеевич.

Алёна ошарашено замерла, легко представив себе Геру с арматурой в руках и зверским выражением на лице. Да, оба они с Ваней хищники. Только Гера врагу череп проломит с боевым кличем, стараясь все вокруг кровью залить, а Ваня, глядя чистым распахнутым взглядом и обаятельно улыбаясь, своему - незаметно яда подсыпет и будет наслаждаться его муками.

От собственных мыслей она содрогнулась. Но что-то заставило ее сидеть на месте, продолжая разговор.

— Нет, ты не думай, что я какой-нибудь там приемный сынок. Я сам по себе.

— А с Ваней?.. — несмело спросила.

— Это позже. Чувствую - город вздрогнул. Чё, думаю, за пацан порядки наводит. А это оказывается малой из-под папкиного крыла вырвался. Так я к папе: так, мол, и так... Сдал ему Ивашу. Вот и подружились. Ваня, он же снаряд сильного поражающего действия. С ним если свяжешься, то все - борода.

— Ты сейчас мне анекдот рассказал?

— Почти, — ухмыльнулся Гера. — У Шаура спроси, может, он тебе что скажет.

— Ага, так и спрошу. У Иваши, — хмыкнула Алёна, отправляя в рот виноградинку.

— Нет, — твердо сказал Гергердт, положил нож на блюдо и жестко сцепил пальцы. — Он не

Иваша. Он - Шаур. Ивашей он был лет в двадцать - борзый, дерзкий и охренительно крутой. А сейчас он Шаур. Настоящий. Только Денисович.

* * *

— Все, вообще меня уже сгрыз! — Алёна, задыхаясь от смеха, столкнула с себя Ваньку. Он откинулся на спину, и она уселась на него сверху. Тяжело дыша, оттянула широкую горловину футболки и посмотрела на свою грудь: — Ты поглянь, как я теперь купальник надену?

Ваня рванул ее футболку вверх.

— Без купальника ходи. И без футболки.

— Ага, — Алёна поправила на себе одежду и снова залилась смехом. — Не могу... у меня уже от смеха живот болит.

— Ну, а что ты ржешь? Я вот не смеюсь. — Пощекотал ее под ребрами.

Алёна завертелась, заерзала и, пытаясь отбиться от его рук, заверещала:

— Ваня! Я боюсь щекотки, не смей!..

Шаурин бросил ее на кровать и навалился сверху. Придавил всем телом и жадно припал к распухшим искусанным губам. Целовал, пока не стала задыхаться.

— Слазь с меня, — слегка шлепнула его по голой спине. — Слазь давай. Замучил меня уже сегодня.

Ванька рассмеялся. Со сдавленным рыком уткнулся ей в шею. Потом приподнялся на руках, оглядывая Алёну. Лицо у нее покраснелось, грудь подрагивала от частого дыхания.

— Что-то ты не выглядишь замученной, а вполне себе довольной. Пойдем занырнем в бассейн - остынем.

— А может, лучше поедим чего-нибудь?

— А может, лучше попьем?

— Может, поспим?

— Пошли поедим.

Алёна соскочила с кровати, поправила футболку и шорты, убрала в пучок, рассыпавшиеся по плечам волосы. Они с Ваней спустились на кухню.

Рацион их состоял практически из одних морепродуктов, а от них сложно устать. На острове все свежее и вкусное. Про мясо даже никто не вспоминал. Еще ели фрукты и сладости. Сами готовили редко: в доме была прислуга. Поэтому гостей ежедневно баловали экзотическими блюдами.

Ваня устроился за стойкой. Алёна начала накрывать на стол. Сначала к их компании примкнул Валет. Потом решила присоединиться Вика. Усаживаясь на стул, она оперлась на Ванино плечо, и у Алёны сразу возникло желание дать ей ложкой по лбу. Шаурин, похоже потерял аппетит. Поковырявшись в тарелке с салатом, он вышел из-за стола и ушел к бассейну.

Поступок Ивана заметно разочаровал Викторию. Ее вообще бесило, что Ваня и Алёна практически не отлипали друг от друга и мало времени проводили в общей компании. Даже если Шаурин спускался к завтраку первым, он без Лейбы не ел. Она, кстати, без него – тоже. Ну до того сладкая парочка, аж противно. Скулы сводило от их постоянных тисканий.

— У Вани, конечно, отменный вкус, но эти часы точно не для тебя, — съехидничала Савинская.

Второй день Алёнкины новые часы Вике покоя не давали. И как только Шаурину в голову пришло подарить Лейбе такой дорогой подарок? Она же, идиотка, даже не представляет, сколько эти часики стоят. Не разбирается в таких вещах, и носить их не умеет.

— Почему это? Мне кажется, они мне очень идут. Ну прям очень, — Алёна любовно поправила часы на левом запястье. — И ремешок беленький, из крокодиловой кожи, и золото – розовое, и бриллиантов куча. Мне прям нравится. Такой сюрприз мне Ванечка сделал, представь, сама не ожидала, — от души прошлась по нервам сестры.

От ее слов Вику чуть паралич не схватил. И что, спрашивается, Шаурин нашел в этой дуре?

— Не с твоей дешевой футболкой и такими же дешевыми шортами.

— Викуля, если на мне эти часы, я вообще могу голая ходить, и все будут считать, что так и надо. Но если ты думаешь, что в шортах от «Дольче и Габбана» моя задница будет выглядеть эффектнее, значит — пора мне за шортами от «Дольче и Габбана».

— Чтобы твоя задница выглядела эффектнее, тебе надо поменьше жрать.

— Главное, Ванька от нее тащится, — со смехом сказала Алёна и пригнулась к сестре поближе. Продолжила уже без смеха: — Нравится тебе или нет, но эти часы — мои. Я буду их носить — как хочу, когда хочу, куда хочу и с чем хочу. И Шаурин — мой. Еще раз притронешься к нему хоть пальцем, руки поотрываю.

Вика удивленно замерла. Вот это выпад!

— Что-то ты из-за Грохольского так не переживала, — куснула напоследок.

Алёна поставила свою тарелку в мойку, вышла к бассейну и опустилась на мягкий шезлонг.

— Алён, намаж мне спину кремом, пожалуйста. А то Валя, как лягушка, никак из воды не вылезет, — попросила Леночка.

— Конечно, — улыбнулась Алёна и взяла тубу с кремом. — Лена, ну ты вообще черная уже.

— Да, я быстро загораю.

Намазав Ленке спину, Алёна снова улеглась, надела солнечные очки и вытянула ноги.

— А что твоя наркота сегодня не в нарядном настроении? — ухмыльнувшись, спросил Гера. Они с Ванькой сидели в беседке с качелями, удобно расположившись на мягких подушках.

— Что ты, — в ответ усмехнулся Иван, — это мы как раз в нарядном.

— М-м-м, штучка-то какая, — обронил Гера, глядя на Вику.

Та мягко скользнула в воду и, вынырнув, повисла у бортика.

— Гера... — предупреждающе произнес Шаурин, заметив, что Гера не отрывал от девушки своего взгляда.

— Что? — отрешенно спросил Артём.

— Не связывайся.

— Слушай, я думал, она с этим, — кивнул в сторону Татарина, не обращая внимания на предостережение друга.

— Нет.

— А чего? — спросил Гера задумчиво.

Ваня нутром почувствовал его заинтересованность. Гера уже ни на что не реагировал, только тихо задавал вопросы. Он, как зверь, учуявший запах крови, настроился на свою добычу.

— Морозится.

— А-а, типа я не трахаюсь за деньги, а только за большие деньги? Ну бл*дь же — на лице написано.

— Нет, не бл*дь. Обербл*дь, — поправил его Шаурин. — Гера, там мозгов совсем нет, не суйся.

— Ну и хорошо. Меня мозги вообще не интересуют. Вижу, что девочка хочет острых ощущений. А людям надо помогать. — Гера поднялся и неторопливо побрел вдоль бассейна.

— Альтруист, мать твою... — бросил вслед Иван.

Артём, обернувшись, хищно и злорадно улыбнулся.

Подойдя к Вике, он уселся рядом и что-то спросил. Та заметно оживилась, начала кокетничать и призывно улыбаться.

Алёна, в очередной раз поразившись безмозглости сестры, легко поднялась с места и пошла к Ваньке. Села туда, где минуту назад сидел Гергердт.

Сначала она тепло прижалась к любимому, поцеловала, потом приникла к плечу.

— Вань, скажи Гере пусть не лезет к Вике. Ну, дура она, что с ней сделать? Но пусть Гера ее не трогает.

Ваня молчал.

— Вань... — тихо и не очень решительно снова начала Алёна.

— Алёна, мне без разницы, с кем спит Гера. Мне вообще плевать, с кем спит твоя сестра. И если эти двое будут спать друг с другом, а они будут спать, мне на это тоже наплевать, — сказал, как отрезал.

Понятно. Может быть, Шаурин и прав. Но ей самой, в том, что происходило, виделось что-то неправильное. Хотя каждый волен развлекаться, как хочет и с кем хочет, но все равно внутри

ощущалось какое-то беспокойство. Не за сестру и точно не за Геру. Но не могла объяснить, что именно ее тревожило.

Ваня чуть раскачал качели. Алёна вздохнула и, прижавшись к его боку, уткнулась губами ему в плечо. Действительно, пусть эта дура спит, с кем хочет, хоть с Герой. Не маньяк же он в конце концов, не расчленит ее в спальне.

Почему-то на ум пришли слова Артёма, сказанные в первый вечер их приезда: «...я не какой-то там приемный сынок...».

— Вань, а Гера откуда?

— В смысле - откуда?

— Кто его родители.

— Он сирота. Вырос в детдоме. Так что никогда не говори, что в детдоме тебе было бы лучше.

— Мне он нравится.

— Гера? — переспросил Ваня, словно удивившись.

— Да, — улыбнулась. — У Геры вода мокрая, сахар сладкий, соль соленая, а дерьмо он называет дерьмом. Лично мне это нравится.

— Он очень своеобразный человек.

— Ты боялся, что мы друг друга не поймем? Поэтому так долго нас не знакомил?

— Нет, — рассмеялся Шаурин, — боялся, что вы подружитесь.

Алёна хохотнула.

— Твой Гера - животное, и воспринимать его надо именно так. А животных я побаиваюсь.

— Тебе не нужно бояться Геру. Он знает свое место. Я ему череп вскрою раньше, чем он что-то задумает, не то что осуществит. Тебе вообще никого не надо бояться.

После его слов Алёна тяжело выдохнула.

— Ничего себе у вас дружба.

— Дружба тут ни при чем. Мы пойдем куда-нибудь сегодня?

— Обязательно. А то завтра последний день, надо нагуляться как следует.

Они еще посидели на улице, подышали морским бризом, а потом надолго ушли гулять. Бродили по уютным самобытным ресторанчикам, пили сангрию и пробовали то, что еще не успели попробовать.

Вернулись поздно. В гостиной громыхала музыка. Валет, Леночка и Татарин громко смеялись, что-то шумно обсуждая. Геры и Вики не было.

На следующий день Ваня и Алёна вышли из комнаты только к полудню. Решили никуда из

дома не выбираться, а валяться в кровати и плескаться в бассейне. Тем более в последний день друзья договорились устроить пышный прощальный ужин.

После обеда Алёна пожаловалась на головную боль. Ванька посмеялся, что у нее похмелье. Предложил подлечиться вином, но она выпила апельсиновый сок и поднялась в комнату.

— Ваня, а ты не знаешь, где Артём? — Вика подошла к Шаурину.

Он стоял у барной стойки. Наконец-то один.

— Нет, — коротко ответил он. Завернул крышку на бутылке, из которой пил, и поморщился. Кто-то не убрал ее в холодильник, и вода была противно теплая. — Виктория, ну что ж ты так неразборчива в связях?

Викку оскорбило это замечание. Почему-то очень задело, что именно Шаурин упрекнул ее.

— Ой, на свою шлюшку посмотри. Встречается с тобой, а спит с бывшим, — выпалила Вика со зла и тут же пожалела о своих словах.

— Как ты сказала? — опасно переспросил Иван, надвинувшись на девушку. Тон его изменился, а уж выражение лица и подавно.

— Ну... — окаменев под Ванькиным взглядом, пролепетала Савинская, никак не решаясь повторить то, что сказала, — может, уже не спит... Но когда вы только начали встречаться, она с ним спала...

Не знала Вика точно, спала Алёна с Сашкой в тот день или нет, когда застала Грохольского у нее в квартире. Не знала так же, встречались ли они после этого.

Ну и черт с ними! Если не спала Лейба, то они с Шауриным благополучно разберутся, а если спала — пусть раздерутся к чертям собачим, слава богу, так им и надо!

Шаурин придвинулся к Савинской совсем близко. У той перехватило дыхание, и ноги подкосились. От страха. Так потяжелел Ванькин взгляд, да и сам он весь напрягся.

— Я, вообще-то, с бабами не связываюсь, — глухо и угрожающе проговорил он, — но если через секунду ты отсюда не исчезнешь, я сам сделаю так, чтобы ты исчезла. — Подняв ладонь на уровне лица, он кончиками пальцев легко толкнул ее в лоб. Только чуть коснулся, но столько ярости было в его серо-зеленых глазах, и в этом жесте — столько агрессии и едва сдерживаемой силы, что голова у Вики откинулась, будто он ударил. Она отскочила. Ее затрясло, и захотелось плакать.

Савинская понеслась к себе и, огибая широкую колонну, чтобы взбежать по лестнице, налетела на Гергердта. Под влиянием чувств, или за какой другой надобностью, Вика рассказала ему о своей перепалке с Иваном, разумеется, умолчав о кое-каких подробностях.

Гера выслушал Савинскую без особого интереса. Точнее, вообще без интереса. Проявляя снисходительное любопытство он ждал, пока девушка выскажется и отстанет от него.

— Ну вот и п*здуй по холодку, не зли Шаура, он в гневе страшен.

Разочарованная и оскорбленная до глубины души его равнодушными словами Вика озлобленно воскликнула:

— Артём, какая же ты скотина!

Гергердт рассмеялся:

— Надо было Татарину дать, он у нас местный душка. Я к тебе в благодетели не подписывался.

Шаурин стоял на террасе, положив горящие ладони на стальной поручень. Сердце стучало сильно и ровно. А голова будто в огне. Да и сам, точно в кипящем варе. Ни одной здоровой мысли, кроме слов той безмозглой сучки.

Не хватало кислорода, пространство в груди заполнилось чем-то твердым, что не вздохнуть.

В глазах рябило от ярких солнечных бликов. Иван сосредоточенным взглядом шарил по береговой линии, словно искал что-то значимое, чтобы зацепиться за это глазами.

Нужно, конечно, поговорить с Алёной. Но невыносимой тяжестью что-то уже легло на плечи и душу.

Алёна вышла из комнаты, торопливо спустилась вниз, но, вспомнив, что забыла в комнате солнечные очки, вернулась обратно.

Головная боль не отпустила, уменьшилась немного. Надо бы выпить таблетку аспирина. Не нужно было столько времени проводить на солнце. Не очень-то она устойчива к солнечным ваннам.

Иван видел, как ее светловолосая голова мелькнула в столовой, а потом Алёна снова взбежала по лестнице. Он поспешил следом и столкнулся с ней в дверях комнаты.

Алёна вскинула на него глаза, собираясь улыбнуться.

— Это правда, что ты спала со своим бывшим? — без обиняков спросил Шаурин.

Улыбаться ей тут же расхотелось. Голова, кажется, разболелась еще сильнее, как от тупого удара.

Она собиралась выйти, а он — зайти, но они застыли на пороге спальни.

— Я не была девственницей, и тебе это прекрасно известно. Если у меня есть «бывший», значит, я с ним спала, — на первый взгляд спокойно ответила она, меж тем теряя румянец.

— Когда уже встречалась со мной, — резанул он, и глаза его зазеленели глубинным светом.

Алёна резко отступила, будто ее силой втянули в комнату. Колени подогнулись. Хорошо, что стояла у кровати, на нее она и села, тут же вцепившись пальцами в покрывало, ища дополнительную опору.

— Да или нет?

Не могла она произнести «да».

А Шаурин в ее подтверждении не нуждался. Все у нее на лице написано.

Он рывком снял с себя футболку, намереваясь уйти в ванную и принять душ.

— Да! — бросила Алёна ему в лицо, и он остановился. — Но я не буду отчитываться перед тобой в том, что было до наших отношений!

Он резко и неприятно рассмеялся.

— Неужели? А это было до наших отношений?

— Мы тогда просто дружили, только начали общаться. Или я должна была с первого дня нашего знакомства бегать за тобой, поджав лапки?

— В самом деле? — Он снова смеялся ей в лицо.

— Этот человек сейчас ничего для меня не значит. И тогда не значил, мы уже расстались.

Взгляд его изменился, стал острее. Шаурин снова шагнул к ней и, взяв ее лицо за подбородок, чуть приподнял.

— Тогда зачем ты с ним спала?

— Захотелось, — сквозь зубы проговорила она.

— Захотелось? — переспросил он брезгливо и даже поморщился. — Так что ж ты со мной тогда сразу не переспала, если тебе просто захотелось?

— Я и с тобой переспала, когда мне этого захотелось!

— Ты себя слышишь? Я даже разговаривать с тобой не хочу!

Он отпустил ее и ушел в ванную. Дверь закрыл за собой тихо, а вот последние его слова, брошенные на высокой ноте, еще некоторое время звенели в тишине, как оборванная струна.

Алёна потерла лицо, дрожащими пальцами скользнула в волосы и сцепила руки на затылке, понимая, что сидеть в комнате смысла нет.

Она снова спустилась на первый этаж, так и не взяв с собой солнечные очки.

Когда натолкнулась взглядом на сестру, остановилась как вкопанная. Надо же, разговаривала с Иваном и даже не поинтересовалась, откуда он узнал и вообще с какой стати завел разговор про Сашку. А теперь все встало на свои места. Тут и думать нечего. Конечно же, заботливая сестренка постаралась!

Оцепенение длилось недолго. Алёна миновала барную стойку и вышла на одну из террас.

И этот дом! Господи, как можно жить в таком доме? Она бы, наверное, не смогла. Ей здесь стен не хватало — негде было спрятаться. Панорамные окна, открытые пространства. Все какое-то воздушное и хрупкое. Все как на ладони, в каком бы месте ты ни находился.

Боже, как хотелось защититься от чужих глаз, чтобы не быть у всех на виду!

Но это невозможно: все террасы прекрасно просматриваются с кухни; а что творится в гостиной, можно запросто наблюдать лежа у бассейна. Никакого уединения, кроме

собственной спальни.

К тому же, дом построен на каменистой возвышенности, почти на обрыве. К общей территории прилегала часть береговой линии. Они с Ванькой, кстати, вдоль и поперек обшарили берег и скалы. Гуляли между деревьев, нашли кустарники со странными плодами, похожими на шиповник, от которых, говорят, можно опьянеть. Съев горсть, Алёна ничего такого не почувствовала. Наверное, для этого нужно быть абсолютно трезвой, а она всю неделю находилась в легком опьянении – от бесконечной любви и бесчисленных слабоалкогольных коктейлей.

В ушах зловеще шумели волны, разбивающиеся внизу о прибрежные камни. Но Алёна была выше них. Гораздо выше этой вымощенной деревом террасы.

Разговор с Ванькой подкинул ее очень высоко, и она все никак не могла упасть, зависнув где-то под облаками.

Там ужасно холодно.

Несмотря на то что солнце, щерясь, облизывало жаркими лучами ее тело, было невыносимо холодно...

Алёна посмотрела на наручные часы. На белый циферблат, украшенный золотыми лучами, расходящимися из центра. Скоро подойдет время ужина. Повар уже готовил для них великолепные блюда. Такой забавный полноватый мужчина, сносно говорящий по-русски.

Часы... Как она не хотела принимать этот подарок! Не потому что он безумно дорогой, — не только безель был инкрустирован бриллиантами, но и часовыми метками служили драгоценные камни, — а потому что плохая примета — дарить любимой или любимому часы. К расставанию. Вот и не отпускало последние дни тревожное напряжение. И, как оказалось, совсем не зря!

Что делать теперь, Алёна не знала.

Как себя вести? Что говорить? О чем говорить...

Она даже на Вику не злилась, в таком находилась шоке от произошедшего. От короткого разговора и шауринской ярости. Он не дал ей возможности спокойно объясниться, Алёна даже не помнила, что наговорила ему в пылу.

Яркой вспышкой где-то на краю сознания полыхнули его последние слова «...с тобой не хочу!».

Вдруг закружилась голова, и поразил приступ удушья.

Вот сейчас... сейчас наконец отпустит душу этот нестерпимый холод. Раздражение, отчаяние и злость дойдут до разума. Тогда она начнет соображать. Быстрее бы начать хоть что-то соображать.

Испытывая какую-то болезненную ломоту в костях, девушка прошла к бассейну...

Шаурин вышел из душа и, не найдя Алёну в комнате, спустился в гостиную. Уже вошло в привычку всегда держать ее в поле зрения. Даже сейчас не мог по-другому.

Застал ее у бассейна. Она стояла спиной и держала руки у лица, как будто вытирала слезы. Потом она села и свесила ноги в воду. Опустилась тяжело, словно плохо себя чувствовала или была больна.

Иван вдохнул и отвел глаза, как-то случайно уловив ненавидящий Викин взгляд, направленный на Алёну. На губах ее играла довольная и такая гадкая усмешка.

Ярость поднялась девятым валом, и Шаурин, сам не зная, зачем, шагнул в направлении Савинской. Неожиданно Гера двинулся ему наперерез. Иван вынужденно замер и тяжело выпустил из себя воздух. Наваждение чуть спало.

— Шаур...

— Отвали.

— Пойдем-ка покурим-ка, — Гера закинул руку Ваньке на плечо, второй встряхнул пачку сигарет и вытащил одну из них губами. Шаурин не двинулся с места. — Ну! Долго я буду с тобой как педик обниматься? Сейчас твоя ревновать начнет уже.

Не обнимался он, не дружески поддерживал, а удерживал стальной хваткой.

— Нормально все.

— Нормально? — щелкнул перед шауринским лицом пальцами. — Вижу я. Ушел в точку, ничего не соображаешь. Не знаю, чем тебе эта мамзель не угодила, но то, что ты задумал, это плохая идея. И я вовсе не из-за этой шлюхи переживаю.

— Нормально все, — проскрежетал Иван. — Сейчас утоплю ее в бассейне, и всего делов-то.

— Ценю твое чувство юмора. Ухахатался просто.

Ванька глубоко вздохнул и перевел взгляд на Лейбу. Тогда Гера отпустил его. Попустило вроде уже, не должен дел натворить.

Шаурин быстрыми твердыми шагами подошел к Алёне и сказал тихо, но резко:

— Возьми себя в руки, слышишь!

Девушка повернула к нему горящий взгляд. Промолчала, только нервно вздернула руку и заправила прядь волос за ухо.

— Сцены на людях устраивать не надо. Так что давай — включай улыбку. Окружающим не обязательно знать, что у нас... проблемы, — выдавил он. — Мы с тобой разберемся... может быть... когда вернемся домой. — Шаурин еще не решил, хочет ли разбираться во всем этом.

Алёна коротко вздохнула и разомкнула губы, чтобы что-то сказать.

— Замолчи! — проговорил сквозь зубы и, крепко сжав ее узкую ладонь, потянул вверх. — Просто иди со мной и молчи!

Алёна торопливо оперлась свободной рукой о плитку и вылезла из бассейна, встав на ноги. Едва успела влезть в сланцы, Ванька потащил ее к беседке, и они уселись на широкие белые качели.

Сначала Алёна сидела окаменев.

Шаурин хотел, чтобы они делали вид, что у них все хорошо. Что они счастливы.

Она скрестила руки на груди, сильнее сжав локти.

Только бы сохранить на лице подобие улыбки. Не сорваться в крик, в боль и нелепые признания. Сейчас они точно не к месту. Только бы не сорваться...

Алёна пристроила подушку у шауринского бедра и улеглась лицом к спинке, подогнув ноги в коленях. Вот так они с Ванькой будут выглядеть намного романтичнее. Прямо счастливая до умопомрачения парочка.

Не хотел же обнимать ее. Даже прикоснуться к ней не хотел. Но так сложно было удерживать свою руку, которая упрямо ползла на ее полуобнаженное плечо. Злясь на свою слабость, Иван поддался желанию. Так просто удобнее. И так Алёна точно не свалится с лавки.

Алёна живо ощущала, как озлоблен, напряжен и недоволен Шаурин. Меньше всего, наверное, он хотел сейчас находиться рядом с ней. Его горячая рука лежала у нее на плече, но касалась только едва. Лишь спустя какое-то время почувствовалась знакомая тяжесть: как будто смирившись, Ваня расслабил руку.

Подумалось: совсем неплохо, что облака все еще царапают спину, внутренности заледенели, а осознание надвигающейся катастрофы обосновалось где-то в подкорке. Ей просто нельзя расползаться, нужно быть стойкой, сильной, собранной, чтобы успеть сделать хоть что-то, пока их с Ваней отношения не превратились в прах. Победа достается спокойным.

— Это было глупостью, — начала она, несмотря на явное нежелание Шаурина разговаривать.

В его голове уже роились мысли. Вспомнились все двусмысленные фразы, непреодолимой стеной встали недоговоренности и недомолвки. Все теперь обернулось другой стороной и приобрело четкий окрас. Кажется, только-только пришел к какому-то пониманию, а все рухнуло в одночасье. Все пустое. До банального. До смешного.

Алёна, не дождавшись ответа, продолжила:

— В жизни никогда не думала, что скажу эти слова, но я жалею об этом.

Он цинично улыбнулся, стараясь сделать это пооткровеннее, и не смог смолчать:

— А тебе никто никогда не говорил, что глупости не нужно делать даже от скуки? Мне очень часто говорили. Я уже вышел из того возраста, когда люди совершают глупости просто потому, что им захотелось. — Язвительно засмеялся: — Чтобы потом — не жалеть. А ты, видимо, нет. Я не живу идиотским правилом: лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и жалеть. Представь, не могу себе позволить такой роскоши. Знаешь, как я называю тех, кому просто захотелось? — оборвался, разозлившись, что Алёне удалось втянуть его в беседу.

А она вдруг вскочила, так резво, что качели вздрогнули. Ваня схватил ее за предплечье, удерживая от падения.

— Как? — с вызовом спросила она. — Скажи. Шлюха? Молчишь. Потому что у тебя нет повода бросаться такими громкими словами. За все время, что мы с тобой вместе, я тебе ни разу не дала повода, и ты это знаешь! И ты не спросил: правда, что ты мне изменила? Ты был очень аккуратен и точен в словах. Потому что это не измена, и ты это прекрасно понимаешь! И не хочешь меня слушать, потому что боишься, что я покрошу твою логику на куски, если начну говорить. А я покрошу, Шаурин! Потому что тогда у нас не было отношений, мы не вели разговоров «о нас», у нас не было «мы». Был ты, и была я. Мы не целовались, не обнимались, мы даже за ручку не ходили! Я не могла тебе изменить, потому что тогда я не была твоей. Это мое прошлое, и оно тебя не касается! Я не спрашиваю, сколько у тебя было до меня баб! И спал ли ты с кем-нибудь, когда дружил со мной! У меня другая точка отсчета!

Шаурин вдруг понял, что она яростно давит на него. Будто тащит за руку по узкому, темному коридору. Смотрит сверкающим льдистым взглядом и наступает, говоря с таким оттенком в голосе, какого он еще ни разу от нее не слышал. Мать твою, он уже видел свет в конце тоннеля...

— Вот видишь, какие мы разные, — язвительно сказал он, усилием воли сбрасывая трансное оцепенение и впадая в глухую защиту. — Я оказывается встречался с тобой с пятого числа, а ты со мной — с двадцать пятого! И у меня не было других баб. Нет, бабы были, но я с ними не спал. Я хотел только тебя. И спросил — зачем... Понял бы, ответь ты, что тогда любила его...

— Не смей меня, Шаурин! Понял бы он! Только не ты. У тебя от ревности асфальт под ногами плавится. Кому ты рассказываешь!

— А дело знаешь, в чем? Мы дружили, как ты говоришь, совсем недолго. Можно посчитать с точностью до одного дня. Но тебе срочно понадобилось в это время переспать со своим бывшим! А мне нахрен не надо думать, что когда тебя в очередной раз переключит, тебе снова захочется с ним потрахаться! А думать вот так — у меня повод есть! У меня куча поводов! Я просто не верю тебе...

Внезапно Алёна поднесла руку к его лицу.

— Как трудно с тобой Ванечка, — перебила настойчиво и уверенно. — Больно. У меня рука дрожит, ты видишь?

Он вынужденно обратил взгляд на ее ладонь. Она и правда заметно дрожала. Ее тонкие пальцы с аккуратным французским маникюром дрожали.

Алёна пристально смотрела Ваньке в глаза. Уловила, как на миг, на какие-то доли секунды, как из его взгляда исчезла сосредоточенность.

Почувствовав брешь, она юркнула в его сознание:

— Ваня, есть неправильные вещи, а есть просто непонятные. Если ты чего-то не понимаешь, то это не значит, что оно — неправильно. Ведь даже аналогия — не есть правило. И ты это знаешь.

Шаурин молчал. Грудь его высоко и часто вздымалась.

Вот сейчас они действительно похожи на счастливую до умопомрачения парочку.

Она трогает его за лицо, будто собирается поцеловать. А он держит ее за руку. Так заботливо и нежно. И друзьям точно не слышно и не видно, что оба едва переводят дыхание, стараясь не сорваться на высокие тона. До полного взрыва.

ГЛАВА 18

Оранжевый диск солнца уже опустился в море. Небо играло восхитительным буйством розово-фиолетовых красок. Сумерки постепенно захватывали остров в свой плен. Уличные фонари, горящие мягко и таинственно, окутывали побережье золотой вуалью.

Пужинать решили на крытой террасе. Только усевшись за стол, Алёна поняла, как на самом деле голодна. Волнения дня напрочь отбили всякий аппетит, но с урчащим желудком не поспоришь. Приготовленные блюда были невероятно вкусными, потому елись с огромным удовольствием. И потом... чтобы выдержать все, что навалилось, нужны силы. Голодный обморок - не самая лучшая перспектива. Поэтому Алёна ела.

Делать вид, что у них с Шауриным все хорошо, оказалось не такой уж трудной задачей. Особенно, когда все вокруг слегка навеселе. Все, кроме них с Ванькой. В его веселость она не верила, хотя он поддерживал общий смех своим сдержанным и низковатым. И даже шутил, с расслабленным видом развалившись в кресле. Лицо его покрылось ровным румянцем, но ром, который он пил мелкими глотками, не коснулся глаз. Взгляд его был тяжел, как пасмурное грозное небо.

Гера, кстати говоря, ко «всем» тоже не относился. Душой компании не был, держался особняком. Непонятно, зачем он вообще пригласил к себе это сборище, если ни с кем, кроме Ивана, толком не общался. Похоже, что веселился он, прикладываясь к алкоголю и глядя, как веселятся другие.

Алёна за ужином почти не пила. Вино было вкусное, ароматное. Но она оставила бокал, сделав лишь несколько глотков. Боялась, что алкоголь ее расслабит. Снимет такое необходимое сейчас напряжение. А ей нужно быть напряженной и скованной, чтобы не рассыпаться на куски. Она и так уже находилась на грани истерики: вот-вот начнет умолять Шаурина не бросать ее.

Время от времени паника накатывала волной. Поднималась к горлу и выше, накрывала с головой до невозможности дышать. Слова, брошенные в запале, пульсировали болью в висках. Его слова, сказанные с болезненным оттенком злости. Но злость лучше, чем ледяное равнодушие.

Тогда в ход шел самый примитивный прием. Алёна до боли прикусывала кончик языка. Отвлекалась на физическую боль. Просто, но работало, не позволяло расклеиться.

Она не жалела себя, нет. И не злилась на Вику. Предпочитала не тратить душевные силы на такие низменные чувства. Научилась себя беречь. Переживала только над тем, что еще можно изменить. За их с Шауриным будущее переживала, а над прошлым плакать не собиралась.

— Он мне тоже не нравится, — пригнувшись к ее уху, проговорил Гера. — Слащавый он какой-то... подкрашенный весь, подпудренный как баба... Одно слово — румын.

Алёна с недоумением взглянула в его черные глаза. И потом только поняла, что задумалась и не заметила, как замерла взглядом на Косте Татаринове. Он, Валя и девушки решили охладиться в бассейне. Главное, чтобы они, пьяные и чрезмерно веселые, не пошли ко дну.

Наконец до Лейбы дошел смысл сказанного и она, давась смехом, поддержала Гергердта, цитируя фразу из «Брата-2»:

— Так он же болгарин.

— Какая разница?

Алёна снова рассмеялась. Почувствовала, что ее, казалось, беззаботный смех грозит перейти в истерический. Черт подери, еще чуть-чуть и слезы, вой, рев...

Яростно прикусила язык. Но уже не помогало. Начала судорожно искать повод, чтобы покинуть на время это благородное общество. Повод нашелся быстро. На столе не было апельсинового сока. А ей очень хотелось апельсинового сока. Желательно свежевыжатого.

Она ушла на кухню, заодно забрав со стола пару пустых тарелок. Вот только уйти — не значит скрыться.

Разрезая пополам апельсины, старалась не полоснуть по руке ножом.

Иван взял свой стакан и, минуя бассейн, прошел к беседке. В спину прилетели теплые брызги. Кто-то с размаху плюхнулся в воду.

Надо же, как хорошо Алёна держится! Как будто и не прикладывая особых усилий.

Самому даже алкоголь не помогал расслабиться. Растекался по телу приятной истомой, не затрагивая сознание. А Лейба не пила. Хихикала вместе со всеми и не напрягалась. Хотя смех ее ненастоящий, голову мог дать на отсечение. Когда Алёна смеялась искренне и свободно, кончик ее точеного носа забавно морщился. А сейчас она четко рисовала эмоции на лице, словно художник опытной кистью. Усталое дрожание ресниц. Приподнятые в улыбке уголки губ. Ясный взгляд невозможно голубых глаз. И сейчас он безумно ее хотел...

Даже сейчас. Испытывая злость и ревность, зараженный, как вирусом, едкими сомнениями, он все равно безумно ее хотел. Потому что все его существо прониклось ею, пропиталось. И отказаться от этого за несколько часов — нереально. Несмотря ни на что. Невозможно.

На ней были короткие джинсовые шортики и его любимая футболка-тельняшка. Шаурин до сих пор помнил все подробности того вечера, когда в первый раз увидел ее в этой футболке. Как Алёна пришла к нему домой. Как они обнимались. Это было их первое объятие, первое близкое прикосновение друг к другу.

Сегодня на ней снова не было бюстгалтера. Наверяд ли это какая-то уловка. Теперь он уже знал. Его Алёна просто любит свободу. Свободу во всем. Она всегда спит голая и при любой возможности не надевает бюстгалтер. А белье выбирает с особой тщательностью. Она просила не дарить ей нижнее белье.

И он до сих пор помнил, как от нее тогда пахло. Конечно. Он первый раз обнимал ее, конечно, он помнил, как он нее пахло.

Столько встреч у них было. Разных. Интересных. От мысли, что где-то между этими свиданиями она трахалась со своим бывшим, его начинало лихорадить. Кровь закипала.

Шаурин одним глотком уничтожил содержимое стакана, прикрыл глаза и откинул голову на

спинку качелей.

Сначала он слышал тихие шаги, а потом они дрогнули, качели. Не нужно смотреть и так знал, что это Алёна села рядом. Посмотрел на нее, почувствовав, как у него отняли пустой стакан.

Алёна опустила стакан вниз, перекинула ногу через шауринские колени нагло оседлала их. Ваня крепко сомкнул руки у нее на талии, но не для того чтобы обнять, а наоборот — удерживая от объятий.

Она согласна на ссору. Первый раз в жизни Лейбе хотелось грандиозного скандала. Надоела эта игра. Эмоции, которые она в себе так старательно целый день подавляла, все равно брали верх над разумом.

— Вань, к чему этот спектакль? Ради чего? Кого? Ты же можешь позволить себе не заботиться о том, что о тебе подумают другие, ведь так? — припомнила его же слова. — Но зачем-то ты устроил театральную постановку. Ненавижу это. С детства не участвовала ни в какой самодеятельности. Мы все играем какие-то роли по жизненной необходимости. А сегодня зачем?

Шаурин переместил руки чуть выше и сжал ее сильнее. В его глазах зародился прежний злой огонь, но он упорно сохранял молчание.

— Ты не терпишь лицемерия. Кто из нас больший лицемер? Мне вот не нужно притворяться, что я хочу быть с тобой.

Он точно сломает ей ребра. Она вцепилась в его плечи.

— К чему этот разговор?

— Потому что я устала. Не знаю, что ты думаешь. И от этого я устала.

— Оказывается, как это болезненно, да? Когда не можешь достучаться. Мы можем прекратить все прямо сейчас.

Шаурин мог быть невероятно жесток. Злорадная ухмылка на его губах заставила отпрянуть. Дыхание перехватило. Ванька так больно стиснул ее.

— Почему не соврала?

— Что? — спросила с искренним удивлением. Голос наконец вернулся.

Это удивление его порадовало, как какое-то тайное и долгожданное признание.

— Даже не подумала об этом? — усмехнулся Иван. — Она же и сама толком ничего не знала. А ты бы соврала и все.

Алёна прикусила губу. Сначала не знала, что ответить.

Что значить — почему не соврала? А почему люди не врут?

— Не соврала. Потому что мне незачем врать. За свои поступки я всегда несу ответственность. Даже за глупые. Меня никто никогда не защищал, не выгораживал, не заступался за меня. Самой приходилось. Вот тебе говорили, что глупости нельзя совершать даже от скуки. А мне говорили, что я сама по себе глупость. Что мое появление на свет — чистое недоразумение.

Извини, что я мало соответствую твоим идеалам. Я знала, что так и будет.

Она хотела уйти. Уже порывалась встать, но на этот раз Шаурин не позволил.

— Дело не в этом. Есть один маленький, но очень важный нюанс.

— Какой? Скажи.

— Не хочу. Я тоже устал.

— Ты справишься. Ты сильный. Я верю, — еле выговорила Алёна, чувствуя внутри дрожание.

Вот и начала падать. Рассыпаться...

Ваня собрал в кулак футболку на ее плече. Что есть силы сжал тонкую ткань.

— Так тебя надо держать, чтобы ты не творила глупости? Так?

Готовая расплакаться, Алёна зарылась лицом в его шею.

Ее ресницы дрожали, щекоча чувствительную кожу.

Она начала целовать его и не могла остановиться, хотя находиться рядом с ним было больно.

Он не смог оторвать ее от себя, несмотря на то что она стала приносить ему боль.

— Вот как тебя любить? — рыкнул он и встряхнул Алёну. Жесткими пальцами стиснул ее челюсть, вынуждая смотреть в лицо. — Как? Я таких фокусов не заказывал.

— Как можешь. Как хочешь, — горячо шептала она. — Я же ничего от тебя не требую. Никогда не требовала. Заметил? Люби, как можешь. Ты ничего мне не должен. Все только от тебя зависит.

От прикосновений к нему ее тряхнуло возбуждением. Горьким миндалем пахла его кожа.

Она смотрела на его губы горящим взглядом и жадно дышала, чуть приоткрыв рот.

Идеально красивая для него. Божественно сексуальная в мерцании золотистых фонарей. И какая-то беспредельно незащищенная, с распушенными, немного растрепавшимися волосами.

Как можно ей противостоять? Да и зачем? Моя же.

Моя. Знала, как коснуться его. Все слабые места и порог чувствительности. Как поцеловать, чтобы мир отступил. Чтобы Вселенная сузилась до размеров ее зрачка.

Не желая больше противиться своим желаниям, Шаурин опустил руку ей на плечи, и Алёна пригнулась. Приникла к нему. К его губам.

Непереносимое возбуждение в ту же секунду взорвало панцирь напряжения последних часов. Пробило током каждую клеточку измученного тела.

Он поцеловал ее. Сдержанно. Соглашаясь со своими инстинктами, как зверь, пойманный в капкан. Пусть сладость мгновений неразрывного единства хоть немного окупит тьму, неумолимо опускающуюся в душу.

Пусть удовольствие этого приятного момента хоть чуть-чуть затмит ту глупость.

Это была глупость. Так сказала Алёна. Признала и объяснила. Но Шаурин понимал, что эта глупость, кажущаяся такой незначительной на фоне времени и чувств, подкреплённая уверенным тоном, завтра заставит его безумствовать. Безумствовать, стгорая от ревности и недоверия. Снова и снова.

Завтра они объяснятся, начнут все с чистого листа. Или продолжат. Будут спешить, любить, бежать. Разговаривать. Есть, пить. Заниматься любовью. Давиться откровенностью поз и откровениями душ. Но их отношения постепенно превратятся в ад. Потому что он будет безумствовать, воображая на ней чьи-то чужие руки, представляя ее стоны, чужие плечи...

Понятия теперь не имел, как избавиться от этого знания. Как выдрать из своей памяти этот осколок воспоминаний. Не умел. Не было такого опыта. Потому что никого так не любил. Наверное, до нее вообще никого не любил. Вот так точно не любил! Чтобы себя до нее не помнить.

И, наверное, избавиться от этих злых, разрушающих чувств, извивающихся в груди томной и пошлой змейёй, можно только, вычеркнув Алёну из своей жизни. Вместе со своей любовью. Только вместе с ней...

Сердце аритмично сорвалось в гулкую пульсацию. Иван отстранил ее от себя. На расстояние выдоха. Пополз руками по полосатой футболке, мягко захватил грудь. Сквозь ткань чувствовались напряженные набухшие соски.

С едва слышным стоном Алёна подалась навстречу прикосновениям, хватаясь за его плечи, как за единственную опору. От ее стоны по телу пробежала тихая дрожь. Напряжение в паху стало невозможно болезненным.

Они совсем потеряли голову. Забыли, что находятся на глазах у друзей. Хотя, вероятнее всего, никому нет до них дела...

...Это ж надо! Лейба совсем стыд потеряла! Пиявка!

Вцепилась в этого Шаурина, и ничего ее не берет. Хотя на первый взгляд, когда спустилась вниз после разговора с Ванькой, была расстроена. А сейчас они целовались, будто ничего не произошло. Ванька утащил Лейбу в дом. Невтерпеж, видимо...

Так ждала Вика того момента, когда все усядутся за стол. Надеялась увидеть Алёнкины заплаканные глаза. Да и с Шаурина спесь должна слететь. А то слишком высокого о себе мнения. Пусть катится к чертям собачим! Пусть оба катятся!..

В спальню они ввалились. Алёна хмыкнула. Забавное ощущение, когда тобой открывают дверь.

Ваня не отпускал. Держал за лицо. Целовал. Продвигался куда-то вперед, она пятилась, пытаясь не запнуться. И хорошо. Она боялась, что он придет в себя, одумается, снова разозлится и оттолкнет.

Но оттолкнуть, у Шаурина и мысли не было.

Он целовал, погружаясь языком в нестерпимо-сладкую глубину ее рта. Ласкал мягкие

чувственные губы. А сознание двоилось...

Он стаскивал с нее футболку, расстегивал шорты, чувствовал, как в его руках нетерпеливо дрожит ее возбужденное тело, как она, желанная, стонет от каждого прикосновения. И для самой всякая секунда промедления — адская мука. Сейчас она здесь с ним, мучается желанием и принадлежит только ему... Но периферия разума кричала о том незнакомце, который ласкал ее тогда.

И чем сильнее давила злость, тем более жадно целовал он ее губы, уже почти кусая. Почти себя не помня, почти совершив побег от реальности.

Когда одежды на них не осталось, он прижал ее к себе, закипая от соприкосновения с ее нежным обнаженным телом. Потом увлек за собой и через несколько шагов усадил на стол.

Она стонала. Дрожала. Плавилась в истоме. Гладила его плечи, когда он целовал ее шею, оставляя на ней красные следы. Чтобы помнила. Выгибалась, когда ласкал грудь языком и брал в рот набухшие соски. Сходила с ума от его пальцев у себя между ног. Кусала за плечи...

Прижалась мягкими мучительно горячими губами к его шее. Соскользнув со стола, целовала грудь. Оставляла на ней влажные следы. Чуть прикусывала упругую кожу. Спускалась все ниже, к животу...

Ваня запустил пальцы в ее волосы, сжал их у корней, глядя как она целует его, обводит невозможно чувствительную головку языком, слизывает выступившую каплю, и его член скользит меж ее розовых влажных губ. Жгучее, ни с чем не сравнимое по чувственности наслаждение...

Шаурин прикрыл глаза и содрогнулся. Его большое и сильное тело покрылось колкими мурашками.

Но нет, не так он хотел. Сейчас хотел в нее. Глубоко. До самого дна. До боли. Чтобы забыла, что когда-то у нее был кто-то кроме него. Когда-то кто-то...

Он потянул Алёну вверх и развернул спиной, заставляя прогнуться. Она оперлась ладонями на стол, выгнулась. Прижалась к нему ягодицами, уже чувствуя, как его твердая горячая плоть входит в ее тесные глубины. Наполняет острым удовольствием.

Тяжело выдохнула. Так глубоко вошел он. И немного болезненно...

Она едва заметно двигалась вместе с ним. То прижимаясь ближе, то чуть отстраняясь, то сливалась с ним в стремительном порыве, в какофонии дикой страсти и страха.

Страха, что этот раз - последний.

Как она без него? И в этом тоже?.. Кто ее будет так любить? Ее больше никто не сможет так полюбить. Она никому не даст себя так любить.

Их движения становились все резче, исчезла плавная чувственность. Появилась жесткость до боли. Но контролировать это было невозможно. В их сексе всегда было мало осознанного, а сегодня и подавно. Сегодня оба бились в агонии яростной близости. Покрытые страстной испариной и совсем мокрые в точке соприкосновения тел. От удовольствия, вскипающего раскаленным криком и разбивающего стены рассудка при каждом новом толчке.

Он целовал ее спину, сжимал грудь. Чувствовал: подходя к пику наслаждения, Алёна все больше теряла ощущения времени и пространства, слабела. Сильнее выгибалась, опустив локти на стол.

Но когда по ее телу пробежала знакомая дрожь, Ваня остановился. Подхватит ее, безвольную, и уложил на кровать. Хотел видеть лицо, когда она кончит: как мучительно скривятся нежные губы, ресницы дрогнут, а глаза помутит страстная пелена. И он почувствует ее под собой — распахнутую, чувствами наружу, голую, привычно дрожащую от экстаза.

Он лег на нее сверху и чуть перевалился на бок, чтобы глубже войти в нее.

Да... Вот...

Она вздрогнула всем телом, разбиваясь в сладких судорогах, разом срывая с себя остатки напряжения. Громко застонала, отчаянно хватая его плечи и царапая спину...

— Кажется, Мурка, ты на седьмом небе? — хриплым шепотом.

— Уже упала...

...Рассветное солнце пронизывало комнату, освещая скомканные простыни. Алёна открыла глаза, но не пошевелилась. Как кружится и болит голова. Все тело болит.

Они с Ванькой заснули на разных концах кровати, а проснулись рядом. Она прижималась спиной к его груди, он обнимал ее за плечи. Привычка.

Не двигаться, почти не дышать, продлить бы момент близости.

Но вот дыхание его изменилось — Шаурин проснулся. Убрал руку и лег на спину. Алёна сделала вид, что спит. Но так пекло в глазах...

...Вот и настало время поговорить.

Но они молчали. Сидели у Алёны на кухне, чинно устроившись за столом друг напротив друга с чашками кофе. И молчали.

Кофе давно остыл, а разговор все не клеился. В этом холодном безмолвии никому не пришло в голову проронить шутку, поиронизировать или сказать что-то другое важно-неважное. Среди тысячи слов никак не находилось правильное.

— Вань, если ты сейчас хочешь все сломать, то проваливай, а если сказать что-то другое, то говори. — Никак не могла произнести вслух «расстаться». Это слово камнем застревало в горле.

Шаурин поднял на нее тяжело темнеющий взгляд.

— Прямо вот так?

— Прямо вот так, — с видимой уверенностью сказала она. Внутри все оборвалось. — Потому что, если ты сейчас все разрушишь, а потом одумаешься и захочешь вернуться, я тебя не приму. Буду подыхать без тебя, а не приму. Не смогу. Я трусиха. У меня просто не хватит ни смелости,

ни храбрости, ни сил вляпаться в отношения с тобой второй раз. Теперь-то я знаю, каково это... Я не смогу начать все еще раз. Так что уходи, слышишь? Уходи сейчас молча. Чтобы у тебя была возможность вернуться как ни в чем не бывало. Можно без цветов. Иди подумай, приходи, когда у тебя будет, что мне сказать. — Алёна вскочила со стула и вскинула руку, указывая в сторону двери. — Уходи! Вчера ты не хотел разговаривать, а сегодня я не хочу! Я сейчас не хочу с тобой разговаривать! — громко чеканила она. У нее начали дрожать руки. Кажется, Шаурин и не думал подниматься. Тогда она ринулась к входной двери. Открыла ее настежь и застыла, упрямо скрестив руки на груди и моля про себя: только бы Шаурин ушел молча.

Он ушел молча. Она захлопнула дверь.

— Все будет хорошо, — прошептала. Зубы стучали.

Тогда Алёна снова поспешила на кухню, чтобы бахнуть себе в стакан двойную — нет, тройную! — дозу успокоительного. Да, теперь у нее дома снова появилось успокоительное.

Ваня все простит. А может и не простить. Он поймет все, но может и не понять.

Только бы не уронить бутылек. Господи, как противно пахнут эти капли...

Он вернется. А может и не вернуться. Это же Шаурин.

Пять, шесть, семь...

Одного он точно не поймет. Какую высокую ставку она сделала, отпустив его вот так.

Черт! Сбилась. Да и хрен с ним, сколько там получилось...

Поставила на кон свою душу.

ГЛАВА 19

Света нетерпеливо нажала дверной звонок. Алёна открыла сразу, как будто стояла за дверью.

— Светочка, ты проходи пока, а я в душ на пять минут. А то я с дорожки, — быстро проговорила она. — Только тебя ждала, чтобы потом из душа не выпрыгивать.

Алёнка после продолжительного бега была мокрая и разгоряченная. Щеки алели, пот с висков катился градом.

— Конечно, давай, — согласилась Света, вытащила из сумки коробку с заварными пирожными и прошла на кухню.

Там она поставила чайник. А когда он вскипел, заварила чай. Чистый и сухой заварник стоял на столе рядом с хлебницей. Девушка накрыла его чистым вафельным полотенцем и осмотрелась. Потом, не стесняясь, прошла по комнатам, заглянула в спальню. Вернулась на кухню, разлила чай по чашкам, выложила на тарелку пирожные, расставила все на широком обеденном столе и стала ждать подругу.

Странное ощущение как будто жизнь в этой квартире остановилась. Замерла. Все разложено по полочкам, все на своих местах — ни пылинки, ни соринки. Но это не порядок, не чистота, это — неподвижность. Мертвое оцепенение. Такое чувство, что чайник заваривается, только когда приходит Света. Полотенце это, белое с красными вишенками, неизменно висит на

крючке сухое и чистое. Или у Алёны двадцать таких полотенец? На плите, как всегда, ни одной кастрюли. Словно не человек в этой квартире живет, а привидение. Алёна, конечно, аккуратная, но раньше можно было заметить брошенный на кровати халат, книгу на диване, невымытую чашку в раковине. А теперь все идеально. Не по-человечески. У всех нормальных людей есть дома пыль! А здесь как в музее.

Алёна хоть что-нибудь ест?

Света открыла холодильник. Да, так она и думала. Как говорится, мышь повесилась.

— Ревизию проводишь? — Алёна зашла на кухню. С довольным вздохом устроилась на стуле и подвинула к себе чашку с дымящимся чаем. Вкусно пахло бергамотом и ванилью. — О-о-о, Радченко, ты как раз вовремя со своими пирожными.

— Блин, я же на знала твоего расписания. Ну, потом съешь.

— Чего это потом? Я же бегаю не для того, чтобы похудеть.

Алёна бегала, чтобы устать. Изводила себя, изматывала, чтобы сил не оставалось даже на мысли. Хотя никакая телесная усталость и даже физическая боль не затмит сердечную. Ту самую - душевную. Леденящую.

Она залепляет глаза и уши, мешает дышать. Ты глохнешь, слепнешь. Тянешь вперед руки, продираясь через плотные слои повседневности и липкие, целлофановые будни, чувствуя, как сквозь привычные, смешные и упрямые истины ясно проступает пустота.

— А ты ничего... Я думала все хуже будет...

Света помнила, в каком Алёна была состоянии в первую неделю после ухода Вани. Она не плакала нет, но была похожа на безэмоциональное и бесплотное существо. Не на человека, а на существо. Уже три недели прошло, и, кажется, подруге полегчало. По крайней мере, сейчас с ней можно разговаривать.

— Если я не катаюсь по полу в истерике, соплях и слезах, это не значит, что мне сейчас не паршиво до обморока. Если я не разбиваю чашку, а пью из нее чай, это не значит, что мне уже легче. Или хорошо. Мне сейчас так... что хуже просто не бывает. Но я не ребенок и не утрирую свою боль, демонстрируя всем разбитые коленки. Я не прошу сочувствия, как награду за свою терпимость. Мы все разные, и не надо навязывать мне свои эмоциональные штампы! И я не жду понимания! Я просто хочу оставить свою боль - себе. Я же имею на это право — оставить мою боль в себе? Она все равно несоизмерима. Можно я оставлю ее себе!? Ну, не могу я лежать в постели и плакать. Не могу!

Был такой момент. Алёна тоже лежала в постели, придавленная высокой температурой и жутким недомоганием. На фоне общего состояния организма, да еще с такими тяжкими переживаниями и мыслями, тогда казалось, что не выбраться ей из этой ямы никогда. Последующие дни высвечивались смертельной бесконечностью. Конец был бы лучше. Но конца и края своим страданиям она не видела.

— Прости, — тихо сказала Светлана, наконец нарушая тишину.

— Это ты меня прости. Я погорячилась. Ты только не обижайся, я ни в коем случае не хотела тебя обидеть.

— Я не обижаюсь. Просто ты такой гений, и к тебе невозможно привыкнуть. — Света потянулась и обняла подругу. С чувством прижала ее к себе. — И я за тебя беспокоюсь, ужасно переживаю.

Алёна ответно и благодарно сжала ее в объятиях.

— Я убогий художник, хающий свою собственную картину. Потому что эта картина мешает мне жить. Ваня тоже ждет от меня эмоциональных штампов. Я знаю. Мы все привыкли на них ориентироваться. Они как симптомы болезни. Так проще понять. А я никак не могу им научиться.

— А говоришь, что не можешь научиться, — улыбнулась Света, — по-моему у тебя уже получается. Прокричалась - легче стало?

— Легче, — хмыкнула Алёна, чувствуя, как начинает болеть голова. — Значит, я не безнадежна.

— Не безнадежна. А на Ваню я злюсь. Сильно злюсь.

— Почему? — улыбнулась Алёна.

— Потому что, — буркнула Света. — Вот ведь!.. — всплеснула руками. — Так и хочется назвать его...

— В тебе говорит женская солидарность. Но не обижай моего Ваньку.

— Ой ли... самой паршиво, а она его защищает. Я вот когда с Игорем ругаюсь, мне охота всем на него пожаловаться. Просто я всегда и везде за тебя.

— Никому нельзя плохо говорить про Ваньку. Не позволяется, — пригрозила Алёна подруге.

— Блин, Алён, ну не верю я, что ты не видишь никакого выхода из этой ситуации. Я так за вас переживаю!..

— Я тебе говорила, какие у нас выходы. И любой из них будет совершенно логичным для Шаурина.

— А для тебя? Ни за что не поверю, что у тебя нет решения вашей проблемы. Ты сколько раз меня из болота вытаскивала. Мне кажется я без тебя никогда бы Игоря не поняла. Ты же все знаешь! И Ваньку своего знаешь как облупленного! Я просто поверить не могу, что ты согласилась просто плыть по течению! Ну!..

Алёна тяжело вздохнула. Кивнула с осторожностью, словно боялась сказать лишнее слово.

— Есть, конечно, способ. Знаю я... Но это надо продрать Шаурина до самой изнанки. У меня не хватит духу, это же как себя... Пусть он лучше сам. Сам придет к какому-то осознанию, — монотонно проговорила Алёна.

— Ладно, — вздохнула подруга, — тебе виднее. Но я бы не смогла вот так сидеть на месте.

— Так и я не могу, — горько усмехнулась Алёна. — Видишь, все бегаю и бегаю...

— Пойдешь завтра с нами в «Барракуду» или снова дома запрешься? Вся компашка соберется, весело будет. Ну, кроме Вани. Он еще не вернулся. Игорь бы мне сказал.

— Пойду, раз соберется вся компашка и будет весело. А Вика?

— О, нет! Если она нарисуется, я ее лично удавлю.

— Тогда точно пойду.

С самого начала субботнего вечера, который компания проводила в ресторане «Барракуда», Алёну не покидало ощущение дежавю. Наверное, потому что сегодня они заняли тот самый столик, за которым сидели, отмечая помолвку Радченко. В тот день они с Ванькой познакомились. А потом в этом же заведении праздновали девичник. Ближе всех к Алёне снова оказался Татарин. И даже Максим Журавлев пришел, с которым она тоже была знакома, но сталкивалась всего пару раз. Слава богу, Вика не появилась. И не было Шаурина.

Но даже зная, что Вани нет в городе, Алёна ничего не могла с собой поделать: в душе царило стойкое ощущение, что он придет с минуты на минуту. Его здесь не хватало. Да и вообще... Его ей не хватало как воздуха.

Поэтому, когда в начале зала показалась высокая шауринская фигура, это не стало неожиданностью, хотя дернуло, как током.

Он не спеша двигался по проходу, огибая огражденные зоны. Миновал бар. Алёне представилось, что сейчас откуда-нибудь вылетит та неловкая официанточка и вновь обольет его томатным соком. Даже пиджак на Ваньке был серый, только темнее, графитного цвета, а футболка черная. Как же ему идет черный... Но сегодня обошлось без происшествий, Иван благополучно подобрался к их столику.

И вот он — самый отвратительный момент...

Шаурин поздоровался под общий радостный гомон и шуточки. Занял свободное место, по иронии судьбы, на другом конце стола напротив Алёны, и все поняли: что-то не так. Наступила тишина. Друзья переглянулись и с плохо скрываемым любопытством начали посматривать то на Ивана, то на Алёну. Только Игорь со Светой вели себя адекватно, потому что были в курсе теперешних противоречий.

Как гадко стало на душе. Противно. Эта минута тошнотворной неловкости ранила сильнее, чем три недели одиночества и равнодушие Шаурина.

Но скоро разговор вернулся в свое обычное непринужденное русло. Внимание к их персонам постепенно сошло на нет. Однако неловкость, что душила Алёну в первую минуту при встрече с Иваном, никуда не исчезла. Осталась с ней, свернувшись в желудке тугим узлом.

И знала же прекрасно, что первая встреча будет самая тяжелая. И в ней точно будет мало радостного. Но все оказалось намного ужаснее. Самое худшее — это после такого перерыва, все еще находясь в подвешенном состоянии, в неопределенности, встретиться вот так на людях.

Убивало. Убивало всякую надежду на что-то хорошее. Вместо этого разочарование обнимало за плечи, и тянула руки застарелая боль. Почти невозможно вынести это под чужими взглядами, потому что нет возможности использовать привычные способы борьбы со своей слабостью. Тут не проорешься в подушку и не глотнешь двойную дозу успокоительного, разве что еще один бокал вина... Главное, не расплакаться.

Алёна за все это время один раз и плакала. Через день после Ванькиного ухода. Тогда он

позвонил, чтобы справиться о ее самочувствии. А она лежала с температурой. У нее болела голова, и чувствовала Алёна себя будто при смерти. Почему Шаурин позвонил, непонятно. Может, Света рассказала о ее болезни, может по какой другой причине. Наверное, Света... А Шаурин, разумеется, не мог не позвонить, он же уверен, что если Алёне не напомнить, то у нее самой не хватит ума выпить таблетки. Сказал, если что, приедет отлупит. Это было очень эмоционально. Потом Алёна долго плакала и с трудом успокоилась. Болезнь. Долбанная акклиматизация.

Сейчас снова боялась, что не сдержит слезы и расплачется. Не от обиды и горечи. От одного взгляда на Ваньку. Ему даже говорить ничего не нужно, чтобы довести ее до слез, даже смотреть не нужно, а просто быть рядом.

Вот он, Шаурин, сидел перед ней, ее Ванька. И как будто уже не ее. Улыбался знакомой и в то же время незнакомой улыбкой. Нет, он не демонстрировал равнодушие, не сидел с непроницаемым видом. Он был спокоен и уравновешен, хорошо владел собой, разговаривал, не выдавая ничего лишнего и обличающего. В общем, вел себя так же, как в тот день, когда они познакомились. Точно чужой ей. Незнакомец. И это было ужасно. Ни тогда, ни сейчас Алёна понятия не имела, что творится у него в голове.

Они словно вернулись к нулевой отметке и нужно все начинать с начала. А это... это кажется невозможным. Столько всего между ними произошло, столько они пережили. Поневоле теперь задумаешься: а было ли?

Алёна все смотрела на Ваню и не пыталась отвести глаза. Чем чаще они ловили взгляды друг друга, тем плотнее как будто становился воздух, и сгущалось напряжение.

Только ей кажется, что в помещении ужасно душно и практически нечем дышать? Спина взмокла. Ладони становились то обжигающе горячими, то холодными, как лед.

Каждая минута выворачивала наизнанку. Но наконец Алёна перехватила этот взгляд. Хорошо ей знакомый. Когда Шаурин отводил глаза, на секунду концентрируясь на каком-то предмете, а потом снова возвращался к собеседнику.

Он злился. Он очень злился.

Это понимание принесло необыкновенную легкость. Пусть злится. Хоть какие-то эмоции. Человеческие. Возможно, Шаурин тоже не знал, что она будет здесь. Может быть, его так же, как и ее, не устраивала такая первая встреча. Или он вообще больше не хотел ее видеть...

Улучив удобный момент, Алёна улизнула в дамскую комнату, прихватив с собой Светку. Хотела сказать ей, чтобы та не смела третировать мужа. Заметила: когда Ваня появился, Света бросила на Игоря испепеляющий взгляд. Не хватало еще, чтобы они поругались. Вряд ли в появлении Шаурина нужно искать двойной смысл, предполагая, что это все как-то и зачем-то подстроено. Игорь едва ли будет заниматься подобными подковерными играми. Это не в его стиле.

Света вняла ее просьбе, пообещав не пилить Радченко.

Вернуться в зал девушки не успели. Шаурин стоял у входа и разговаривал по телефону. Алёна сразу поняла, что вышел он не случайно и дело не в телефонном звонке. Заметив ее, он тут же прекратил беседу. По его взгляду Лейба поняла, что ей нужно задержаться, и остановилась в двух шагах от него.

— Я хочу, чтобы ты ушла, — выдал он с ходу.

Алёна уже не удивлялась такой его манере начинать разговор. Действительно, зачем лишние слова.

Есть масса вариантов, как ответить. Например, предложить уйти самому, если ему неприятно ее общество. И добавить, что не все в жизни происходит, как того хочет Шаурин.

Но какой смысл в этой дерзости? Кажется, никакого. Сейчас точно нет никакого смысла дерзить, противостоять и вступать в новый конфликт. Еще не определены позиции. И как видно, Ваня пока не готов что-то определять. А спросить у Алёны язык не поворачивался.

Теперь она много чего не могла у него спросить. Как самом начале отношений.

Но тогда они умудрялись разговаривать не откровенно, но открыто. А теперь никак.

Тогда многое можно было прикрыть игрой слов, иронией. А сейчас невозможно.

Теперь все обнажено донельзя. Игра давно закончилась, и каждое слово как удар по оголенным нервам.

Лучше правда уйти. Зачем насиловать себе сердце. Не надо насиловать сердце...

Алёна развернулась и пошла прочь. Не сказала ни слова. Клатч с собой, а плащ в гардеробе. Свете она позвонит чуть позже.

Шаурин провожал ее взглядом. А Алёна резко повернулась и посмотрела на него. От ее взгляда дыхание перехватило, но он вернулся в зал и прошел к столику.

— ...разбежалась значит наша парочка. Недолго музыка играла! — засмеялся Татарин.

— Это не твое дело. Заткнулся бы ты лучше... — зло проговорила Света.

— Вот жадный Шаур, надо было оставить Алёнку мне...

Наконец Татарин заметил неестественное молчание, что воцарилось за столом, и взгляды друзей, направленные за его плечо. По спине поползли колкие мурашки. Костя медленно повернул голову. Шаурин стоял позади него. И вероятно все слышал.

Валет сжал подлокотники кресла, четко понимая, что сделать уже ничего не сможет. Не успеет вмешаться. И оказался прав.

Шаурин выхватил Татарина из кресла, будто тот ничего не весил, и швырнул об пол. Костя, крепко ударившись затылком, по инерции проехался чуть дальше, притормозив в ногах у гостей с соседнего столика.

— Тебе?.. Да я тебе глотку вырву, если ты еще хоть раз посмеешь выдохнуть ее имя. Лежи, не вставай, а то я тебя нах*й угроблю этим стулом, — зло прорычал Шаурин, потом круто развернулся и пошел к выходу.

В его сторону уже спешили охранники. Но они замерли на полпути, поняв, что конфликт исчерпан.

— Алёне ничего не говори, — жестко сказал Игорь жене. — Не добавляй проблем.

Света, все еще находясь в шоке, послушно кивнула.

— Конечно, — согласилась, не зная, что ее больше шокировало: то, что Шаурин чуть не прибил Татарина в ресторане у всех на глазах, или, что он матерился.

ГЛАВА 20

Приехав из ресторана, Алёна выпила успокоительное и легла спать, думая лишь о том, что воскресенье пролетит незаметно, а в понедельник она сбросит с плеч все лишние эмоции и погрузится с головой в работу, найдя для себя ту тонкую грань, где кончается профессионализм и начинается творчество.

Начало недели прошло именно в таком ритме, а в среду ее ждал сюрприз. Алёну уволили. Так сказать, уговорили разойтись по соглашению сторон, мягко намекая, что выхода у нее другого нет — работать ей спокойно все равно не дадут. Она, оглушенная новостью, невозможно уставшая за три недели бесконечного напряжения, на все согласилась. Что-то выяснять, противостоять, сил не было. Правда шауринский субботний выпад теперь обернулся другой стороной. И мысли сами полезли в голову. А вдруг...

На звонок Шаурин ответил не сразу, а только с третьего раза. Но если бы понадобилось, Алёна и раз сто бы его набрала.

И плевать с высокой башни на его занятость!

— Да, Алёна.

Приветливое безразличие в его низком голосе ни капли не удивило, но взорвало. Хотя сегодня ее и нежный шепот взорвет, и даже молчание.

— Ты совсем охренел?! — вскричала безо всякого приветствия, совсем сейчас не до реверансов. Переживет как-нибудь Иван Царевич. — Ты что о себе возомнил!

— Подожди, — внушительно попридержал он ее пыл, и Алёна дрожаще вдохнула, набирая в легкие жаркий воздух городской улицы.

Шаурин, наверное, там опешил от ее истеричного выпада. Еще бы! Такого ни разу от нее не слышал. Дождася! Да и проораться как следует повод есть. У всех свой предел, она тоже не железная.

В трубке ясно слышались голоса и какой-то посторонний шум. Потом что-то гроыхнуло, похоже, дверь захлопнулась. Стало тихо, и Ваня, теперь уже с явным раздражением и странной готовностью выслушать ее вопли, сказал:

— Продолжай. На чем ты там остановилась.

— Меня сегодня уволили!

— Очень скорблю по этому поводу. Только какое я к этому имею отношение?

— А что - нет?! Твоему Величеству мало, чтобы я просто исчезла с поля зрения, хочешь меня совсем со свету сжить? Прямо удивительно, как это я своим недалеким умишком смогла связать наш последний разговор и увольнение! Это же только ты у нас мастер по причинно-следственным связям. Действительно, удивительно! — саркастически изливалась она, не

замечая внимания прохожих.

Завизжали тормоза машины, ухо резанул яростный рев клаксона. Алёна отскочила на тротуар и замерла, не отнимая телефон от уха. Покрывшись ледяной испариной, словно на землю вернулась: плечами почувствовала палящее солнце, глазами выхватила из текучей людской толпы недоуменные взгляды.

— В гробу я тебя видела, Шаурин, и в зернах бурмицких, — тихо сказала и выключила телефон. Хотя так недолго и самой в ящик сыграть. Совсем разум потеряла, как ослепла, выскочила в запале на проезжую часть, чуть не попав под машину.

Сунув телефон в сумку, Алёна перекинула длинный ремешок через плечо и быстро пошла домой. Куда еще? Домой. Чтобы в одиночестве наглотаться соленых слез и наораться в подушку. Почти бежала, благо босоножки на плоской подошве позволяли. В прихожей на диване бросила сумку и ключи, поспешила в ванную, посмотрела в зеркало, неровными движениями вытерла мокрые щеки. Все молча, без всхлипов и стонов. Ринулась с спальню, чтобы скинуть с себя одежду. Разделась, сбросила все и, оставшись в одном белье, начала метаться по комнатам, словно забыла, что должна сделать. Никак не могла выбрать, что на себя надеть, будто от этого что-то теперь зависело; а взявшись за чашку с чаем, осознала, что ни пить, ни есть, не может. Носилась по квартире не в силах усмирить колотящееся сердце, трясущимися руками вытирала слезы. И силой воли соскребала со скулящего разума остатки здравого смысла.

Понятно, что без работы она не останется, у нее и опыт, и имя. Но чтобы вот так в одночасье выбить почву из-под ног...

Дверной звонок ударил в виски тупой болью. Алёна пружинисто соскочила с дивана. Она и чувствовала себя скрученной до отказа пружиной, кажется, лишь капли, чтобы сорваться, не хватало. Понеслась к двери, уже в прихожей притормозив. Да и то, потому что увидела в темной дверце гардеробного шкафа свое отражение. Себя увидела в лифчике и трусиках. А рванула так по привычке, потому что последнее время только одному человеку открывала дверь. Его могла и голой встретить. Но то было раньше. Черт подери! Вернулась в спальню, натянула шорты, нырнула в первую попавшуюся майку.

Дверь открыла с внутренним ожиданием Шаурина, а как увидела, так захотелось его за порогом оставить, а самой на все замки закрыться. Доли секунды не хватило, он, разумеется, не стал спрашивать разрешения войти, вломился, силой толкнув дверь, так что Алёнка отлетела назад.

Думала, что Иван с порога начнет орать, но нет. Он быстрой собранной походкой проследовал за ней в гостиную и застыл перед диваном, на который сама Алёна забралась с ногами. Сначала долго и пристально Шаурин изучал ее заплаканное лицо. Потом его подбородок чуть поднялся вверх, губы сильнее сжались, и на лице мелькнуло высокомерие.

— Объяснись.

— А что объяснять? Я тебе сказала: меня сегодня уволили. — Слава богу, что голос не дрожал!

— И ты решила, что я этому как-то поспособствовал?

— А что - нет? — оцепенело замерла, с трудом выдерживая его яростный взгляд.

— Страсти-то какие. Нет! — сказал, как заклеимил.

— Нет? — не веря, переспросила она. — Тогда я вообще ничего не понимаю... — запустила пальцы в светлые волосы, затем потерла горящие щеки. И тут же остановила себя, запретила делать эти бессмысленные движения.

Ваня шевельнулся, подался немного вперед, Алёна, напротив, попыталась вжаться в мягкую спинку дивана.

— И у тебя на работе не было проблем? — опасно вкрадчиво начал выяснять подробности конфликта.

— Никаких.

— Ни выговоров, ни жалоб? Ты не нарушала этический кодекс?

— Нет.

— И твое руководство, как я понимаю, совсем не волнуют возможные проблемы с трудовой инспекцией и прочими службами?

— Это у меня будут проблемы, если я завяжусь с трудовой инспекцией или подам в суд, или еще что-то предприму. Я потом не смогу никуда устроиться и вообще работать по профессии. Ты прекрасно знаешь нашу специфику. Удалят из реестра психологов и аминь.

Его напускное спокойствие сошло. Он побагровел, ринулся к стеллажу с книгами, нашел там какую-то тетрадь и карандаш.

— Пиши, — швырнул ей то, что взял с полки.

— Что? — непонимающе посмотрела на него.

— Полное название вашей конторы. Кто руководитель.

— Зачем тебе?

— Пиши!

Алёна не притронулась ни к листку, ни к карандашу.

— Пиши и не трать мое время, или я сам узнаю! — оглушил ее криком, и она, раскрыв тетрадь, тут же нацарапала все, что он просил, матерясь про себя, что рука у нее дрожит. Разумеется, это дрожание от Шаурина не укрылось. Едва поставила точку, Иван выхватил у нее листок и несколько раз пробежался глазами по строчкам. Выдохнув, достал сотовый. Набрал номер и, пока шли гудки, снова перечитал написанное. Когда ему ответили, отбросил тетрадь.

— С Олегом Николаевичем меня соедините, — уверенно сказал он. — Шаурин... Иван Денисович. Подожду.

Показалось, или у него в телефоне что-то прозвучало про «приемную губернатора»?

Шаурин не стал разговаривать при ней, вышел на лоджию и прикрыл дверь. Алёна только слышала его гулкий голос. Иногда смех. Такой выученно-мягкий заготовленный смешок.

Показалось, что разговаривал он целую вечность. Когда вернулся, был спокоен.

— Твое начальство там подохренило маленько, да, Мурка? Ничего, сейчас минут через пятнадцать-двадцать тебя пригласят обратно. Можешь даже повыделываться, пусть поугovarивают. — Остановился перед ней, поглядывая на телефон и держа его так, словно готов поднести трубку к уху. Как будто звонка ждал.

— Ты надеешься такой вопрос решить за пятнадцать минут? — удивилась она, чувствуя, как отвратительно уютно стало находиться с ним в одной комнате после того, как он назвал ее Муркой.

— Я не надеюсь, я решу. Иначе ваша шарашка исчезнет с лица земли.

— Кому ты звонил? — голос ее совсем стих. — Ты же не Крапивину звонил?

— Почему не Крапивину? — усмехнулся он.

— Зачем?

— Как - зачем? Кто-то, имея проблемы, звонит знакомому гаишнику; а я, когда у меня неприятности, звоню знакомому губернатору.

— Ваня, это слишком... Я все равно теперь не смогу там работать, — выдохнула она шокировано.

— Кому слишком - тебе? Мне - нет. Или ты так и не поняла, с кем встречалась? И ты будешь там работать! Я человека побеспокоил, оторвал от дел! Потому ты будешь и дальше там работать! Можешь не переживать, для тебя теперь вообще все дороги открыты, с тебя будут пылинки сдувать и рта не посмеют против открыть.

— Да я не хочу!.. — Ее затрясло. — После всего этого маразма!

— Тогда какого черта ты меня дернула? — рявкнул.

— Я дернула? — удивленно воскликнула. — А разве я просила решать мои проблемы? — принялась защищаться, хотя прекрасно знала, что Шаурин не из тех, кого можно утопить одним веским доводом. Он и сам может долго водить по кругу, а потом все равно ловко загонит в угол.

— И правда не просила, — подумав, согласился он и улыбнулся холодно. — Что вполне объяснимо, ведь правда? Это же, как ты тогда сказала, паттерн. — Снова улыбнулся и продолжил издевательски. — Доктор, тебе ли не знать, как непросто ломать устоявшиеся схемы поведения. Тут не обойтись без квалифицированной помощи. А если клиент не настроен на глубокую личностную проработку, то это практически невозможно, да? У тебя майка шиворот-навыворот, — вдруг сказал он.

— Что?.. — принялась осматривать себя.

Твою ж мать... И правда напялила белую майку швами наружу. Пальцы дрогнули: снять бы ее да вывернуть, надеть как положено. Но не при нем же теперь раздеваться, но и уйти в другую комнату себя заставить не могла.

— Когда ты меня потеряла, ты так не убивалась, не ревела, как сейчас из-за своего увольнения, — сказал напряженно.

То, что не ревела, правда. Все эти дни не ревела, а сегодня словно прорвало. Думала, с ума сойдет.

— Ты спросил... или думаешь, что я так и не поняла, с кем встречалась. Я поняла. С первой секунды поняла. В том-то и дело, Ванечка, что встречалась я с тобой. С тобой! Не с сыном Шаурина, не со знакомым губернатора, а с тобой! И если ты этого не понял, то тогда... — Ее пылкая речь оборвалась. Алёна заикнулась и сглотнула. Горло перехватило.

— Тогда - что? Ну? Договаривай, — мягко подтолкнул он. Она молчала, только вздыхала глубоко, словно воздуха не хватало. — Самое примечательное, что вопрос: «Почему ты со мной встречалась?» для нас неактуален. Главное, как ты со мной встречалась. Хочешь я расскажу тебе - как?

Их прервал телефонный звонок, которого ждал Иван.

— Да... премного благодарен... Конечно... Я передам... Обязательно... — Шаурин положил трубку и снова обратился к девушке своим взглядом. — Теперь жди. Скоро тебе позвонят и скажут, что произошло жуткое недоразумение.

Телефон... Куда она его дела?

Алёна поерзала на диване, порылась между подушками. Ах, да, он остался в сумке. Пришлось сходить за ним в прихожую. Там она содрала с себя майку и надела ее лицевой стороной. Потом достала мобильный из сумки и вернулась в гостиную.

— Извини, Ваня. Я была не права. Просто я... — усаживаясь в угол дивана Алёна подавленно умолкла, не зная, как определить свое состояние. Обладая солидным словарным запасом, не могла подобрать слово, которое бы могло выразить всю глубину ее переживаний. Такого не существовало, поэтому она просто тяжело выдохнула, стараясь взять себя в руки.

Шаурин вдруг взял ее мобильный. Снова достал свой и позвонил. На дисплее телефона высветилось его имя. Он ненадолго задержал телефон перед ее лицом.

— «Шаурин Иван»! Вот так я у тебя записан!

Алёна смотрела непонимающим взглядом.

— И что? — И сама прекрасно знала, как он у нее записан. Что это за демонстрация?

— Почему не «Ваня», «Царевич», в конце концов?! Написала бы «Твою-Мать-Величество»! Как ты меня еще называешь...

— Какая разница, как ты записан у меня в телефоне?

— Огромная! Потому что, — скользнул пальцем по экрану, листая телефонную книжку, — у тебя все так... «Павлова Света», «Радченко Игорь»... — назвал он еще несколько имен.

— У меня много контактов, я люблю порядок и мне удобно ориентироваться по фамилии.

— Нет, это не из-за любви к порядку. А потому что у тебя, как в том фильме, — чтобы никто не догадался! Не дай бог тебе определиться!

— Да что ты придрался к моему телефону! — Вырвала свой мобильный из его рук.

— Потому что с этого все начинается. Вот с таких мелочей. И везде так. Во всем. То у тебя семинар, то конференция... у меня в квартире нет ни одной твоей вещи. Ничего. Как будто тебя в моей жизни нет. Ты уходишь так, словно больше не вернешься. Вот так ты со мной встречалась! Ты всегда была одной ногой за порогом. Так может стоит уже шагнуть и не играть в прятки!

— Я не понимаю, что тебе от меня надо! Я всегда и везде была с тобой. Всегда и везде!

— Последнее время, да. Я знаю. Вот это меня и остановило. Но жить со мной ты не захотела.

— А теперь попробуй убеди меня, что, отказавшись, я поступила неверно. Мне бы уже через две недели пришлось собирать вещи, — задумчиво проговорила она.

— А кто в этом виноват?

— Не напоминай! По этому поводу мы уже разговаривали! Не знаю, что еще нужно сказать, чтобы ты успокоился! — Алёна в отчаянии подняла голос.

— Я прекрасно помню твои объяснения — все, что ты мне сказала. Только самого главного я не услышал. Потому и спрашиваю: стоит ли оно того, чтобы продолжать?

— Ваня! На этот вопрос ты сам себе должен ответить. Это ты у себя спроси! Тогда что-то решится. А я тебе все сказала. Хотя... — Алёна перевела дыхание, — мне кажется, что ты уже выразил ко мне свое отношение.

— Каким образом? — невозмутимо поинтересовался Шаурин.

— Ах, тебе напомнить? В прошлую субботу!

— А я как-то выразил к тебе свое отношение?

— Ты не хотел меня видеть, сказал, чтобы я ушла, — тихо сказала Алёна.

— А я сказал, что не хочу тебя видеть? Я так сказал не потому, что не хочу тебя видеть. — Пригнулся к ее лицу, уперевшись ладонями в спинку дивана. — Мурка моя, я тебя так хочу, что надо было, чтобы ты свалила из этого гребаного ресторана!

Пару минут назад он пронаблюдал, как она сняла и надела майку. От вида ее обнаженной спины закружилась голова.

Никак не доходил до разума смысл сказанных им слов. Алёна уже ничего не соображала. Беззастенчиво Ваня скользнул по ней взглядом, посмотрел в сторону спальни и вернулся к ее лицу. Она тут же отпрянула, вжавшись в спинку дивана.

— Вот-вот, — наконец выдал он что-то похожее на улыбку. — Мне тоже кажется, что это будет как-то неправильно. Ты же ждешь от меня чего-то определенного и конкретного. А я тебя три недели не видел. Какие у меня могут быть мысли в голове? Ни одной здоровой.

— А почему ты сам тогда не ушел? — Лицо у нее горело.

— Логично - почему, — спокойно ответил он. — Ты не любишь театральные постановки. Потому уйти нужно было тебе.

— Как я у тебя записана в телефоне? — неожиданно спросила она, и Ваня распрямылся,

оттолкнувшись от дивана.

— А какое теперь это имеет значение?

Он посмотрел на часы. Видимо, разговор окончен. Алёна без лишних слов поднялась, чтобы проводить его.

Распахнув входную дверь, она отошла чуть в сторону, но Ваня вместо того чтобы шагнуть за порог, резко надвинулся на нее. Алёна отскочила к стене и замерла, не поднимая глаз выше уровня его подбородка. Сердце колотилось как бешеное. Наверное, даже Ванька слышал. На губах его наметилась улыбка.

Алёна опустила глаза в пол и потерла кончик носа.

— Шаурин, убирайся отсюда к чертям собачьим. Сейчас же.

Он ухмыльнулся. Она звонко закрыла за ним дверь и обессиленно прислонилась к ней спиной.

Книга предоставлена группой в контакте "Ольга Горová и другие авторы журнала САМИЗДАТ"

<http://vk.com/olgagorovai>

(Ксения Авдашкина)

ГЛАВА 21

Алёна глянула на часы. Почти два ночи.

Не думала, что так задержится. Не заметила, как засиделась. Расслабилась, разговарившись с друзьями, тем более разговоры все такие не напрягающие, в стиле «хороша я, хороша». О чем еще могут говорить бывшие одноклассники, встречающиеся раз в год?

Сама она, как обычно, обходилась кругленькими неопределенными фразами. Хвастаться нечем, у нее из года в год ничего не менялось. Ну, в том смысле, что «замуж за олигарха не вышла», детей не родила, а распространяться о профессиональных достижениях нет никакого смысла. Это не интересно. Да и не привыкла она. Те, кто остался в профессии, и так о них знают, о ее достижениях.

А сейчас что-то рассказывать вообще не с руки, учитывая, что пару дней назад Лейбу уволили. Правда Ваня все уладил. Ей действительно позвонили и, что самое смешное, так и сказали: случилось досадное недоразумение.

Вот так недоразумение! Директор центра решил пристроить свою любовницу, и именно ее место оказалось самым удобным. Бывает же такое.

Алёна, будучи погруженная в личные проблемы, не заметила этой интриги. Ничего не видела и никого не слышала. А раньше бы сразу почувствовала, что тучи сгущаются. У нее всегда с начальством были натянутые отношения. Мало лебезила. Никак не могла овладеть этим искусством в совершенстве. Всегда по глупости своей считала, что достаточно выполнять работу на «отлично», не касаясь грани личного. Зато после звонка Шаурина обстановка круто изменилась. Все стали вежливые до тошноты. Никаких угроз и ультиматумов. В понедельник ее ждут с распростертыми объятиями.

Сначала задумалась: стоит ли возвращаться после такого инцидента. А потом решила: пусть катятся в преисподнюю! Это ее место. И она будет там работать. Хочется им «личного»? Пусть подавятся.

Вспомнив последний разговор с Ванькой, Алёна мысленно заволновалась. Хотя и прошлась по горячим углям, но на душе стало спокойнее. Еще бы Ваня сам с собой договорился, и было бы вообще хорошо. Одно она точно знала: если бы Шаурин хотел сказать «прощай», то не стал бы ждать три недели. И одного дня не стал бы ждать.

Ее усталый рассеянный взгляд скользнул по залу. Сто лет не была в подобных развлекательных заведениях. Как-то в последнее время все по тихим ресторанам ходила, а не по шумным ночным клубам. Казалось, если сейчас музыка утихнет, в висках все равно будут стучать басы. От взгляда вверх кружилась голова. Зеркальный потолок отражал многоуровневую подсветку, подчеркивая ее особенности и создавая футуристический эффект. Не только пространство двоилось, но и как будто сознание.

Взяв сумочку, Алёна стянула черный кожаный жакет со спинки дивана.

— Алёнка, ты куда?

— Все, девочки, я отчаливаю. Всем счастливо, созвонимся. — Улыбнулась и послала друзьям воздушный поцелуй.

Спускаясь со второго уровня на первый, среди танцующих отыскала глазами девчонок из их компании, махнула им рукой, собираясь подойти и попрощаться.

Она все еще смотрела на танцпол и, краем глаза заметив впереди себя мужскую фигуру, сдвинулась ближе к перилам. Но ей резко преградили путь. Алёна возмущенно замерла, но возмущение ее растаяло, когда она взглянула в лицо мужчине. Вот это да...

— Какая встреча... — протянул Иван. Хотя похоже, он совсем не удивлен их случайному столкновению. А случайному ли?

— Ты здесь откуда?

— Вопрос глупый.

— По-моему, ты пьян.

— Нет, я в г*вно трезвый. Давай, Доктор, на выход. — Шаурин крепко ухватил ее за локоть.

— Ты специально меня искал?

— Я тебя всю жизнь искал.

— Ты точно пьян. Ты просто невменяемый.

Не успела и глазом моргнуть, они очутились на улице. Как будто волной вынесло. Алёна только перебирала ногами, ничего не замечая вокруг.

— Мать моя... — тем же ироничным тоном сказал Шаурин, — ну вы посмотрите, она вся такая на шпильках...

— Разумеется! — раздраженно выдернула руку из его хватки, чтобы натянуть жакет. Ветер

обдал плечи холодным дыханием. — Конечно, вся! Не могу же я быть на шпильках по частям!

— Чего нервничаем?

Алёна чуть скривилась:

— Шаурин, чего тебе от меня надо?

Вместо ответа Иван резко развернул ее за плечи. Она оказалась как раз напротив открытой дверцы автомобиля. Он тут стоял, когда они вышли из клуба? Не помнила.

Получив легкий толчок в спину, Алёна без сопротивления забралась в салон на заднее сиденье. Шаурин уверенно уселся рядом.

— И куда мы?

— Вопрос глупый. Варианта у нас всего два.

— Тогда ко мне. То есть, я домой.

Иван кивнул водителю, машина тронулась с места. Потом чуть пригнулся к ее лицу:

— Какого хера ты шляешься по ночным клубам? — Рука его скользнула ей под платье и замерла на внутренней стороне бедра.

Алёна сразу забыла, как дышать. Что-то вразумительное она точно не сможет ответить. Это же ее самое чувствительно место...

— Такого же, какого и ты? Наверное... — еле вышептала и крепко стиснула его запястье. — Не смей, слышишь!

Шаурин тяжело выдохнул и заставил себя убрать руку.

...Из машины Лейба выскочила первой. Не стала ждать, пока Ванька выйдет и откроет дверцу. Он догнал ее у подъезда.

Лифт не работал, и они рванули к лестнице. Побежали вверх по ступенькам. Ополоумев, неслись на четвертый этаж, будто кто-то за ними гнался. Так недолго и каблуки сломать, но остановиться невозможно.

На площадке третьего этажа не было света, и Алёна запнулась на последней ступеньке пролета. Шаурин схватил ее за талию, удержав от падения. Развернул к себе. Она сомкнула руки на его плечах, все еще пытаюсь отдышаться. Тяжело переводя дыхание, они замерли.

Желание заняться с ней любовью превратилось в пытку. Думал, подохнет, пока доедут до дома. Теперь до квартиры осталось несколько метров, но вот обнял ее и уже не мог оторваться. Возбуждение клокотало в теле и клубилось в венах. Прижался губами к ее приоткрытому рту и вообще перестал что-то соображать. Ладони поползли вниз, к упругим ягодицам.

Она содрогалась от прикосновений его горячих нетерпеливых рук и не находила силы прекратить это. Надо оттолкнуть, а она наоборот прижимала Ваньку к себе сильнее. И сама прижималась. Сбросила туфли.

А надо остановить его. Не на площадке же...

Стало невыносимо жарко. Пропало ощущение ледяного пола под ногами. Перестала волновать прохлада на бедрах. Платье собралось на талии. Ваня бессовестно задрал его, когда мял ее бедра. Не гладил, а сжимал, впиваясь в тело пальцами. Как будто вспоминал, какая она на ощупь.

Его рука настойчиво и немного грубовато скользнула в ее трусики, в горячую влажность. Так желанно это прикосновение, так невыносимо возбуждающе. Тело захлестнула болезненная жажда. Хотелось удовлетворения. Немедленно. Совсем немного нужно для освобождения. Он точно знает, как надо.

Еще пожалуйста еще... Пожалуйста... Кажется, она простонала это вслух.

Ваня отпустил ее губы и принялся жадно целовать шею. На ней обязательно останутся следы.

Зайти в квартиру, а там хоть прямо на полу...

Алёна вздохнула наконец, но не смогла произнести решающие слова.

Хорошо. Давай... Одно неуловимое движение. Едва заметное касание. Легкое нажатие на напряженный жаждущий бугорок. Еще чуть-чуть... До сладостной волны. И пусть отпустит это сумасшествие. А потом домой, чтобы упасть на кровать и заняться яростным сексом с криками и стонами. Оказывается, так тяжело молчать, когда внутренности разрывает от удовольствия.

Вот сейчас... Невыносимые его прикосновения...

Уже не чувствовала холода, тело горело огнем. Спина и грудь стали влажными.

— Пожалуйста... — горячо прошептала она. Не то просила остановиться, не то наоборот.

Тогда Шаурин сдвинулся и прижал ее к стене. Вместо того чтобы возмутиться, Алёна подняла колено выше и обвила его бедро, открываясь еще больше. На ней были трусики, но тонкая полоска не мешала беззастенчиво ласкать ее плоть, скользить пальцами по влажным лепесткам, доводя до оргазма каждым легчайшим движением.

Алёна издала вымученный стон и содрогнулась.

Вот она, долгожданная сладко-парализующая дрожь. Но почему-то напряжение не отпустило. Волна удовольствия как-то быстро захлестнула, тут же выбросив на берег реальности. На животе и ягодицах почувствовался холодок, так противоречащий горячим шауринским рукам.

Под пальцами ее дрожь, и самого пробило удовольствие. Голова от этого ощущения закружилась, хотя в паху болезненно ныло от неудовлетворенного желания. Алёна шевельнулась, словно собралась его оттолкнуть, но он не позволил и, прижав к стене сильнее, поднял ее ногу повыше.

— Ванечка... — прошептала Алёна и заикнулась. Хотела сказать ему, что нужно зайти в квартиру, но сухость в горле помешала. Тогда сглотнула, пытаясь прогнать ее, но тщетно.

Он все не убирал руку, нежно ласкал, размазывая влагу по гладкой коже. Алёна с трудом удержала стон, и вся сжалась, когда его палец скользнул в нее. Он гладил ее изнутри доводя до безумства, оставляя на неуловимой грани между болезненностью и диким экстазом.

Тонко звякнула пряжка ремня, вжикнула молния, горячий возбужденный член прижался к сокровенному месту. Так приятно. Невыносимо приятно чувствовать, как его плоть настойчиво стремится внутрь, влажно входит на пару сантиметров, замирает, дразня. А потом — до самого основания. Ослепляя удовольствием.

Сжала в ладонях его лицо.

— Ванечка, я так не могу... пойдём домой, я так не хочу... не хочу заниматься любовью на площадке, — умоляла, потому что хотела за дверь квартиры, чтобы стонать в голос, раскинувшись под ним, принимая его целиком и отдаваясь без остатка, а не здесь, нервно прижимаясь к холодной стене.

Горячий шепот обжигал губы, но отпустить, оторваться от нее сил не было. Не мог. Поздно. Шквал эмоций из безумного желания, страсти и удовольствия захлестнул с головой.

Заколка больно впивалась в затылок. Алёна скривилась, потянула руки к волосам, чтобы это исправить.

Ваня тронул ее лицо, коснулся губ. Она лизнула его палец и мягко прикусила подушечку. Шаурин застыл, прислушиваясь к общему неровному дыханию. Водил губами по щеке, глазам. Убрал руки от лица, крепче ухватил ее за ягодицы. Ломая сопротивление, принялся жадно ласкать ее рот. Лизнул мягкие чувственные губы.

Она сжала кончик его языка. Втянула в себя. Начала целовать Шаурина поцелуем, от которого с ума сходили оба. Не припадала напористо, а ласкала полуоткрытые губы и язык. Полизывала и посасывала. Никого так не целовала прежде, а с Ванькой получалось. У него такие мягкие и чувствительные губы. И он всегда чутко отвечал на каждое ее движение. Так целоваться можно бесконечно, лаская друг друга между короткими вздохами.

— Ты сам виноват... Если нас застукают, ты будешь виноват... я не леди, мне все равно, где заниматься с тобой сексом.

Крепко вцепилась в его плечи, и он еще немного приподнял ее. Чтобы удобнее обхватила ногами.

— Тихо. Тихо, — прошептал удивительно мягко и начал двигаться, входя в нее не очень глубоко.

Не хотел ничего слышать. Хотел только быть в ней, чувствовать ее. Но после такого перерыва удовольствие получалось болезненным.

Сегодня он ее замучает.

...Неловкими пальцами пыталась расстегнуть браслет часов. Что-то никак не получалось. Ну вот, наконец-то... Алёна положила часы в ящик и замерла, словно забыла, что делать дальше. И вспомнила, только когда увидела, как Шаурин с треском срывает с себя одежду. Тогда скинула жакет. Расстегнув молнию сбоку на платье, поспешно схватилась за подол.

Он смотрел, как она раздевается.

Надо помочь ей. Захотелось раздеть ее самому. Шагнул к ней. Секунда, и черная ткань бесформенной горкой свалилась на бежевую плитку. Алёна осталась в белье. Оно пурпурного

цвета. Яркое, темное, насыщенное, невероятно оттеняющее ее золотистую кожу и светлые волосы. Быстро снял с нее мокрые трусики, спустил их с бедер. Они упали на пол, Алёна отбросила их ногой к платью и завела руки за спину, чтобы расстегнуть крючки бюстгальтера. Но Шаурин развернул ее к зеркалу.

Завороженная, она смотрела, как он стянул с плеч тонкие бретели, расстегнул застежку и освободил ее от белья. Его темноволосая голова склонилась к ней. Губы прижались к самой чувствительной точке на шее. Тело свело судорогой удовольствия. Одна его рука ласкала грудь. От каждого прикосновения к тугим напряженным соскам било как током. Искры рассыпались по всему телу. Низ живота сводило от нестерпимого желания снова почувствовать его в себе. Как можно глубже. Но там пока только нежно гладила его рука.

Закрыла глаза...

Шаурин прижался к ней крепче. Наконец-то можно трогать ее тело. Чувствовать. Слышать. От нее пахло сексом. Диким, необузданным. С разорванным в клочья бельем, укусами до крови, поцелуями до синяков. Она еще не мылась, между ног у нее мокро. И снова невыносимо горячо. От нее пахло им. Она еще им полна.

Три недели без нее. Уже четыре... Какой-то уму непостижимый срок.

Едва он тогда переступил порог ее квартиры невозможность быть с ней быстро переродилась в невозможность быть без нее.

Месяц адской ломки. Месяц разум выл от боли и тоски.

Она умудрялась доводить его до сумасшествия одним взмахом ресниц. Он затрахаёт ее сегодня до смерти...

Она что-то сделала с собой... Похудела.

— Что ты с собой сделала?

— Что? — прошептала она.

— Надо обратно... — хрипло сказал он, но в ее затуманенных желанием глазах было непонимание. — Поправиться. Посажу тебя на протеины. На спортивное питание. — И он тряхнул ее.

Алёна вздрогнула и напряглась.

Ему не понравилось... не хотел, чтобы она доводила себя до такого состояния. Теперь даже ее тело говорило, что все изменилось. Не пережитые эмоции, что тихонько бурлили где-то на дне, снова всколыхнулись кипящей лавой. Как их погасить, не знал. Как избавиться...

Подтолкнул ее в душевую кабину. Она покорно встала под каскад горячей воды, которая дождем полилась на плечи и голову.

Черт, она же накрашена... Алёна намылила руки, смыла косметику с лица. Быстро омыла свое тело. Собираясь выйти из душевой, но Шаурин прижал ее к себе и начал целовать тем поцелуем, от которого подкашивались ноги.

— Пойдем в кровать... — коротко вздохнув, попросила она. Не хотела, чтобы они продолжили в

ванной. После первого раза и так еле на ногах держалась. А тут скользко. Они оба мокрые.

— Нет.

Не поняла его «нет». Что-то насторожило, но сейчас Алёна не могла разобрать – что. Непреклонность какая-то непонятная. Как-то по-другому все сегодня. Он действовал рывками. То топил ее в нежности, то сдавливал в агрессивном напоре. И совсем ее не слышал. Хотя неудивительно. Сама тоже едва что-то соображала. Находилась в прострации, и дело совсем не в алкоголе. Да и не так уж много она выпила. Пару коктейлей. Шаурин до невменяемости пьян тоже не был. Но ему, по-видимому, хватило, чтобы потерять контроль.

— Ваня...

Вот опять что-то появилось в его взгляде. Что-то злое. Пугающее.

Его ладони плавно скользили по стройному телу. Пальцы касались самых чувствительных мест. Знал, что ей нравится. Как трогать, ласкать, чтобы она совсем потеряла голову.

Но он не ляжет в ее кровать...

Сильные руки легко приподняли ее над полом.

Если это было здесь, кровати, он ее придушит. Поэтому не спрашивал. Ничего не спрашивал.

Они все-таки вышли из ванной. Вернее, Ваня Алёну оттуда выволок. Твердой рукой направил в гостиную. Сбросил все подушки на пол, опрокинул ее на диван.

— У меня ногу свело.

— Где?

— Подожди, не могу... — тронула икроножную мышцу.

Шаурин распрямил ее ногу и укусил под коленом.

От неожиданности Алёна вскрикнула. Возмутиться не успела. Боль в ноге начала отпускать.

— Все? — спросил Иван.

— Почти, — выдохнула и откинулась на спину.

Укусил ее еще раз.

— У меня будет синяк.

— Не будет. — Поцеловал бедро. Легонько лизнул внутреннюю сторону. Кожа здесь нежная. И горячая.

— Это что за способ такой...

— Главное, работает.

Он приподнялся над ней. Ее тело напряглось в ожидании.

Она послушна, терпелива, спокойна. Она ждет. Проводит горячими ладонями вверх по рукам,

растирает капельки воды на его широких плечах.

Легко поддавшись нежным рукам, Иван пригнулся, жестко вдавливаясь в ее тело. Она обняла его за плечи и медленно поцеловала в губы. Уже можно никуда не торопиться. Замереть без дыхания, не боясь задохнуться.

А дышать, да, плохо получалось. Его пальцы гладили набухшую грудь. Губы покрывали живот короткими поцелуями. Ловили ее дрожь.

Нет, Шаурин точно хочет, чтобы она сегодня умерла.

Он раздвинул ее колени. Лизнул влажную горячую промежность. Много раз ласкал ее там, между ног. Знал, как быстро довести до наивысшей точки наслаждения. И как заставить мучиться от удовольствия. Сегодня будет изводить до тех пор, пока у нее не останется сил даже стонать. Соскучился по ней, хотел почувствовать ее удовольствие на кончике языка. Слышать ее стоны, крики. Хотел, чтобы она стала мокрая от испарины.

— Ваня, пожалуйста...

Ее ненадолго хватило. Позволил разойтись в криках и отпустил разбиться в ярких судорогах. Она сжала дрожащие колени, но он снова развел ее бедра. Одним движением мягко вошел в нее.

Болезненный стон прозвучал протестующе. Конечно, все отдала и ничего не хочет. Внутри у нее туго. Она сжата, как пружина. Но это на несколько минут. Пока кровь не разгонится по телу. Потом ей станет хорошо. Очень.

Он не наваливался на нее. Двигался осторожно, входил неглубоко.

Она тяжело дышала, потом немного расслабилась. Стала податливая. И снова дрожащая от возбуждения.

— Ты можешь меня не ждать, — прошептала.

— Сама доброта, — усмехнулся. — Нет уж, давай моя девочка, я хочу, чтобы тебе было хорошо.

— Тебе и не представить, как мне уже хорошо. — Крепко сжала его ногами. — Ложись. На спину.

Он, не противясь, перевернулся на спину, позволив себя оседлать. До чувственной развязки ей еще точно далеко, потому что двигалась она очень уверенно. Размеренно. Любила его с усердием. Вздрагивая и постанывая от удовольствия. Изредка прижимаясь грудью и влажно целуя в губы.

Когда любимая женщина сверху, удовольствие невозможно оттянуть. Не сдержать, не проконтролировать. Откуда в ней столько силы так притиснуть его к постели. Забрать волю, чтобы не смог вырваться.

Она довела его до сладких судорог. И сама изошла дрожью и влагой. Но не от их физического контакта, а от его экстаза. Никогда так ярко его не чувствовала, не слышала. Всегда в собственной истоме пропускала, как само собой разумеющееся. А теперь, целуя, почувствовала губами. И глубоко в себе...

ГЛАВА 22

Воздух в комнате перестал звенеть от страсти, жаркое дыхание остыло.

Они так и улеглись спать в гостиной. Черт его знает, почему...

Укладывались под утро, и Алёне было уже глубоко плевать, где упасть. Только бросила на диван махровую простынь и принесла одеяло из спальни. Но заснуть крепким сном не смогла. Пролежала несколько часов в полудреме. То ли спала, то ли нет...

Трудной получилась первая встреча, легко и быстро пролетела эта ночь. Не сомневалась, что тяжелым будет совместное утро.

Они лежали в неловком, но тесном сплетении. В этот раз у Ваньки не получится открыть глаза и просто убрать руку с плеча, сделав вид, что ничего не произошло.

Алёна легонько провела по его спине, коснулась шеи, жестких коротких волос на линии роста... и выбралась из-под тяжелых, расслабленных шауринских рук. Села на диване, натянув одеяло на грудь. Последняя ночь на Майорке оставила слишком горькое послевкусие. Не хотела повторения. Чтобы Шаурин одним холодным жестом разорвал завесу чувств из нежности, любви и страсти.

Рассвет струился в окно, заливая комнату молочной белизной. По стеклу мерно и тонко стучал дождь. Наконец-то спала аномальная жара последних августовских дней. Как будто и внутри что-то жечь перестало.

— Хотя бы сделай вид, что смотришь телевизор, — глухо сказал Иван.

Не спит? Как она пропустила момент, когда он проснулся. Прислушивалась же к дыханию. Оно было размеренным и тяжелым. Как у глубоко спящего человека.

Алёна перегнулась, пошарила рукой на полу около дивана, нашла пульт и включила телевизор. Динамики взорвались громким звуком. Пришлось убавить громкость. Шаурин лениво перевернулся на живот, словно собирался спать дальше.

Такого спокойного утра у них не было никогда. На улице лил дождь. Она сидела, уставившись в телевизор. Он лежал, заложив руки под подушку. А между ними пропасть молчания. По телу бежал медленный озноб. Дыхание дрожало от того важного, невысказанного, еще не обозначенного. Мышцы от напряжения начинали отдавать легкой болью. Такого неправильного утра у них не было никогда...

— Тащи завтрак, — неожиданно потребовал Шаурин.

Алёна соскочила с дивана, забежала в спальню, чтобы накинуть на себя сорочку, и скрылась в кухне. Уцепилась за эту возможность чем-то оправданно себя занять.

Не спросила, что Иван желает, и как-то интуитивно поняла: к столу его ждать не стоит. Потому, приготовив завтрак, составила тарелки на поднос и отнесла все в гостиную. Глазунья сегодня не получилась. Желтки растеклись.

Ваня не поднялся с постели. Сидел, прикрывшись по пояс одеялом, и сосредоточенно щелкал пультом, переключая каналы на телевизоре. Потом остановился на новостях и стал слушать их с таким видом, будто ждал, что диктор вот-вот скажет нечто сенсационное, предназначенное

только ему.

Алёна поставила поднос на диван и уселась рядом. Взяла чашку с чаем. Ваньке она налила кофе, он размешал в нем сахар и указал кивком на свою тарелку:

— Ешь.

— Не хочу. — Взглянула на сдобу. Возможно съест кусок сахарной булки с маслом.

— Я не спрашиваю, хочешь ты или нет, я говорю - ешь. — Шаурин взял вилку и принялся за яичницу. — Ты так и не избавилась от своей привычки спать с бывшими.

Алёна поднесла к губам чашку и отпила чай, внимательно глядя Ваньке в глаза. Примерно этого она от него и ожидала. Конечно. Сорвался. Теперь будет агонизировать. Кусаться. И злиться он на себя, а не на нее.

— Ну вот, — мягко проговорила она и забрала из его руки вилку, — а ты говорил, что никак не смогу тебя использовать. — Отполовинила белок и положила его на хлеб.

— Ты доиграешься.

— А что ты хотел от меня услышать? — слегка пожала плечами и вернула ему вилку.

— Не это.

— Думал, что я буду вымалывать у тебя прощение?

Умолять его пустое, равно как ловить руками ветер или сжимать в кулаках свет.

— Не смейся, — хмыкнул он. — Ты голову на плаху положишь так, чтобы колени не подогнуть.

— Ваня, я тебе все сказала. Хочешь получить нормальный ответ, начинай разговор по-другому. Я не девочка для битья. Если ты ударишь, я не подставлю вторую щеку.

Алёна настороженно ждала вопросов, даже перестав жевать бутерброд. Шаурин излишне крепко сжал в руке вилку. Они замолчали, потому что подошли к главному. Оба были спокойны, но не бесстрастны. И в этой внезапной тишине отчетливо прозвучал гром за окном, взвыла сигнализация какой-то машины.

Шаурин вдруг обхватил ладонями Алёнкино лицо, резко притянул к себе и чмокнул в губы. Быстро, крепко, точно не поцеловал, а хлестнул по губам. Она со вздохом отпрянула и потянулась к чашке с чаем. Он поставил тарелку с яичницей себе на колени и прибавил громкость телевизора.

— Вот это ответочка, — ошарашено прошептала Алёна, яростно соображая, как на это реагировать. — Кушайте с булочкой, Доктор Лейба, смотрите не подавитесь.

Она бросила ключи на стол, в руках у нее осталась открытка. Яркая и безвкусная, с красными розочками. На которой броско и размашисто было написано «За прекрасную ночь». И подпись. Только гербовой печати не хватало. Твою ж мать, Шаурин!

Разумеется, так взбесила Алёну не дешёвая открытка. Цветастой карточкой Ваня не ограничился. За «прекрасную» ночь подарил ей машину. Белый мерседес. Даже не потрудился лично увидеться, а «прислал» подарочек с водителем.

Теперь она не знала, что и думать. Если утром в ней была какая-то уверенность, то сейчас земля ушла из-под ног. Чего он хотел этим добиться? Унизить, оскорбить, довести до истерики или спровоцировать на скандал? Он же ждет ее звонка, какой-то реакции, но какой?

Алёна запустила пальцы в волосы, слегка сжала голову. Прошла в гостиную и замерла около дивана. Взгляд упал на разбросанные подушки и скомканное одеяло. Она так и не унесла его в спальню. Оно осталось лежать здесь, как напоминание о прошедшей ночи.

Телом и разумом овладело странное бессилие. Стало так горько и страшно. Сейчас они движутся в тупик. И скоро упрутся в стену. А потом будут биться об нее, расшибаясь в кровь.

Набрала Ванькин номер. Когда он ответил, начала без истерики, но и без особых церемоний.

— А чего не «бентли», а только «мерседес»? Мелковато что-то для Вашего Величества, — не смогла удержаться, чтобы не съязвить.

— Ну так у тебя еще все впереди.

Почувствовав удовольствие в его голосе, Алёна обреченно вздохнула. Устало откинувшись на спинку дивана, прикрыла глаза и сжала переносицу пальцами.

— Чего бы ты ни хотел этим добиться, у тебя получилось. Что-то же ты хотел?.. У тебя получилось. Теперь ты доволен?

— Ну и? Твой диагноз, Доктор? Или за двоих думать не получается, привыкла только за себя?
— заговорил он громче. — Отношения и чувства - не математическая формула, не уравнение, чтобы требовать конкретного решения. А ты словно дала задачу и ждешь ответ! Прямо как моя бывшая учительница по математике: а тебе, Ванечка, посложнее! При наших с тобой исходных данных, это очень сложная задача, скажу я тебе! Так подскажи: по какой формуле расчет делать!

От его слов у нее почему-то вспыхнуло лицо. Возможно, потому что он сейчас абсолютно прав. Да, она хотела, чтобы именно так все и произошло. Чтобы Ваня подумал, успокоился, решил «задачу» и вернулся с ответом. С готовым решением.

Стало абсолютно ясно, что прийти к миру этим путем, у них не получится.

— Нет у меня никаких формул. Просто я, Шаурин, тебя люблю. И готова еще пару раз причесать твое эго. Это все, что я могу сделать. А потом, мы, может быть, поговорим.

Она повесила трубку, не дожидаясь ответа.

А он бы и не смог сейчас что-то сказать: горло перекрыло. Так бывает. Точнее, не знал, что так бывает.

Ее слова подкинули его в кресле. Как будто получил удар в солнечное сплетение, и внутри что-то разорвалось.

Говорят, знание важнее. Но бывают такие слова, которые меняют все. Оживляют. Взрывают

изнутри. Раздевают сердце, обнажают душу, срывают заслонки и любые маски.

Только когда Алёна закончила разговор, отложила телефон в сторону и начала наводить порядок в гостиной, поняла, как на самом деле ее обидел подарок Ивана. И не подарок это, а оскорбление.

Обида – самое разрушительное чувство. Злость и та не так убивает. Может и мобилизовать в нужный момент, подтолкнуть к движению в правильном направлении. Но действия, совершенные от обиды, ничего хорошего обычно не приносят. Можно перестать злиться, прекратить ненавидеть, но очень трудно перестать обижаться. Это чувство самое коварное: оно въедается глубоко, всасываясь в кровь, как яд, и отравляет существование. Обида — внутренний враг, который заставляет выстраивать барьеры, обороняться, скрываться, бояться.

Всегда удобнее прятаться в панцире и не пускать к своему сокровенному, чем потом прощать обидчиков. Легче обмотаться колючей проволокой, чем собирать себя по кускам.

Слишком часто обижали. Вот и Шаурин больно ударил. Одним взмахом так красочно нарисовал ее будущее, практически пообещав превратить в содержанку.

Задержись Лейба со звонком Ваньке хоть на минуту, позже бы уже не позвонила. А позвонив, сказала бы совсем другие слова.

Руки дрожали. Нужно всего лишь убрать постель. Но Алёна в смятении схватилась за скомканную махровую ткань, никак не находя силы, чтобы содрать ее с дивана. Дрожала душа...

Каким-то нечеловеческим усилием она все-таки заставила себя отнести одеяло в спальню и разложить подушки. И как вовремя...

Трель дверного звонка заставила внутренне напрячься. И собраться. Но она не побежала стремглав к двери, чтобы впустить нежданного гостя. Если это Царевич, то с ним на сегодня она уже наговорилась.

И все же открыла, замерев от удивления.

— Не надо захлопывать дверь перед моим носом, — вместо приветствия сказала Юлия Сергеевна.

— Откуда такие стереотипы? Почему вы думаете, что я захлопну перед вашим носом дверь?

— У тебя все на лице написано.

Вздыхнув, Алёна отступила, пропуская мать Ивана в квартиру. Конечно, не собиралась Лейба грубить, не к месту припомнив момент знакомства. Растерялась. Кого-кого, а вот Юлию Сергеевну точно у себя в гостях увидеть не ожидала.

Женщина прошла в гостиную, унося с собой головокружительный аромат духов, смешанный с запахом дождя и улицы. Там она осмотрелась. Небрежно бросила на кресло свое пальто без рукавов. Глянула сквозь прозрачный тюль, оценив открывающийся вид из окна и повернулась с приветливой улыбкой.

— Хорошо у тебя, уютно.

— Спасибо, — наконец оживила Алёна, вспомнив про обязанности радушной хозяйки. — Располагайтесь, где вам будет удобно, я сделаю чай. Или лучше кофе?

— Можно и чай. Да, давай, чай. И попьём его на кухне.

Они прошли на кухню. Алёна заваривала чай и волновалась, все время чувствуя на себе пронзительный взгляд. Прекрасно понимала, что привело сегодня к ней эту сильную и влиятельную женщину.

— Ну и что? Ругаетесь?

— Ругаемся, — подтвердила Алёна и поставила на стол чашки.

— Прекрасно.

Алёна взглядом выразила недоумение.

— Вам Ваня сказал?

— Нет. Но когда мой сын начинает делать вид, что он меня не слышит, я и сама понимаю, что дело швах. Последний раз он не слышал меня целый год. Теперь я не хочу, чтобы он оглох на всю жизнь.

— Тогда что прекрасного в том, что мы ругаемся?

— Не ругаются только те, кому друг на друга наплевать.

— А вы тоже с Денисом Алексеевичем?..

— Конечно. Аж пыль столбом.

— Не может такого быть, — улыбнулась Алёна. Не верила, не могла себе такого представить.

— Еще как может. Правда, я только с возрастом научилась правильно ссориться со своим мужем. А ты с этим делом не затягивай. Надо время от времени выяснять отношения.

— С кем — с Ваней?

— Да. А то он тоже не очень любитель...

— Кто — Ваня?! — с еще большим удивлением переспросила Алёна. — Да он только и делает что отношения выясняет. Я бы, наоборот, слегка поубавила его пыл.

— Ваня только и делает?.. — теперь Шаурина удивилась. — А мы точно об одном человеке говорим?

— Вот и я думаю... — Алёна расслабленно засмеялась и тут же оборвала смех: — Но я не буду вам ничего рассказывать о нашем конфликте, даже не спрашивайте.

Заявление Алёны совсем Юлию не удивило. Поразительно было бы, случись все наоборот.

Точеные черты лица не тронула ни одна эмоция. Юлия Сергеевна остановилась взглядом на кактусе, который стоял тут же на столе. Тронула пальцем мягкие колючки. Зачем-то Алёна сказала, что его подарил Ванька.

— Оригинально, — оценила женщина.

— Да, это точно. Кактусы, книжки... Ваня умеет делать подарки.

Еще часы, машина... Но про это Алёна не стала говорить.

— Ну надо же, как старается, — иронично протянула мать Ивана.

— В каком смысле? — нахмурилась девушка.

— Понимаешь... Как бы мне поскромнее выразиться... — Юлия Сергеевна вздохнула и сцепила пальцы.

— Мне кажется, поскромнее - у вас не получится, — мягко усмехнулась Алёна.

— Очевидно, что да. У моего мальчика большие, просто огромные возможности. Представь, как он наступает себе на горло, покупая тебе книгу за триста рублей. Или за сколько там...

Алёна хмыкнула, уголки губ невольно дрогнули в улыбке. Так забавно слышать «мой мальчик» в отношении такого здорового лба, как Шаурин. В этом есть что-то особенное. Любовь, наверное, чистая, материнская.

— Он привык жить и действовать по-другому, — продолжила Юлия. — Ему удобнее дарить драгоценности, шубки, машины, квартиры... Утрирую, но суть, я думаю, ты поняла. А тут, видишь, кактус. Романтика.

— Я от этой романтики скоро с ума сойду. — Алёна опустила взгляд и, оперев локоть в стол, прикрыла ладонью глаза. Только бы не разреветься.

— Ну-ну, — Юлия уверенной ладонью погладила девушку по спине, — не плачь. Оставь это для Ваньки. — Сквозь слезы Алёна рассмеялась. — Да-да, я не шучу. Поплачешь у него на плече, пусть утешит.

—

— Мама! — рявкнул Иван и замер посреди холла.

Катка выскочила из комнаты и, глядя вниз, повисла на перилах.

Очуметь, вот это Ванечка взбесился. Когда сказала ему по телефону, что мама встречалась с Алёной, уже по голосу поняла, что брат недоволен, но не думала, что до такой степени, чтобы орать во всю глотку. Может, и не стоило ему говорить об этой встрече, но мама сама предупредила: если Ваня и отец спросят, она у Алёны.

— Что ты кричишь на весь дом? Что случилось? — Юлия подошла к лестнице и посмотрела на сына.

Он, перескакивая через одну ступеньку, рванул на второй этаж. Катка скрылась в своей комнате, захлопнула дверь и даже повернула ключ в замке. Когда Ванечка в таком настроении, лучше вообще ему на глаза не попадаться. А она хоть косвенно, но к этому причастна.

Иван прошел по холлу второго этажа к библиотеке. Родители пили кофе и, вероятно,

обсуждали какие-то дела. Отец сидел в черном небарочном кресле. На полированном столике лежала кипа документов.

— Я не понял, Юлия Сергеевна. Это что за шутки такие?

— Теперь я не понимаю. Ваня, ты о чем? — невинно поинтересовалась Шаурина, внутренне готовясь почувствовать всю степень недовольства сына.

— Какого черта ты с ней встречалась?

Юлия сунула руки в карманы просторных черных брюк и строго взглянула на сына.

— Я как-то не предполагала, что должна спрашивать у тебя разрешения, с кем мне общаться. И когда общаться. Я даже у твоего отца никогда не спрашивала. Даже он не указывал, с кем мне дружить. И ты не будешь. Ясно тебе? Независимо от того, твоя бывшая ли это, настоящая, или этот человек вообще не имеет к тебе никакого отношения. Понятно?

— Ты в мои отношения вообще не лезь! Не смей вмешиваться! — рявкнул на мать так, что отец в возмущении поднялся с места.

Юлия, заметив реакцию мужа, остановила его от дальнейших действий, какими бы они ни были. Приложила палец к губам, прося не вмешиваться, и вновь обратила взгляд на сына.

— Ты не кричи на меня. Тебе и не представить, какой у меня стойкий иммунитет на этот рев. Так что можешь не стараться, бесполезно. На меня не действует. Разбирайся в себе, не обвиняй всех вокруг. Я в твои отношения вообще не лезу. Знать не знаю, что там у вас приключилось. Ничего страшного не произошло. Мы с Алёной просто поговорили.

— Не надо с ней разговаривать!

— Что значит - не надо? — воскликнула мать.

— Воспитывай Катьку!

— Никто никого не собирался воспитывать, мы просто поговорили.

— Да уж, конечно, — оскалился Иван. — Не надо, мама! Потому что ты ее не знаешь!

Юлия раздраженно выдохнула. Спорить с сыном бесполезно. Всегда было. А сейчас тем более.

Ваня круто развернулся и вышел.

— Ух! — Юлия улыбнулась и передернула плечами. — Ты смотри какой! Злой весь, взбудораженный.

— Чему ты радуешься? — хмуро спросил Денис и снова сел в кресло. — Тому, что он совсем обнаглел, позволяя себе говорит в таком непростительном тоне? Зря ты меня остановила, я бы ему популярно объяснил, что лучше попридержать язык.

— Он не обнаглел, он влюбился. Потому и звереет. Привык все контролировать, а тут весь контроль к чертям, земля под ногами горит. Так что все, отец, готовься, скоро у нас свадьба.

— Свадьба? Это Ванечка сказал? — любопытствовала Катя, выйдя из комнаты. По установившейся тишине поняла, что ураган по имени «Ваня» уже прошел.

— Нет, еще не сказал. Но думаю, месяца через два скажет.

— Класс! — Катька в предвкушении потеряла руки. Подошла к окну. — Ой, кажется наш главнокомандующий еще не все головы снял, пошла я заныкаюсь в свои окопы. Но когда прояснится, из-за чего весь сыр-бор, я хочу узнать эту историю во всех подробностях.

Денис молча встал с кресла и торопливо пошел к лестнице.

— Денис, — обеспокоенно окликнула жена, боясь, что все же он попытается поставить сына на место. Будет еще один скандал.

— Спокойно, — бросил он и сбежал на первый этаж. Пересек холл, прошел через гостиную на кухню.

Там и застал сына. Тот сидел за барной стойкой, задумчиво уставившись на чашку с кофе.

Увидев отца, он поднял глаза и начал несколько язвительно:

— Давай, папа, поругай плохого сына.

Денис точно знал, что на его месте ответила бы жена. Но у него был немного другой подход к детям, поэтому он промолчал. Уселся напротив, сложил руки на столе и глубоко вздохнул.

Иван смотрел исподлобья, настороженно ожидая упреков. Но упреков не последовало. Отцовский взгляд говорил красочнее любых слов.

— Мне кажется, ты и сам все знаешь. Иначе сейчас бы не вернулся.

— Тогда скажи что-нибудь мудрое, поучи меня жизни. — Чуть отклонился от стола и прямо уставился на отца, скрестив руки на груди.

— Мне кажется, ты и сам все знаешь, — снова повторил Денис. — Или мне кажется? А насчет поучить... Так моя одёжка тебе не подойдет, ты в плечах слишком широковат.

Ваня усмехнулся и ничего не ответил.

— Ты, как мать, сразу войну развязываешь. Но у нее в свое время повод был, а у тебя какой? Нет его. Нам Алёна нравится, никто не против ваших отношений. Никто не вмешивается в ваши отношения.

— А мне все равно, — жестко сказал сын. — Даже если бы вы были против, это ничего бы не изменило.

— Похвально, — сказал отец, чем изрядно удивил. — Свою женщину нельзя бросать.

— Ты же как-то смог...

— Я молодой был, глупый. А ты не глупи. Не все вещи можно исправить. Не все можно вернуть. Нельзя оставлять свою женщину. Никогда.

— Я свою женщину не оставлял. Как я ее оставлю, она ж ненормальная, обязательно что-нибудь натворит, куда-нибудь вляпается. — Помолчал, а потом сказал вдруг с горькой усмешкой: — Это ты во всем виноват. Воспитал меня идеалистом.

— И что, твои идеальные представления не совпадают с мирским образом?

Иван молчал. Ни за что на свете не признается отцу, даже если это так. Не мог он сказать так про свою женщину. Он с ней жил. С ней спал. Ел с одной тарелки и, черт подери, хотел на ней жениться. Алёна должна быть идеальной. Алёна — его женщина, она идеальна даже в своей неидеальности.

— Твоя мать — прекрасная, совершенная мать. Но она совсем не идеальная жена. Идеальная жена — это домработница. Молча и послушно исполняет приказы. Я вот не люблю горы, но почему-то два раза в год езжу в горы. Сам не знаю, почему.

— Потому что мама любит горы.

— Да. И всю жизнь я чувствую, что меня где-то нагревают, а где — понять не могу. Твоя мать — совсем не идеальная жена.

Иван усмехнулся.

— По ходу, мама не тебя одного нагревает.

— Извинись перед ней.

— Извинюсь.

Отец оставил Ваню одного, но через некоторое время мама нарушила его уединение. Принесла из библиотеки пустые чашки и поставила их в раковину.

— Мама, прости, я сорвался.

Юлия повернулась и посмотрела на него знакомым строгим взглядом.

— Не надо извиняться передо мной сквозь зубы. Я не люблю этого, ты знаешь. Проси прощения тогда, когда тебе действительно захочется.

Ваня глубоко вздохнул. Так втянул в себя воздух, что легкие заломило. Прикрыл глаза на пару секунд. Потом выдохнул и подошел к матери. Положил руки ей на плечи и медленно сказал:

— Мама, прости меня. Я сорвался и наговорил тебе много лишнего. Не хочу, чтобы ты на меня обижалась. Не хочу с тобой ругаться.

— Хорошо, — просто ответила мать. — Это было не самое обидное, что ты мог мне наговорить.

— Прекрати, — скривился он. Вернулся к столу и залпом допил холодный кофе. — Я позвоню.

— А обнять мамочку?

— Ах, да, обнять мамочку.

ГЛАВА 23

На этот раз Иван не выскочил из дома как ошпаренный. Вышел, не хлопая дверями. Медленно побрел по подъездной дорожке.

Серое от дождя небо совсем потемнело. Сумерки жадно накинудись на город. Все вокруг стало

блеклым и бесцветным. Шаурин уже привык к этой серости, она, кажется, у него внутри поселилась. Не был метеозависим и никогда не придавал значения погоде, но сейчас она странно сопрягалась с его внутренним состоянием.

Не спеша сел за руль, вставил ключ в замок зажигания, положил расслабленные ладони на руль. Целый месяц потрачен впустую, десять минут уже ничего не изменят.

Ничего не дали эти несколько недель, пока мотался по командировкам. Да и командировки эти сам себе выдумывал. У них огромная корпорация, целая группа компаний, филиалы по всей стране и зарубежные партнеры — куда хочешь можно умотать, дела всегда найдутся.

Зачем жил эти три недели без нее, теперь вообще непонятно. Она ждала от него какого-то решения, которое самому казалось весьма сомнительным. В итоге впал в эмоциональную кому. Ее нет, и жизнь потеряла краски, точь-в-точь как теряет цвет лнялая ткань. Заматывался в серое рубище бесконечных будней, ни соленого, ни сладкого не чувствовал, одну горечь.

Уехал, чтобы на время отстраниться от Алёны и подумать. Как она просила. Но он не склонен к рефлексии, и эта ситуация — что-то неразрешимое.

Вернулся, ее увидел, и все сначала. В душе какое-то грязное месиво. Ничего не переболело, не прошло. Просто осело на дно — чуть колыхнешься, и снова вся грязь под самое горло.

Захлестывало. Захлебывался.

А сегодня был предел. На мать накричал, с отцом чуть не поругался, что было недопустимо. Давно уже понял: родители — святое. Самые близкие люди, единственные в мире, которым он нужен безоговорочно. Любой и в любом состоянии. Самые родные в мире люди, которым доверял на все сто из ста. Больше никому так доверял. Алёне хотел бы, а после случившегося — не мог.

Вот такая странная штука... О нем, о доверии, вспоминаешь, когда оно пропадает. Только тогда чувствуешь его нехватку, болеешь без него. Лихорадит. Так же как счастье познается лишь в подробностях боли, а единение душ становится заметнее лишь на расстоянии. А до этого не задумывался. Оно как будто между ними было. Доверие.

Так было или как будто?

Наверно, все-таки было. Не мешали же ему раньше отстраненность, порой, холодность Алёны. Не пугали. Думал: пройдет все, привыкнет она. Хотя иногда чувствовал: ей тяжело с ним, трудно. Ну, так он и не агнец божий, знал о своих недостатках.

Зря ушел тогда. Нужно было поговорить, как хотел. Спросить о том, что мучило. Но пошел у нее на поводу, не смог начать тот убийственно сложный разговор. Посчитал: возможно, она права, и так будет лучше для них обоих. Им нужно время, чтобы все обдумать и переварить.

Но ничего не переварилось. Оба довели себя до морального истощения и вернулись к исходной точке. От чего ушли, к тому пришли. Столкнулись в противоречиях, как два хрустальных шара. И если не поговорят, так и будут со звоном биться друг о друга, безбожно уродуя свою идеальную форму. Покроются сначала трещинами разочарования, потом станут светиться сколами душевных потерь. Бессмысленно и бездарно будут уродовать себя...

Он переступил через собственное самолюбие и ее глупость, когда остался с ней. Но перенес через вдруг возникший барьер все свои злые чувства и теперь не знал, как от них избавиться.

Мириться не хотел, хотел избавиться. Ну должен же быть какой-то способ. Утром так хотелось встряхнуть ее и крикнуть: Ну ты же психолог, черт тебя раздери! Ну сделай что-нибудь!

Что-нибудь... Чтобы горечь ушла, и горячая лава перестала жечь желудок. Должен же быть какой-то способ...

Алкоголь в его проблемах поможет так же, как таблетка от головы против язвенной болезни. Чем лечат сердце? Врачи говорят, что сердце не болит. Но ведь болит же. Что-то там в груди очень болит. Ноет, отдавая тяжестью. Мешает дышать. Мешает думать.

Спросил по телефону про «формулу», и, правда, надеясь на ответ. Алёна должна знать. Почему молчит? Хотя кое-что важное она тогда произнесла. Это «важное» просто взорвало его изнутри. Чего угодно ожидал, только не этого беззащитного и усталого «люблю».

Не хватало чего-то. Слишком мало она сказала. Нужен широкий обзор, чтобы двигаться уверенно, не привык шагать вслепую. Вот пусть она ему и скажет, что делать. У каждого из них свой мир со своей правдой. Пусть она скажет, наконец, — свою!

Алёна долго не открывала. Но Шаурин не подумал развернуться и уйти. Устал строить вокруг себя стены, запирая в них свою боль, гордо сжимая ее прессом собственной выдержки, надеясь, что не коснется она дорогих людей. Зablуждался.

Наконец щелкнул замок, и дверь открылась. Алёна только вышла из ванной. Длинные волосы спутанной мокрой волной лежали на одном плече. Неровный румянец покрывал щеки. Она захлопнула дверь и плотнее стянула на груди белый махровый халат.

Ваня не сказал «привет», Алёна тоже не поздоровалась. Казалось, с момента встречи в «Барракуде» между ними происходил длинный и изматывающий диалог. Они выговаривались тяжело и медленно, прерываясь на дела и заботы. Вот и встречались — не здороваясь, расходились — не прощаясь.

Шаурин упрямо застыл у двери.

— Рассказывай, — «по-королевски» вздернул подбородок так, как умеет только он: глядя сверху вниз, с выражением легкого, но осязательного высокомерия.

— Что? — уточнила она.

Шауринская манера атаковать вопросом уже стала чем-то привычным. Но сегодня под его взглядом стало холодно. Заледенели пальцы. Алёна пожалела, что надела короткий халат, едва достигающий до середины бедра.

— Когда ты была с ним. Где. Сколько раз.

— Зачем? Ваня, зачем все начинать сначала? — с первой же фразы голос начал предательски срывать.

Почему-то она тоже неловко застыла у двери. Наверное, потому что Иван не сделал никакой попытки пройти в квартиру. Не шевельнулся, чтобы сбросить верхнюю одежду. Сегодня на нем была черная кожаная куртка с ассиметричной застежкой, из-под воротника-стойки виднелась черная водолазка.

Алёна молчала, раздраженно поглядывая в сторону гостиной, но сдвинуться с места не могла.

— Когда ты была с ним. Где. Сколько раз, — спокойно повторил он.

— Шаурин, ты мазохист?! — крикнула она. — И как только ты до этого додумался!

— Когда ты была с ним. Где. Сколько раз, — повторил он с той же интонацией.

Алёна почувствовала отчаяние. Орать сейчас на Шаурина, все равно что орать на телевизор или холодильник. Точно — на холодильник. Он сейчас такой же холодный. Безжалостный, беспощадный. Совершенно чужой. Он словно машина. Как будто запрограммировал себя и теперь любое отклонение от программы — не то слово, не тот тон в голосе — вызовут сбой.

— Тебе дату назвать? Я не помню, когда конкретно это было. — Захотелось плакать.

— Вспоминай.

— Я не помню день. Мы с тобой всего три раза виделись. С ним я один раз была. После того как мы с тобой сходили на лодочную станцию.

— Где.

— Я не буду тебе ничего рассказывать!

— Будешь.

— Не буду.

— Будешь. Где. Сколько раз.

Он надвинулся, и у нее началась паника. Алёна беспомощно прижалась спиной к стене, стараясь отодвинуться от Ваньки подальше.

— Может, тебе еще сказать, получила я тогда с ним удовольствие или нет?

— Да. Это мне обязательно нужно знать. Ты права.

— Как ты до этого только додумался! — рыкнула она и оторвалась от стены, чтобы убежать в гостиную. Или на кухню. Куда-нибудь, только подальше от этого разговора.

Но Ваня схватил ее за плечи, протащил по комнате и зажал в угол. Алёна сама не заметила, как оказалась в ловушке. Теперь деваться некуда. Шаурин не выпустит, пока все у нее не выпытает.

— Давай, — как-то неожиданно тихо сказал он. — Мне надо это услышать. Рассказывай.

Как будто давая ей время собраться с мыслями, Шаурин неторопливо расстегнул молнию, снял куртку и швырнул ее на диван.

Он не нападал, как ей сперва показалось. Он, придя в какой-то своей внутренней готовности, требовал, чтобы она еще раз протащила его через всю боль. Чтобы вскрыла этот пласт, все то, что его волновало и не давало покоя. Для таких, как он, метод что надо — перегореть за раз, переболеть. Но Алёна не могла заставить себя говорить. Одно дело бросить что-то в запале, и совсем другое говорить вот так — сознательно вгоняя слова, точно ножи. Ему будет очень

больно. Адски. Намного сильнее, чем тогда, когда произошел сам конфликт. Потому что сейчас он для этой боли открыт.

Она заплакала и окончательно сдалась. Ладно, подожди, Шаурин. Мало тебе? Протащу я тебя от и до, только держись.

Вздыхнув глубоко, Алёна прикрыла глаза, чтобы остановить слезы. Слезы будут ей мешать. Теперь нужно постараться сконцентрироваться, насколько это вообще возможно в ее состоянии. Каждое слово — игла. Иглоукалывание может быть очень даже полезно, если раздражать правильные точки. Только бы собраться с мыслями...

Она открыла глаза и чуть отодвинула Ваньку от себя. Буквально на шаг. Чтобы он не подавлял ее, и она могла четко отслеживать его реакции вплоть до вдоха-выдоха. Еще нужно справиться с голосом. Это самое сложное.

— Я тебе говорю, не помню я число, — на первый взгляд спокойно и уверенно начала она. — Это было после того как мы с тобой встречались на лодочной станции.

— Где.

Алёна покосилась в сторону спальни, потом посмотрела на Ваньку. Он раздраженно выдохнул, чуть сильнее сжал челюсти. Понял ее. Но продолжал молчать, ожидая подтверждения.

— Здесь, у меня.

— Сколько.

— Не будь кретином! — воскликнула она. Вытерла слезу. — Один раз! Да один раз я тогда переспала с ним и все. И если хочешь знать, физического удовольствия не получила! Доволен?! — Черт. Очень трудно себя контролировать с Шауриным. Он снова подался вперед. Наверное, невольно. Алёна тут же выставила ладони, останавливая Ваню на месте. Уперлась в его крепкую грудь и, задыхаясь от аромата дорогого парфюма, попыталась снова взять себя в руки. Внутри все тоскливо сжалось. Когда же она обнимет его, наконец, спокойно... — У меня с ним вообще не всегда получалось, что меня не особо волновало, поэтому я приучила его, что это нормально, в порядке вещей. Удовольствие зависит от эмоционального и физического состояния, даже от дня менструального цикла, в конце концов! Сексу я никогда не придавала особого значения. Собственно, и мужчины, как сексуальный объект, меня не интересовали никогда.

— М-м-м... Вот мозг потрахать - это да, — незамедлительно последовала реакция Шаурина. Непонятная, но реакция.

— Это да, — спокойно согласилась Алёна и снова набрала полные легкие воздуха. — Ты там себе отмечай, — нарисовала пальцем в воздухе «галочку», — я говорю в прошедшем времени. Это все было до тебя. — «Галочка» дрожащей рукой. — Ты, как сексуальный объект, меня очень сильно привлекаешь. Наша с тобой интимная жизнь меня волнует невероятно. — «Галочка». Шаурин любит факты, вот пусть и получает тезисы из доклада, а не сопливые признания. — Я его давно знаю, он за мной бегал еще в школе. Он лишил меня девственности. Когда мне исполнилось восемнадцать, я решила, что пора начинать половую жизнь. Сходила к гинекологу, посоветовалась, начала пить противозачаточные таблетки. Пью их и по сей день, независимо оттого есть у меня половой партнер или нет. С ним я встречалась последние два года. Это человек — проверенный временем. И вообще мне с ним было удобно. Он то на сборах, то на соревнованиях.

— Почему расстались?

На этот вопрос Алёна не хотела отвечать. Медлила. Шаурин чуть приподнял подбородок, кажется, готовясь выдать что-то очень жесткое. Его глаза холодно блеснули.

— Он сделал мне предложение, а я отказалась, — сказала быстро, словно боялась запнуться и не договорить, — и решила, что в наших отношениях дальше нет никакого смысла.

— Почему отказалась? — ровно спросил он.

Ваня не менял тона голоса, и Алёна не знала — хорошо это или плохо. Не понимала, что происходит сейчас у него внутри.

— Я его не любила, но доверяла. Он не предатель. Но какой смысл в этом браке? Мне с ним было просто удобно. Разве это плохо для отношений? Очень хорошо. Ему тоже было удобно. У него очень жесткий график, все расписано по минутам. И он думал, что все контролирует. А я просто позволяла ему так думать, потому что в этих отношениях он решал только те задачи, которые знал, как решать. А ты, Шаурин, способен переносить высокую неопределенность ситуации и умеешь заниматься важным, а не быстроразрешимым. — Две «галочки».

Алёна намеренно не называла Грохольского ни по имени, ни по фамилии. Вообще никак не называла. Он должен быть обезличенным. Должен остаться для Шаурина просто тенью. Она под пытками не признается, как звали ее бывшего. И если Ваня сегодня не спросит у нее, то у других точно не будет спрашивать. А Ваня не будет. Потому что он выше этого. Не тот случай, чтобы выяснять личность. Ни за что на свете он не станет делать из «тени» «человека». Не станет собственноручно уплотнять его образ. Шаурин всегда должен быть на «первом». Все остальные — безликие существа.

Разрываясь от напряжения и боли, Алёна ждала вопросов. Но их не последовало. Ванин взгляд говорил яснее ясного.

— Неважно, почему я тогда с ним переспала. Важно, что ты не был моим мужчиной! — Она перешла на крик, потому что о них с Ванькой говорить в разы сложнее, чем вещать о прошлых отношениях. Сама не знала, хватит ли у нее еще сил, чтобы говорить о настоящем. — И причины, по которым я это сделала, тебя не касаются! Может быть, ты считал по-другому, я об этом не имела понятия. И вообще... если хочешь знать... — тут Алёна начала задыхаться, — я не думала, что у нас есть будущее. У меня был лимит. Пять свиданий. Пять, и мы расходимся. Извини, что с первой встречи я не планировала наше будущее и ничего не рассчитывала! Извини, что в Ваше Величество я не влюбилась с первого взгляда! — выкрикнула она и подавленно замолчала.

Шаурин тяжело вздохнул.

— Ты забыла, — глухо проговорил и нарисовал две «галочки».

Алёна закрыла лицо руками. Горло сжал проклятый спазм. Говорить больше не могла.

Все ее слова могут дать обратный эффект. Это равно как собственноручно вложить ему в ладонь оголенные высоковольтные провода. Такой разряд может оживить, а может и убить. Сродни дефибрилятору — или запустит сердце, или убьет.

— А когда влюбилась?.. — шагнул к ней. Она вскинула на него заплаканные глаза. В них читалось четкое желание оттолкнуть его. Ее слезы злили его еще больше. Потому что сейчас

он никак не мог ее успокоить. Не в том был состоянии. — Давай, вены вскрыла, теперь бинтуй... Говоришь: я тогда была не твоя. Когда — моя? С чего это ты вдруг пошла со мной на шестое свидание?

— Влюбилась в тебя — вот и пошла! И только попробуй спросить — почему влюбилась! — прокричала она, пытаясь защищаться. — Да просто так!.. Как дура... если бы знала, почему... попыталась бы в тебя не влюбляться. Потому что ты чертовски неудобный! Ты для меня охренительно неудобный! Я, по-моему, с тобой ни черта не контролирую! Ни себя, ни что-то вообще! Тебе число назвать? — язвительно выпалила она. Слезы потекли градом. — Число не помню... — говорить было невероятно трудно, еле переводила дыхание. — В отпуске все дни одинаковые... но могу рассказать, когда я точно была твоей... пришла к тебе домой первый раз. Помнишь? Чай с апельсином... и мы с тобой обнимались...

— Угу, ты тогда тоже со мной «дружила».

— Конечно! Я привела себя в порядок, напялила футболку без лифчика и пришла к тебе дружить! Обои разглядывать! Шаурин, ты идиот?! — Она размахнулась и со всей силы врезала ему по груди. — Мне... пл... плевать на твои... об... обои... — начав заикаться, она замолчала и попыталась оттолкнуть его от себя. Но это было невозможно.

Шаурин закрыл ей рот ладонью, навалился, глубже втиснув в угол. Прижался своим лбом к ее лбу.

— Тихо. — Дождался пока кончатся ее всхлипы и отстранился. Прикрыл глаза на несколько секунд, а открыв, уставился на Алёну сосредоточенно. Поднял руку и нарисовал три «галочки». — Ах, да, — процедил сквозь зубы, — я охренительно неудобный, — резким жестом рассек воздух. «Галочка».

Он отпустил ее и натянул куртку, собираясь уходить. Мягкая кожа протестующе шуршала от порывистых движений. Алёна его не останавливала. Так будет лучше. Им сейчас надо побыть вдалеке друг от друга.

Слезы кончились, как только за Шауриным захлопнулась дверь. Закусив губу, Алёна пошла в спальню, чтобы упасть в кровать и плотнее завернуться в одеяло и, может быть, заснуть. Однако она замерла посередине комнаты.

— Вот ты, бл*ть, у меня параноик! — прошептала она и начала решительно сдирать с матраса постельное белье.

ГЛАВА 24

Ярко мигнули в темноте фары, и оглушающе пискнула сигнализация его автомобиля. Прямо по оголенным нервам. Шаурин уселся в темный салон. Замер. Придавило.

Сам не знал, как выдержал этот разговор. Наполнялся ее словами. Кажется, вот-вот и все. Разорвет. Но нет же. Слушал. Чувствовал, как внутри медленно поднимается первозданная, бесконечная злость. Как она разворачивается во всей мощи, сминая душу, разум, чувства, оборачивая весь мир в ненависть. Все вокруг - в причину этой ненависти.

А потом на свободу, на воздух. Дышать. Вздохнуть. Тесно. Душно. Содрать все с себя. Полюбить. Сбросить. Избавиться от старой кожи, вырваться из клетки. Хоть куда — в небо, в землю.

Шум в голове, звон. Больная, яростная агония обволакивала его, пожирая с потрохами, оставляя в душе блеклые оттенки боли, ревности, отчаяния и безысходности.

А потом пустота. Гулкая. Холодная. Хлипкое равновесие с легким головокружением и невыносимой головной болью...

Сидел неподвижно. Не мог шевельнуть рукой, чтобы завести машину. Тело налилось неподъемной тяжестью. Повернул ключ в замке зажигания. Мотор отозвался ободряющим урчанием. Вдохнул глубоко, положил руки на руль. Словно заново учился двигаться. Пробовал суставы, шевелил онемевшими конечностями, пускал кровь по венам. Потекли мысли. Тягуче и заторможенно. Понял, что не желает оставаться в этот вечер один. Только не сейчас. Сейчас нужно разбавить чем-то эти расплескавшиеся черным мазутом отголоски каких-то чувств. Разбавить, но не тревожить. Не добавлять.

Только один человек мог обеспечить ему нужное спокойствие. Гергердт. Этот точно не будет лезть в душу, сочувствовать, выпрашивать. И уж точно не попытается помочь морально, потому что сам совершенно далек от таких переживаний.

Позвонил Гере, договорился о встрече, вернее, получил уважительно-матерное приглашение навестить его дома. Удивлялся своему незнакомому голосу. Как будто слышал его со стороны и не узнавал. Пока говорил, отдышался. Уверенно тронул машину.

Когда положил трубку, в голове перестало гудеть. Но теперь ужасно хотелось пить. В горле пересохло.

Наконец-то, вот оно — неудобство. Уже не в том урагане, а нормальное человеческое неудобство — когда хочется пить и в куртке жарко; и немного раздражает бьющий в глаза свет фар, мчащихся по встрече автомобилей; и бесит пробка в центре города.

— Хоть бы сказал, что не один.

— Уже один. Ленка, давай-ка, фьють, — кивнул в сторону двери.

— Я не Ленка, я Лерка.

— Какая разница. — Гергердт захлопнул дверь.

— Вчера шлюхи, сегодня шлюхи... Не надоело? — пройдя на кухню, Шаурин припал к воде. Влил в себя два стакана. Полегчало.

— И завтра шлюхи... Нет, не надоело. Не умею я из-за одной бабы убиваться. А может, по коньяку все-таки?

— По рому. — Ваня кивнул и устроился на высоком стуле за темной стойкой. — А тебе и не надо. Не хватало, чтобы ты еще из-за бабы начал убиваться, и так на всю голову тронутый.

Гера хохотнул, ничуть не обидевшись. Толкнул Ваньке полнехонький стакан с ромом. Как знал. Не поскупился, налил до краев. Что надо доза для Шаурина. Не убойная совсем, но расслабляющая. Отпил полстакана. Ром скатился в желудок как вода.

— Не знаю я ни хрена про вашу любовь, — начал разглагольствовать Гергердт, — но могу точно сказать: если ты не трахаешь свою девку, значит твою девку трахает кто-то другой.

— А ты у нас спец прям по этому делу.

— Я добрый. Кого не дотраха́ли – все ко мне. Всем помогу. — Гера загоготал. — А любить только дети умеют. Потому что у них секса нет. А когда секс есть – зачем любовь? Конфетой поделился — охренеть какой влюбленный. Угощал я в детстве одну малявку — ирисками. А потом отлупила ее мамка за эти ириски и кончилась наша любовь. Вот так вот...

— Кофе налей.

— Ты кофе ко мне приехал пить?

— Давай, а то голова раскалывается.

Гера нажал кнопку на кофе-машине и через полминуты поставил на стол чашку крепкого кофе, продолжая свои рассуждения на тему любви и секса:

— Девочки вырастают. Ирисками уже никого не подманишь. Большие девочки хотят сытой жизни: вкусно есть, сладко спать, отдыхать на дорогих курортах, ездить на дорогих машинах. Все, что мне нужно, я покупаю. Вот такая у меня с ними любовь. И меня это устраивает.

— Не буду спорить.

— Да тут и спорить не о чем, говорю же: я в вашей любви ни хрена не понимаю. Но девочка у тебя крутая.

— Нет, не крутая. Самая крутая. Таких больше нет. Она такая одна.

— Да. Оба вы такие... — ухмыльнулся Гера.

— Какие?

— Ну... типа, чё по муравьям топтаться? Вот слона завалить — это да-а... — Иван в ответ хмыкнул. — Завалили тебя слоняра? Завали-и-и-ли... — Гера хлопнул Шаурина по плечу.

Тот качнулся чуть назад и выдохнул:

— На лопатки. — Говорил, и все внутри отзывалось на эти слова. Хотя отголоски злых чувств еще бушевали. Поэтому в ближайшие дни с Алёной видеться не хотел. У него тоже свой лимит. Пять дней, чтобы до конца остыть.

Выдержать перерыв Шаурину не удалось. На следующий день ему позвонил Игорь и сообщил, что Алёна попала в аварию. Эта новость повергла Ивана в шок. На мгновение у него отнялась речь, и он молча слушал друга, не в силах задать хоть какой-то вопрос. Хорошо, что Радченко обладал способностью ясно и лаконично выражаться.

Какого хрена... Надо позвонить Алёне, а он тупо смотрел на список контактов в телефоне, забыв, как это делается. Потом оторопь отпустила, и Ваня набрал ее номер.

Алёна ответила не сразу, а когда ответила, голос дрожал. Она пыталась взять себя в руки, но получалось плохо. Испугалась, наверное, сильно. Игорь сказал, что у нее легкое сотрясение

мозга и ушиб плеча. Она повторила то же самое, добавив, что ей сделали рентген головы и плеча — все хорошо.

Хорошо... Как же... Не стал Шаурин выспрашивать по телефону подробности, пообещал приехать через час. Твою мать... Как назло, сегодня дел по горло. Но вырвался. Правда, приехал чуть позже, чем обещал. Забрал Алёну из больницы и привез к себе. Поразительно: она даже не сопротивлялась. Скорее всего, потому что все еще находилась в шоке. Он сам тоже не совсем отошел от потрясения.

Дома молчали. Шаурин слонялся по квартире, Алёна сидела на диване и в сотый раз перечитывала бумажки, которые ей дали врачи. На кухне возилась домработница, и Лейбе казалось: как только женщина уйдет, царившая безмятежность растает.

Так и случилось...

Алёна вышла из душа. Плечо болело, но не настолько, чтобы лишать себя удовольствия помыться. Шаурин ждал ее на кухне. Гремел шкапами, будто что-то искал. Есть не хотелось, но она села за стол.

— Тебе даже сотрясение не помогло поставить мозги на место, — не глядя на нее сказал он и в очередной раз хлопнул дверцей.

— В каком смысле? — Алёна скривилась. Ну что он там потерял? И так голова раскалывается, еще он громыхает на всю квартиру.

— В прямом, — хмуро сказал он. Потом вдруг развернулся, медленно поднял ладонь, и Алёна поняла, что надо затыкать уши. — Почему я, о том, что произошла авария, узнаю от Игоря, а не от тебя?! — начал орать он. — Почему? Нет, я понимаю, что ты тупишь, я даже к этому уже привык. Интрига у тебя такая! Но не надо тупить, когда вопрос касается, здоровья, жизни, безопасности! Не надо тупить, надо звонить мне! Я чувствую себя полным долбо*бом, выслушивая Игоря, и он чувствует себя так же, сообщая мне, что случилось с моей женщиной! Ты же не в беспамятстве! Слава богу...

— Стесняюсь напомнить, — немного ошарашенная от такой отповеди проговорила Алёна, — что у нас сейчас не все так ладно в отношениях, чтобы звонить непременно тебе. Я как бы... черт его знает... — пожалала бы плечами, если бы не боль. А так сидела закаменев.

— Не беси меня, — рыкнул он сквозь зубы. — Какая разница, как у нас сейчас с тобой в отношениях! Какие у нас отношения!.. Будь там вообще! все! не ладно! Кому ты еще позвонишь?!

Ее губы тронула невесомая и совсем неуместная улыбка. Шаурин бушевал, злился. Он был вне себя. Но от его слов внутри стало так горячо, что боялась расплавиться. Словно сдерживаясь, обхватила себя за локти, но жгучая волна, поднимаясь откуда-то снизу, добралась до глаз — в них запекло.

— Ванечка, ты вернулся? — несмело спросила Лейба.

— Я никуда и не уходил. Я просто уезжал в командировку.

Алёна прикрыла дрожащие веки и долго молчала, не открывая глаз. Пыталась сдержать накатившие слезы.

Шаурин устало рухнул на стул и опустил голову на сложенные на столе руки, прижав горячий лоб к тыльной стороне ладоней.

Алёна потянулась к нему, тронула плечи. Зарылась пальцами в жесткие волосы на затылке.

— Я знаю, — прошептала она и рвано вздохнула, — ты орешь на меня, потому что сильно переживаешь. Ты беспокоишься, поэтому кричишь. Я тоже напугалась. Но все же хорошо... Ванюша прости меня, я была не права. Что-о? — протянула в ответ на его взгляд. Он сел прямо, скрестил руки на груди и посмотрел на нее так, будто она сказала какую-то несусветную чушь. — Ну, это же ты у нас Божество — умный-умный и всегда прав. А я — нет. И мне не нужны железобетонные факты, мне просто можно все объяснить по-человечески, и я пойму. Прости. Я была не права. Теперь, если у меня что-то случится, я буду звонить тебе — первому. Даже с того света буду тебе звонить.

Наверное, последнее было сказано зря — взгляд Шаурина потемнел.

Переживал? Беспокоился? Да у него сердце остановилось, когда Игорь рассказал об аварии. Оно точно остановилось, а потом забило так, что в груди стало больно. Это ни хрена не беспокойство. Кажется, он сегодня умер и воскрес.

— И какого черта ты отказалась лечь в больницу? — строго спросил.

Когда приехал, Алёна уже написала отказ и ждала его в холле. Если бы успел раньше, то не позволил бы этого сделать. Пусть полежала бы пару суток, чтобы врачи понаблюдали. Ни за что бы не позволил ей уйти...

— Потому что у меня всего лишь легкое сотрясение и ушиб плеча. И потому что я не хочу лежать в больнице.

Он хмыкнул:

— Все коты придурки, кроме кошки Мурки.

Надо же! Даже в такой ситуации Шаурин не теряет чувства юмора. Оно у него тонкое, а иногда острое, как игла, — может больно уколоть.

Алёна засмеялась. Но ее смех быстро перешел в слезы.

— Что за ф-ф... фигня, — заикаясь, проговорила она и глуповато улыбнулась. Вытерла ладонью мокрое лицо.

Это был не тот плач, что разрывает грудь, отнимая дыхание и силы. Эти слезы текли удивительно легко. Струились по щекам и, кажется, на вкус не были солеными.

Ваня поднялся, обошел стол и прижал Алёну к себе. Сначала не понял, что она плачет. Она держала руки у лица, и плечи ее чуть содрогались от смеха. Но она плакала, давилась смехом и плакала. От этого ему стало не по себе. Но, может, и к лучшему — пусть поплачет. Хотя те слезы как ножом по сердцу. Потому что там, в сердце, уже ничего не осталось лишнего, что могло бы защитить от этой боли — ни злости, ни обиды, ни ревности. Только страх, что мог свою Мурку потерять. Но какая же это защита?

Алёна, невзирая на боль в плече, крепко обхватила Ивана, наконец-то прижалась к нему, как давно хотела. Руки у него жесткие, и сам Ваня очень напряжен. Она чувствовала это, когда

гладила его по спине. Слышала, как грохочет его сильное сердце. Но это самое уютное объятие. Самое нежное и теплое. И пусть Шаурин сейчас злой, неосторожный в словах и грубоватый. Но зато настоящий — без налета равнодушия и отточенности в каждом движении. Нервный и переживающий. Пусть он будет такой. Невозможный. Но любимый. Невозможно любимый.

— Ванечка, ты меня простил?

— За что?

— Ну... за ту глупость...

— Не помню я никакой глупости. Ты сначала натвори что-нибудь, а потом я буду решать: прощать тебя или нет.

— Я соскучилась. — «Соскучилась» - какое-то совсем неправильное слово, но другого Алёна подобрать не смогла. — Это ужасно, когда тебя нет рядом. Это очень неудобно.

— Неудобнее, чем когда я рядом?

— Гораздо.

Он тихо говорил. Она тихо отвечала. И слушала его, закрыв глаза. Но знала, точно видела, как на его мягких губах появляется легкая улыбка, по обыкновению, неприлично обаятельная.

— Хочу шампанского, — очень неожиданно сказала она.

— Какое тебе шампанское? У тебя сотрясение.

— Обычное. Хочу.

— Нельзя. Я точно знаю, что алкоголь противопоказан при сотрясении.

— Да. А еще мне нельзя нервничать. Вот сейчас ты мне не нальешь шампанского, и я буду страшно нервничать. Кстати, чтоб бы знал, после любой черепно-мозговой травмы, независимо от ее тяжести, возможно посттравматическое изменение личности. Склонность к эмоциональным вспышкам, раздражительность, возбудимость, внезапные приступы ярости, сопровождающиеся агрессией, психозы с галлюцинациями и бредом.

— В общем, все плохо.

— Хуже некуда. Я уже нервничаю.

— Один бокал. И спать.

— Хорошо. Слушаюсь и повинуюсь.

— Оно теплое.

— Отлично. Ты не представляешь, как я люблю теплое шампанское.

Шаурин, смилостивившись, открыл шампанское. Правда, не очень охотно. Но все же Алёна получила свой бокал игристого напитка. Собственно, ей пары глотков хватит. Не знала, чем объяснить это внезапное желание, но, казалось, если не почувствует на языке этот вкус, не

сможет заснуть.

Ванька налил себе что-то другое. Что-то темное и крепкое, которое он уничтожил одним глотком. Выпил как лекарство и убрал бокал. На стул не присел, остался стоять, оперевшись о столешницу, в ожидании, пока Алёна допьёт шампанское.

— Поздравь меня. Я сегодня экзамен в аспирантуру сдала. Первый. Профильный.

— Вот это да. Поздравляю, — ухмыльнулся он, ничуть не удивившись. Так устал за день, что не было сил удивляться. И на какие-то разговоры уже сил тоже не было. И как только Алёна еще держится.

Он шагнул к ней и заправил ей за ухо непокорную прядь. Этого ему показалось мало, решил высвободить волосы из узла. Алёна как-то скрепила их резинкой... которая ни черта не отцеплялась.

— Давно собиралась поступить, да что-то не складывалось. — Потянулась к голове, чтобы распустить волосы, но Ванька отбросил ее руки.

— А сейчас сложилось.

Ну вот, наконец-то шелковистая волна накрыла хрупкие плечи. Он с тайным удовольствием запустил пальцы в золотистый шелк. Осторожно. Чтобы не добавлять головной боли.

— Угу, надо же мне было чем-то заниматься, пока тебя не было. Кстати, а ты придумал, что мне сказать?

Он засмеялся. Вспомнил ее наказ.

— Придумал.

— Да?

— Да.

— Шаурин, ты такой оратор... у тебя обязательно должна быть заготовлена для меня какая-то речь.

— Есть у меня речь.

— Я серьезно. Чтобы красиво.

— И я серьезно. Могу красиво зачитать прямо сейчас.

Алёна улыбку сглотнула, но лукавый огонек в глазах быстро сменился смущением.

— Нет, не надо, — серьезно сказала она. — Мне кажется, я еще не готова.

Алёна спустила ноги на пол, мягко соскользнула со стула и тут же качнулась. Пока сидела, как будто кипела энергией, а на пол встала, и колени подогнулись, голова закружилась. Ваня удержал.

— Надеюсь, у тебя ребра не сломаны?

— Нет.

Тогда он крепко ухватил ее и приподнял, чтобы она обвила его ногами.

— Все, Мурка, спать. Завтра будем обсуждать аспирантуру и актуальность проблемы твоей будущей диссертации.

Они улеглись в кровать, Шаурин помог ей снять футболку.

— Перевернись на другой бок, а то мне так неудобно. И руку вот сюда... повыше... Да, вот так,
— довольно вздохнула Алёна, уютно прижавшись к Ваньке. — И ни фига ты уже не Божество.

— Это почему? — усмехнулся он.

— А потому что Божество не может заниматься сексом в подъезде, а только в спальнях хороминах да на шелковых простынях. Божество не матерится и не орет как ненормальное. А то — не ору, не курю, не матерюсь. Наконец-то человеком стал...

Алёна проснулась одна. Ваня уже ушел на работу. Она помнила, как перед этим он долго целовал ее. И это было прекрасно.

Плотные портьеры не пропускали свет. Но, должно быть, время давно перевалило за полдень. Так хотелось потянуться с хрустом, но на любое шевеление тело отзывалось болью. Плечо особенно. Голова просто трещала. Однако валяться в кровати и ждать, пока самочувствие улучшится, еще более невыносимо. Потому Лейба выбралась из спальни и побрела по квартире. В гостиной работал телевизор, что сразу насторожило.

— Привет, — разулыбалась Катька. Она валялась на диване и щелкала фисташки.

— Приве-е-ет, — с некоторым удивлением приветствовала ее Алёна.

— Я у тебя сегодня вместо сиделки, — сразу объяснила та свое неожиданное присутствие. — Что мадам желает на завтрак? Сразу скажу: выбор у тебя небольшой. Главнокомандующий отдал приказ варить овсянку. Не смею ослушаться. И это, кстати, одно из тех немногих блюд, которые у меня получаются съедобными. Ваня любит овсяную кашу. Он у нас в семье первый радеет за здоровое питание. Что-то ты не очень выглядишь, — выдала она на одном дыхании.

— Я и чувствую себя так же. Не очень. — Алёна присела на диван. — Значит, ты и яичницу-глазунью умеешь идеально жарить.

— Почему это?

— Потому что Ваня ее любит.

— Да? Знать про это не знала. Ну, Ванечка у нас вообще загадочный. Станный в определении своих вкусов. Мы только недавно узнали, что он заливную рыбу терпеть не может. Мама на семейные праздники делает офигенную заливную осетрину. Ага, всю жизнь ел, а тут вдруг не любит он ее.

— Конечно, всю жизнь ел, чтобы маму не обидеть, — улыбнулась Алёна. — Но ему крупно

повезло, я не умею готовить заливную рыбу.

У Катки зазвонил сотовый. Она долго смотрела на экран, решая, отвечать или нет.

— А-л-л-о, — наконец жеманно ответила. — ...а что ты мне звонишь? Я что - его секретарша?! — рывкнула Шаурина. — Сейчас не отвечает, значит, потом ответит. Звони на работу, телефон знаешь.

Вот это да! Алёна удивилась. Никогда не слышала, чтобы Катя так бурно выражала к кому-то свое отношение.

— ...нет, Митенька, и я к тебе со всей душой. Она у меня широкая, там для всех места хватит. Чтоб тебе провалиться. Целую тебя в твою небритую щечку. — Катя раздраженно выдохнула и отбросила в сторону телефон. Заметила взгляд Алёны и поспешила прокомментировать свою вспышку: — Не все приятели брата такие порядочные и хорошие, как Игорь или Валет. Некоторые из них откровенные уроды. А этот особенно противный.

— А этот противный приятель не против, что ты с ним в таком тоне беседу ведешь?

— Против, но только кто его спрашивает. Я же глупая, безбашенная малолетка — мне все можно, — Катя улыбнулась. — Я всегда Ванькиных дружков приземляю, а то больно крутые. Получают все на раз-два. Боги.

В улыбке и в выражении глаз Кати Шауриной не было ничего глупого, да и выглядела она далеко не как малолетка.

— Ну, им по статусу положено.

— Я бы сказала, что им по статусу положено, да только это матерно будет. Вот где мне такого, как Ванечка, найти — умного, доброго, понимающего? Вокруг одни идиоты, а мне любви хочется.

Алёна рассмеялась.

— Такого, как Ванечка, больше нет. Он такой один.

— Это точно, — с сожалением вздохнула Катерина. — О, хорошего человека вспомни... — улыбнулась и ответила на еще один входящий звонок. — Привет, дорогой брат... Овсянку едим... Конечно. И я тоже. Хорошо. Совещайся спокойно, я бдую. Дверь на все тридцать замков заперта, а ключи я потеряла.

Катя уже спокойно отложила айфон и обратила на Алёну умный взгляд.

— Врешь и не краснеешь, — снова рассмеялась Лейба и поморщилась. Боль стукнулась в затылок.

— Я не вру. Ты разве не знаешь золотое правило общения с Иваном Шауриным: скажи Ванечке то, что он хочет услышать, а потом делай так, как тебе надо.

Алёна расхохоталась.

— Блин, Катка, ты меня до приступа доведешь.

— Хорош ржать. — Катя решительно поднялась с дивана, разгладила на бедрах кожаные

брюки, поправила кофточку. — Пошли овсянку варить, он же все проверит. Сдерет с меня потом три шкуры. Я не люблю, когда Ваня нервничает. Но знаешь, — тут девушка выставила вперед указательный палец, — я всегда за баб. Во мне очень обострено чувство женской солидарности.

Ваня вернулся рано. И, конечно, не один. С портфелем бумаг. Катька, окончательно вжившись в образ добропорядочной сестры, приготовила ужин. Он долго сомневался, стоит ли ему рисковать здоровьем, но поел. Весь вечер они препирались. Это было смешно. И очень душевно. Так искренне и с любовью. Алёна заметила, что наедине Катя и Ваня вели себя немного по-другому. На глазах у родителей Иван играл роль строго воспитателя, а у себя дома позволял сестре все. Баловал ее. Прощал всякую небрежность в словах. На свой день рождения Катька выпросила у него серьги с коньячными бриллиантами. Потом передумала, решив, что хочет машину. Восемнадцать лет, как никак. Потом снова передумала. Было очевидно, что удовольствие ей доставлял сам разговор, и не так важно на самом деле, что Ванька подарит. Ей хотелось его внимания.

— Верни мне ключи от мерседеса, — после ухода сестры заявил Шаурин Алёне.

— Почему это?

— Я от него избавлюсь, не хочу, чтобы ты на нем ездила. Все равно битый.

— С чего ради он битый? — удивилась Алёна. — Ты думал, я на нем разбилась? Я вообще на такси в аварию попала. А мерседес я на крытую парковку отогнала, стоит красавец, меня ждет. Целый и невредимый.

— Да? — теперь настал черед Шаурина удивляться.

— Да. И ключи я тебе не отдам. Подарки - не отдарки. Может, ты не с душой подарил, но я с душой приняла.

И, правда, не с душой подарил, потому и избавиться хотел.

— Я куплю тебе другую машину.

— Бентли? — Алёна засмеялась и заглянула в серо-зеленые глаза. — Совесть мучает? — обняла Ивана за плечи. — Не отдам я тебе ключи. Я уже проехала на этой машине, она мне нравится, буду ездить. Не в машине же проблема, а в голове. Не переживай.

Алёна успокоила шауринскую совесть крепким поцелуем. Но, видимо, совесть его разбушевалась не на шутку, — мало оказалось поцелуя, — потому им срочно пришлось перебраться из гостиной в спальню.

Чуть позже Иван засел в кабинете. Устав от одиночества, Алёна пошла его навестить. Хотела предложить кофе.

— Ты опять в моих футболках гоняешь? — едва оторвал взгляд от заваленного бумагами стола.

— Опять. Никак не могу исправиться.

— Я вижу.

— А вот ты думаешь, почему я гоняю в твоей футболке?

— Масса вариантов, — сказал он сосредоточенно глядя вниз.

— Они у тебя все неправильные, — уверенно сказала она. — А один совсем-совсем неправильный, который ты не хочешь озвучивать.

— Естественно. Берегу твои нервы. Я же помню о последствиях черепно-мозговой травмы.

— Ванюша, я ношу твою футболку, потому что так... ты как будто меня обнимаешь. Это уже патология. Я борюсь с собой, честно, но у меня ничего не получается.

Он поднял на нее взгляд и даже отложил ручку.

— А если я куплю тебе парочку мужских футболок?

— Не сработает. Ты же их не носил. И не смотри на меня так. И не надо этих мхатовских пауз.

— Алёна занервничала и даже поднялась с дивана, на который только уселась. — Я вообще пришла позвать тебя кофе попить.

— Тогда давай попьём. Только тебе кофе нельзя.

Когда они уселись за стол, вдруг вспомнилась разборка, которую Ваня устроил из-за того, как он записан в телефонной книжке. Решив кое-что проверить, Алёна набрала шауринский номер. На дисплее его телефона высветился только ее номер. Только цифры. Входящий неизвестен.

— Шаурин, я не поняла, — возмутилась она, — ты мне такую головомойку устроил, а сам? Это что за нахальство?

— Напротив, — миролюбиво до отвращения сказал он, — глубочайшее понимание твоего ко мне отношения. Ты права абсолютно: какая разница кто и как записан? Это же просто номер телефона. Можешь вообще мой номер стереть. Я, например, твой наизусть помню. Надо сказать, что я, кроме твоего, помню всего лишь пять номеров. Так что ты в фаворе.

Ладно. Действительно. Алёна ему то же самое говорила, какие теперь могут быть претензии. Его телефон. Его контакты. Пусть как хочет — так и записывает.

С такой теорией Лейба продержалась ровно пятнадцать секунд.

— Ваня, что за чушь?

— Вообще не чушь. Я просто очень хочу стать для тебя охренительно удобным.

— Ага, ты прям стараешься изо всех сил. Так, ладно... — съязвила Алёна, взяла свой сотовый и переписала Шаурина как «Любимый». Ткнула ему экраном в лицо. — Видел?

— Видел, — послал в ответ усмешку.

— Давай. Быстро записывай меня.

— Хорошо, давай запишем. Как?

— Пиши: Алёна.

— Алёна так Алёна.

— Нет. Пиши: моя Мурка. Пиши, говорю! — горячо вскрикнула она.

— Ты очень убедительна. — Засмеялся. — Так и запишем: моя Мурка. Проверять будешь?

— Нет, надеюсь на твою сознательность.

Ваня принялся за свой кофе. Алёна вдруг скривилась, будто съела что-то кислое.

— Шаурин! Вот что это за дешевые штучки? От этого фокуса с телефонным номером за версту несет грубой и пошлой манипуляцией.

— Так я и не психолог, чтобы владеть тонкими приемами внушения, — ухмыльнулся Иван. — У меня все грубо, пошло и топорно. А попробуешь меня переименовать — до конца жизни останешься в моем телефоне анонимом. Это ты у нас профи. Кстати, а вот и тема для кофе: зачем тебе аспирантура?

Алёна расслабила плечи и вздохнула.

— Мне узко в моем профиле, я хочу развиваться. Хочу заняться индивидуальной психотерапией, перейти от детской психологии к психологии травм и стрессов. На моей базе мне будет очень удобно работать. Многие травмы родом из детства, мы оттуда и начинаем прорабатывать клиентов.

Она загадочно улыбнулась. Тронула волосы. Катька заплела ей ажурные косы и уложила кругом на голове.

— Давай-давай, говори.

Алёна вдруг стала серьезной.

— Вот у тебя, Шаурин, здоровая семья, здоровое детство. Ты единственный, кого мне не хочется переделать. Вот даже придраться не к чему. Ты полностью адекватный. Ты даже когда неадекватный — адекватный. Своему характеру, типу, природе и способностям. — Тут она глубоко вздохнула и заговорила тише. — А еще... ты хороший и заботливый. И я тебя люблю. Особенно за это.

— За что? — Он отставил чашку, сложил руки на столе и подался чуть вперед.

— За то, что ты обо мне заботишься. Даже лучше, чем я сама о себе. Ненавижу мхатовские паузы, — прибавила скороговоркой. На лице у нее было написано волнение.

— Я тебя тоже, Мурка-моя-любимая, — улыбнулся и заполнил паузу, которая не успела возникнуть.

Алёна с раздражением выдохнула.

— Ужас, какая стала сопливая и сентиментальная. Скоро вообще поселюсь у тебя, надену фартук, буду готовить тебе бесконечные ужины и бегать с тряпкой для пыли.

— А сейчас ты не поселилась у меня?

— Нет, сейчас я у тебя болею.

— А-а, — понимающе кивнул он, — ну, когда-нибудь тебе все равно придется «надеть фартук». Вот родим ребенка, сядешь дома и будешь заниматься малышом. Серёжкой. Или Витюшкой. Или Володькой.

— Чего? — несколько растерянно переспросила она, чувствуя в желудке холодок.

— Владимир — «владеть миром», Виктор — «победа». Но первый Серёжка. Девочек ты будешь называть.

Алёна замолчала. Сердце заколотилось как бешеное. Боялась напомнить, что в своих далеко идущих планах на их отношения Шаурин как-то пропустил одну очень важную стадию — заключение брака. Хотя штамп в паспорте — не главное.

Ваня отвратительно мило улыбнулся.

— Ты же не посмеешь отвесить мне пощечину, не станешь возмущаться и говорить, что ты не хочешь от меня детей, и не видишь со мной будущего.

Пауза все же образовалась. Алёна покачала головой и слегка улыбнулась:

— Вот ты манипулятор... Конечно, не посмею.

ГЛАВА 25

Господи, как гадко! Давно Алёна не чувствовала себя так плохо. Ее тошнило. У нее болела голова, и от слабости дрожали колени. Она упала в обморок. Вернее, точно бы упала, не будь рядом Светки. Радченко не растерялась, когда увидела, как Алёна внезапно побелела и качнулась. Мигом выволокла ее из бутика и усадила на ближайший диванчик. Купила воды без газа, дала попить, обтерла ей лицо влажной салфеткой.

Едва только способность говорить и соображать связно вернулась, Алёна позвонила Шаурину. Обещала же. Вот пусть заботится, ухаживает, решает ее проблемы. Он так этого хотел. А сегодня она — одна сплошная проблема, сил хватало только чтобы матом ругаться.

Ваня примчался через полчаса. Увидев его, Светка вскочила, точно школьница при виде учителя.

— Вот памятник, а вот оно - дерево, — хмуро пошутил Шаурин и сел рядом с Аленой. — Как ты? — Тронул ее лоб, будто проверял температуру.

Наверное, она была, температура.

— Ваня, может, в больницу? — обеспокоенно спросила Света. Почему-то у Вани. Лейба послала подруге полный немой укора взгляд, но та на это не среагировала, ждала ответа Шаурина.

— Разберемся, — спокойно сказал он и перевел взгляд на свою драгоценную. Драгоценная, к слову, держалась довольно стойко и делала вид, что все не так плохо. Поддерживала голову рукой, упираясь локтем в подлокотник. Лицо бледное, глаза стеклянные.

— Ваня, отвези меня домой, — уверенно сказала она. — Я и так в больнице частый гость. Позавчера была. Светик, беги, спасибо, что побыла со мной.

— Какие могут быть благодарности, — растерянно проговорила подруга. — Только позвоните мне попозже, а то я теперь места себе не найду.

— Позвоним, — пообещал Шаурин, и Света ушла.

— Отвези меня домой. Ко мне, — снова попросила Алёна и сделала глоток воды.

Шаурин сдержал возмущение. Только вздохнул громко и уставился на монстера около дивана — опознавательный знак, по которому должен был найти девушек.

Не хотел, чтобы Алёна сегодня уезжала из дома. Последние дни она чувствовала себя плохо, у нее часто кружилась голова. Теперь оказалось, что беспокоился он не зря. Хорошо, что Света согласилась пойти с Алёной по магазинам и была рядом, когда все произошло. И очень хорошо, что это произошло в торговом центре, а не где-нибудь на улице. Или в дороге. Или Алёна могла упасть с лестницы. Как минимум еще одно сотрясение бы заработала. У самого голова кружилась от этих мыслей. Даже вслух не хотел произносить то, что могло бы случиться.

— Хочу к себе.

— Почему к себе?

— Потому что в свой унитаз мне блевать будет удобнее! — рыкнула Алёна и встала с диванчика.

— Доктор, у меня в квартире две ванных комнаты. Для того чтобы поплевать — одна в твоём полном распоряжении. — Алёна послала ему такой красноречивый взгляд, что комментариев не потребовалось. Все понятно без слов. Уперлась, не уступит. — Хорошо, — согласился Иван и поднялся, взяв с дивана ее пакет с покупками. — Или в больницу?

— Нет, — снова уверенно заявила Алёна. — Я и так все сама знаю. И я не беременна. Это стрессовая ситуация последнего месяца дает о себе знать. Ну, еще таблетки, которые мне выписали после аварии, добавили проблем. У меня на таблетки желудок всегда плохо реагировал.

Дома Шаурин молчал. Ходил за ней по пятам и молчал. Алёну это ужасно раздражало. Она чувствовала себя неловко и почему-то не знала, куда себя деть. Думала, что дома ей будет спокойнее, но вышло наоборот. На кухне она поставила чайник, но вскоре выключила тот, не дав ему вскипеть. Поняла, что ничего в себя влить не сможет. Даже воду. Обессиленно опустила она на стул и подперла голову рукой. Шаурин мерил кухню широкими шагами.

— Ваня, только не надо метаться по квартире, пытаться вызвать мне врача и все такое. Хотел быть рядом, вот теперь будь. Любуйся на меня больную и зеленую, я еще буду полночи бегать блевать.

— Ты порычи, порычи, может, легче будет, — сказал Иван и полез в ящик с лекарствами. Порылся, но в том ящике было все, кроме того, что нужно на данный момент. Даже обнаружили блокнот, пара ручек, какие-то маленькие фотографии. А вот активированного угля не было. Вообще ничего подходящего не было.

— Отличненько. Просто замечательно. А может, тогда народными средствами? Водки с солью?

— Чего? — подняла на него обескураженный взгляд. От одного упоминания водки замутило.

— Проверено. Работает. Меня так один приятель лечил.

— Стесняюсь спросить: не Гера ли?

— Гера все водкой лечит — и стресс, и горло.

— Ага, — пробубнила Алёна, — и открытые раны раскаленным клинком прижигает. Как в средние века. У Гергердта же для всего свои законы. Ой, не смотри, я на этих фотографиях плохо получилась, — запричитала, когда Шаурин вытащил из ящика фото. — Забыла, что на документы фотографироваться собралась и напялила белую рубашку. Все слилось: лицо, рубашка, волосы. Пришлось еще раз фотографироваться.

— Не знаю, что и где там слилось, но на этой фотографии ты выглядишь гораздо лучше, чем сейчас. Потому давай, умывайся и в спальню.

Иван ушел в спальню. Собрался расстелить постель, чтобы уложить Алёну в кровать, но замер на пороге пустой комнаты. Хмыкнув, он вернулся на кухню и спросил, уперев руки в бока:

— Не понял. А что с кроватью?

Алёна так и не поднялась из-за стола, осталась сидеть со страдальческим видом. И на Шаурину не посмотрела.

— Выбросила. Отнеси меня в ванную, а?

— Зачем? — спросил удивленно. — В смысле, зачем выбросила?

— Я так поняла, что она тебя стала очень волновать. Прямо не в меру.

— Меня? Отнюдь. Проблема же не в кровати. Проблема в голове, да? — Он легонько постучал ей по виску. — То, что ты выкинула кровать, ничего не решает. Нужно этого человека выкинуть из своей жизни. Понятно? И никогда о нем не вспоминать. Я так хочу, и так будет. Тогда я буду спокоен, — сказал не грубо, но очень настойчиво. — Ты боишься крыс и предпочитаешь с ними не сталкиваться. Я тоже с такими «крысами» предпочитаю не встречаться. Слышишь?

— Слышу. Понятно, — безропотно согласилась Алёна и тяжело вздохнула.

— А кровать ты зря выбросила, что мне теперь на диване спать — как туристу?

— Ну, не спи. Спи у себя дома. Там будешь не как турист, — нахмурившись, проворчала она.

— Это было лишнее. Но ладно, спишем на последствия сотрясения. Я помню про посттравматическое изменение личности. Неврозы, психозы и необоснованная агрессия. Пойдем. — Он подхватил ее на руки. Алёна только обвила его плечи слабыми руками. Совсем она стала невесомая. Пугающе легкая.

Он отнес ее в ванную и поставил перед раковиной, сам направился в гостиную и занялся диваном. Сбросил подушки, нашел в ящиках постель и белье.

Алёна умылась холодной водой, как советовал Ванька. Ее и так поколачивало, а после этого совсем затрясло. Зубы застучали от холода.

— Я сейчас уеду, у меня еще есть дела, — сказал Шаурин, укутывая ее в одеяло.

— Дай мне жвачку. У тебя есть мятная жвачка?

Шаурин пошарил в карманах пиджака. Вытащил пачку орбита, вложил в протянутую ладонь.

— Ой, как хорошо, — Алёна притянула Ваньку к себе и прижалась к его груди.

— Не радуйся, я еще вернусь. Где ключи? Ладно, сам найду.

Иван оставил ее на несколько часов. Приехал поздно вечером. К сожалению, лучше Алёне не стало, она так же мучилась тошнотой, рвотой и невыносимой головной болью. Была бледная и вялая.

Откровенно говоря, возвращение Шаурина Алёну не очень обрадовало. Было бы легче пережить все одной. Не очень удобная у нее болезнь. Лейба ворчала, порывивала и огрызалась. Ванька терпел, не обращал на эти взбрыки внимание. Заставил ее выпить какие-то таблетки. Она проглотила все, не спросив названия, — пусть успокоится. Ваня все знает. Как пить дать, у кого-то проконсультировался.

— Ваня, бли-и-ин, мне так плохо, — в очередной раз захныкала Алёна, — езжай домой, я отлежусь, потом приеду к тебе. Дай мне самой поболеть.

— Не дам. А как же — и в горе, и в радости? Как ты дальше со мной жить будешь? Съезжать во время болезни? Я переживаю, беспокоюсь, так что имей совесть — болей молча, не возмущайся.

Алёна невесело рассмеялась. Кажется, ей стало лучше. Она заснула. Отключилась, как только перестала болеть голова.

Ваня устало потер лицо и поднялся с дивана. На столике недопитый чай, недопитый морс, сухари с изюмом. Отнес все это на кухню. Сложил Алёнкины вещи аккуратной стопкой на кресле. Они валялись около дивана. Ее бросало то в жар, то в холод. Она то натягивала теплую кофту и куталась в одеяло, то скидывала с себя все, задыхаясь от духоты. Это так страшно — видеть, как родной человек мучается, страдает и ощущать себя бессильным, потому что ничем не можешь помочь.

Он укрыл ее плечи, положил ладонь на лоб. Прохладный. И лицо покрывал естественный румянец. Теперь уж точно придет в себя. Теперь ей нужно просто выспаться.

Когда Алёна проснулась, знала, что проспала недолго, может быть, час. А как будто целую ночь.

Мягкий свет торшера сочился из угла комнаты. Тихо работал телевизор. Шел какой-то старый фильм. Хорошая советская комедия. Алёна смотрела на Ваньку. А Ванька смотрел в «голубой экран». Его губы изогнуты в полуулыбке, и сам он — средоточие спокойствия и умиротворения. Вдруг стало стыдно за себя. За свое поведение.

— Вань, ты что-нибудь ел?

Он повернулся к ней, и лицо его сразу изменилось. В глазах снова мелькнула тревога.

— Да.

— Точно?

— Точно.

— Я себя ужасно вела?

— Отвратительно.

— Оштрафуешь?

— Депримирую.

Алёна улыбнулась, выбралась из-под одеяла, переползла на другой конец дивана и уселась к Шаурину под бок. Он обнял ее за плечи, и она, прижавшись к нему, устроилась поудобнее.

— Хочешь что-нибудь?

— Хочу, но не буду, — поморщилась. Только-только желудок успокоился, боялась, что снова все всколыхнется. Лучше подождать до утра, поголодать немного.

— Завтра составлю тебе расписание. Будешь есть по графику, пить по графику, таблетки принимать по графику...

— Секс тоже по графику? — ухмыльнувшись, перебила Алёна.

— Всенепременно. Твое состояние - это не только последствия стрессовой ситуации последнего месяца, как ты говоришь, это потому что все у тебя как попало. Потому что ты такая. Если тебе не напомнить, ты и поесть забудешь. Вообще не понимаю, как так может быть.

— И так далее и тому подобное.

— Именно.

— Видишь, как тебе весело со мной, а то бы умер от тоски.

— Да что ты, какая тут тоска. С тех пор, как ты появилась, у меня в жизни все через ж... Каждый день новая задача.

— Вот что ты врешь! — Алёна возмущенно оттолкнулась от него.

— Ни капли. Сама никакая, болеешь, но дух противоречия в тебе ничем не убить. Он живуч и бодр.

ГЛАВА 26

Они стояли на причале, уютно прижавшись друг к другу. Наслаждались своей близостью и теплым вечером. Расслабляли мозг свежим воздухом и томной грустью, которая, впрочем, образовалась, верно, от вина. Алёна сама предложила поужинать в «Барракуде». Столько всего у них связано с этим местом. И так хотелось прийти сюда еще раз. Чтобы посмотреть на все другими глазами и оставить в сердце новые воспоминания.

— Твои родители два таких самостоятельных и независимых человека, — сказала с улыбкой. Уже не помнила, почему они заговорили про семью Ивана. Как-то перескочили на эту тему.

— Эти два независимых человека совершенно зависимы друг от друга.

Он прижимал ее спиной к своей груди. Она обхватывала его запястья теплыми ладонями, то и дело слегка ёжась от прохладного ветра.

— У нас с тобой так не будет, — тут же предупредила Алёна и повернула голову, чтобы посмотреть Ване в глаза.

— А что в этом плохого?

— У каждого из нас должно быть личное пространство. — Снова отвернулась лицом к воде.

— Хорошо, — спокойно согласился он. — Давай обозначим, что ты под этим имеешь в виду, и что ты будешь с ним делать, со своим пространством?

— Блин, Ваня! — досадно притопнула ножкой.

— Алёна, ты требуешь личное пространство, — все так же, без тени раздражения, говорил он, — так обозначь его. Что тебе нужно для комфорта? Что ты хочешь? Отдельно проводить отпуск? Спать в разных комнатах? Загул по выходным?

— Нет.

— Нельзя быть со мной и не со мной одновременно.

— Просто... — нерешительно начала она. — Когда люди растворяются друг в друге, может случиться трагедия. Нужно... нужно сохранять свое «я». Понимаешь?

Ее «понимаешь» прозвучало непозволительно высоко. Отчаянно.

— Ты сейчас про своих родителей говоришь? — Почувствовал, как после этих слов каменно напряглись ее плечи.

— Да, — после паузы выдохнула она. — Вот с отцом так произошло... мать не смогла жить без него, и я осталась сиротой. И я много чего делаю неправильно, просто потому что по-другому не умею.

Не знала, хорошо это или плохо, что Ваня вот так напрямую спросил. Хорошо ли, что он вообще дошел до этой мысли. Но сама Алёна точно не решилась бы обозначить эту проблему. Страшно копаться. Страшно лезть в ту глубину. Боялась там задохнуться. Она только-только перестала чувствовать себя неполноценной. Разве можно с Ваней Шауриным чувствовать себя неполноценной? Рядом с таким-то мужчиной.

— А почему ты решила, что твоя мать покончила жизнь самоубийством, потому что так сильно любила мужа? Именно из-за любви. Возможно она просто была слабым человеком. Или еще не вышла из послеродовой депрессии. Или она просто не захотела брать на себя проблемы, которые достались ей с уходом мужа. И такое бывает. Почему ты думаешь, что похожа на нее? Именно на нее. Может быть, характером ты похожа на отца. Вдруг ты заблуждаешься.

— Я не знаю. Не знаю... — озадаченно выдавила Алёна. Ванины предположения оказались для нее какой-то неожиданностью. Она и правда всю жизнь боялась, что похожа на мать, и была уверена: эта «похожесть» будет ей стоить если не жизни, то очень дорого. — Мы ведь жили в другом городе. А дядя с матерью, как я поняла, очень редко общались. Мне даже не у кого спросить, я не знаю, как там у них все было. Помню некоторые моменты. Свои детские эмоции. Эмоциональная память самая сильная... и все.

— Если речь идет о такой сумасшедшей любви, как ты говоришь, то мне она непонятна. Моя мать очень сильно любит отца. И она бы никогда не бросила детей. Никогда бы не бросила его

детей.

— Я бы тоже не бросила, — тихо сказала Алёна. — Никогда бы не бросила.

Она и раньше не могла разобраться в этой ситуации. А теперь и вовсе перестала что-либо понимать. Потому что полюбила. Так сильно, что голова кругом. А если так любишь, как можно бросить на произвол судьбы частичку любимого мужчины? Как?

— А ты никогда не обращалась к психологу? Мне просто интересно.

— Нет. Проворонила я то время, когда надо было к психологу идти.

— А что бывает поздно?

— Лично для меня. Мне надо было обращаться к психологу до того, как я сама начала работать.

— Почему?

— Потому что наше общение превратилось бы в театр абсурда.

— Почему? — снова спросил Ваня.

— Как можно искренне отвечать на вопросы, если знаешь, какой ответ от тебя ждут? Если сама знаешь, что хочешь услышать, как можно искренне отвечать? — усмехнулась она. — Я хорошо владею методиками диагностирования отклонений личности, я начну играть и обману любого психолога. Это надо быть очень хорошим спецом, чтобы незаметно взломать мне голову. А на драконовские приемы типа гипноза, я не соглашусь никогда. Пустить кого-то в свое сознание, и в бессознательное тоже... Ни за что.

— А зачем тебе обманывать психолога?

— А вдруг он скажет то, что я сама знаю, то, чего я ужасно боюсь.

Алёна всегда говорила только то, что сама хотела сказать. Признавалась только в том, в чем сама считала нужным признаться. Удивительно: такой откровенный разговор давался ей с легкостью. С нездоровой легкостью. Виноваты шауринские ласковые руки и крепкое вино.

— Шаурин, что это такое? — нахмурилась Лейба и обернулась. Встретилась с его внимательными серо-зелеными глазами. — Никогда бы не подумала, что ты такой любитель поговорить по душам.

— И правильно. Я вообще не любитель. Но должна же быть у каждого в жизни хоть одна душа, с которой хочется поговорить. А ты у меня, Мурочка, одна. С кем мне еще говорить. Про кого думать. О ком заботится. Ты у меня одна. Я тебя люблю. Моя половинка. Моя душа. Моя жизнь.

Алёна развернулась и, уткнувшись в шею, иступленно к нему прижалась. В груди у нее образовался тугий ком.

— Ой, Ванюша, я так боюсь таких громких слов. Так боюсь...

— Потому что за них надо отвечать? Или не доверяешь? Не веришь?

Она громко вздохнула.

— Неправильная пауза, — напомнил он.

— Травма. Психические процессы заторможены, — отшутилась она, но продолжила серьезно:
— Доверие, оно знаешь, для меня несколько другое значит. Это не всегда, чтобы говорить все, о чем думаешь. Мне доверие молчаливое важнее. Когда веришь молча и без оглядки, оно важнее. Ничего не спрашивая и не говоря, просто веришь и все.

— Шаурин, дай мне свой бумажник.

— Нет, — невозмутимо ответил он, перебирая документы. — Я же не лезу в твой телефон, и ты в мой бумажник не лезь.

— Это ты мне ответочку зарядил по вопросу личного пространства? Тебе тотальный контроль нужен? И телефон будешь проверять?

— Абсолютно. Нет. Мне важны доверие и верность, но я не параноик. Не собираюсь контролировать твои контакты, телефонные звонки и личную переписку. Уверен, что мы как-нибудь без этого обойдемся.

С поразительным рвением Шаурин продолжал наводить порядок на своем рабочем столе. Что-то откладывал в сторону, что-то выбрасывал в урну. Алёна сверлила его жарким взглядом, уперев руки в бока, — крайняя степень раздражения.

— Ты о доверии говоришь, о верности... Тогда на кой черт тебе презерватив? Я таблетки пью, мы ни разу не предохранялись презервативами, на кой черт он тебе в бумажнике?

— Пусть лежит. На всякий случай.

— На какой случай? — вскричала она. — На какой такой случай?!

— Я разве давал тебе повод во мне сомневаться? — с непрошибаемым спокойствием просил Иван. — Я всегда с тобой, везде с тобой. Не понимаю, чего ты завелась. Глупости какие-то.

Алёна вздохнула. Нервно поправила волосы.

— Если это не ответочка, не игра с твоей стороны, то хоть бы слова другие подбирал, не повторял мои. Ты уже имена для наших детей придумал! И тут на тебе — «всякий случай» у него появился! — Она круто развернулась и ушла в спальню.

Эта ссора разыгралась через пару дней после разговора на причале. Алёна совершенно случайно заметила у Ваньки в кошельке презерватив. В одном из отделов под прозрачной пленкой. Разумеется, и речи не шло о том, чтобы промолчать. В голове сразу возникло множество не очень приятных предположений. Она хотела избавиться от них, но Шаурин почему-то своими ответами только укреплял ее сомнения.

Ваня, конечно, не стал отсиживаться в кабинете, а через некоторое время пришел следом. Алёна была уже в джинсах и возилась с кофтой, пыталась вывернуть ту на лицевую сторону, но путалась в рукавах.

— Не понимаю, чего ты взволновалась. Он лежал у меня в бумажнике еще до того, как мы с тобой отношения начали. Я и думать про него забыл. Лежит и лежит. И не стоит придавать этому большое значение.

Ваня шагнул к ней, но она отшатнулась. Натянула кофту, вытащила из горловины волосы.

— Думаешь, я не понимаю, что ты делаешь? А не заигрался ли ты в своем стремлении направить меня по пути к просветлению?

— Тебя презерватив смущает? Нет презерватива - нет проблем. Раздевайся.

— Меня смущает другое, — резко сказала она. — Может стоит, наконец, позволить мне любить тебя так, как я умею, а не требовать, как тебе того хочется. Почему ты решил, что у тебя есть такое право? Я же от тебя ничего не требую. Не учу тебя, не выворачиваю тебе мозги наизнанку! Знаешь, почему тебе со мной в кайф? Потому что я не нарушаю твоего гребаного личного пространства! Потому что оно у тебя есть! Потому что я принимаю тебя, таким, какой ты есть, а не пытаюсь тебя сломать!

— Точно принимаешь?

— Все проблемы у нас из-за тебя! Все претензии — ко мне у тебя! — Она почти кричала, изредка тыкая в Ванькину грудь указательным пальцем. — Это ты не можешь меня принять! Поэтому все проблемы! Так, может, тебе с собой разобраться? Если тебе так трудно со мной... — раскинула руки. — Нам действительно надо подумать, как быть дальше. Серьезно подумать. И что-то решить.

— Совершенно с тобой согласен. Я так понимаю, ты собираешься подумать в одиночестве. Хорошо. Только я не скажу тебе: иди подумай, придешь, когда будет, что сказать. Два дня у тебя. И за эти два дня, пожалуйста, придумай, что мне сказать. Реши свою задачку.

— Ты, я смотрю, свою решил. — Подавленно прижалась спиной к шкафу. Скрестила руки на груди.

Алёна злилась, но злость та была беспомощная и отчаянная. Она не давала сил, чтобы действовать. Она разрушала. От одной мысли, что Шаурин может ей изменить, не просто земля из-под ног уходила, жизнь из рук валилась.

— Два дня у тебя. А я свою решил. — Притянул Лейбу к себе. Она оцепенело поддалась. У нее не было сил сопротивляться. — Потому что ты моя женщина. И я тебя знаю, как себя. — Тронул ее лицо, приподнял за подбородок, заставив посмотреть себе в глаза. — Когда ты в плохом настроении, то красишь губы яркой помадой. Любишь писать от руки, если тебе нужно сосредоточиться. И когда сильно волнуешься, то заикаешься. Я знаю твой менструальный цикл. И лифчик ты не любишь носить, потому что он тебя стесняет. И еще много всякой хрени я про тебя знаю.

— Вот тут ты не угадал, — хмуро проговорила она. — Про лифчик. Я его не ношу исключительно из-за тебя. Потому что тебе нравится моя грудь, и у тебя вечно руки не на месте.

— Еще лучше. — Прижал ее крепче. Мягко погладил по волосам. — Я все про тебя знаю. Я даже знаю, что тебе снится.

— Что? — ошарашенно переспросила она. Колени подогнулись, хорошо, что Ванька крепко ее

держал, а то бы рухнула тут же, в гардеробной у шкафа

— Я знаю, что тебе снится, — повторил он. — Ты разговариваешь во сне. Ты не знала? Но я об этом никому не скажу. Даже тебе. Что ты еще собралась думать, моя Мурка? О чем? Два дня у тебя.

— А потом что?

— А потом все.

ГЛАВА 27

Алёна сидела на диване, тупо уставившись в темный экран телевизора. На ней та же одежда, в которой она ушла от Ваньки, — джинсы и теплая кофта. Колени плотно подтянуты к груди, и сама укутана в одеяло. А все равно холодно. Так холодно, что зубы стучат, руки трясутся. Будто вскрыли грудную клетку, и внутри ветер гуляет. Теперь как ни кутайся, согреться невозможно.

Она сидела так уже третий день. Ничего не делала, сидела на диване, как в коме, и поднималась только, чтобы поесть. Раздевалась, чтобы поспать и принять душ. Изредка включала телевизор, но не различала картинок на экране. Целых два дня свободы, долбанного личного пространства, но она не знала, как им распорядиться.

Что тебе надо от меня, Шаурин? Я тебя и так люблю. Ты об этом знаешь. Что тебе надо? Какую я должна решить задачку?

Да, кое о чем она подумала. Но все мысли гасли, едва вспоминался последний разговор с Ванькой. Специально ли он устроил эту ситуацию с презервативом, или все вышло случайно, но ему удалось окончательно вывести ее из себя. Только вот до сих пор потряхивало не от этого. А от тех последних слов. Про сны.

Она разговаривает во сне. Шаурин знает, что ей снится. Это уму не постижимо. Это не укладывалось в голове. В голове у нее теперь полная разруха.

Алёна с силой сжала виски. И сама сжалась в комок. Ничего не помогало — ни кофе, ни чай, ни теплая постель. Ничего, чтобы выйти из этого пришибленного состояния.

Сны — это такая интимная вещь. Особенно ее кошмары, о которых она никогда никому не рассказывала. Но Шаурин как-то умудрился и туда обратиться.

Знает ли он об одном из ее ночных ужасов или услышал что-то несущественное?

Наверное, уже неважно. Важно, что Алёна сейчас одна. В своей квартире. Ей холодно, но она никак не может согреться. Без Ваньки ужасно холодно. Он такой большой, сильный и теплый. От него невозможно оторваться. И как она только смогла уехать и проторчать столько времени в одиночестве. Точно не в себе была.

Она не переодевалась в домашнюю одежду, потому что это казалось ненужным. Не драила свою квартиру, потому что теперь в идеальном порядке не было никакого смысла. Здесь все равно не будет уютнее, чем у Ваньки. Потому что здесь нет самого Ваньки.

Алёна набрала его номер, но телефон оказался отключен.

Ни хрена себе! Ее подбросило на месте. Как это?

Шаурин всегда ей отвечал. Всегда. Никогда не отключал телефон и не блокировал ее номер. Даже когда они были в той страшной ссоре. Он не выпендривался по мелочам. Всегда брал трубку и разговаривал. Мало ли что ей могло понадобиться. А тут... Может действительно захотел от нее избавиться? Нет, этого не может быть. Не бывает этому.

Алёнка вскочила с дивана и ринулась в спальню. Комната так и пустовала без кровати. Теперь в этом предмете мебели точно нет никакой надобности.

Она переоделась. В прихожей влезла в туфли. У двери притормозила и снова вынула из кармана кожаного жакета сотовый.

Я знаю, милая, что ты не секретарша, но, прости, другого выхода нет.

— Катюша, привет. А ты не знаешь, где сейчас твой братец? — сама удивилась, насколько спокойно и твердо звучал ее голос. Внутри все дрожало.

— Дома он.

— Точно? Что-то у него с телефоном, не могу дозвониться.

— Стопудова. Как секретарша тебе говорю.

Алёна засмеялась. Надо же, она еще в состоянии смеяться.

— Ладно. Пока.

Она выскочила из дома. Не сомневаясь, не думая, ни о чем не заботясь. Терять уже все равно нечего.

А когда нечего терять, кончается страх, и начинается бесстрашие. Когда выплаканы все слезы, начинаются улыбки.

Хотя ключи от квартиры лежали у нее в кармане, Алёна не стала нахальничать, позвонила в дверь.

— Мать моя, какие люди к нам пожаловали.

О, она узнала этот невозможно похотливый взгляд, которым Шаурин окинул ее с ног до головы, и этот нетерпимо дерзкий тон.

— Ты пьян.

— Нет, я в г*вно трезвый. М-м-м, — Вздернул подбородок, спрашивая, зачем она пришла. Как всегда, высокомерно. По-царски. По-шаурински, в общем. И такая самодовольная ухмылка заиграла на его красивых губах, что Лейбе тут же захотелось съездить ему по лицу. Или поцеловать. Сначала съездить по лицу, а потом поцеловать.

Да, он высокомерный, наглый, самоуверенный, иногда хамоватый, но, черт его раздери, она любит его до умопомрачения. Любит именно такого. Целиком и полностью. С его сволочным характером.

— А ты, Величество, в гордом одиночестве употребляешь, или у тебя компания есть? — едко спросила она и вспыхнула: а вдруг Шаурин решил устроить тот самый «случай»?

Не дожидаясь ответа, Алёна толкнула Ваньку в плечо, протиснулась в квартиру и решительно направилась на кухню.

За барной стойкой в окружении бутылок, рюмок и тарелок восседал Гера. Ну да. Кто ж еще? Гера кого угодно в хлам уделает. Даже Шаурина. Если напиваться по полной, то только с ним.

— О-о, — развязно протянул он, — а вот и виновница нашего маленького торжества. Сит даун, плиз. Давай-ка, фрау, накатим с тобой за счастье. И чтобы ваш белый пароход не херануло о злые скалистые будни.

Господи... Алёна посмотрела на стол, по пустой таре оценила количество выпитой текилы и ужаснулась. И как только эти придурки еще на ногах держатся. Да при этом еще и выглядят вполне трезвыми. Шаурин даже говорит связно, а Гера так вообще соловьем заливается.

Медленно Алёна стянула с себя жакет, пристроила его на спинку высоко стула и вдруг почувствовала у себя на бедре чью-то теплую ладонь. Шауринскую, чью ж еще... Бесстыжая скользила вверх, задирая на ней платье.

Совсем оборзел! Алёна хлестнула его по руке и отошла.

— Это вы с горя, что ли, пьете тут? — полезла в холодильник за лимоном. У Шаурина обязательно должен быть лимон. Или лайм.

— Яволь, весна покажет, — улыбнулся Гера какой-то по-дурацки радостной улыбкой и подал ей стопку мексиканской водки.

Она оставила ее в сторону, сначала порезала лимон. А потом они выпили. Непонятно, правда, за что. Но ей нужно обязательно выпить.

Слава Богу, Гергердт ушел быстро, не стал задерживаться. Спасибо ему. Напряжение и так зашкаливало, сидеть и делать вид, что все в порядке, никаких сил не было. Пока Шаурин провожал друга, Алёна убрала несколько тарелок в раковину.

— Чего пришла? — спросил он, после того как вернулся на кухню.

Отчего-то стало противно на душе. Да, противно, потому что пришла сама и сказать что-то должна сама. А слов не находилось. Вернее, не находилось смелости, чтобы сказать их. А Ваня, как видно, совсем не собирался ей в этом помогать.

— Придумала, что сказать? — снова спросил он.

— Ой, Шаурин, как я тебя ненавижу, — проговорила Лейба и скривилась.

— О, да, Доктор, я прям как тебя сегодня увидел, так и подумал: все, она меня точно ненавидит. — Он снова налил себе текилы. Отвратительно самодовольно улыбнулся и поднял рюмку: — Поехали.

Он сказал и будто нажал на спусковой крючок. Алёна схватила со стола бутылку и со всей силы запустила ее прямым в шкаф. Не метилась, просто размахнулась и кинула со злости. Попала куда попала. Разлетелись вдребезги стеклянные дверцы, с полок посыпался хрусталь. В воздухе резко запахло спиртным.

— Да *б вашу мать, она же была почти полная, — посетовал Шаурин и достал еще одну

бутылку. Наполнил две рюмки и взглядом подозвал Алёну к столу. Она подошла, потерла нос, для ровного счета смахнула на пол стопку Геры и пару тарелок. Посуда со звоном разлетелась на мелкие осколки. Тогда Лейба взяла свою рюмку и выпила. Подавилась и заплакала. Так, как никогда еще при Шаурине не плакала. Громко, с чувством. Он схватил ее за запястье и притянул к себе. Она обняла его за плечи и беззащитно прижалась к его крепкому сильному телу.

— Понимаю, — погладил ее по спине, — трудно сдаваться, да? Конечно, ты меня ненавидишь. Трудно приходиться самой, а не потому что на тебя надавили. Потому что как будто заставили. Понимаю...

Она заплакала еще сильнее, словно подтверждая его слова.

Так и есть. Обратного пути теперь не будет. Он и не нужен.

— Я хочу сказать, — начала она, шмыгнув носом, — что-то очень важное. У меня плохо со словами, потому надо сказать сейчас. Не перебивай! А то я еще пять лет буду собираться. — Дрожаще вздохнула. — Я любила тебя, Ванечка, когда уходила, когда требовала личное пространство. Когда пыталась держать тебя на расстоянии, тоже любила. А сейчас я пришла к тебе сама. Вот и реву как дура. Оплакиваю свою свободу. Потому что теперь даже если ты отпустишь, я не освобожусь от тебя никогда. Свобода - это одиночество. Я не хочу быть одна. Больше не хочу. И знаешь, Шаурин, я тебя не люблю. Потому что это уже не любовь. Что-то другое. Больше меня. Больше, чем любовь. Как психолог тебе говорю — это патология. Не лечится даже медикаментозно. Я уже совсем без тебя не могу. Совсем-совсем. Ты мне веришь?

— Конечно, верю. Молча. — Вытер ей слезы.

— Ты мне pomoжешь? Мне еще нужна твоя помощь. Присмотришь за мной? Позаботишься?

— Присмотрю. Позабочусь.

Она высморкалась в салфетку.

— Так, — налила текилы, подвинула соль и лимон, — тогда чин-чин и давай свою речь. Ты говорил, что у тебя есть речь.

— Давай, — слизнул с ее руки соль и опрокинул стопку. Алёна смущенно и торжественно замерла, а он улыбнулся, откинул волосы с ее плеча. — Тебя слишком много. Твоего упрямства, самоуверенности, мозгов... твоей невероятной активности, мыслей, их много. Твой мир слишком большой. Этого с лихвой хватит на нескольких. И иногда мне казалось, что я не смогу упаковать тебя в какую-то форму. Но я любил бы, будь даже внутри тебя пустота. Потому что это лишь твоя пустота. Наверное, никому не постижимая.

— Ой, Ванюша, ты точно готовился. — Вытерла набежавшие слезы. — Если ты хочешь позвать меня замуж, то мне надо еще выпить.

— Нет, не хочу. Но можешь выпить.

— Как это? — удивленно спросила она. — Теперь мне точно надо выпить. — Она выпила. Погладила Ваню по лицу, улыбнулась счастливой улыбкой.

— У нас будут красивые детки, да? И Серёжка, и Витюшка, и Володька.

— Да.

— Но только после аспирантуры.

— Я уже понял. Ты подготовилась. — Он усмехнулся, обежал взглядом ее лицо, убрал прядь волос. Что-то мелькнуло в его глазах, наверное, он и правда представил, какие у них могли быть дети.

И пусть Ваня не спрашивает, хочет ли она детей. Пусть эти мечты еще далеки, пока не реальны, пусть пока желание иметь детей отзывается в желудке ледяной пустотой, это неважно. Ваня хочет детей — у Вани будут дети. Даже если для этого придется переступить через бездну страхов и сомнений. Ведь всю жизнь она боялась, что у нее не получится стать хорошей мамой. Но Ване не нужно знать, что она ужасно боится. Ваня должен знать, что у него будут дети. А она привыкнет, у нее еще есть время.

Голова невозможно кружилась. То ли от текилы, то ли от Ванькиных поцелуев. Сумасшедших, голодных. Будто ее не три дня не было, а три месяца. Потом Ванька соскользнул со стула, и Алёна поняла, что надо идти в спальню. По взгляду поняла.

Раздеваться начали еще по дороге. Ее платье упало где-то у дверей фисташково-шоколадной комнаты. Белье около кровати.

— Не-не, так нормально, чулки можешь оставить.

Он повалил ее на кровать, и они прижались друг к другу голыми телами. Удобно сплелись. Так привычно. Нужно. Горячо.

— Что, сегодня без прелюдии? — Задышалась от его тяжести и от восторга.

— Сколько можно? У меня тут уже два дня прелюдия. Нет, ты точно меня ненавидишь. Напялила чулки и давай бить посуду.

— Мамочки... — прошептала она, выгибаясь от наслаждения, когда он заполнил ее всю. — Шаурин, ты такой пьяный. Это же будет бесконечно. Это же на всю ночь. Ты же меня затрахаеть сегодня до смерти.

— Видишь, как тебе повезло. Отсчастливию тебя как надо.

— О, да... Я уже чувствую - вот оно, мое счастье.

Как хорошо... Она шептала, как ей хорошо. Вот оно счастье. И удовольствие. Не такое, когда сгораешь от желания, и все внутри скручивается в узел, а как сейчас — спокойное. Когда точно знаешь, что оно будет - удовольствие. Твой человек, единственно важный и любимый мужчина, обязательно об этом позаботится. Спросит, как лучше. Или сам угадает. И можно расслабиться, отдаться целиком и просто раствориться в его прикосновениях. Растаять от его неспешных движений. Расплавиться и слиться с ним в одно целое. В целое. По-настоящему. Не думая про завтра. Потому что завтра точно будет. И послезавтра тоже. И вся жизнь только с ним одним.

— Какое прекрасное утро, — прошептала Алёна и обняла Ваньку покрепче. Кажется, они

заснули поперек кровати.

— Мурка, ты ли это?

Какой-то у него странно бодрый голос. Просто удивительно.

— Нет, это не я, — хрипло прошептала она, — это пьяный секс. У меня нет сил даже двинуться.
— У нее не только сил не было двинуться, а еще и голова раскалывалась.

— Это прекрасно.

— Почему?

— Значит, обойдешься матом.

Шаурин выбрался из постели и натянул джинсы.

— Ты мне завтрак хочешь в постель принести? — Алёна перевернулась сначала на другой бок, потом легла на подушку и накинула на себя одеяло.

— Примерно, — обронил он и вышел из спальни.

Алёна легла поудобнее, подперла голову рукой. Что-то слишком хитрый у Шаурина вид. Как-то уж слишком сложно он улыбнулся.

Ванька вернулся в комнату, встал перед кроватью, в руке у него был... паспорт. Точно. Ее паспорт. В белой кожаной обложке.

— Я за завтраком, — сказал Шаурин и бросил его на кровать.

Некоторое время Алёна растерянно смотрела на свои документы. Потом, будто дойдя вдруг до какой-то мысли, подскочила, схватила паспорт, пролистала странички... и запищала. Заорала во весь голос, даже подушка не понадобилась. Глянув на первую страничку, снова заорала. Упала на кровать и накрылась с головой одеялом. Поскулила то ли плача, то ли смеясь, и, вынырнув, снова начала листать паспорт.

— Ну ты у меня охренительно крутой, Иваша, — ошарашенно прошептала она, откидываясь на подушки.

— Мурка-моя-любимая, я надеюсь, это был крик радости, — довольно сказал Ванька, входя в комнату.

— Нормальный завтрак, — оценила Алёна бутылку текилы и соль. — Предлагаешь с утра нализаться?

— Какое хорошее слово. — Шаурин, оседлал ее бедра и откинул одеяло. — Предлагаю, да. Нализаться. — Насыпал в ложбинку между грудей соль. Слизнул ее, не забывая, конечно, запить.

Алёна вспомнила вчерашний вечер - разговоры и признания, свои мысли. И то, что этому всему предшествовало. Все вспомнила.

— Шаурин, — простонала она, — ты мне голову сломал! Ты мне за четыре месяца голову сломал! — крикнула она. — Как мне теперь жить?

Он радостно засмеялся.

— Не хнычь. И не говори, что это не лежит в зоне твоей воли и желания. Ты вчера замуж за меня просилась.

— Так я не думала, что я уже замужем! Отвези меня к психиатру! Мне срочно нужен психиатр!

— Нет, психиатру я тебя не отдам, а вдруг тебя вылечат. Где я потом себе такую ненормальную найду? Ты у меня такая одна. Любимая моя Мурка. Единственная моя Мурка. Моя супер-умопомрачительная Мурка. — Он увлекся. Облизывал те места ее тела, на которых соли не было.

— Спасибо, что ты меня под это дело Муркой не записал. Хотя имя мое оставил.

— Просто я подумал, что насчет фамилии ты тоже будешь выделываться.

— Я так понимаю, что у тебя по поводу всего были большие сомнения. Когда ты это задумал? Когда ты стащил у меня фотографии?

— Не скажу.

— Вот нет чтобы нормально замуж позвать.

— А вдруг ты мне откажешь. Это же психическая травма на всю жизнь.

— Ой, не ёрничай! Вот как теперь с тобой жить, — снова застонала она. Правда, непонятно, то ли от досады, то ли оттого, что Ванька слегка прикусил ее сосок.

— Счастливо, — уверенно сообщил Шаурин.

— А если бы я не пришла? Вот взяла бы и не пришла. Что бы ты тогда делал?

— А хрен его знает, — смело отмахнулся он и оперся на руки у нее над головой.

— Не может такого быть. У тебя на все про все тридцать вариантов.

— Нет тут у меня вариантов. Я же знаю: Мурка меня любит, и Мурка придет.

— Господи... — прошептала Алёна. — Я Шаурина. Я Шаурина? — громко переспросила, хотя уже сто раз заглядывала в свой паспорт. Новый паспорт. На новую фамилию и с печатью о регистрации брака.

— Ты Шаурина.

— Я Шаурина... мамочки... — потрогала голову, пощупала затылок и потянулась за своей рюмкой, которая ждала ее на прикроватном столике. Чуть-чуть глотнула и сморщилась. Снова пощупала затылок. — Проверяю, не выросла ли у меня корона.

Ванька засмеялся.

— Ты родилась с короной. Я же говорил: ты Само Совершенство. Ах, какое блаженство... — снова «посолил» ее грудь.

— Я Само Совершенство? — расхохоталась новоиспеченная Шаурина. — Я затраханная до

смерти. У меня от похмелья раскалывается голова. Я, по-моему, снова пьяна... и я, — тут она растянулась в широкой улыбке, — Твою-Мать-Величество, счастлива.

— Да?

— Абсолютно. Оказывается, для этого нужно было сделать всего ничего.

— Что?

Она шлепнула его по плечу.

— Хорош уже меня облизывать! Снимай джинсы!.. Выйти за тебя замуж.

ГЛАВА 28

— Господи, вот это я женился, — проговорил Ванька, сгребая в кучу битое стекло. — Ты мне всю кухню разгромила.

— У нас есть из чего выпить кофе?

— Есть.

— Ну и не жалуйся тогда.

— Я и не жалуясь.

Алёна встала рядом, уперев руки в бока. Тяжело вздохнула и спросила настойчиво:

— Ваня, что дальше? Скажи мне. Я не знаю.

— А дальше мне нужен пылесос, чтобы собрать мелкие осколки.

— Я не про это.

— А я про это. Тащи пылесос. А потом завтрак, то есть обед. Есть хочу, короче.

— Хорошо, — кивнула, соглашаясь. — Ладно, все по очереди.

Вместе они навели порядок. Алёна загрузила посуду в посудомойку, вытерла столы, отчистила глянцевые поверхности. Потом приготовила поесть, вернее, разогрела. Слава богу, еды полный холодильник.

Наверное, только сейчас до нее начало доходить, что произошло. Они с Ванькой поженились. Она теперь жена. Его жена. Это осознание откликлось внутри ощущением умиротворенной нежности. Но она еще не сжилась с ним, не сроднилась. Оно еще заставляло сердце бешено колотиться и приводило ее саму в растерянность.

— Ваня скажи, что делать? У меня правда голову снесло. Я совсем не шучу. Я сейчас ничего не знаю.

От души завидовала шауринскому спокойствию. Он ковырялся в своей тарелке, пил кофе, ел маффины с изюмом и делал вид, что ничего необычного не произошло. Ну, или он так чувствовал. А у Алёнки коленки дрожали. Потому что она не знала, с чего начать. С чего обычно начинают жизнь молодожены? С чего начать семейную жизнь молодой жене, которая в

принципе никогда становится женой не собиралась?

Блин, это все Шаурин замутил, теперь пусть разгребают.

— Для начала мы съездим к родителям и сообщим, что поженились.

— Вот это сюрприз будет, — засмеялась Алёна, представив удивление родителей. Они точно удивятся. Сомнительно, что они рассчитывали на такое быстрое и весьма «плохо организованное» бракосочетание. В этой семье все должно быть по высшему разряду. А уж свадьба сына тем более!

— Это точно. А потом ты соберешь свои вещи и переедешь сюда.

— Вещи собрать? — переспросила Алёна. Отметила себе, запомнила.

— Да. Хотя нет. Сначала кольца купим. Потом к родителям поедем. Надо заранее предупредить, а то если просто так нагрянем, на чай, — мама не простит.

— Так ты еще кольца не купил?

— Нет, конечно. Это надо вдвоем делать, а кто-то опоздал.

— Депримируешь?

— Нет, оштрафую.

— Как?

— Потом придумаю.

— Стриптиз я танцевать не буду, сразу говорю.

— А открыть в себе новые грани?

— Прекрати, мне двадцать пять лет, какие там грани. Ваня, — вдруг серьезно сказала Алёна, — как мы будем жить? Как ты смиришься со мной такой? Я-то с тобой буду счастлива, а ты?

— Нормально будем жить. У меня комнаты есть свободные, оформим тебе апартаменты, и, если тебе вдруг понадобится личное пространство, будешь уходить туда и вешать табличку «Не беспокоить».

— И ты не будешь беспокоить?

— Да прям. Регулярно буду дверь взламывать.

— А зачем тогда мне апартаменты?

— Потому что у каждого свои заморочки.

Алёна расхохоталась.

Шаурин загадочно улыбнулся:

— Все, я придумал тебе наказание.

— Какое?

— Напишешь тысячу раз «Ваня, я тебя люблю». Алёна Шаурина». Ты же любишь писать от руки, вот будешь сосредотачиваться, будет тебе трудотерапия.

— Сколько раз написать? — выдохнула она.

— Тысячу.

— Не многовато ли?

— В самый раз. Следующий раз не будешь опаздывать.

— Слушай, все хочу спросить и забываю.

— Что?

— А как ты меня тогда в клубе нашел? Специально искал?

— Нет. Ты была когда-нибудь на втором этаже в VIP-зале?

— Никогда. — Конечно, она не была на втором этаже! Туда просто так не попадешь.

— Там пол стеклянный.

— В смысле? — озадаченно проговорила Алёна.

— Там стеклянный пол и весь первый этаж как на ладони. Мы с Герой пили на втором, а ты со своей компашкой на первом.

— И ты какое-то время наблюдал за мной... Обалдеть, — выдохнула она, вспомнив зеркальный потолок, к которому так часто в тот вечер возводила глаза. Кто бы мог подумать...

— Ага. Не мог же я просто так нахально выволочь тебя из-за стола.

— Ой, — послала усмешку, — не мог он. — Тут Алёна хитро сощурилась. — Ваня, а когда ты решил на мне жениться?

— Как увидел, так и решил.

— Правда? — переспросила, не веря. — Как первый раз увидел, так и решил?

— Правда, — совершенно серьезно подтвердил Иван. — Увидел и решил: женюсь на ней.

— Не может такого быть.

— Еще как может. Чего бы я с тобой тогда возился? Не возился бы. Не хотел бы на тебе жениться, у нас в отношениях вообще не было бы проблем. Все ровненько, гладенько. И безнадежно.

— Это ж надо было мне так вляпаться... в любовь, — с улыбкой сказала она.

— Да, в любовь. — Он тоже улыбнулся и потянул ее к себе за руку. — Давай поцелуемся. Как женатики.

— А как это?

— Сейчас покажу...

Как и предполагали Шаурины-младшие, сюрприз удался на славу. Вкусный ужин был хорошо приправлен удивлением, шутками, поздравлениями, радостью и немного возмущением. Сильнее всех была впечатлена Юлия Сергеевна.

— Нет, это уму не постижимо. Как ты мог?

— Юля, мне кажется, ты слишком драматизируешь, — все пытался успокоить жену Денис Алексеевич. — Расписались и ладно. И хорошо, что расписались. Свадьбу можно в любой день сыграть.

— Не в любой! — почти воскликнула женщина. — А как же торжество момента? А пустить слезу за счастье сына? Он лишил меня всего! Свадебного наряда, свадебной прически!.. И не только меня, — строго посмотрела на Ваньку. — И как только ты до этого додумался? Поверить не могу!

Алёна засмеялась. Наверное, Ваньку так даже в детстве не отчитывали.

— Юль Сергеевна, у Ванечки богатая фантазия.

— О-о, да, — согласилась мать Ивана и глянула на мужа. — Или это ты ему подсказал? Реализовываешь на сыне свои несбывшиеся мечты?

— Юля, Юля, успокойся! Ну при чем тут я? Иван, уйми свою мать.

Иван все это время сохранял на лице насмешливое выражение. Наслаждался ситуацией и совсем не собирался испытывать муки совести хоть по какому-то поводу.

— Мама, — мягко сказал он. И мягко улыбнулся, и мягко посмотрел. Ну сама галантность! — Я подумал, что предсвадебную лихорадку мы с Алёной просто не переживем — поубиваем друг друга.

— А так не поубиваете? — проворчала мать.

— Так - нет.

— Это обнадеживает, — вздохнула Юлия Сергеевна. — Свадьба будет. И мне все равно, что вы об этом думаете. Свадьба должна быть.

— Как скажешь, мамочка, — послушно согласился Ванька.

— Как скажете, Юль Сергеевна, — улыбнулась Алёна.

Юлия, явно не рассчитывая на такое смирение, немного опешила.

— Вот и слава богу. Договорились. Господи, — тут она отложила вилку, словно вспомнила что-то архиважное, — надо же Танюше с Лёней позвонить. И девочкам! Сколько там у них время-то

в Германии? Денис, скажи! Я совсем ничего не соображаю! Ваня, это все ты!..

Денис Алексеевич рассмеялся.

— Мне кажется, это уже неважно. А вот если ты задержишься с этой новостью, Таня точно тебе никогда этого не простит. Иди звони.

— Пойду позвоню. — Юлия вскочила со стула.

— Во мама в чувствах! — засмеялась Катька. — Ну ты, Ванечка, круто придумал. Дай посмотреть, — притянула к себе его правую ладонь, взглянула на кольцо. — Красота. Но у Алёнки лучше.

— Это и понятно.

Когда Юлия вернулась, она была спокойна. Глаза светились счастьем и торжественным волнением. На лице играла открытая довольная улыбка. Она, подойдя сзади, обняла Алёнку и Ваню за плечи.

— Ой, милые мои, как здорово-то... — прошептала благоговейно.

— Мама, где твои хорошие манеры? — посмеялась Катька.

— Какие к черту манеры, когда такое творится.

— Успокоила тебя тётя Таня?

— Да разве с Танечкой поговоришь нормально? Она же сразу плачет. Позже созвонимся. — Юлия отошла от детей и уселась на свое место.

— Все, Алёнка, подписалась ты. Теперь будет у тебя и платье свадебное, и фата десять метров, — ухмыльнулась Катя. — А я рада жутко! Свадьба - это так классно!

На следующий день Алёна поехала к себе на квартиру собирать вещи. Одна.

Шаурин, конечно, возмущался. Привел тысячу доводов, почему ей стоит дождаться его, но Алёна не отступала. Зато отступил Ваня. Она даже не поняла почему, но он вдруг перестал спорить и согласился. Удивительно.

Поехала она после обеда. Написала на зеркале в ванной послание «1. Ваня, я тебя люблю. Алёна Шаурина» и уехала. Думала, что муж будет доставать телефонными звонками, а после работы прикатит за ней, но этого не случилось. Он проявил завидное терпение.

Вернулась домой Шаурина поздно вечером. У подъезда позвонила мужу.

— Ванечка, спустись, пожалуйста, помоги мне, — сказала ласково. Зажала под мышкой медведя, захватила с соседнего сиденья горшок с кактусом и вышла из машины.

Ваня ничего не спрашивал, ничего не говорил, положил трубку и спустился во двор. Его жена стояла у белого мерседеса и была страшно чем-то довольна. Да, лицо ее светилось от счастья.

— Вещи в багажнике, — улыбнулась она и положила ему в руку ключи от машины.

Шаурин открыл багажник. Там стояла только одна сумка.

— И все? — спросил он недоуменно. — Это все, что ты целый день собирала?

— Да, все, — весело сказала Алёнка.

Недоумение Шаурина только увеличилось, когда он вытащил сумку.

— Господи, что у тебя там такое?

Сумка была невероятно тяжелая. И как только Алёна сама ее до машины дотащила...

— Отнеси в кабинет, — скомандовала Алёна, когда они поднялись в квартиру. — Там же книги.

— Хорошо. — Ванька поставил неподъемную сумку у книжного шкафа.

— Я надеюсь, мне будет позволительно как-то покомпактнее расставить твой «декор», чтобы разместить свои книжечки?

— Конечно. Делай все, что пожелаешь нужным. Ты уже у меня и так основательный порядок навела, все кругом переставила. Продолжай в том же духе, как тебе будет удобно, я совершенно не против. И пойдем поедим, я жутко голоден, ждал тебя, — хмуро сказал Ваня.

— И поэтому ты такой злой? — засмеялась Алёна и обняла его за талию.

— Да.

— Или не поэтому?

— Поэтому, — сквозь зубы ответил Шаурин, развернул ее к двери и направил на кухню.

Алёна все пыталась обернуться, все заглядывала ему в глаза, он упрямо толкал ее вперед, а на кухне уселся на высокий стул и уткнулся в телефон. Она обняла его сзади за плечи, прижалась к щеке и спросила:

— Ты злишься?

— Нет.

— Понимаю, — с улыбкой сказала она. — Трудно отпускать самому. Верить молча. Без подстраховки. Отпустить и ждать. Тебе тоже так трудно, я знаю. Легче же стукнуть кулаком по столу и что-то потребовать. Иногда легче заставить.

Ванька молчал. Ничего не говоря, крепко, до боли сжал ее запястье.

Он отпустил ее без подстраховки. Сегодня просто отпустил. Ни штамп в паспорте, ни свидетельство о браке, ни кольцо на пальце не давали никакой гарантии, что она вернется. Только ее чувства, ее воля, ее собственное желание. Да, это невозможно трудно для него — действовать, слепо, молча, безгранично доверяя. Просто ждать. Надеяться. Верить молча. Это невероятно трудно действовать без плана. Не было у него плана на случай «если она не вернется». Но она вернулась. С книгами, мишкой и кактусом...

— Ванечка, я люблю тебя. Очень-очень, сильно-сильно. Я собрала все свои вещи, самое важное, самое нужное. Мишка, книги, кактус. А все остальное я оставила в прошлом. Это все другая жизнь, а моя жизнь здесь, с тобой. Так что тебе придется раскошелиться. Я гол как сокол, — она засмеялась. — А теперь давай поцелуемся. Как женатики...

Она писала ему на зеркале: «...Ваня, я люблю тебя. Алёна Шаурина». Нумеруя свои послания, клеила стикеры на холодильник. Складывала исписанные любовными признаниями листки в ящик рабочего стола. Слала СМС-сообщения. Подсовывала записки в карманы пиджака. Писала цветными маркерами, клеила блески. Рисовала сердечки.

Тысячное признание Алёна написала на большом торте, который испекла сама на годовщину свадьбы. От ресторана она отказалась и ужин не готовила. Вечером они ели только этот торт и пили шампанское.

«Ешь-ешь, Ванечка, наедайся моей любовью», — приговаривала она.

А он ел, пил, иногда целовал ее сладкие губы и, как всегда, отвратительно обаятельно улыбался.

ЭПИЛОГ

Прошло три года.

— Что ты носишься сегодня из комнаты в комнату как заведенная? — Шаурин завязал галстук и взялся за чашку с кофе.

Алёна снова унеслась куда-то и вернулась с журналом. Хлопнула его на стол, ткнула пальцем на разворот страницы.

— Я думаю, что нам пора покупать дом. Вот такой. Примерно. Что-нибудь в стиле скандинавского прованса.

— Чего это? — Ваня поднес чашку к губам.

— Потому что с ребеночком лучше жить в доме. Уютном, светлом, теплом. Чтобы никаких мраморных полов и металлических статуй. Заколебали меня твои собаки, каждый раз как на кухню иду, боюсь, что они меня за задницу укусят.

Муж напряженно застыл, в глазах блеснуло понимание.

— Да-да, — радостно сообщила Алёна, — я беременна, ты скоро станешь папочкой. Не слышу криков радости!

Вместо того чтобы радостно закричать или обнять жену, Шаурин резко выдвинул один из кухонных ящиков и вытащил блистер с противозачаточными таблетками.

— Так я их не пью уже два месяца, — пожала плечами Алёна, отвечая на его потемневший взгляд. — Выколупываю по таблеточке каждый день, чтобы тебя не волновать, и все.

Грудную клетку чуть на разорвало — такой Ваня сделал глубокий вдох.

— А что нельзя было как-то по-другому?

— Тебе напомнить, как мы поженились?

— Не жалуйся, у тебя была охрененная свадьба в замке, с охренным платьем и фатой в десять метров. Свадьба была просто королевская.

— Ага, — довольно кивнула. — Я помню, как ты потом меня по-королевски отлюбил прямо в этом охрененном платье.

Ванька наконец улыбнулся.

— А как же, это была моя мечта.

— Ну, Ваня-я, — захныкала Алёна, — мне надо было самой забеременеть... — Она вцепилась в лацканы его пиджака и уткнулась лбом в широкую грудь.

— Ага, самой, — повторил Шаурин и усмехнулся. Обнял ее за плечи, прижал к себе теснее. Крепко, как только мог.

— Да, самой... я же знаю, ты скрутишь меня в узел, протацишь по всем врачам, составишь распорядок дня... будешь контролировать что я ем и как я сплю... блин, тебе скажи про ребенка, ты же сексом будешь со мной заниматься по часам и тесты покупать на овуляцию!

Шаурин расхохотался.

— Ну правда же! — воскликнула Алёна и оттолкнулась от него.

— Правда, — согласился он.

Она подняла ладони вверх.

— А теперь все! Я беременна. Это стопроцентно. Делай со мной, что хочешь. Врачи, режим сна и питания... вот все, что хочешь. Хотел - получи.

— Вот только ты так можешь... — снова обнял жену.

— Как?

— Испортить такой момент. Я не знаю, то ли мне злиться, то ли радоваться, то ли плакать, то ли смеяться. Самой, видите ли, ей надо было забеременеть.

— Короче, тебя прет от счастья! А-а! — Она закричала ему в грудь, завизжала. — Шаурин, как мне страшно!

— Класс, — смеясь, пригнулся к ее румяному лицу и крепко поцеловал в губы. — Класс... Серёжка...

— Или Маринка. Девочек я называю.

— Почему Маринка?

— Нравится. Маринка Ивановна Шаурина.

Ваня обогнул радиусную лестницу и остановился посреди гостиной. Светлый ковер усыпан

песком и заляпан краской. Так усердно малышня рисовала. Во главе с его драгоценной женой. Ее футболка тоже была далеко не белая.

— Вы еще не собрались?

— Собираемся уже, видишь, косы плетем, — улыбнулась Алёна и снова опустила взгляд на темные пряди волос, зажатые между пальцев.

— Долго плетете. Я уже кофе обпился, пока вас жду.

— Нормально плетем, у нас волос вон сколько, да, Юляша?

— Да, — хихикнула девочка. — А еще платье надо надеть.

— Волосы у нас шикарные, — пробормотала Алёна, забирая следующую прядку. — Как у мамы.

— Ну, — подтвердила Юля, заболтала ногами, потом громко, почти со стоном, вздохнула.

— Юляшка, чего загрустила? — Ваня. — Устала сидеть?

— Не-е, я привыкла.

— Она просто уже соскучилась по маме с папой. Да, красотулька? — Алёна заглянула девочке в лицо, и та улыбнулась.

— Да.

— А что тебе у нас плохо? — спросил Ваня, отпивая кофе.

— Хорошо.

— Оставайся тогда жить с нами.

— Не-е-е, — протянула черноглазая девчушка.

— У-у, какая ты несговорчивая, — усмехнулся Ваня и вдруг, качнувшись от резкого удара, пролил кофе на свой белый свитер. Маленький Серёжка, разогнавшись на ходунках, въехал отцу в ноги.

— Молодец, сынок! — громко похвалила Алёна десятимесячного малыша. — А то, посмотрите на него, на папеньку нашего, ишь, вырядился! Теперь он точно вписывается в нашу чумазую компашку.

— Ты чё, бандюга, мне ж теперь переодеваться.

Юлька захлопала в ладоши, малыш, подражая ей, захлопал тоже. Дети звонко засмеялись.

— Юленька, а ты знаешь, почему тебя так называли? — спросила Шаурина, скрепляя толстую косу резиночкой.

— Конечно, — уверенно сказала девочка. — Потому что имя не шлюхастое. Папка так сказал.

Ванька подавился, делая последний глоток кофе. Алёна тоже закашлялась, поперхнулась следующим вопросом.

— Сразу видно, чья ты дочь, — пробормотала она. — Батя твой, как всегда...

— А вообще я волнуюсь, — сказала черноглазая малышка. — Мама сказала, что, если папка будет плохо себя вести, она его на острове потеряет.

— Угу, маманя у тебя тоже веселая женщина, выдает по полной...

— Не бойся, Юлька, — уверенно сказал Ваня, поднимая сынишку на руки. Тот все это время что-то балаболит и настойчиво дергал отца за штанину, — твоего папку даже если в космосе потеряешь, он все равно найдется.

— Точно?

— Стопудова.

— Но только, знаешь, Юленька, — начала назидательно Алёна, — то, что тебе папа сказал, ты никому не рассказывай. Ладно? Это же секрет. Знаешь, что такое секрет?

— Конечно. Это то, что нельзя никому рассказывать.

— Правильно. Вот ты и не рассказывай. А если кто спросит, почему тебя Юленькой назвали, ты говори, что в честь тёти Юли.

— К которой мы сейчас поедем?

— Да.

— Ладно, — согласилась малышка. — Тётю Юлю я люблю, она хорошая. И дядю Дениса. И тебя и Ваню. И Катю. Всех. Я вообще всех люблю. Но больше всех Серёгу. Потому что он еще маленький и ничего не понимает.

...Алёна вышла из ванной и забралась в постель. Подобралась поближе к мужу и сыну.

— Ушатался, наш малыш, — прошептала, осторожно касаясь губами светлых волос ребенка. Малыш тихо и сладко вздохнул. — Ушатила его Юлька.

— Юлька вообще кого хочешь ушатила.

— Да, твоя мама на очереди, до сих пор сказки вон читают.

— Я так привык к ней за эти две недели, будто у меня двое детей.

Алёна сдержала смех. Поправила на Серёжке задрвшуюся маечку.

— Скоро будет двое. Всего-то потерпеть, каких-то шесть месяцев.

— Да, — еле слышно проговорил Ваня и коснулся ее живота. — Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да.

— Ты счастлив?

— Невозможно счастлив.

Она улыбнулась. Потому что тоже была невозможно счастлива. Ее счастье всегда под рукой. Стоит только протянуть ладонь и коснуться Его темных волос и Его светлых.

mir-knigi.org